

Комитет по культуре администрации г. Перми
МУК «Объединение муниципальных библиотек г. Перми»
Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина
(Дом Смышляева)

Пермский дом в истории и культуре края

Материалы четвертой
научно-практической конференции

ПЕРМЬ 2011

УДК 9(с)
ББК 26.89
П 26

Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина
(Дом Смышляева)

Составитель и редактор **Т.И. Быстрых**

Ответственный за выпуск: директор МУК ОМБ **Е.Н. Клешина**

П 26 Пермский дом в истории и культуре края: материалы четвертой науч.-практ. конференции / МУК ОМБ Центр. городская библиотека им. А.С. Пушкина; сост. и ред. Т.И. Быстрых. — Пермь, 2011. — 358 с.

ISBN 978-5-9903003-2-3

Конференции «Пермский дом в истории и культуре края» проводятся центральной городской библиотекой им. А.С. Пушкина с 2008 года. Четвертый сборник включает материалы по общим проблемам изучения истории пермского дома: его этнографических и архитектурных особенностей; правовых вопросов, связанных с пермским домовладением; а также статьи о замечательных домах Перми и их обитателях. Сборник предназначен в равной степени для тех, кто профессионально занимается изучением истории города, является краеведом-любителем, и тех, кто просто любит читать книги о Перми.

ISBN 978-5-9903003-2-3

УДК 9(с)
ББК 26.89

© МУК ОМБ, идея. 2011.
© Коллектив авторов, тексты. 2011.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Конференции «Пермский дом в истории и культуре края» проводятся Центральной городской библиотекой им. А.С. Пушкина с 2008 года. Составители четвертого сборника материалов придерживались уже сложившихся традиций. Книга включает статьи и документы по общим проблемам изучения истории пермского дома — его этнографических и архитектурных особенностей; правовых вопросов, связанных с пермским домовладением; а также статьи о замечательных домах Перми и их обитателях. Как и в предыдущих трех сборниках, интересен раздел «Пермский дом в искусстве, художественной литературе и воспоминаниях», где исследовательские работы соседствуют с воспоминаниями наших современников — известных и уважаемых в городе ветеранов пермской журналистики и архивного дела.

Здесь же вниманию читателей представлены два своеобразных «литературных блока». Предложенные авторами материалы о связи с Пермью А.И. Герцена и Ф.М. Решетникова, составители сочли уместным дополнить малоизвестными статьями этих писателей, не только имеющими непосредственное отношение к нашему городу, но и содержащими интереснейшие сведения о повседневной, бытовой, домашней жизни пермяков, соответственно, в 1830-х и 1860-х годах.

А под общим заголовком «Экскурсии и путеводители» опубликованы авторские экскурсии пермских ученых и музейных работников по старой Мотовилихе и по Перми кинематографической.

Составители стремятся ввести в научный оборот не публиковавшиеся ранее архивные документы; включить в книгу материалы, являющиеся сейчас библиографической редкостью, но пользующиеся неизменным вниманием исследователей. Так, в предыдущих сборниках были опубликованы выдержки из старых путеводителей по Перми, а в настоящем, четвертом, выпуске впервые представлен список «Источники и литература по истории застройки и домовладения в Перми (XIX — XX вв.)», специально подготовленный для этой книги.

Тема «Пермский дом в истории и культуре края» по-прежнему вызывает большой интерес у научной и краеведческой общественности Перми. Авторами-участниками вновь стали пермские ученые, историки и филологи, архивисты и библиотекари, музейные работники и специалисты в области охраны памятников истории и культуры, преподаватели, журналисты и краеведы, и — как уже случалось — пермские гимназисты.

Главными критериями для публикации в сборнике, как неоднократно подчеркивалось, являются достоверность и новизна материала: вновь выявленные документы, впервые представленные или приведенные в систему факты и сведения, либо новый, оригинальный взгляд на известные события. Составители не считают нужным корректировать предложенные авторами статей версии, авторскую оценку и трактовку причин и следствий, характеристики известных деятелей прошлого, даже если сами при этом придерживаются другого мнения.

Сборник предназначен в равной степени для тех, кто профессионально занимается изучением истории города, и тех, кто является краеведом-любителем или просто любит читать книги о Перми.

Все замечания по содержанию и оформлению сборников «Пермский дом в истории и культуре края», а также предложения, просим адресовать в администрацию Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева): e-mail: pushlib@permregion.ru

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

А.Б. Киселев

ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТА ЗОН ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Г. ПЕРМИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Действующее законодательство в настоящий период направлено на охрану «штучных» объектов культурного наследия (Положение о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утвержденное постановлением Правительства РФ от 26.04.2008 г. № 315, основные положения ст. 34 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ). Но с другой стороны, тот же Закон предполагает сохранение объектов культурного наследия в их исторической среде.

И это противоречие существенно усложняет процесс разработки проектов зон охраны объектов культурного наследия, расположенных в крупных поселениях, т.к. не предполагает установку объединенных (групповых) зон охраны, несмотря на то, что объекты могут располагаться в непосредственной близости.

Вместе с тем, уже с конца 1960-х гг. разрабатываются методики изучения и охраны исторически сложившихся городских территорий (труды Е.Л. Беляевой, Г.П. Боренко, Д.В. Брунса, В.Н. Выборного, А.В. Ганешина, Р.М. Гаряева, К.Ф. Князева, С.К. Регамэ, А.С. Щенкова и др.), которые легли затем в основу проектов зон комплексной охраны памятников, рассматривающих не только архитектурно-градостроительную, но и природно-ландшафтную составляющие понятия «наследие».

Эти положения нашли свое отражение и в нормативных актах — Инструкции об организации зон охраны недвижимых памятников истории и культуры (утверждена Приказом Министерства Культуры СССР, № 33 от 24.01.86, М., 1986). Однако в настоящее время данная Инструкция не действует, ввиду несоответствия ее терминологии современному законодательству.

Вместе с тем «мировой опыт сохранения и обновления исторически сложившейся городской среды позволяет сформулировать некоторую универсальную стратегию: основным объектом реконструктивного вмешательства становятся не отдельное сооружение или ансамбль сооружений, а участок городской среды, который рассматривается как целостная и непрерывная городская ткань»¹. Новый строительный объект рассматривается как элемент непрерывного исторического процесса формирования среды города и, в силу этого, должен вписываться в эту среду, не вызывая у людей эмоционального отторжения.

В 1990-е гг. методика средовых исследований была уточнена коллективом Ассоциации исследователей Санкт-Петербурга. В частности, важнейшим элементом натуральных градостроительных исследований была признана оценка средовых фрагментов города по критерию *завершенности*. Завершенность (целостность) среды или ее фрагмента — качество, зависящее от ее объективных характеристик (иерархическая сложность структуры, параметры пространства и формы, описываемые в категориях ритма, симметрии, пропорций и пр.) и непосредственно влияющее на степень психологического (пространственного) комфорта человека. «Завершенные» фрагменты, безусловно, требуют охраны. «Незавершенные» фрагменты несут в себе конфликт, обусловленный случайностью, низким качеством формы или деструкцией, и требуют реконструктивного вмешательства².

Эти теоретические положения легли в основу существующего сегодня Проекта зон охраны памятников, разработанного в 2002—2004 гг. НПФ «ЭНКО» (Санкт-Петербург). Однако изменения в действующем законодательстве, почти десятилетний опыт исполнения положений Проекта, а также необходимость развития города показали его неработоспособность и привели к острой необходимости разработки нового документа. Эта разработка поручена ГКБУК «Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия)».

При внимательном изучении градостроительных документов, как существующих, так и выполненных вновь, нами выделен методологический подход, предложенный стратегическим мастер-планом, разработанным в 2010 г. компанией «КСАР Architets&Planners», Роттердам, Нидерланды (раздел 3.8 «Стратегия наследия»), и получившим высокую оценку Российской архитектурной общественности³.

Наиболее ценным в данной концепции является именно ее комплексность, хотя с тезисом о разделении культурного наследия на «ценное» и «малоценное» я категорически не согласен.

При составлении методологии по разработке Стратегии авторами выделен ряд понятий:

– **ключевой ансамбль** — группа расположенных рядом зданий-памятников и имеющих историческую ценность общественных пространств, обладающих схожим характером и высоким уровнем архитектурной и /или пространственной целостности;

– **окружение** — физический и пространственный контекст, обладающий следующими характеристиками: морфология городской ткани, сформированная границами участков и улицами; взаимосвязь между зданиями и открытыми зелеными пространствами; внешний вид внутри и снаружи зданий, определяемый масштабом, размерами, стилем, строительными материалами, цветом и орнаментом; взаимосвязь между застройкой и ее окружением, как природным, так и искусственным; различные функции, которые территория приобрела с течением времени. При этом любая угроза для этих характеристик будет являться угрозой для ансамбля.

Используя предложенный аналитический и методологический подход, представляется возможным выделить еще ряда территорий, отвечающих критериям «ключевого ансамбля». Однако данная терминология не стыкуется с Федеральным законом, что в конечном итоге сделает документ нелегитимным.

С целью избежать этого при разработке проекта нами принято решение о выделении ряда территорий в категории «ансамбли» и «достопримечательные места».

Согласно ст. 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ:

ансамбли — четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения (храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья), в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи;

достопримечательные места — творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; цент-

ры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов».

В ходе работы нами выделен целый ряд ансамблей, обладающих признаками завершенности:

– «Егошихинское кладбище» — историко-культурно-природная территория и комплекс памятников в границах: северная граница — северная дамба, восточная граница — гребень правого берега р. Егошихи, южная граница — ул. Тихая, западная граница — левый берег р. Стикс. Территория кладбища является также особо охраняемой природной территорией местного значения — природно-культурно-мемориальный парк «Егошихинское кладбище» (решение Пермской городской Думы от 23.06.2009 г. № 143);

– «Пермский государственный университет» — историко-культурно-природная территория и комплекс памятников в границах: северная граница — ул. Дзержинского, восточная граница — пл. Дзержинского, южная граница — железнодорожная насыпь перегона Пермь-1 — Пермь-2, западная граница — ул. Даншина;

– «Городской сад» — историко-культурно-природная территория и комплекс памятников в границах: северная граница — ул. Краснова, восточная граница — ул. Сибирская, южная граница — ул. Революции, западная граница — Комсомольский пр. Сад им. А.М. Горького кроме того является парком поселения (решение Пермской городской Думы от 11.09.2001 № 120).

– «Соцгородок Рабочий поселок» — территория в границах: северная граница — четная сторона ул. Уральской, восточная граница — нечетная сторона ул. Индустриализации, южная граница — нечетная сторона ул. КИМ, западная граница — четная сторона ул. Металлистов. Образец градостроительного искусства 1920-х годов, единственный в Прикамье сохранившийся компактный образец соцгорода (арх. С.Е. Чернышов);

– «Проспект им. Сталина» — территория в границах: северная граница — Комсомольская площадь, восточная граница — ул. Героев Хасана, южная граница — ул. Чкалова, западная граница — ул. Куйбышева. Поселок завода с правильными прямоугольниками кварталов, 5-этажными домами, отстоящими друг от друга на значительном расстоянии, озелененным пространством внутри кварталов.

Южная часть — между ул. Коминтерна и Чкалова — образец градостроительного искусства 1930-х годов, северная — превосходный опыт комплексной реконструкции барачного поселка и создания линейного бульвара с площадью перед дворцом культуры (арх. Г.С. Гурьев-Гуревич, С.Н. Селивановский и С.П. Тургенев);

– «Проспект им. Ленина» — «Достаточно широкая улица с хорошо пропорционированными зданиями и с постоянной высотой застройки»⁴. Территория ансамбля определена в границах: северная граница — ул. Петропавловская, восточная граница — ул. Крисанова, южная граница — ул. Кирова — Екатерининская, западная граница — пл. Гайдара;

– «Эспланада» — «Обширное открытое пространство, которому не хватает завершенности и более выраженного характера»⁵. Территория ансамбля определена в следующих границах: северная граница — ул. Петропавловская, восточная граница — ул. Куйбышева, южная граница — ул. Ленина, западная граница — ул. Крисанова;

– «Комсомольский проспект» — «Главная улица Перми с линейным парком и постоянной высотой застройки»⁶. Проспект от ул. Окулова до Комсомольской площади с прилегающими территориями кварталов 3, 35, 36, 45, 46, 70, 71, 89, 107, 108, 122, 122а, 137, 138, 150, 151, 174, 175, 176, 177, 178, 180, частично квартала 179. Территория квартала 2 является территорией объектов культурного наследия федерального значения с особым режимом использования;

– «улица Кирова» — наиболее полно сохранившаяся застройка периода губернского города, представленная преимущественно, 2-этажными домами усадебного типа конца 19-начала 20 вв. Границы территории — от ул. 25 Октября до Комсомольского проспекта и включают кварталы 87, 88, 89, 108, 109, а также часть территории квартала 110 с отступом на 50 м от красных линий ул. Кирова и Сибирская;

– «улица Сибирская» — главная улица губернского города с максимально сохранившейся застройкой конца 18- начала 20 вв. Территория от ул. Орджоникидзе до ул. Краснова, включающая кварталы 1, 37, 38, 44, 72, 87, 88, 109, 148 части кварталов 110, 120, 121, 139, 140, 149;

– «улица 1905 года» — главная улица поселка Мотовилихинского завода, соединяющего медеплавильный завод и Пермские пушечные заводы. Территория от Мотовилихинского пруда до проходных ОАО «Мотовилихинские заводы», включающая Сад им. Я.М. Свердлова, сквер перед Свято-Троице-Стефановым мужским монастырем, кварталы 1058, 1059, 1060, 1061, 1173, 1176, 1177, 1215, 1216, 1245;

В качестве достопримечательного места, т.е. совместного творения человека и природы, предлагается выделить «Егошихинский медеплавильный завод» — историко-культурно-природную территорию и комплекс памятников в границах: северная граница — р. Кама, восточная граница — бульвар Гагарина, южная граница — Северная дамба и ул. Екатерининская, западная граница — ул. Н. Островского.

В качестве дополнительного инструмента сохранения исторической и природной среды в проекте используется понятие «предмет охраны», т.е. признаки, послужившие основанием отнесения территории к ансамблю или достопримечательному месту. В отличие от действующего Проекта зон охраны, в котором присутствовал термин «ценная средовая застройка», не имеющий правовых оснований, нами, в качестве предмета охраны ансамблей, выделяются следующие категории зданий: объекты культурного наследия, включенные в реестр; объекты, обладающие признаками объектов культурного наследия и при совершении предусмотренной Законом процедуры могущие быть включенными в реестр; объекты, формирующие историко-градостроительную среду ансамбля. В отношении последних установлены требования сохранения объемно-пространственных и архитектурных решений фасадов, что, на наш взгляд, позволит сохранить среду с большей эффективностью.

Для памятников, которые не входят в состав перечисленных выше ансамблей или достопримечательных мест, разрабатываются индивидуальные зоны охраны. При попадании в эти зоны объектов, формирующих историческую среду памятника, они также включаются в предмет охраны. Например, на территории бывшей Слудской площади, кроме включенных в реестр церкви, Константиновской ЦПШ и двух училищ, в ходе проведения натурных исследований выявлены еще два здания, обладающие признаками объектов культурного наследия — старое здание речного училища и «Вдовый дом».

При этом здания и сооружения, не входящие в ансамбль или охранную зону отдельного памятника, хоть и перечисленные «ЭНКО» в качестве средовых, сохранению не подлежат. Это решение взвешенное и оправданное требованиями функционирования города, который как живой организм без развития умирает.

Также принято отказаться от огромных территорий, отнесенных сегодня к зонам охраняемого природного ландшафта. Вызвано это, прежде всего, тем, что большая часть таких территорий не имеет никакого отношения ни к памятникам, ни к их ансамблям (например, береговой склон Камы в районе Кислотных дач, Егошихинский и

Данилихинский лога за границами города XIX в. и пр.). В новом проекте зоны охраняемого природного ландшафта будут иметь непосредственную связь с объектами культурного наследия — например, набережная Камы, Мотовилихинский пруд, гора Вышка, Егошихинский лога до ул. Дружбы, дачная зона в Нижней Курье.

Надеюсь, что новый проект окажется в большей степени работоспособным и позволит сохранить те целостные фрагменты городской среды, которые еще остались.

¹ Хасиева С.А. Архитектура городской среды. — М.: Стройиздат, 2001. — С. 177.

² Славина Т.А., Семенцов С.В., Климова Е.М. От исследований городской среды к ее преобразованию // Санкт-Петербург на рубеже XX и XXI веков / под общ. ред. Т.Н. Чистяковой. — СПб, 1999. — С. 25-62.

³ Проект Россия — 2010. — № 56.

⁴ Преобразование города: стратегический мастер-план Перми. — Пермь, 2010. — С. 401.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 402.

ПЕРМСКАЯ АТЛАНТИДА. КАКОЕ ЗДАНИЕ ВАМ БЫ ХОТЕЛОСЬ ВОССТАНОВИТЬ В ПЕРМИ?

«Детский» вопрос коллеги-краеведа, обращенный ко мне, заставил задуматься, перебрать в памяти утраченные достопримечательности. Получился даже некий мартиролог, сборник жертвенных приношений... вот только чему? Прогрессу? Или, напротив, воинствующему невежеству?

У руководства парка имени М. Горького возник план создать виртуальную экспозицию снесенных архитектурных шедевров местного калибра. Как рассказал генеральный директор парка Р. Габдуллин, самые красивые, знаковые для города архитектурные строения будут восстановлены на прилегающей к парку улице Краснова. Только не в натуральную величину, а в уменьшенных размерах, с использованием современных материалов и технологий. Но это в будущем. А пока часть этих зданий, по списку, составленному краеведами, предстала на традиционной уже фотовыставке «Ретро-П», открытой осенью 2011 г. на центральной аллее парка. В прошлом году выставку посетили около 60 000 человек. И новую серию «Ретро» пермяки встретили с большим интересом. Есть в этой экспозиции разделы «Знания», «Культура», «Развлечения пермяков», «Любовь». Особое место занимает на аллее раздел «Пермская Атлантида» (в основу концепции положены разработки В. Гладышева).

«Пермь была бы совсем другим городом, если бы не сносили такую красоту!» — это самый типичный отзыв зрителей. Список архитектурных зданий, утраченных в разное время и по разным причинам, действительно обширен. Хронологически его открывают строения периода XVIII века, когда здания чаще всего гибли от пожаров.

К начальному периоду существования города относится, например, градская школа-главное народное училище, каменное здание его заложено в конце XVIII века, достроено в начале следующего при губернаторе Модерахе. Здание, стоявшее на углу улиц Петропавловской и Сибирской, а точнее, увенчавшее этот оживленный перекресток, поражает своей цельностью и гармоничностью образа. Трехэтажное строение с куполом, из которого рвется ввысь стройная башенка. Поражает уважительное отношение к объекту, призванному служить высоким целям образования и воспитания молодого поколения пермяков. Тем более важен был такой подход

для того времени, для молодого, и, как отозвался один заезжий столичный путешественник, «пустого» города. Фасад и план градской школы начала XIX-го века хранится в ЦГИА (опубликован в книге П.А. Корчагина «Губернская столица Пермь», 2006). Уничтожено здание в результате страшного пожара 1842 года; сейчас на его месте корпус медакадемии.

Гостиный двор (перед театром оперы и балета), к строительству которого приложил руку сам губернатор Модерах, был разобран молодыми энтузиастами в конце 1920-х гг. Тогда же «разобрались» и с Никольской часовней, стоявшей внутри Гостиного двора. А часовня, между прочим, была заложена в память победы в Отечественной войне 1812 года. Несколько десятилетий потом сквер называли Комсомольским, теперь он снова Театральный.

Самую большую группу насильственно уничтоженных архитектурных достопримечательностей представляют, конечно, церкви. Из сорока культовых построек в первые советские годы снесены были более половины. Уточним: или взорваны, или перестроены, обезображены, приспособлены к мирским нуждам. Здания лишлись колоколен, куполов, глав, крестов. Фактически храмы были обезглавлены, обескрещены-обесчещены. В этом ряду и самое старинное каменное здание — Петропавловский собор, до сих пор существующий без колокольни.

Этот скорбный парад с немой горьким укором дополняют: Богородицкая церковь (ул. Ленина-Покровская); Троицкая единоверческая церковь (перед ПГТУ, арх. И. Свизев); Успенская церковь (ул. Екатерининская); часовня в память 300-летия Дома Романовых на территории Успенского женского монастыря (ул. Биармская, ныне Плеханова); Никольская церковь (в Мотовилихе, арх. А. Турчевич); церковь Марии Магдалины (арх. А. Турчевич); Белогорское подворье с церковью Иоанна Златоуста (на территории нынешней эспланады). Воинствующие атеисты не пощадили и храм, который являлся одновременно памятником важного исторического события — это Воскресенская церковь, одно из красивейших зданий, построенное на народные средства в память освобождения крестьян от крепостного права (арх. Г. Летучий, 1869 г., ул. Луначарского-Вознесенская, перед техникумом им. Швецова). Взорван в конце 1930-х, а разобрать руины на кирпич смогли только в годы войны силами военнопленных немцев.

Однако красивые каменные здания, возведенные на века, исчезали с карты города и по другим причинам. Причем разрушители, пришедшие «место расчистить», не смотрели ни на художественные достоинства постройки, ни на авторство и т.п. В ходе так назы-

ваемой социалистической реконструкции не щадили и творения замечательных зодчих прошлого, в том числе «могучей пермской троицы» — Карвовского, Турчевича, Попатенко, тех, кто определял лицо старой Перми. Уже в 1970-е годы уничтожен бывший дом Грибушиных, затем Сибирский банк, возведенный по проекту строительно-технического бюро Александра Турчевича (угол ул. Красноуфимской-Куйбышева и Петропавловской). Перестроена до неузнаваемости изящная пожарная каланча на Екатерининской (арх. Р. Карвовский). Театр оперы и балета после советской реконструкции конца 1950-х (арх. Р. Карвовский и В. Попатенко) так «улучшили и расширили», что он перестал претендовать на статус памятника архитектуры и остался лишь памятником истории, потому что, видите ли, в 1917 году здесь провозгласили советскую власть.

Были искажены до неузнаваемости тюремный замок (в Разгуляе), вокзал Пермь II и другие примечательные здания.

Нужно сказать, что объективная необходимость для подобных планов реконструкторов чаще всего существовала, но утрат и потерь оказалось в итоге заметно больше, потому что воплощались эти планы без должного уважения к предшественникам, в ходе варварских работ, иначе не скажешь.

Своеобразие купеческого центра Пермь губернская окончательно потеряла именно в ходе реконструкций улиц и площадей в центре в советские послевоенные десятилетия. В 1970—1980-е годы безжалостно сносились красивые двухэтажные каменные особняки с флигелями, куполами, с оригинально проработанными фасадами. Такие, как дом купца Пьянкова на нынешней Октябрьской площади: на его месте воцарилась... бездарная утилитарная трибуна. Целыми кварталами сносили каменные дома предпринимателей на ул. Куйбышева, сейчас здесь громоздятся пресловутые «три сарая», торговые центры. Наломав дров, пустив все на самотек, глава города только и нашелся, чтобы признать: «С торговыми центрами мы переборщили». Но сказано это было чиновником уже перед его уходом с поста. Совсем недавно снесен дом купца Шадрина (на углу Попова-Екатерининской), вместо которого застройщик поставил очередную «стекляшку-скороспелку». Выиграл он при этом всего какие-то два с половиной этажа, но потерял всякую надежду на уважение потомков.

До сих пор мы вели речь о каменных зданиях, построенных из вечного материала. Чего уж говорить о деревянной архитектуре, которая чаще подвержена влиянию времени и легче уничтожается. В советские годы исчезают такие шедевры в новорусском стиле, как здание биржи (ул. Набережная, сквер Решетникова); летний клуб

общественного собрания (загородный парк, ныне имени М. Горького), «дом трех сестер» (ул. Луначарского, арх. Н. Пермяков). Изумительно красивая купеческая дача на ул. Кировоградской «дожила» до XXI века — а сгорела всего несколько лет назад... Не исключено, что такая же участь ожидает и соседние творения деревянного зодчества, бывшие дачи Каменских и Синакевича, ведь они стоят практически без охраны.

В завершение печального мартиролога приведем пример с оптимистическим финалом. Главной героиней этой истории станет «старушка ротонда».

Мало кто знает, что на берегу Камы стояла красивая ротонда — родная «сестра» той, что сохранилась в Горьковском саду (бывшем Загородном). Построил их в 1824 году архитектор Иван Свиязев специально к приезду в Пермь царя-батюшки. Поэт-сатирик Василий Феонов не мог пропустить мимо такую доминанту, появившуюся в годы правления губернатора Кирилла Тюфяева:

*«Ах, губернатор наш Кирилл!
В Перми ты много натворил!
От Ягошихи и до Слудки
Настроил тротуары в сутки,
Воздвиг ротонды, пирамиды,
Ну просто прелесть, что за виды!..»*

По мнению русского скрипача и композитора Н.Я. Афанасьева (1820—1898), детские годы которого прошли в Перми, излюбленным местом, где собиралась местная благородная публика, «...была беседка, вид ротонды. Эта ротонда стояла на берегу Камы, величественная река собственно и составляла единственную красоту и роскошь города. Недалеко от ротонды помещалась каменная гауптвахта, где по вечерам военный оркестр играл зорю...»

А вот как описывает современник композитора условия жизни тех, кто жил в двух шагах от ротонды, в архиерейском доме:

«...Обставлены епископские палаты не хуже губернаторского дома, стол в трапезной и вовсе не в пример лучше, а яблоневый сад — первый во всем городе — с беседками, ротондами и даже фонтанами (!) Мирно там, тенисто, мыслеродительно, и пускай перешептываются недоброжелатели...»

В приведенном мною фрагменте нужно только множественное число превратить в единственное: фонтан в архиерейском саду был один, и беседка тоже одна, и выглядела она скромнее, чем свиязевское творение.

Советуем также внимательно перечитать классиков русской литературы. В ротонде на набережной любил сживать в задумчивости замечательный писатель Павел Мельников-Печерский. В своих «Дорожных записках» он писал:

«...В другое время пристань совершенно пуста, и вы, сидя в ротонде, устроенной над рекою, смотрите хоть целый день на Каму, не увидите на ней ничего, кроме рыбацких лодок. С этой ротонды вид очень хорош. Кама у вас под ногами...»

А это уже другой классик, Д.Н. Мамин-Сибиряк («Весенние грозы»): «...С реки вид на город был замечательно хорош: красовались городские церкви, здания разных присутственных мест, городской сад и даже (!) большая деревянная ротонда в греческо-казарменном стиле. Эта ротонда стояла на бую, с которого открывался великолепный вид на всю реку. Под горой вся линия берега была занята пароходными пристанями, магазинами, мастерскими и просто рыбацкими лачугами. По ту сторону реки, на низком берегу, разметала свои домики Рыбачья слободка...»

Поражает то, что два видных русских литератора описывают увиденное в схожих выражениях, используя даже одни эпитеты. Как говорится, нет слов!.. Особенно непривычно звучит комплимент из уст Мамин-Сибиряка, который недолюбливал Пермь. В его родном Екатеринбурге, как известно, была только маленькая речушка Исеть. Но и там ведь золотопромышленники устроили возле пруда райский уголок с красивой ротондой!

Из ротонды с крутого берега любовался Камой опальный изгнанник Михаил Сперанский, которого потомки причислят к столпам отечественного либерального движения.

Ротонда исчезла с набережной много десятилетий назад, сегодня мало кто даже из краеведов знает, где она стояла точно и как выглядела. Помог случай. Несколько лет назад Пермская художественная галерея приобрела произведение художника П. Размахнина, созданное в первой трети XIX века, то есть до пожара 1842 года, уничтожившего почти всю центральную часть города. На панораме города с Камы хорошо виден ряд зданий, украшавших Пермь допожарную. Здесь и дом Яковлева (будущий дом Мешкова), и ротонда, которая чудесно вписывается в пейзаж губернской столицы... (Правда, художник допустил некоторое смещение объектов, это обычный прием мастера живописных видов).

И какое жалкое подобие былой красоты построили примерно на месте бывшей ротонды-2 нынешние обладатели роскошного здания бывшего Пермлеспрома (в створе ул. Газеты «Звезда»). Да еще и отгородили свою беседку от города забором, устроив некое подо-

бие зоны на Набережной. Если представить на мгновение, как по улице Монастырской бредет Антон Павлович Чехов — было это в июне 1902 года — то ясно, что бедному усталому классику опять не удалось бы отдохнуть.

Что же мешает городу возродить памятник? Идея восстановить ротонду обсуждалась несколько раз и получила поддержку пермской общественности и заинтересованное отношение специалистов. На одном из заседаний клуба «Пермский краевед» было подписано коллективное письмо с конкретными предложениями по возрождению достопримечательности. Студенты Уральского филиала Российской Академии художеств уже «восстановили» ротонду — в своих работах. Одна из картин, Максима Каеткина (ныне он — директор Уральского филиала АХ), посвященная приезду царя Александра Первого в благословенную Пермь, приобретена городской администрацией.

Идея, что называется, овладела умами масс. И, как сообщили пермякам, авторы проекта реконструкции набережной решили не упускать из виду такую «изюминку». В самом деле, что за город на Каме — без ротонды на набережной!

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ УСАДЕБНЫХ ПОСТРОЕК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. ПО УЛ. ТОРГОВОЙ ГУБЕРНСКОЙ ПЕРМИ

В Перми к началу XIX в. оформились территории, наиболее привлекательные для определенных социальных слоев городского общества. Дома для администрации города и «присутственные места» располагались в первой части города — вокруг площади Петропавловского собора, в кварталах между улицами Петропавловской (Коммунистической) — Торговой (Советской) — Верхотурской (Островского). По описанию преподавателя гимназии Е.П. Мухачева к 30-м гг. XIX в. центром города становится ул. Сибирская, а «собственно город» уже располагается между Верхотурским и Кунгурским (Комсомольский проспект) переулками. В «собственно городе» располагались каменные, полукаменные, деревянные с оштукатуренной поверхностью и просто деревянные дома¹. Таким образом, ул. Торговая входила в круг магистралей Перми, где обитало в основном привилегированное и зажиточное население. Это хорошо документируется современными археологическими исследованиями, проведенными Камской археологической экспедицией классического университета.

В ходе археологических исследований был обнаружен целый комплекс фрагментов усадеб конца XVIII — первой половины XIX вв. по линии ул. Советская (Торговая) № 30-40.

Остатки усадьбы были обнаружены в ходе исследований 1996 г. в глубине современного двора по ул. Советской, 34-36. Установить хотя бы приблизительные размеры жилой части постройки не представлялось возможным, так как в раскоп попала лишь незначительная ее часть. Кроме того, после пожара 1842 г. усадьба была тщательно разобрана, поэтому очертания некоторых бревен постройки фиксировались исключительно по темным пятнам в материковом песке. По всей видимости, была раскопана часть жилой комнаты с печью в углу, и часть сеней или пристроя к дому. Судя по расположению внутри квартала, постройка может являться флигелем, а сам дом вполне мог быть на каменном фундаменте, поскольку в раскопе было обнаружено скопление большемерных кирпичей и извести.

Значительное число находок позволяет судить об уровне жизни жителей этой усадьбы. Об этом свидетельствует заполнение остатков подпола в виде небольшого прямоугольного углубления (1,0 x 1,2 м),

расположенного под частью остатков печи. В заполнении подпола была собрана значительная коллекция стеклянной и керамической посуды конца XVIII — первой половины XIX в. В нем найдены фрагменты двух винных штофов и бутылки, зеленоватое, низкого качества оконное стекло, и фрагменты слюдяной окончины. Раскопки в исторической части Перми показали, что горожане использовали слюдяные окончины наряду со стеклом даже в первые десятилетия XIX в. Место изготовления стеклянных изделий точно неизвестно, но они могли быть изготовлены в Прикамье на Юмышевском стекольном заводе кунгурского купца Василия Юхнева. В начале XIX в. штоф, изготовленный на стекольном заводе В. Юхнева, стоил 8,5 копейки, полуштоф — 5,5 копейки, один аршинный лист стекла — 16-20 копеек².

Также в подполе найден целый комплекс майоликовой фарфоровой и фаянсовой привозной посуды. Наиболее интересны находки майоликовых столовых тарелок, расписанных по белому фону синими, зелеными и коричневыми эмалями, а также фрагменты чайных чашек из тонкого фаянса с синей росписью. Расцвет гжельской майолики относится к 70-80 гг. XVIII в. С начала XIX в. изделия из майолики постепенно вытесняет фаянс³. Из фаянса изготавливали не только столовую и чайную посуду, но и небольшие горшочки, покрытые зеленой, желтой и коричневыми эмалями, которые, вероятно, также использовали как парадную столовую посуду. Фарфоровые изделия первой половины XIX в. в прикамских городах во время раскопок встречаются нечасто, поскольку цены на фарфоровые изделия были довольно высоки. Так, в 1825 г. дюжина чайных чашек (скорее всего, фаянсовых) стоила 10 рублей, чайник фарфоровый — 50 копеек⁴.

В ходе охранных археологических исследований на пересечении ул. Газеты «Звезда» и Советской, по адресу ул. Советская (Торговая), 40, под фундаментами поздних зданий конца XIX в. выявлены незначительные остатки усадьбы конца XVIII — первой половины XIX вв., от которой местами сохранились отдельные раскатанные деревянные конструкции, ямы, водоотводные сооружения и подпечная яма.

Картографические материалы XVIII — XIX вв. свидетельствуют, что в этом районе ул. Советской текла небольшая река Медведка, возле которой возводились разнообразные постройки. Влажность почвы здесь дает возможность наблюдать хорошую сохранность деревянных конструкций второй половины XVIII — первой половины XIX вв. Об этом свидетельствуют также постоянное выявление в районе улицы Советской остатков деревянных дренажных сооружений. Учитывая влажность грунта, постройки конца XIX в. явно стояли на деревянном плоту, который защищал каменный фундамент от проседания в увлажненную зыбкую песчаную почву. Подобное отмечено

на ул. Коммунистической (Петропавловской) в исторической части г. Перми на памятнике поселение «Черный рынок» в 1991 г. при изучении постройки конца XVIII — первой половины XIX вв., фундамент которой располагался на деревянной платформе⁵.

Остатки позднего фундамента нарушили очень интересную и сложную деревянную конструкцию. В плане она представляла подпрямоугольную яму, ограниченную разрозненными деревянными деталями. Прослеженные ее размеры 2,8-3 м x 1,6 x 1,7 м. С юга к яме примыкала глиняная подушка, видимо, забутовка сооружения. В пределах ямы фиксировалась продавленная деревянная половая плаха. Заполнение ямы — темная суглинистая супесь, насыщенная щепой, фрагментами костей животных, керамикой. С востока и северо-востока к сооружению примыкал объект в виде деревянного дощатого лотка, шириной около 0,15-0,17 м с высотой бортиков до 10 см. Бортики иногда были укреплены небольшими вертикальными столбиками. Протяженность этого сооружения с северо-востока на юго-запад 5,2 м. Это сооружение, очевидно, служило в целях водоотвода. К сожалению, из-за поступления грунтовых вод на площадь раскопа, данный интересный комплекс сооружений полностью изучен не был. Нам представляется, что, скорее всего, он представлял собой остатки какого-то слабо-углубленного подпечного сооружения разрушенной усадьбы конца XVII — первой половины XIX в. Среди находок, собранных близ сооружения и в его пределах обращает внимание сильно патинированное бутылочное клеймо времени правления императора Александра I Павловича, с аббревиатурой винной фабрики (ФМА) и с фиксацией года производства 1810 г.

Этой находке хронологически не противоречат фрагменты печных изразцов (6 экз.). Данные изразцы относятся к типу «пермских губернских» и найдены в ходе археологических исследований в России только в исторической части г. Перми, по ул. Луначарского, ул. Парковой и ул. Советской. Эти декоративные изделия изготовлены из грубой кирпичной глины. Они имеют отступающую от края лицевой пластины румпу и украшены довольно схематичным растительно-геометрическим орнаментом (сетка, растительные узоры), выполненным зелеными, желтыми, серыми и синими эмалями по белому фону. При организации Пермского наместничества в начале 80-х гг. XVIII в. велось широкое строительство казенных и общественных зданий, а по моде того времени печи сколько-нибудь солидных домов должны были украшаться изразцами. Профессиональных изразечников в только что учрежденном губернском городе, очевидно, не было, и изготовление декоративной керамики было доверено обычному кирпичному мастеру, который имел лишь самые общие представления об этой

тонкой технологии. «Губернские» изразцы уникальны не своими эстетическими качествами, но как историческое свидетельство обстоятельств возведения первых губернских построек. Данные изразцы могли изготавливаться в г. Перми в 80-е гг. XVIII в., в период строительства в нем первых каменных жилых зданий. Археологами этот тип изразцов назван «пермский губернский»⁶.

Керамический комплекс представлен фрагментами серо-глиняных и коричнево-глиняных сосудов. Всего по венчикам можно выделить 12 сосудов. Среди них преобладают обычные плоскодонные слабопрофилированные горшки, которые характерны для слоев исторических городов Прикамья, начиная с XVII и кончая XIX вв. Особенно привлекает внимание находка верхней части керамического голосника, который явно был связан с печью. Кроме того, найден фрагмент синей майоликовой фаянсовой помадной банки, которые были распространены в исторической части г. Перми, в слоях первой половины XIX века, до катастрофического пожара 1842 года. Здесь же обнаружена небольшая костяная бусина. Очень интересны фрагменты тисненной бересты, использовавшейся для производства декоративных туесков.

В пределах раскопа 2004 г. было выявлено еще одно водоотводное сооружение, которые, видимо, оконтуривало постройку конца XVIII — первой половины XIX вв., разрушенное мощными фундаментом здания конца XIX вв. Оно прослежено в длину на 5 м. Его ширина варьировалась в пределах 0,58-0,6 м. Данное сооружение представляло собой своеобразный деревянный желоб, изготовленный из цельных стволов хвойных пород. Края желоба сохранились лишь частями и возвышались на высоту до 5-8 м. Бортики этого желоба местами укреплялись вертикальными столбиками. Непосредственно возле него была обнаружена медная копейка Екатерины II 1796 г.

Остатки дренажных сооружений были обнаружены по ул. Советской (Торговой), 20, в ходе исследований П.А. Корчагина. По его данным «осушение центральной части Перми было осуществлено в самом конце XVIII — первом десятилетии XIX вв. и при непосредственном руководстве генерал-губернатора К.Ф. Модераха⁶.

На ул. Советской (Торговой), 40, под каменным фундаментом позднего здания чудом сохранился подпол, связанный с жилым зданием древней усадьбы, и насыщенный разнообразными находками. Сооружение представляло собой прямоугольную вытянутую яму (1,4 x 3,1 м). Судя по древесному тлену, стенки подпола были обшиты досками, которые на дне опирались на широкие, плашмя проложенные плахи. Выявленное сооружение можно квалифицировать как подпечный погреб для хранения винных, пищевых запасов, а также кухонной посуды.

О том, что выявленный объект связан с печью, свидетельствуют находки изразцов (40 экз.), собранных поверх или частично в его заполнении. Данные изразцы относятся к типу «пермских губернских», и были нами уже описаны. В пределах сооружения найдено около 1000 фрагментов разнообразных предметов. Наиболее массовый материал представлен керамической столовой гончарной посудой в виде горшков и тарелок. Интерес представляют находки крупных помадных банок с синей поливой, характерных для первой половины XIX в. Крайне любопытна коллекция фрагментов фарфоровой и фаянсовой чайной и столовой посуды с росписью и рельефными украшениями. На доннышке некоторых изделий сохранились клейма. Часть найденной посуды можно датировать 1810 — 1820-ми гг., некоторые фарфоровые изделия могли быть изготовлены в 90-е годы XVIII в. К наиболее ранним датированным находкам относятся фарфоровые кофейные чашки фабрики Ф. Гарднера с красной растительной росписью, изготовленные в конце XVIII — начале XIX в.⁷

Исключительный интерес представляет крупный фрагмент неглубокой тарелки из тонкого английского фаянса с синей печатью. Композиция состоит из пейзажа, выполненного в восточном стиле, и двух женских фигур в китайском одеянии, резко контрастирующих на фоне западноевропейского здания с башней, увенчанной крестом. На оборотной стороне изделия сохранились вдавленное клеймо в виде якоря и плохо читаемая надпись латинскими буквами «Davenport». Блюда с синей печатью и клеймом в виде якоря фирмы «Davenport», производились в первой четверти XIX в., после 1805 г.⁸

Тонкий английский фаянс в большом количестве стал поступать в Россию с 90-х гг. XVIII в. и до 1816 г. пользовался огромной популярностью у зажиточного населения. После 1816 г. ввоз английского фаянса в Российскую империю был запрещен⁹. С этой английской находкой сопрягается верхняя часть штофа с клеймом в виде пивной кружки, на котором изображена корона Британской империи и надпись «Lон.....» (возможно, Лондон). Очевидно, штоф содержал привозной английский эль.

Кроме этих предметов в погребке были найдены сильно корродированные железные и очень окислившиеся медные предметы, назначение которых определить невозможно. Интересна находка костяной лошадиной игровой просверленной бабки, внутренняя часть которой залита свинцом.

Еще фрагменты одной усадьбы конца XVIII — первой половины XIX вв. выявлены по ул. Советской (Торговой), 30, в новейших охранных археологических исследованиях в 2011 г.

В ходе раскопок изучены остатки двух строительных горизонтов, связанных с фрагментами зданий XVIII — XIX вв. Первое здание было сооружено в конце XVIII в., что хорошо подтверждается монетами Павла I, и погибло в катастрофическом пожаре 1842 года, следы которого четко фиксировались в ходе раскопок. Время пожара подтверждается обильным монетным материалом (до 20 монет), относящимся к периоду правления Николая I (конец 20-х — 30 гг. XIX в.). Ни одной монеты, датированной позднее 1842 года, не найдено. Самая поздняя монета относится к 1839 году. С пожаром связаны находки стеклянной посуды, керамики, бронзовых изделий, игрушек. К этому периоду относится и яма-кладовка с фрагментами керамической и фаянсовой посуды. Здесь найдено клеймо от штофа с датой 1814 г. Интерес представляет редкая для Прикамья находка целого узкогорлого, видимо, винного кувшина южного происхождения. Второй ярус представлен остатками разобранной деревянной постройки, в пределах которой найдена монета Анны Иоанновны 1739 г. В пределах постройки выявлена бронзовая портупейная бляха, костяные изделия, керамики, стекло. Судя по монете, постройка была создана в первой половине XVIII в., до организации губернского города Перми во второй половине XVIII в.

Таким образом, фрагменты изученных усадеб конца XVIII — первой половины XIX вв., по линии ул. Советской (Торговой), 30-40, представляют яркие и выразительные материалы, свидетельствующие о культуре и быте привилегированного купеческого населения, обитавшего в этом квартале губернской Перми.

¹ Корчагин П.А. Губернская Пермь. — Пермь, 2006. — С. 128.

² Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. — Ч. 1. — Пермь, 1804. — С. 418.

³ Бубнова Е. Старый русский фаянс. — Л., 1973. — С. 16.

⁴ Соликамский краеведческий музей. Ф. 28. Оп. 1. Д. 48. Л. 34.

⁵ Корчагин П.А., Мельничук А. Ф., Соколова Н.Е. Историко-археологическое изучение г. Перми конца XVIII — первой половины XIX в. // Обнинские чтения. — Вып. 1. — Пермь, 2000. — С. 59.

⁶ Соколова Н.Е. Изразцовое искусство на Урале в XVII — XIX веках // Исследования по археологии и истории Урала. — Пермь, 1998.

⁷ Корчагин П.А. Губернская столица Пермь. — Пермь, 2006. — С. 115.

⁸ Салтыков А.Б. Русская керамика. — М., 1952. — С. 201, № 595, 607.

⁹ Фишер С. Марки английского фарфора и фаянса. — М., 1994. — С. 61.

¹⁰ Дулькина Т.И., Григорьева Н.С. Керамика Гжели XVIII — XX веков. — М., 1988. — С. 12.

ЧАСТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПЕРМИ (по материалам деятельности Пермской городской думы в 1905—1913 гг.)

Лицо города в царской России во многом определяло частное строительство. Имперские власти, местное городское самоуправление, естественно, занимались строительством объектов общероссийского и городского значения. Но рост города и планирование этого роста не могли не определяться частной застройкой. Население города, увеличиваясь, должно было где-то жить.

Предпринимательское занятие также нередко предусматривало строительную деятельность. Открытие новых заводов, гостиниц, лавок, магазинов, мастерских, прачечных, мест развлечения и т.п. требовало частной строительной инициативы.

Главным принципом развития частного строительства в городах являлось их соответствие генеральным планам городов. За соответствием должны были строго следить органы городского самоуправления. В рассматриваемый период растёт число каменных застроек.

Именно городские думы выдавали разрешения на застройку частных земельных участков. Так, например, в 1905 г. жительница Перми Е.М. Серебренникова получила разрешение на постройку на маломерном участке по Петропавловской улице¹.

Городские предприниматели, имеющие хорошую деловую репутацию, с большей лёгкостью, чем кто бы то ни было, получали у городских властей разрешения на возведение или перестройку коммерческой недвижимости. Например, в июне 1906 г. дума выдала почётному гражданину К.И. Назарову разрешение на постройку спичечной фабрики на Заимке, за р. Данилихой, на берегу Камы. Купцы Чердынцевы также получили разрешение на перестройку недавно приобретённого у М.М. Камчатова мыловаренного завода там же, на Заимке². В сентябре этого же года городская дума Перми выдала разрешение на строительство провизору Зимину — на постройку паровой прачечной на р. Егошихе, и на аренду для этого участка.

Большинство частных построек в архитектурном отношении не представляли собой ничего выдающегося. Но были и исключения, ставшие настоящим украшением города. Например, знаменитый дом купца В.И. Королёва, построенный в 1907 г. на Сибирской по проекту архитектора Е.И. Артёмова, — в будущем гостиница «королёвские номера». В том же году было закончено строительство знаменитого дома Грибушиных на Покровской, 13, по проекту городского архитектора А.Б. Турчевича.

Материал из усадьбы по ул. Советской, 40.

На углу улиц Осинской и Петропавловской в 1910 г. по проекту того же А.Б. Турчевича, незадолго перед тем умершего, появилось двухэтажное каменное здание по заказу купцов Ижболдиных.

Частное строительство ни в коем случае не должно было ухудшать среду города. Поэтому городская дума не дала разрешение на строительство салотопенного заведения по ул. Петропавловской, т.к. в самом центре города загрязняющее воздух предприятие было ни к чему³.

Городская дума контролировала строительство на приусадебных участках горожан. Дворы должны были замещать площадь не менее 30 саж., ширина их должна была составлять не менее 4 саж. Расстояние между надворными постройками должно быть не менее 3 саж, общая длина групп построек не более 12 саж., между ними — не более 4 саж.⁴ Эти требования соответствовали принятым тогда стандартам пожарной безопасности.

Тем не менее, городское управление Перми не всегда отслеживало нарушения при строительстве. Так, при строительстве деревянных домов и каменных брандмауэров к ним наблюдались отклонения от строительного устава. Брандмауэры должны были представлять собой сплошную каменную стену, а в них пробивали окна. Городская управа смотрела на это сквозь пальцы⁵. Это объяснялось не столько коррумпированностью тогдашних городских властей, сколько элементарной халатностью.

Но, характеризуя вопросы пожарной безопасности при организации частного строительства, следует отметить, что пермские городские власти подходили к данному вопросу достаточно серьезно, поскольку Пермь горела часто и много. Так, при осмотре строительных работ и новых построек в 1906 г. ревизионная комиссия городской думы заметила:

1) построенная частным лицом дощатая кладовая на Чёрном рынке, между вновь устроенным деревянными корпусами, вплоть примыкает к городскому ватерклозету, загораживает проход и представляет опасность в пожарном отношении.

2) крыши у вновь построенных деревянных ларей на толкучем рынке сделаны короткими, почему не дают достаточной защиты от дождя. Торговцы в силу необходимости удлиняют эти крыши лубками, досками и рогожами, что крайне безобразит как все ряды, так и сами лари.

Судя по второму пункту, внимание уделялось также эстетической стороне частного, в том числе коммерческого, строительства.

Осенью 1907 г. жителю Перми А.Н. Дедюхину было разрешено сделать пристрой к флигелю и надстроить брандмауэр. Мещанин Крапивин получил разрешение на постройку кузницы при его доме⁶.

Технический прогресс также оказывал влияние на развитие частного предпринимательства в Перми. Так, осенью 1910 г., наряду с разрешением на строительство кузницы крестьянину Васюкову на его усадьбе, пермская дума выдала разрешения С.Ф. Зенкову и В.П. Журавлёвой — на пристрой к зданию электротеатра «Прогресс»⁷. Дом Журавлёвых на Покровской, 44, позднее, в 1913 г., был перестроен специально для электротеатра «Триумф», также по разрешению городских властей. Летом 1913 г. житель Перми П.А. Панов ходатайствовал о строительстве деревянного здания для электротеатра «Отдых» на 1200 чел. на принадлежащем ему и арендованных у Пермской лютеранской церкви местах по ул. Пермской. Но проект не предусматривал брандмауэра, только один выход из семи, согласно проекту, был на улицу, и то через коридор. Да и улица в том месте являлась слишком узкой. Проект признали неудачным и ходатайство отклонили⁸.

Губернская администрация могла ходатайствовать перед городской думой за некоторых частных лиц, по вопросам строительства. Например, по запросу строительного отдела губернского правления, летом, по ходатайству губернатора, жителю города Абрамовичу был разрешён каменный пристрой к плакатно-картонажной фабрике на месте, принадлежащем инженеру-технику Капелявскому⁹.

О том, что пермские городские власти имели представление об экологии, говорит данное пермяку К.Г. Демидову разрешение на постройку торговых бань, с обязательным условием о спуске в Данилиху только фильтрованных вод. Весной 1911 г. домовладельцы Зенков (также и хозяин частных бань), Черемисинов и некоторые другие получили разрешения на прокладку труб по ул. Кунгурской для спуска вод с усадеб¹⁰.

Весной 1911 г. Техничко-строительный Комитет Министерства внутренних дел представил свои замечания по поводу составленных пермской думой обязательных постановлений о порядке содержания в исправности улиц и построек. Городская дума несколько изменила постановления, внося в них следующие правила: разрывы смежных владений должны были составлять не менее 4 сажень, длина деревянных построек внутри дворов — не более 12 сажень¹¹.

Перед войной Пермь стала стремительно расширяться. На углу улиц Торговой и Брюхановской ещё в 1911 гг. городская дума начала планирование новых улиц. На эти цели было выделено 400 руб.¹²

Городской думе приходилось постоянно регулировать городские кварталы, особенно с частной застройкой. В качестве примера можно указать, что летом 1913 г. дума приняла проект плана урегулирования квартала № 152 между улицами Обвинской и Соликамской, Малой Ямской и Безымянной — предусматривалось расширение до 39 саж. (по Соликамской — 35) с прирезкой земли домовладельцам (за день-

ги: Окуловой А.М. — 93 кв. сажень, Тонченко Н.А. — 58, Феодосиевской церкви — 51, Квасниковой К.Ф. — 22, Санникову А.Ф. — 15, Вейсману А.Л. — 23, Всесвятской кладбищенской церкви — 25¹³.

В 1913 г. частное строительство в Перми велось наиболее активно за весь рассматриваемый период и отличалось наибольшим разнообразием. И.К. Костарев получил разрешение на строительство каменного одноэтажного здания для колбасной мастерской по Покровской улице в квартале № 164. Хозяйственное правление при еврейских молитвенных домах получило разрешение на постройку каменной бани при втором молитвенном доме, со спуском воды в канализационную трубу из бань Зенкова¹⁴. Мещанин И.С. Вылегжанин получил от городской думы разрешение на перестройку под всё более популярный кинематограф здания на углу ул. Монастырской и Ирбитской под № 90-5¹⁵.

Темпы как и общероссийского, городского общественного, так и частного строительства резко замедлились с началом Первой мировой войны в связи с кардинальным изменением экономической ситуации в стране. Но значение частного строительства для определения архитектурного и социального облика городов продолжало и далее оставаться чрезвычайно важным.

Подводя итоги, необходимо отметить, что частное строительство в Перми играло важнейшую роль в определении городского облика. Оно носило чрезвычайно разнообразный характер, стремилось соответствовать современным ему архитектурным тенденциям, представлениям о городском благоустройстве и экологии. Велось строительство под контролем органов городского самоуправления в соответствии с законодательством императорской России, что контролировалось Технико-строительным комитетом МВД.

¹ ПГВ. — 1905. — 21 июня (№ 131).

² ПГВ. — 1906. — 17 июня (№ 130).

³ Там же. 12 сент. (№ 198).

⁴ ГАПО. Ф. 512, Оп. 1. Д. 446. С. 104.

⁵ ПГВ. — 1907. — 17 июня (№ 131).

⁶ Уральская жизнь. — 1907. — 23 авг. (№ 149). — С. 245-246.

⁷ Журналы Пермской городской думы (ПГД) 1910 г. — С.393-294.

⁸ ГАПО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 445. Л. 263.

⁹ Там же. Л. 264.

¹⁰ Журналы ПГД за 1911 г. — С. 189.

¹¹ Там же. — С. 176.

¹² Там же. — С. 274.

¹³ ГАПО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 445. Л. 265.

¹⁴ Там же. Л. 300.

¹⁵ Там же. Л. 384.

ГАРНИЗОНЫ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В библиотеке Пермского краеведческого музея хранится рукописное «Военно-статистическое обозрение Пермской губернии, составленное по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, Генерального Штаба штабс-капитаном Макшеевым в 1850 и 1851 годах»¹. Труд сей содержит подробные сведения об истории, географии, населении, экономике, финансах Пермской губернии в середине XIX века и, несомненно, является интереснейшим источником по истории края этого периода. Кроме всего прочего, в «Обозрении» содержатся сведения о гарнизонах Пермской губернии, их размещении, составах и службе.

Очень интересна личность автора «Обозрения». Макшеев Алексей Иванович родился 12 мая 1822 г. в дворянской семье в деревне Гряда Устюженского уезда Новгородской губернии. Воспитание получил сначала в Новгородском графа Аракчеева кадетском корпусе, а затем в Дворянском полку. 18 августа 1842 г. был произведён в прапорщики и направлен на службу в Лейб-гвардии Литовский полк. Спустя два года он поступил в Николаевскую академию генерального штаба. По окончании курса в академии, А.И. Макшеев по собственной просьбе был командирован в Отдельный Оренбургский корпус, куда прибыл в декабре 1847 г. В январе 1848 г. он был произведён в поручики, а спустя два месяца переведён в Генеральный штаб и получил чин штабс-капитана. Служа на должностях офицера Генерального штаба в Оренбургском корпусе, Алексей Иванович неоднократно участвовал в экспедициях в Среднюю Азию, за что был награжден многими орденами, и к 1856 году дослужился до подполковника. В 1850 г. он был командирован в Пермскую губернию для составления статистического её описания. Посвятив более полугода на собрание необходимых сведений, Алексей Иванович вернулся в Оренбург в 1851 г. С 1855 г. А.И. Макшеев — преподаватель Императорской военной академии и действительный член Географического Общества. Служба его в Академии продолжалась до 1892 г. Начав с должности адъюнкт-профессора по военной статистике, к концу своей жизни Алексей Иванович стал генерал-лейтенантом, заслуженным профессором, почетным членом конференции Николаевской академии генерального штаба, членом Военно-ученого комитета Главного штаба. Будучи профессором, он продолжал участвовать в экспедициях в Туркестан. Как специалист по Средней Азии, много трудившийся над изучением Востока, Алексей Иванович опубликовал в «Военном Сборнике», «Русском Инвалиде», «Морском Сборнике», «Вестнике Географи-

ческого Общества» и других журналах, а также в виде отдельных книг и брошюр большое количество научных работ. Алексей Иванович Макшеев скончался 2 апреля 1892 г.²

Что же представляли собой гарнизоны Пермской губернии в 1850—1851 годах, то есть, по сути, накануне Крымской войны? Автор «Обозрения» отмечает что, «отдаленность Пермской губернии от центра Империи и от границ ее, требующих бдительного обеспечения, служат причиною, что она никогда не подвергалась постою войск, кроме тех, которые необходимы для занятия местных караулов. Конечно, и на будущее время не предвидится никакой надобности в расположении в ней массы войск...»³. Однако в случае необходимости в губернии могло быть расквартировано до 60 000 войск⁴.

Такое положение сохранялось в губернии вплоть до введения в 1874 году в России всеобщей воинской повинности, когда для учета и обучения запасных нижних чинов, охраны мобилизационных запасов и для организации призыва в случае объявления мобилизации количество войск в губернии было увеличено.

Все расходы по размещению гарнизонов в Российской империи несло местное самоуправление. В случае если на местах не было приспособленных помещений, войска располагались на постой по бытовым квартирам. В Пермской губернии от постою были освобождены горные заводы с принадлежащими им селениями, поселения башкиро-мещеряков в Шадринском, Екатеринбургском, Красноуфимском, Осинском и Пермском уездах⁵. Считалось неудобным располагать войска в Чердынском и Верхотурском уездах по причине «весьма редкого населения и дурного сообщения между деревнями», в уездах Соликамском, Пермском, Кунгурском, в местах «соседних с Уральскими горами» по тем же причинам, в селениях черемисов и тептярей, «где солдаты, в отношении помещения и улучшения пищи, далеко не найдут таких удобств, как у русских крестьян», и в раскольничьих селениях «для предохранения солдат от вредного влияния сектаторов»⁶.

Постоянно в Пермской губернии располагались следующие воинские части:

Части Отдельного корпуса Внутренней стражи.

Внутренняя стража Пермской губернии входила в состав 4-го Округа (штаб округа в Казани) и управлялась особым начальником, независимым от командира Пермского Гарнизонного батальона. Внутренняя стража состояла из 1-го батальона, находящегося в Перми, 13-ти инвалидных команд во всех уездных городах и горном городе Дедюхине, 16-ти этапных команд, расположенных по большому Сибирскому тракту и 6-ти казачьих этапных команд от Оренбургского казачьего войска расквартированных по дороге между Екатеринбургом и Верхотурьем⁷.

Части Отдельного Оренбургского корпуса.

Караулы на казенных горных заводах Уральского горного хребта несли Оренбургские линейные батальоны № 7-й, 8-й, 9-й. Батальоны эти именовались горными, они составляли 2-ю бригаду 23-й пехотной дивизии и вместе со штабом бригады считались откомандированными от Отдельного Оренбургского корпуса. Главный начальник Уральских горных заводов пользовался в отношении этих батальонов правами начальника дивизии и подчинялся командиру Оренбургского корпуса⁸.

Чины Артиллерийского ведомства.

Для приемки продукции Уральских горных заводов в губернии находились офицеры артиллерии, Главный приемщик в Екатеринбурге, Старшие или Окружные приемщики в главных заводах горных округов и Младшие приемщики во всех горных заводах. Для помощи этим офицерам в приемке металлов, конвоирования транспортов с готовой продукцией и несения караулов от артиллерийских гарнизонов Московского, Сибирского и Оренбургского округов в губернию командировалось 220 нижних чинов артиллерии⁹.

Батальоны Военных Кантонистов.

В Перми и окрестных селах и деревнях были расположены два батальона Военных Кантонистов, входивших в состав 3-й Учебной бригады¹⁰.

Отдельный корпус Жандармов.

В Перми находилась Жандармская команда, входившая в состав 8-го округа (штаб в Омске)¹¹.

Воинские команды Министерства путей сообщения.

В городе Перми находился начальник 1-й дистанции 2-го отделения 6-го Округа Корпуса путей сообщения и публичных зданий. При нем находилась команда нижних чинов Военно-рабочей № 31 роты¹².

Воинские команды Ведомства Государственного коннозаводства.

В Перми находилась воинская команда при земской конюшне¹³.

Воинские команды Министерства внутренних дел.

Полицейские военные команды находились в городах Перми и Ирбите. К этим командам были прикомандированы казаки города Верхотурья, входившие в состав Тобольского городского полка. Кроме того, в помощь полиции Пермской губернии для поимки беглых были откомандированы 2 сотни Башкирско-мещеряцкого войска, которые были расквартированы в городах Перми, Оханске, Кунгуре, Красноуфимске, Екатеринбурге, Камышлове и Шадринске¹⁴.

Чины Морского министерства.

Для приемки продукции горных заводов для морского ведомства в губернии находился один офицер и несколько нижних чинов флота¹⁵.

Башкирско-Мещерякское войско.

На территории Пермской губернии находились 1-й, 2-й и 3-й кантоны Башкирско-мещерякского войска. Однако башкиры этих кантонов непосредственно службу не несли, а выплачивали деньги в казну, и представляли «нечто среднее между государственными крестьянами и башкирцами»¹⁶.

В «Обозрении» имеется не только перечень воинских команд размещенных в губернии и сведения об их подчинении, но данные о числе воинских чинов, их службе, размещении и довольствии. В качестве примера приведем гарнизон Перми и воинские команды, размещенные на Пермских заводах¹⁷.

Основной частью Пермского гарнизона был Пермский гарнизонный батальон. Гарнизон состоял из 23 офицеров и 1520 нижних чинов. Батальон располагался в деревянных казармах, построенных в разное время гражданским ведомством. 6 корпусов для холостых нижних чинов были построены в 1830, 1844 и 1847 гг., 2 корпуса для женатых нижних чинов в 1848 г. Корпуса представляли собой одноэтажные здания 18 сажен в длину и 8,5 — в ширину. Из хозяйственных построек при батальоне имелись здание для швальни и других мастерских, одноэтажный деревянный корпус 25 сажен длиной и 5 шириной, построенный в 1845 г., слесарная мастерская, кузница и цейхгаузы, построенные в 1845 г., экзерциз-гауз, длиной 30,5 сажен и 8 шириной, и баня. Ежедневно от батальона заступал караул, который содержал 36 постов. В караул назначались 1 обер-офицер, 4 унтер-офицера, 1 музыкант, 11 ефрейторов и 118 рядовых.

Пермская инвалидная команда состояла из 2 офицеров и 94 нижних чинов. Холостые нижние чины команды жили в трех деревянных корпусах, переданных военному ведомству Пермским приказом общественного призрения. «Корпуса эти хоть стары и ветхи, но к помещению людей удобны»¹⁸. Женатые нижние чины размещались по обывательским квартирам.

Пермская этапная команда состояла из 1 офицера и 47 нижних чинов. Нижние чины команды располагались по обывательским квартирам. При команде имелись цейхгауз и тюремное помещение, которые к 1851 году были «подвергнуты капитальному исправлению»¹⁹.

В подчинении начальника внутренней стражи так же находились бессрочноотпускные нижние чины, которых на 1 ноября 1850 г. в Перми и уезде проживало 398 человек.

Караульную службу при Мотовилихинском заводе несли чины 4-й роты 7-го Оренбургского линейного батальона. Четвертая часть этой роты была расквартирована на Юговском заводе в деревянных казармах и каждый день наряжала в караул в Мотовилиху 1 ефрейтора и 3 нижних чинов.

Из чинов Артиллерийского ведомства в Перми находились 1 офицер, 1 ефрейтор и 4 рядовых, занимавшихся приемкой продукции на Мотовилихинском и Юговском заводах.

На службе в двух батальонах военных кантонистов состояло 3 штаб-офицера, 13 обер-офицеров, 2 медика, 21 учитель чиновник, 50 учителей унтер-офицеров, 40 унтер-офицера «обучающих фронту», 2 фельдшера, 11 инвалидов, 148 нижних чинов и 11 казенных денщиков. Почти все они получали деньги на наем квартир в городе Перми от квартирной комиссии, за счет земской повинности. 2 обер-офицера, 2 чиновника и 14 нижних чинов жила вне города вместе с кантонистами расквартированы в селе Верхнемуллинском и деревнях Савино, Тарасово и Большой Буртым. Батальоны укомплектовывались кантонистами Пермской и Вятской губерний. В Пермских батальонах военных кантонистов на 16 августа 1850 г. находилось 3314 кантонистов. Из них собственно в Перми было расквартировано 2012 чел. 1212 кантонистов были расселены по обывательским квартирам в селениях в окрестностях Перми по Сибирскому и Московскому трактам. В Перми кантонисты размещались следующим образом: 113 человек жили у родственников, 805 — по обывательским квартирам и 1184 в «домах, нанятых от гражданского ведомства». 8883 кантониста Пермской губернии и 10 908 Вятской находились на воспитании родителей и проживали по своим домам.

В ведении батальона находились несколько зданий, обнесенных в 1847 г. общим забором. Главное одноэтажное здание имело размер $15\frac{2}{3}$ на $14\frac{2}{3}$ сажен «с завором» 8,5 на 7 сажен. Здание это к моменту составления «Обозрения» существовало уже более 35 лет. В нем находились классные комнаты и помещения сапожников. Три флигеля были построены в 1830 ($11\frac{1}{3}$ на 5 сажен), 1838 (19,5 на 18,5 сажен) и 1849 (16,5 на 6 сажен) годах. Во флигелях располагались: в первом — классные комнаты и помещения сапожников, во втором — столовая, классные комнаты и помещения портных и сапожников, в третьем — классные комнаты. Кроме того, имелись построенные в 1832 г. пекарня ($6\frac{1}{3}$ на $4\frac{2}{3}$ сажен), в 1838 г. кухня (4,5 на 4 сажен), в 1839 году баня ($4\frac{1}{3}$ на $5\frac{1}{3}$ сажен), в 1844 г. прачечная (10 на 4 сажен), в 1829 и 1833 гг. два цейхгауза ($4\frac{2}{3}$ на 3 и $5\frac{1}{3}$ на $3\frac{1}{3}$ сажен), в 1828 г. кузница (3 на 3 сажен), в 1849 году плотничная (8 и 4,5 сажен) и «весьма старый» погреб (8 на 4 сажен). Чины батальонов и кантонисты пользовались водой из 4 колодцев.

Нижние чины и кантонисты батальонов обучались «фронтальной службе без ружей». Из-за нехватки классных помещений, только 1419 человек обучались наукам в верхнем, писарском, нижнем и взаимного обучения классах. В верхнем классе 104 кантониста учились Закону

Божию, чистописанию, русской грамматике, ситуации, рисованию, изучали военные вопросы и военно-уголовные законы, в писарском 79 — Закону Божию, чтению, чистописанию, русской грамматике, счислению на счетах, делопроизводству, изучали военно-уголовные законы, в нижнем 469 — Закону Божию, чтению, чистописанию, арифметике, рисованию, в классе взаимного обучения 740 — Закону Божию, чтению, письму, арифметике, сапожному и портновскому ремеслу.

Жандармская команда в Перми состояла из одного обер-офицера, четырех унтер-офицеров, 24-х рядовых, одного коновала и одного кузнеца. При команде находились 1 офицерская, 1 одна подъемная лошадь и 24 лошади нижних чинов. Чины команды располагались по обывательским квартирам, а лошади в отведенной городом конюшне.

Полицейская военная команда Перми состояла из 3 унтер-офицеров и 18 рядовых. К команде были прикомандированы 9 казаков Верхотурской казачьей команды. «Казачья команда города Верхотурья составляют особенное сословие служилых людей, получившее начало в давние времена, сословие более гражданское, нежели военное. Они отправляют одну полицейскую службу в городах Перми и Верхотурье, провиантом удовлетворяются от провиантского ведомства, а жалованием от Тобольского городского полка»²⁰. От двух сотен Башкирско-мещерякского войска в Перми находились 16 человек при Пермской полиции и 36 при Пермском земском суде. Все чины полиции были расквартированы по обывательским квартирам.

Чины воинских команд ведомств путей сообщения (1 офицер и 10 нижних чинов), Государственного коннозаводства (1 штаб-офицер, 1 письмоводитель, 1 ветеринар, 4 ученика ветеринара, 1 старший кузнец, 3 ученика кузнеца, 6 урядников, 16 конюхов) артиллерийского и морского размещались по обывательским квартирам.

Снабжение продовольствием гарнизонов губернии, кроме горных батальонов, производилось Оренбургской полевой провиантской комиссией. От комиссии в Перми постоянно находился Дистанционный смотритель. Закупкой провианта и фуража и поставкой его в магазины занимались контрагенты по подрядам, которые ежегодно заключались в Пермской казенной палате по ценам, утвержденным командиром Отдельного Оренбургского корпуса. Хлеб для гарнизонов контрагенты закупали на ближайших рынках и торгах «из первых земельческих рук» и доставлялись в города по зимнему пути. В городах продукты помещали в провиантских магазинах. В Перми в магазине помещалось 14620 четвертей муки, 1370 четвертей крупы и 182 четверти овса. Из этого количества только 9500 четвертей помещались в пяти каменных, крытых железом отделениях магазина, а остальной провиант зимой складывался под открытым небом, а весной

в нанятых у обывателей амбарах. Для оплаты аренды казна выделяла ежемесячно 25 рублей серебром. Горные батальоны снабжались продовольствием от горного ведомства.

Предметами комиссариатского довольствия части гарнизонов Пермской губернии удовлетворялись от Казанской комиссариатской комиссии. Обмундирование артиллерийские нижние чины получали от тех гарнизонных рот, от которых были прикомандированы. Кроме того, в Комиссариатском ведомстве в Перми находился Военный госпиталь, устроенный на 10 офицеров и 250 нижних чинов. Больные в госпитале размещались в двух деревянных корпусах, построенных в 1819 и 1820 гг.

Военные являлись значительной частью городского населения губернии в середине XIX в. Так из проживающих в Перми 6345 человек мужского пола²¹ было 70 офицеров и военных чиновников и около 5000 строевых, нестроевых, бессрочноотпускных нижних чинов, казаков, башкирцев и военных кантонистов. Несомненно, военные оказывали значительное влияние на жизнь, культуру и экономику края. Гарнизоны Пермской губернии мало отличались от гарнизонов других внутренних губерний николаевской России. В целом они справлялись со своими функциями и в таком виде просуществовали до середины 1860-х годов, когда начавшиеся великие реформы полностью изменили облик Империи.

¹ ПОКМ-10759.

² http://ru.wikipedia.org/wiki/Макшеев,_Алексей_Иванович.

³ ПОКМ-10759. С. 591.

⁴ Там же. С. 595.

⁵ Там же. С. 592.

⁶ Там же. С. 593.

⁷ Там же. С. 597.

⁸ Там же. С. 603-604.

⁹ Там же. С. 611.

¹⁰ Там же. С. 613.

¹¹ Там же. С. 619-620.

¹² Там же. С. 620.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 623.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 623-624.

¹⁷ Составлено по ПОКМ-10759. С. 597-626.

¹⁸ ПОКМ-10759. С. 599.

¹⁹ Там же. С. 600.

²⁰ Там же. С. 622.

²¹ Там же. С. 249.

ПЕРМСКАЯ ПОЛИЦИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: АДРЕСА И РУКОВОДИТЕЛИ

28 января 2011 г. принят закон «О полиции». Большинство граждан Российской Федерации видят в этом акте копирование западных образцов. Немногие помнят из школьного курса истории о том, что полицейские учреждения уже существовали на территории Российского государства с января 1721 г. до марта 1917 г. Великий реформатор Петр I писал в регламенте городского магистрата: «...Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства»¹. «Полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, ... для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности»², — вторит ему первая статья нового закона, возрождающего это славное петровское начинание.

В свете принятия этого законодательного акта нужно с прискорбием отметить тот факт, что история пермской полиции практически не написана. Дореволюционные исследователи нашего города, уделяя значительное внимание развитию образования, местного самоуправления, медицины после реформ Александра II, не интересуются становлением, параллельно с ними, полицейских органов. Советские краеведы, в силу политической конъюнктуры и проблем с источниковой базой³, также не поднимали этой темы. В вышедших после 1991 г. трудах по истории города здания, принадлежащие полиции, были по-прежнему обойдены стороной⁴. Тем не менее, адрес-календари, списки владельцев недвижимого имущества, а также планы и карты города, которыми богат Государственный архив Пермского края⁵, позволяют с большой степенью вероятности определить месторасположение различных полицейских учреждений на территории города Перми в конце XIX — начале XX веков.

В царской России на уровне губернии существовали только органы тайной полиции — жандармские управления и охранные отделения. Пермское губернское жандармское управление располагалось в начале XX в. по адресу: ул. Покровская, 24 (дом Березина)⁶. С органом политического сыска в нем соседствовали обычные квартиры. Здание сохранилось до наших дней, ныне в нем расположен банк «ВТБ-24» (ул. Ленина, 24). В доме № 87 по ул. Монастырской в

1904 г. можно было найти Пермское губернское жандармское полицейское управление железной дороги⁷, главной задачей которого являлось осуществление полицейских функций в полосе отчуждения железных дорог. Здание до наших дней не сохранилось, сейчас на этом месте — обычный пятиэтажный дом. В Перми же находилось Губановское отделение Пермского жандармского полицейского управления железной дороги, в доме духовного ведомства на пересечении улиц Монастырской и Оханской⁸. Вероятнее всего, это здание Пермской духовной консистории, ныне — Пермский лечебно-физкультурный диспансер (ул. Газеты «Звезда», 2).

Что касается общей полиции, то до революции 1917 года она делилась на городскую и уездную, и не была централизована на губернском уровне, подчиняясь непосредственно губернатору⁹. В Пермской губернии самостоятельные городские полицейские управления существовали в двух городах: Перми и Екатеринбурге. Все остальные населенные пункты находились в распоряжении 12 уездных полицейских управлений. Пермское уездное полицейское управление в 1904 г. располагалось в доме на углу улиц Оханской (№ 40) и Малой Ямской (№ 18), принадлежащем жене действительного статского советника Наталье Петровне Богданович¹⁰. Здание не сохранилось. На этом месте в 1980—1987 гг. по проекту М.И. Футлика был построен Дворец культуры Всероссийского общества слепых (ул. Краснова, 18)¹¹.

Главой уездной полиции являлся уездный исправник. В Пермском уезде с 1894 по 1904 г. эту должность занимал статский советник Иулиан Яковлевич Гейбович¹². В Перми он проживал в доме на углу улиц Большой Ямской (№ 31) и Обвинской (№ 15), принадлежащем протоиерею Андрею Алексеевичу Никитину¹³. Застать дома Иулиана Яковлевича можно было далеко не всегда: работа исправника была связана с постоянными поездками в уезд. Несмотря на сравнительно долгий срок нахождения на высоком посту, репутация исправника была не безупречна. Еще по поводу его деятельности в качестве Осинского уездного исправника, по конфиденциальному донесению прокурора Пермского окружного суда от 20 июня 1889 г., было проведено негласное расследование. Прокурор обвинял И.Я. Гейбовича в незаконных действиях при выдаче билетов на сплав леса. За эти услуги исправник, согласно донесению, «получил в дар» от лесопромышленников более 3 тыс. руб. и лисий мех¹⁴. Однако никаких доказательств расследование не обнаружило. Осинский уездный исправник Петр Дмитриевич Маршалов в своем секретном рапорте от 28 мая 1892 г. предположил, что подобные слухи распускали недоброжелатели Гейбовича: судебный следователь Константин Обнинский и товарищ прокурора Глеб Кошанский¹⁵. Во время пребывания И.Я. Гейбовича на посту непре-

менного члена Красноуфимского уездного по крестьянским делам присутствия (1889—1894) в его работе также обнаруживались некоторые недочеты¹⁶. По всей видимости, Иулиан Яковлевич был знаком с известным лесоводом, археологом и коллекционером Федором Александровичем Теплоуховым. По крайней мере, когда в 1899 г. возникла необходимость переслать документы сына Ф.А. Теплоухова из Казанского университета в Юрьевский, пермский уездный исправник, не ограничиваясь официальным распоряжением, направил письмо с личной просьбой, чтобы ускорить этот процесс¹⁷.

В сложные годы Первой русской революции Пермскую уездную полицию возглавлял надворный советник Антон Людвигович Правохенский. Прежде чем занять эту должность, он долгое время служил становым приставом в Мотовилихе, а по данным на 1 ноября 1904 г. значился в должности помощника Пермского уездного исправника¹⁸. Еще приставом 3-го стана, 30 августа 1892 года, Антон Людвигович удостоился ордена Святого Станислава, 3-й степени¹⁹. На время его работы исправником пришлось многочисленные акты политического террора против полицейских, среди них — убийство социал-демократами помощника пристава Мотовилихинского завода Теодора Францевича Косецкого; удачное покушение на помощника пристава 2-й части г. Перми Епишина; подрыв казармы конно-полицейских стражников Мотовилихинского завода²⁰, и др. В 1907 г. А.Л. Правохенский был переведен на должность Кунгурского уездного исправника²¹. Горизонтальная мобильность была вообще типична для среднего и высшего командного состава полиции Пермской губернии.

В 1910-е гг. Пермское уездное полицейское управление меняет свое местоположение: переезжает на ул. Безымянную²² (ныне ул. Малышева). Эта маленькая улочка, вполне оправдывающая свое название, насчитывала всего 14 домов²³. Возможно, уездное управление расположилось в доме № 10, в котором в 1904 г. находилась квартира секретаря полицейского управления²⁴. Сейчас на месте этого здания находится второй корпус торгово-развлекательного центра «Семья» (ул. Революции, 13).

Последним главой Пермской уездной полиции был коллежский асессор Георгий Васильевич Кадомцев (занимал эту должность с февраля 1912 по март 1917 гг.). Георгий Васильевич имел два ордена: Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 3 ст., а кроме того, семь медалей и четыре других знака отличия. Начав карьеру со службы в экспедиции о ссыльных Пермского губернского правления в 1890 г., в 1909 г. он занял должность Ирбитского уездного исправника, откуда был переведен в Пермь. В качестве Пермского уездного исправника он получал благодарности от товарища Министра внутренних дел

за образцовый порядок в уезде, и от вице-губернатора — за умелые действия во время забастовки рабочих Чусовского завода в феврале-марте 1914 года. Правда, в 1915 г. против исправника возбуждалось уголовное дело по обвинению его в преступном бездействии, однако после проверки прокурора оно было прекращено²⁵.

Кроме того, на территории современной Перми, в Мотовилихе, в конце XIX — начале XX века, в разное время, располагались квартиры приставов 3-го и 4-го станов Пермского уезда, а также полицейского надзирателя.

Помимо уездного полицейского управления в Перми на Сибирской, 7, между улицами Торговой и Петропавловской, имелось городское полицейское управление²⁶. Дом, как и все остальные здания городской полиции, принадлежал не частным лицам, а Пермскому городскому обществу. Здание дошло до наших дней (ныне — ул. Сибирская, 11а). Проект его перестройки под Пермское полицейское управление был составлен городским архитектором Василием Васильевичем Попатенко (1841—1920), занимавшим эту должность с 1878 по 1912 гг.²⁷ В начале XX века здание обладало более привлекательным фасадом. Изначально оно было отделено от пристроя Главного дома городского общества (ныне ул. Сибирская, 11) каменной оградой с воротами, а позднее соединено с ним по второму этажу. В этом пристрое находились камеры для содержания арестованных. С правой стороны здания городского полицейского управления имелся собственный одноэтажный пристрой, в котором располагались помещение для нижних чинов полиции, архив, сарай и конюшни. Этот пристрой, по всей видимости, был снесен при возведении гостиницы Центральной в начале 1930-х гг. В основном здании управления, на первом этаже находились квартиры старшего городского и четырех нижних чинов полиции, канцелярия, приемная, передняя. Весь второй этаж отводился под квартиру полицмейстера²⁸.

Полицейские менялись гораздо реже, чем уездные исправники. В конце XIX — начале XX вв. этот пост занимали: статский советник Николай Сергеевич Какорин, надворный советник Александр Павлович Соколов и губернский секретарь Николай Николаевич Церешкевич. Последний находился в этой должности с 1908 по 1917 гг.²⁹ Пермский губернатор Иван Францевич Кошко в мемуарах дал весьма нелестную оценку личности последнего пермского полицмейстера: «Жизнь он вел рассеянную, постоянно принимал участие в кутежах и принадлежал к особой компании, которая сама величала себя «компанией алкоголиков». Кроме того, в «Воспоминаниях губернатора» сообщается, что жил Н.Н. Церешкевич, явно не по средствам, а также упоминается анонимная жалоба, полученная И.Ф. Кошко, о том, что Николай

Николевич «покровительствует разврату» и «расплодил по Перми дома свиданий»³⁰. В целом, через мемуары И.Ф. Кошко отчетливо проходит противопоставление Перми и Екатеринбурга, явно в пользу последнего. Эта дихотомия персонифицировалась для губернатора в образах двух полицмейстеров: «хорошего» екатеринбургского и «плохого» пермского, а потому вряд ли оценке И.Ф. Кошко стоит полностью доверять. Более того, и сам Иван Францевич признавал, что его предшественники на губернаторском посту, Александр Владимирович Болотов и Виктор Александрович Лопухин, как и многие другие, отзывались о Н.Н. Церешкевиче крайне положительно.

Помимо городского полицейского управления в конце XIX века в Перми были две полицейские части, за каждой из которых закреплен надзор за половиной города. В 1903 г. к ним прибавилась третья полицейская часть³¹.

Первая часть первоначально располагалась в здании Пермского городского полицейского управления, и только в 1908 г. была перенесена с ул. Сибирской, 7, в дом по ул. Оханской, 20³². Это здание было построено в 1873 г. и сохранилось до сих пор: сейчас в нем — Пермский краевой союз потребительских обществ (ул. Газеты «Звезда», 20). В 1914 г. первая полицейская часть переезжает во второй раз: в дом городского общества по адресу ул. Петропавловская, 14, по соседству с Дамским попечительством о бедных. В усадьбу полицейской части входил небольшой двухэтажный полукаменный дом и два деревянных, не считая хозяйственных построек³³. Сейчас эти здания не сохранились. На этом месте находится 5-этажный жилой дом.

Вторая полицейская часть г. Перми в начале XX в. располагалась на Хлебном рынке, в помещениях дома городского общества по адресу: ул. Красноуфимская, 13³⁴. Это живописное здание было построено в середине XIX в. С 1950-х гг. в нем размещалась фельдшерская школа, в настоящее время — Пермский базовый медицинский колледж (ул. Советская, 65).

Третья полицейская часть с самого своего появления находилась в конце ул. Монастырской на пересечении ее с ул. Дальней, в двухэтажном каменном доме № 160/3³⁵. В 1886 г. дом принадлежал Даниилу Федоровичу Шибанову, кроме этого владевшему многими другими зданиями в городе³⁶. Согласно списку владельцев недвижимости 1898 года, дом перешел в руки Маркела Федоровича Бадина³⁷, который, вероятно, и продал его городскому обществу. В начале XX века, вскоре после третьей полицейской части, в усадьбе расположилась еще и пожарная часть³⁸. В отличие от полицейского учреждения, она значилась по этому адресу и после установления советской власти³⁹. В первоизданном виде здание до нас не дошло: его второй этаж перестроен.

В статье представлены лишь немногие адреса и руководители полицейских учреждений города Перми: список их далеко не полон, некоторые адреса нуждаются в уточнении. Это исследование — лишь первый шаг в изучении исторических зданий нашего города, связанных в прошлом с историей пермской полиции.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 6. № 3708.

² Федеральный закон «О полиции» № 3-ФЗ от 07.02.2011 (в ред. Федерального закона № 169-ФЗ от 01.07.2011). Ст. 1.

³ В ГКБУ «Государственный архив Пермского края» фонд Пермской городской полиции на хранение не поступал. По словам директора Пермского музея полиции при ГУВД Пермского края Л.Н. Бердниковой, адмирал А.В. Колчак в ходе эвакуации вывез или уничтожил делопроизводство Пермского городского полицейского управления. Можно предположить, что он, не без оснований, опасался репрессий против бывших полицейских.

⁴ См.: Корчагин П.А. Губернская столица Пермь. — Пермь, 2006; Пермь от основания до наших дней. — Пермь, 2000; Шешилова А.Е. Старая Пермь: Дома, улицы, люди. 1723—1917. — Пермь, 1999; и др. В книге «Пермь от основания до наших дней», хотя органы полиции и упоминаются, но конкретные, принадлежащие им здания не указываются.

⁵ Для определения современного местоположения зданий использована база «ДубльГИС», а также карты г. Перми 1897, 1903, 1908, 1914 гг. (ГАПК. Ф. 279. Оп. 2. Д. 879; Ф. 716. Оп. 3. Д. 6, 9, 13).

⁶ Адрес-календарь города Перми на 1904 г. — Пермь, 1904. — С. 81, 748.

⁷ Там же. С. 81.

⁸ Там же.

⁹ Курицин В.М. История полиции России: краткий ист. очерк и основные документы: учеб. пособие. — М., 1999. — С. 9.

¹⁰ Адрес-календарь города Перми... С. 151; Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми. С приложением сборника обязательных постановлений Пермской Городской Думы для жителей г. Перми и плана г. Перми. — Пермь, 1898. — С. 68.

¹¹ Улица Газеты «Звезда» [электронный ресурс] // Метросфера.ру URL: <http://metrosphera.ru/history/streets/?pub=64> (дата обращения: 18.09.2011).

¹² Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1894 год. — Пермь, 1893 — С. 59; Адрес-календарь города Перми... С. 151. Здесь и далее дан наиболее высокий чин руководителя в этой должности, который удалось установить по адрес-календарю или личному делу.

¹³ Адрес-календарь города Перми... С. 151; Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми... С. 64.

¹⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1117. Л. 1-1об.

¹⁵ Там же. Л. 7-7об.

¹⁶ ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 96. Л. 16об.

¹⁷ ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 580. Л. 2-3.

¹⁸ Памятная книжка и Адрес-календарь Пермской губернии на 1888 год. — Пермь, 1887. — С. 10; Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1905 год. — Пермь, 1905. — С. 26.

¹⁹ ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 461. Л. 2.

²⁰ ГАПК. Ф. 132. Оп. 3. Д. 5. Л. 34; Там же. Д. 273. Л. 19; Там же. Д. 419. Л. 10; ГАПК. Ф. р-732. Оп. 1. Д. 250. Л. 9.

²¹ Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1908 год. — Пермь, 1908. — С. 82.

²² Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1914 год. — Пермь, 1914. — С. 8.

²³ ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 13. Л. 1.

²⁴ Адрес-календарь г. Перми на 1904 год... С. 151.

²⁵ ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 758. Л. 42-46, 50об.-51, 58, 59, 60; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Ст. 339, Ст. 341. П. 1.

²⁶ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 105. Л. 4; ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 6. Л. 1; Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

²⁷ ГАПК. Ф. 716. Оп. 1. Д. 92. Л. 1; ГАПК. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 3360. Л. 3.

²⁸ ГАПК. Ф. 716. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; Там же. Д. 90. Л. 1; Там же. Д. 92. Л. 1.

²⁹ Адрес-календарь Пермской губернии на 1888 год... С. 9; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1905 год... С. 26; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1907 год. — Пермь, 1907. — С. 182; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1908 год... С. 13; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1909 год. — Пермь, 1908. — С. 64; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1917 год. — Пермь, 1916. — С. 11.

³⁰ *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора. — Пермь, (1911-1914); То же. — Екатеринбург, 2007. — С. 43-44.

³¹ Адрес-календарь Пермской губернии на 1888 год... С. 9; ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 6. Л. 1.

³² Адрес-календарь Пермской губернии на 1908 год... С. 13; ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 9. Л. 1.

³³ ГАПК. Ф. 279. Оп. 7. Д. 3. Л. 1; ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 13. Л. 1; Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми... С. 20.

³⁴ ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 6. Л. 1; Там же. Д. 13. Л. 1.

³⁵ ГАПК. Ф. 279. Оп. 7. Д. 4. Л. 1; ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 6. Л. 1; ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 13. Л. 1.

³⁶ *Минеев Г.И.* Полный адрес домовладельцев губернского города Перми, с приложением подробного городского плана. — Пермь, 1886. — С. 59.

³⁷ Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми... С. 11.

³⁸ ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 9. Л. 1.

³⁹ Адресный указатель-справочник по г. Перми на 1926 г. — Пермь, 1926. — С. 10.

«СКИТАНИЯ» ДЯГИЛЕВЫХ. 1891—1893 ГОДЫ

Воспоминания Елены Валерьяновны Дягилевой уже становились предметом нашего исследования, в котором акцентировалось внимание на восприятии уроженкой Петербурга нравов пермского общества и описании бытовых подробностей жизни известной семьи в 1880-е годы¹.

Счастливым для Елены Валерьяновны и ее семейства время пребывания на пермской земле закончилось 23 мая 1890 года, когда Дягилевы были объявлены банкротами. Особняк на улице Сибирской — милые сердцу «Пермские Афины» — продан с аукциона.

Позднюю осень 1890 года Елена Валерьяновна и ее муж Павел Павлович, находившийся в отпуске, провели в Петербурге, где учились младшие сыновья Валентин и Юрий. Старший — Сергей — путешествовал по Европе, воспользовавшись своим состоянием, оставшимся ему от матери — Евгении Николаевны Евреиновой-Дягилевой.

Пребывание в столице четы Дягилевых было связано и с тем, что полковник Дягилев, которому исполнилось сорок два года, занимался хлопотами по своему «движению в службе»². Хлопоты оказались не слишком успешными, и в начале 1891 г. Дягилев вернулся в Пермь, а вот Елена Валерьяновна вновь поселилась здесь лишь глубокой осенью того же года.

В отсутствие семьи, оставшись без дома, Павел Павлович нашел пристанище на служебной квартире у подполковника Михаила Ардалионовича Баралевского, исполнявшего в Перми обязанности уездного исправника. Павел Павлович во время учебы в Николаевском кавалерийском училище «товарищами своими <...> был любим, как и вообще все братья Дягилевы везде и всегда, но ближе других он сошелся с юнкером Баралевским», дружба с которым «не ограничилась школьными отношениями, а продолжалась всю жизнь»³. В своих мемуарах Е.В. Дягилева дала следующую характеристику Баралевскому: «Михаил Баралевский был во всем противоположностью Павлу Дягилеву. Маленький, худенький, исполнен торжественной важностью, которая часто почему-то встречается у людей очень маленького роста, обидчивый до крайности, заносчивый и вечно несчастный, он с юношеских лет пленился веселым, красивым, беззаботным, простым кротким товарищем. Чувство это проявлялось главным образом в болезненном, упорном стремлении быть во всем отражением друга, стремлении под-

час комичном, но которое не покидало Баралевского во всю его жизнь. В 1867 г. приятели были произведены в офицеры: один в кавалергарды, другой в петергофские уланы»⁴.

В Пермь Баралевский прибыл в 1883 г. майором и назначен старшим сверхштатным чиновником особых поручений при пермском губернаторе. Едва прослужив два месяца, он был «по постановлению Пермского Губернского Правления определен Камышловским уездным исправником 29 февраля 1884 года, после чего Высочайшим приказом по военному ведомству, от 9 апреля 1884 г. уволен из военной службы, для определения к статским делам, с награждением чином подполковника и, наконец, по постановлению Пермского Губернского Правления, 17 декабря 1884 г. переведен на должность Пермского уездного исправника»⁵.

Как следует из его формулярного списка, Михаил Ардалионович Баралевский происходил из дворян Петербургской губернии, был женат на дочери статского советника Ольге Адамовне Иенишь и имел двух сыновей, старший из которых, Василий, «по метрическому свидетельству значится крестником Его Величества Государя Императора»⁶.

По воспоминаниям Е.В. Дягилевой, в свое время Баралевский «сделал предложение <...> вслед за тем, как друг его [Павел Дягилев] стал женихом Евгении Николаевны⁷, но венчаться пришлось ему раньше. <...> Старший сын его, Вася, родился годом раньше Сережи, а меньшей уже после смерти Жени и назван Евгением в ее память⁸. Кстати, жена Баралевского приходилась ему дальней родственницей, привлекая «вниманье государя Александра II своей красотой в бытность свою в Екатерининском институте»⁹.

В Пермь Баралевский приехал разведенным после двенадцати лет брака человеком «с воспрещением ему <...> навсегда вступать в брак»¹⁰. Павел Павлович Дягилев тогда выхлопотал другу место исправника и помог устроиться на новом месте.

В тяжелом для Дягилевых 1890-м году Михаил Ардалионович, судя по всему, также испытывал определенные материальные затруднения и даже обратился к губернатору с просьбой ходатайствовать перед министерством внутренних дел «о замене производства его [Баралевского], за выслугу лет, в следующий гражданский чин» денежной выплатой в 750 рублей¹¹. Тем не менее, почти полгода старые товарищи Баралевский и Дягилев делили кров.

Осенью 1891 г. в Пермь вернулась Елена Валерьяновна и поселилась у своей золовки Натальи Павловны Дягилевой (Таленьки), которая в то время жила в доме Сведомского, на углу улиц Вознесенкой и Сибирской¹².

Старший брат Павла Павловича Дягилева Иван Павлович в одном из своих писем к матери говорил о своей сестре Таленьке, что это «воплощенный ангел»¹³. По словам Е.В. Дягилевой, Таленька — «...маленькая кокетливая блондинка, была, говорят, очень мила в молодости, несмотря на отсутствие настоящей красоты, как у старшей сестры¹⁴; прелестная дурнушка, что называется. <...> Полная жизни, неисчерпаемого веселья и неотразимого юмора», обладавшая «удобным, приятным характером»¹⁵.

Первый муж Натальи Павловны, горный инженер Александр Иванович Антипов, в 1863—1864 гг. состоял членом Пермского губернского по крестьянским делам присутствия от горного ведомства, а с 1865 г. — служил чиновником по особым поручениям при Министерстве финансов. Несколько лет молодая семья Антиповых жила в Перми, в доме на Сибирской, под покровительством его хозяина, Павла Дмитриевича Дягилева. Следует особо отметить, что тогда «было положено основание двум семейным группам, которые от времени до времени обменивались между собой членами, но держались одна — около Анны Ивановны в Петербурге, другая — около Павла Дмитриевича в Перми¹⁶. Именно тогда «Павел Дмитриевич нашел необходимым увеличить пермский дом, и воздвигнутая по его собственному плану пристройка оказалась вдвое больше первоначального корпуса»¹⁷.

К сожалению, Таленька была не слишком счастлива в личной жизни. Антипов проявил себя как серьезный ревнивец и педант. Расставшись с ним, в 1882 году она вышла замуж во второй раз за своего многолетнего поклонника Николая Николаевича Кубитовича — студенческого товарища своего младшего брата Николая (Кукушки). Впрочем, этот брак продлился недолго, в 1885 г. супруги расстались. В основном, Таленька жила в Петербурге, но в 1889 г. вместе с младшими детьми переехала в Пермь и смогла приютить Елену Валерьяновну.

Под одной крышей с мужем Елена Валерьяновна воссоединилась (опять ненадолго) только в начале 1892 года, когда Дягилевы поселились «в домике Капачинского с тремя окошечками на улице»¹⁸. В 1886 г. среди пермских домовладельцев значился Иван Васильевич Капачинский, проживавший в доме № 16 по улице Петропавловской¹⁹ (дом не сохранился). Капачинский служил в чине коллежского советника в Пермской контрольной палате²⁰. В это же время, как пишет Е.В. Дягилева, дягилевская несостоятельность была признана судом «несчастной».

Последнюю осень (1892 года) в Перми Дягилевы провели в «доме Яковкина на Ямской»²¹. Ни о хозяине, ни о доме сведений обнаружить не удалось.

Весной 1893 г. Павел Павлович Дягилев получил долгожданное назначение командиром Ставропольского полка, который квартировал недалеко от Одессы, в Балте. Дягилевы покидают Пермь навсегда. Немного задержалась здесь только Таленька, которой покровительствовала губернаторская чета Погодиных²².

¹ Боброва Е.Е. «Я была очарована домом...» (пермский дом Дягилевых в воспоминаниях Е.В.Дягилевой) // Пермский дом в истории и культуре края: материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. — Пермь. 2008. — С. 107-111.

² Дягилева Е.В. Семейная запись о Дягилевых. — СПб.; Пермь, 1998. — С. 203.

³ Там же. С.39.

⁴ Там же. Дягилев — в кавалергарды, Баралевский — в уланы.

⁵ ГАПК. Ф. р-35. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2-6.

⁷ Евгения Николаевна Евреинова (1848—1872), первая жена П.П. Дягилева, мать С.П. Дягилева.

⁸ Дягилева Е.В. Указ. соч. С. 127-128.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАПК. Ф. р-35. Оп. 1. Д. 11. Л. 2-6.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² Дягилева Е.В. Указ. соч. С. 207.

¹³ Там же.

¹⁴ Речь идет об Анне Павловне Дягилевой, в замужестве Философовой.

¹⁵ Дягилева Е.В. Указ. соч. С. 35.

¹⁶ Родители Павла Павловича Дягилева.

¹⁷ Дягилева Е.В. Указ. соч. С. 35.

¹⁸ Там же. С. 207.

¹⁹ ПКМ. 16927/119. *Минеев Г.И.* Полный адрес домовладельцев губернского города Перми, с приложением подробного городского плана. — Пермь. 1886.

²⁰ ПКМ. 16905/17. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 год. — Пермь. 1890. — С. 24.

²¹ Дягилева Е.В. Указ. соч. С. 207.

²² Наталья Павловна Дягилева помогала супруге губернатора А.Г. Погодина в патронировании Общины сестер милосердия в Перми.

ПЕРВЫЕ ЭЛЕКТРО-ТЕАТРЫ В ПЕРМИ: ТОПОГРАФИЯ, ПУБЛИКА, КИНО

Кино появилось в Перми в конце XIX века. Синематографические сеансы жители города увидели осенью 1896 г. Это случилось сразу же после столичных премьер и кинодемонстраций во время Всероссийской выставки, проходившей в том году в Нижнем Новгороде. Тогда же благодаря строящемуся Великому Сибирскому железнодорожному тракту синематограф начал свой первый гастрольный тур по городам Урала и Сибири.

Показы синематографа прошли в самом центре Перми, на улице Сибирской, в доме предпринимателя В. Ковальского. Кинематограф разместился на втором этаже этого крупного купеческого особняка. «Вход парадный» — гласила афиша. Используя аниматограф Поупа, гастролирующий кинодемонстратор С. Маржецкий показал для пермских обывателей известные люмьеровские ленты. В рекламе кинематограф приписывался Томасу Эдисону¹. Имя для конца века знаковое, ставшее символом технологического «прорыва» столетия. Оно способно было привлечь в кинематограф немало зрителей. На демонстрацию нового зрелища провинциалы потянулись, но не сразу.

Начальный период существования кино называется балаганным или передвижным. Многочисленные кинопередвижки колесили по просторам России, показывая незамысловатые сюжеты, снятые различными студиями и с помощью разнообразных киноаппаратов. Изобретений в этой области было немало².

На рубеж веков приходится кризис кино. Буржуазия утратила интерес к не совсем еще совершенной технической новинке. Спасли кинематограф народные балаганы. Кино в провинциальной Перми показывали также как и в других уголках планеты — в деревянных балаганчиках, передвижных цирках, музеях паноптикумах и даже зверинцах. «Театр г-на Эйгуса», «Музей г. Боцва», «Оптические представления П.В. Деринга», «Музей Ф. Фець» — такими афишами был обклеен город, ими пестрили губернские газеты. Во время гастролей знаменитых цирков — Н.К. Боровского, А. Сур и других — кинематограф теснил пантомиму и соперничал с чрезвычайно популярной в те годы цирковой борьбой. Кино сразу стало любимым зрелищем массового зрителя, его показывали в балаганах на Сенном и Дровяном рынках, в Козьем загоне.

«Что представлял собой биограф? — вспоминал кочевой период существования кино пионер русской кинематографии А. Ханжонков. — Любой сарай, амбар, склад, магазин, все, что имело крышу и могло укрыть от дождя «уважаемых посетителей», — годилось под биограф. В таком «зрительном зале» отгораживалась будка для аппарата, обычно у входа в помещение или над ним; на противоположной стене прибывался полотняный экран; под экраном располагался пианист; мебель состояла из скамеек, разносортных стульев, но часто сеансы давались и без мебели, это значительно увеличивало вместимость зрительного зала, следовательно, и доходы предпринимателя»³.

Избранная публика могла видеть синематограф в Городском театре, в Благородном и Общественном собраниях, на Рождество и Пасху здесь демонстрировался, как гласили афиши, «Настоящий Люмьер». Передвижные кинематографы останавливались в частных домах, а самым излюбленным местом их пребывания весной и летом был Загородный сад за бульваром.

Первый специально построенный под кинематограф балаган был сооружен в 1907 г. и назвался «Одеон». Возможно, это название выбрали по аналогии с американскими никель-одеонами, за просмотр в которых необходимо было платить мелкую монетку — никель. Пермский летний театр «Одеон» возник на углу Б. Ямской и Сибирской улиц и представлял собой деревянный дом, который, впрочем, вскоре был выставлен на продажу, а потом сгорел.

Между тем с того момента электро-театры в Перми начали расти как грибы, называясь — «Аполло», «Модерн», «Иллюзион», «Аквариум», «Мираж»... Так называлось большинство кинематографов, как в столицах, так и по всей провинциальной России.

В 1908—1909 гг. кинематограф постепенно становится «оседлым». «Пресловутые иллюзионы» по-прежнему «покушаются» на городские театры и клубы, но в основном начинают арендовать постоянные помещения в домах зажиточных горожан или строить собственные здания. Кино-гастролеры задерживаются на месяц, два... и получается что на годы.

Одним из первых стационарных и постоянно действующих кинотеатров в Перми оказался театр «Иллюзион». В отличие от «Одеона» у него была более длинная судьба. Хотя начиналось все как всегда, и очередная кинопередвижка не собиралась оставаться здесь надолго, объявляя в начале 1908 г. о своем прибытии, далее что театр намерен провести Пасху, потом лето. В конце концов, «первоклассный» театр «Иллюзион» «задержался» в Перми до 1910 г.

У краеведа Е. Спешиловой читаем: «В доме по Оханской, 26а, на втором этаже с 1908 по 1912 год размещался лучший в городе иллюзион Павлова»⁴. Эта информация спорна, поскольку И.П. Павлов, по всей видимости, закрывает «Иллюзион» в 1910 г. «Пермские губернские ведомости» сообщали: «Помещающиеся в саду общественного собрания электро-театры «Иллюзион» и «Патэ» на днях закрыты, из-за отсутствия в них публики. Электро-театр Патэ будет открыт на следующий год летом. «Иллюзион», должно быть, больше работать не будет, т.к. владелец его, И.П. Павлов, не хочет оставаться в Перми. В настоящее время г. Павлов находится в городе Елабуге (вятской губернии), где у него выстроен электро-театр»⁵. С осени 1910 г. реклама театра «Иллюзион» не встречается в местной прессе.

Открылся «Иллюзион», как гласила реклама, «рядом с рестораном Трутнева», престижным городским рестораном. Здесь на втором этаже полукаменного дома по Оханской улице, 26, размещалось зимнее помещение «Иллюзиона». В печати встречаем информацию, что «Иллюзион» находился в доме М.И. Добрадина⁶. Это заметка в губернских ведомостях за 1908 год. У Е. Спешиловой отмечено: «В 1909 г. у бывших домов Сесюнина появился новый хозяин — Матвей Иванович Добрадин. При гостиничных номерах на Екатерининской, 72, открылся ресторан Николая Ефимовича Трутнева»⁷. «Иллюзион» в доме М. Добрадина существовал, как свидетельствуют источники, уже в 1908 году⁸.

В более поздних печатных сообщениях упоминается, что электро-театр «Иллюзион» располагался в доме Журавлева по Покровской улице⁹. В фонде Городской управы также есть документ, подтверждающий существование в 1910 г. некоего электро-театра на усадебном месте жены пермского мещанина Веры Петровны Журавлевой¹⁰.

Нередко один и тот же электро-театр арендовал разные помещения и случалось, что переезжал из одного дома в другой.

В 1908 г. в Перми открывается, по крайней мере, еще два электро-театра — «Марс» и «Звезда», и реклама репертуара кинематографов начинает ежедневно печататься в губернских газетах, их повседневная жизнь подробно освещается в хронике, позволяя нам сегодня ее воссоздать.

Большинство электро-театров были по-прежнему неблагоустроенными, с деревянными скамейками, отсутствием комфорта и мер санитарно-гигиенической безопасности. Театр «Иллюзион» вмещал около 200 человек, однако имел всего один выход. В организации деятельности кинематографов с самого начала большое внимание обращали на «пожарную часть». Архивные документы подтверждают, что при открытии электро-театров их помещения освидетельствовались в техническом и

пожарном отношении, и акт освидетельствования представлялся в Строительный Отдел Губернского Правления. Иллюзионы горели, как прежде горели ярмарочные балаганы. История кинематографа началась с крупного пожара на Благотворительном базаре в Париже в 1897 г. Сообщения о пожарах электро-театров в России встречаются в прессе довольно часто: киноаппаратура была не совершенна, сами театры размещались в деревянных постройках. «В пожарном отношении иметь один выход для публики (собирающейся до 200 человек) не совсем удобно, — характеризовал обозреватель «Пермских губернских ведомостей» деятельность «Иллюзиона», — тем более что лестница не шире полутора аршин и довольно крута»¹¹.

Организацией театра «Иллюзион» в Перми ведал антрепренер И.П. Павлов. Сразу заметим, что с его именем будет связано не одно кино-начинание в городе. Он так же открыл театр в Вятке, однако «Иллюзион» в Вятке осенью 1908 г. сгорел. Пожар в таких электро-театрах обычно начинался в аппаратном помещении. В этой связи вспоминается замечательный фильм «Новый кинотеатр Парадиз», повествующий о жизни небольшого итальянского городка, кинотеатра «Парадиз», расположенного на центральной площади и концентрирующего вокруг себя всю жизнь горожан. Незабываемый образ киномеханика в фильме создал Филипп Нуаре, и самым драматичным эпизодом фильма стал пожар в будке киномеханика, спасение героя маленьким мальчиком. Так, и в иллюзионе Павлова в Вятке огонь вспыхнул в аппаратном отделении, через отверстие прожектора перекинулся в зрительный зал, нашел обильную пищу в драпировке помещения; в один миг пламенем были охвачены стены и потолок. Паника наблюдалась сильная, писали газеты, зрители выбегали без верхней одежды и получали ее потом в полиции. К счастью, обошлось без жертв, однако увечья были, не маленькими оказались убытки¹².

Работали городские кинематографы в праздничные дни с 1 часу дня до 11 часов вечера, в будни — с 5 часов вечера. В летние дни сеансы в театрах продлевались до 12 часов ночи. В «Иллюзионе» имелись «хорошее фойе и чайно-фруктовый буфет». Расценка мест зависела от удаленности сцены от экрана, чем дальше, тем дороже. Меньше всего платили учащиеся — 15 копеек, с такой же суммы начиналась цена в балаганных театрах, однако в основном билеты в кинематографы на момент их открытия стоили от 30 до 50 копеек.

«Иллюзион» летом перебирался в Загородный сад за бульваром. Это традиционное место гастролирующих синематографов, его облюбовали и стационарные кинотеатры. Под летнее отделение «Иллюзиона» был перестроен т.н. народный буфет в саду. «Все внут-

реннее помещение будет капитально переделано исключительно для целей этого театра, — писал корреспондент, — и если владельцем его г. Павловым общий тон предприятия будет поддерживать тот же, что и в зимнем помещении, то, несомненно, он может рассчитывать на успех»¹³.

Электро-театр, устроившийся в переделанном помещении бывшего народного буфета, выглядел, по свидетельствам современников, очень нарядно. Вполне доступные цены привлекали сюда разнообразную публику, особенно в праздничные дни. Летом сеансы в «Иллюзионе» состояли из 6 и даже 9 отделений. Картины, конечно, подбирались хаотично. После сеансов иной раз давались танцы, играл духовой оркестр. Заметим, что в дальнейшем в загородном саду будут проводить свое летнее каникулярное время другие городские кинематографы — «Триумф», «Отдых» и пр. Установка огнедействующего двигателя и открытие буфета с продажей крепких напитков — им запрещалась¹⁴.

В 1909 г. — открываются электро-театры «Аполло», «Модерн» и «Прогресс». В 1910 г. — «по образцу лучших заграничных кинотеатров» возникает театр «Триумф», на проспекте действует кинематограф Патэ. Кинематографов с каждым годом становится все больше, растет спрос на разнообразные картины, и они незамедлительно выбрасываются на кинорынок. Меняется обустройство иллюзионов, хотя их повседневность в отличие от самой кинопромышленности изменялась медленно.

Став стационарными большинство электро-театров, не оказываются, тем не менее, более удобными для публики. Помещения были в основном небольшими, гардеробы отсутствовали, зрители приходили в залы в верхней одежде, стесняли других посетителей. Городская хроника свидетельствует: «Большинство посетителей заходят в шубах, шапках, чем еще значительней стесняется пространство зрительного зала, духота невозможная и хотя имеется электрический вентилятор, но он бессилён»¹⁵. Электро-театры по-прежнему балаганы, функционирующие наряду с балаганами на базарных площадях, которых также со временем не уменьшилось. Появление стационарных электро-театров вовсе не означало, что балаганный период существования кинематографа подошел к концу. Напротив, в некоторых местах ярмарочное, балаганное кино в этот период переживает расцвет, о чем красноречиво пишет знаменитый историк кино Жорж Садуль.

Среди самых популярных «балаганных» адресов в этот период — Дровяная площадь. Для увеселения народа на площади развешивались балаганы под названиями «Театр» и «Театр-аквариум»,

действовала карусель, проходили лотереи. Корреспондент свидетельствовал, что по праздникам здесь наблюдается «столпотворение вавилонское» — «площадь кишит народом, отовсюду несутся крики и звуки разной музыки, начиная с гармонии»¹⁶. Кино неизменно показывалось в таких театриках, в летних садах и во время народных гуляний.

Демонстрация кинематографа продолжалась в обществах и учебных заведениях, не прекращались народные чтения с показом «туманных картин». Чтения неизменно проводились в Екатерино-Петровском училище, Стефановской школе, Константиновской школе на Слудке и других местах. Вопреки устоявшемуся в краеведческой литературе мнению, в Рождество-Богородицкой школе они не прекращались ни на один сезон. А вот интерес они вызывали уже не такой, как прежде. Более того, чтения из-за отсутствия публики иногда оказывались сорванными, публика малочисленна. В школах и училищах все чаще использовались не «туманные картины», а кинематограф.

В 1910 году — открывается «Триумф». Эта дата должна быть нами признана ключевой, переломной в истории развития кинопроката в Перми.

«Элегантный электро-театр «Триумф» открылся в январе 1910-го, а не в 1911 году, как указывается в краеведческой литературе¹⁷. Это подтверждается архивными источниками и публикациями в периодической печати тех лет. И именно «Триумф» стал первым более или менее благоустроенным кинотеатром, созданным для посещения кинематографа respectable публикой.

Театр «Триумф» обосновался во вновь построенном доме Инженерного Товарищества на углу Сибирской и Пермской улиц, на втором этаже¹⁸. Само здание трехэтажное, с центральным отоплением, парадным подъездом, широкой и удобной лестницей «во все этажи», имелся запасный выход из театра. При входе в театр вестибюль и фойе. В зале располагались ряды широких и массивных стульев-кресел, широкий проход имелся между рядами и посередине, по бокам расположились две ложи¹⁹.

«Стены и потолок оштукатурены, раскрашены и расписаны в новом стиле, — описывала печать этот театр. — На всех полах линолеум, везде окраска светлая и масса электрического света будет импонировать виду этого нового театрального зала в городе. Сделаны уборные, вообще все оборудовано солидно и в то же время изящно. Высота комнат и пять электрических вентиляторов гарантируют массы воздуха, тем более при водяном отоплении. Электрическая арматура будет заменена новой. Есть и телефон к услугам публики»²⁰.

Электро-театр «Триумф» был не просто устроен и украшен современно, он разместился в здании, выстроенном согласно последнему слову техники и нового стиля, а именно создания зданий в стиле модерн и городских высоток. Эта постройка осуществлена с использованием железобетонных конструкций и отвечала новым строительным технологиям и тенденциям, проникшим в градостроительство Перми. «Железобетонные постройки уже давно доказали свою прочность в Америке», — особо отмечал корреспондент. Теперь такие дома стали появляться в Перми. И не случайно с использованием новейших строительных конструкций строится электро-театр. Одно новшество неизбежно сопровождало другое.

Появление подобных кинотеатров в российских городах отвечало духу времени. Их архитектура, обстановка и убранства подробно проанализированы в монографии Ю. Цивьяна²¹. Зал в «Триумфе» вмещал в себе «чуть не целый театральный партер», ему предшествовал больших размеров салон, с мягкой и венской мебелью, искусственными пальмами, чайным буфетом, расположенными на столах газетами и журналами. Замечательной работы стильные электрические люстры давали целые потоки света. В дальнейшем в фойе театра установлен электрический фонтан.

Аппарат для показа картин был размещен в особой бетонно-железной будке и обладал «последними усовершенствованиями в предупреждении вспышек целлулоидных лент». За экраном располагался оркестр, исполнявший под аккомпанемент рояля соответствующие пьесы во время представления. Для развлечения публики во время антрактов также выписан особый механический рояль-репродуктор, на котором исполнялись «при помощи особых нотных лет и электрического, автоматически действующего, двигателя всевозможные пьесы фортепианного репертуара»²².

Что же касается самих картин, замечали современники-публицисты, то таковые не представляли чего-либо выдающегося и нового. Новой же они находил публику этого открывшегося электро-театра, особенно дам, демонстрировавших последние новинки шляпных мод.

«Теперь два слова по адресу г-ж посетительниц синематографов, — писал корреспондент, — и вообще публичных мест, где нет обязательности снимать шляпы, в особенности те безобразные, уродливые горшки, кадочки, ушаты, что прекрасная половина рода человеческого вздевает на свои головы, в наивном предположении, что горшки эти служат предметом украшения и занимают вполне подобающее им место на головках своих обладательниц»²³. Стиль модерн переживал в те годы расцвет, его следы мы находим в строитель-

стве и оформлении помещений, в рекламных плакатах и афишах, в дамской моде, распространившейся как среди провинциалок, так и актрис большого кино.

Петербургский корреспондент в журнале «Кинематографический театр» о модных дамских шляпках писал: «У меня был случай в одном из петербургских кинематографов, когда одна из зрительниц упорно попадала мне в глаз своим, вероятно, дорогим, но и настолько же большим и ужасно острым пером. Вполне естественно было с моей стороны доложить ей о том, что я, заплатив за билет столько же, как и она, пользовался только одним глазом, а потому, во избежание предъявления к ней впоследствии иска за увечье, попросил её снять хоть и дорого стоящую, но опасную шляпу. Такие случаи в других городах почти невозможны»²⁴.

Пермский обозреватель как бы отвечал ему: «Впрочем, с шляпами этими можно еще мириться: предусмотрительные владельцы электро-театров, зная по опыту тщету обращения к дамам по части снятия шляп, устроили в театрах своих такие покатые полы, с которых, при желании, можно кататься на салазках... Но с чем нельзя мириться, так это со шпильками и булавками и они должны быть безусловно изъяты из обращения и запрещены, путем хотя бы даже издания особых на этот предмет постановлений. Правда, без шпилек и булавок этих не может держаться на голове ни одна из новейших шляп: но так как это модное орудие угрожает общественной безопасности и в любой момент может лишить человека самого драгоценного органа — глаз и зрения, то пусть же законодательницы дамских мод и их последовательницы сами придумывают более безопасные аппараты для держания на их головах верхних уборов»²⁵.

Перед театром была установлена специальная световая реклама. «Владельцами электро-театра «Триумф» повешен электрический фонарь, от которого свет, падая на панель, образует большое красное световое пятно с надписью: «Театр Триумф». Вечером у этой вывески-рекламы толпится много любопытных»²⁶.

Так театр заработал по-новому. Нам же таким образом легче и нагляднее представить себе зрелище этого новомодного кинематографа начала XX века.

Небезынтересно рассмотреть топографию дальнейшего распространения электро-театров на карте города. Первые театры тяготели к Сибирской — кинопередвижка в доме С. Ковальского, первый стационарный балаган «Одеон», электро-театр «Триумф». Возникшие в 1908 г. «Иллюзион» и «Звезда» помещались по Оханской в доме М. Добрадина и на углу Покровской и Кунгурской в доме Суслиной²⁷ соответственно.

Впоследствии значительная часть электро-театров располагалась по Проспекту. Открывшиеся в 1909 г.: «Аполло» размещался по Проспекту в доме Шаниной, «Модерн» на углу Петропавловской и Проспекта в доме Барановой, «Прогресс» также по Проспекту между Вознесенской и Большой Ямской. Таковы адреса, сообщавшиеся в рекламе электро-театров.

Функционировавший в 1910 г. театр Патэ находился в собственном деревянном здании-балагане, «на участке городской земли, по Кунгурской улице, примыкающем к забору загородного сада»²⁸, вмещал более 400 человек. Заявка на строительство балагана поступила в управу от Георгия Эрнстовича Берг, представителя фабрики кинематографических лет братьев Патэ, и жены почетного гражданина Ольги Васильевны Шабердиной. Театр просуществовал одно лето²⁹.

На кинорынке постоянно происходили изменения. Одни театры открывались, другие закрывались, не выдерживая конкуренции. Конкуренция между ними была не шуточной, и многие ее не выдерживали. В феврале 1910 г. закрывается электро-театр «Аполло». Причиной закрытия «со слов его владельца» была «техническая трудность вести дело с конкурентами»³⁰. «Аполло» менял содержателя, например, переходил к г-же Шмидт, в конце концов закрылся, помещение выставлено на аренду: «Помещение бывшего театра «Аполло» сдается. Проспект, дом Шаниной»³¹.

В прессе были опубликованы доходы «Аполло» за последние месяцы существования: 7 февраля — 55 рублей, 8 февраля — 14 рублей, 9 февраля — 11 рублей и т.д. Сборы, как видно, падали.

На усадьбе Шаниной по Кунгурской вскоре строится каменное помещение для синемаатографа «Модерн», располагавшегося прежде на верхнем этаже дома Барановой. В дальнейшем на этом месте размещался театр «Мираж», в советское время — кинотеатр «Красная Звезда».

Небезынтересно рассмотреть социальный статус владельцев и содержателей первых пермских электро-театров. Эту информацию позволяют воссоздать архивные источники. В основном владельцами иллюзионов были мещане или купцы, причем не обязательно коренные жители города. Кинематограф оставался передвижным, некоторые кинемо-театры открывались гастролерами. Дворянский статус имел содержатель театра Патэ Г.Э. Берг. Электро-театр «Модерн» первоначально принадлежал пермскому купцу Александру Иосифовичу Кудряшову и мещанину Троице-Сергиева посада Московской губернии Александру Степановичу Рякину, потом — гражданину посада Колпино Царско-Сельского уезда Петербургской

губернии Александру Григорьевичу Розенталю (Розетти). Заявка на строительство каменного электрического театра «Прогресс» на углу Б. Ямской и Кунгурской, на участке С.Ф. Зенкова, поступила от пермского мещанина К.Э. Готш³².

Электро-театры перекочевывали с места на место, меняя владельцев и адреса. Накануне войны «Модерн», как отмечалось выше и подтверждается рекламными объявлениями, находился в бывшем театре «Аполло», между Петропавловской и Торговой. «Триумф» к этому времени размещался по Покровской улице. Его управляющим стал знакомый нам И.П. Павлов. В 1913 г. в одноэтажном каменном здании на углу улиц Монастырской и Ирбитской был открыт «Аквариум». Существовал т.н. «Современный электро-театр Семейного Собрания торговых служащих» В летнем саду функционировал новый театр «Отдых», принадлежащий П.А.Панову. В 1914—1915 гг. на Петропавловской улице, на участке В.К. Михайловой, перестроен одноэтажный каменный дом под кафе-театр «Колибри». Электро-театр «Заря» работал в Мотовилихинском заводе, там же функционировал театр «Луч». Сеансы кинематографа устраивались в Пермском Яхт-клубе, цирках и ресторанах.

Новые кинематографы открываются в Перми каждый год, и через десять лет с момента постройки первого кинотеатра мы находим их в селах и на предприятиях по всей губернии.

Возникнув, электро-театры сразу же превратились в центры городской жизни. Здесь сосредотачивались культурные и развлекательные мероприятия, к биоскопам тяготела повседневная жизнь горожан, они самые популярные и знакомые всем места на карте города. Не случайно в одном из частных объявлений о пропаже коровы значилось — «Вернуть в театр «Аквариум».

С момента своего возникновения кинематографы ведут благотворительную работу и широковещательно о ней заявляют. Так владелец первого вставшего на ноги кинематографа г. Павлов благодаря благотворительной деятельности завоевал определенный авторитет в городе. «Иллюзион» стал тем культурным центром, к которому устремились взоры горожан.

Состояла эта благотворительная деятельность в основном в устройстве бесплатных кинематографических сеансов для детей. Открывающиеся иллюзионы всячески старались развлекать публику, но о первоначальном своем просветительском назначении кинематограф не забывал. Хроника пестрила заголовками «Учащиеся в электро-театре», «Бесплатные сеансы», «Сеанс кинематографа для детей», «Кинематограф для детей». Такие сеансы проходили в «Иллюзионе», в «Прогрессе», в «Триумфе», в других театрах. Картины под-

бирались познавательного характера и «приноровленные к детской жизни», хотя остальные почти всегда комического характера, очень часто не для детей.

Кинематограф возник как явление нового века, однако жизнь в нем была ключом прежняя — балаганная. Кроме картин они давали другие представления, тем самым, привлекая свою привычную публику. Повседневность первого кинотеатра «Одеона» началась с гастролей любимых малороссов. В летнем саду после киносеансов давались танцы с сюрпризами, играл оркестр 17-го уланского Новомиргородского полка. В кинематографах проходили выступления артистов, целых коллективов и прочий «разнохарактерный дивертисмент». В «Иллюзионе» гостили итальянские артисты: «Жиллио и Лоренсина — певцы Флоренции и мн.др.»³³. В «Прогрессе» шел другой дивертисмент в сопровождении громкой рекламы — «езде успех», «грандиозный дивертисмент», «дивертисмент из лучших №№». Летом 1910 г. там выступал цирковой артист В.В. Дуров, из знаменитой династии Дуровых, а кроме того — Еврейский квартет «Барон», «король феноменов» Мото-Фозо и др. В театре «Триумф» гастролировали «известные» — трансформатор А.М. Алексеенко, кино-декламатор Т.К. Сидоренко «с говорящими комическими картинками»³⁴. И пр., и пр.

Трансформаторы, иллюзионисты и прочие балаганщики в ту пору еще привлекали публику и активно гастролировали в электро-театрах по всей России. Как балаган, синемотограф постоянно «обставлялся» всяческими эффектами и номерами. Только в весенне-летний сезон 1913 г. сверх программы в «Триумфе» выступали «известная по России» дама-борец и атлет Мисс Нелли Ильинская, музыкальные эксцентрики Бобчинский и Добчинский, за ними шел «выход» трансформатора Ля-Бе-Моль, заявлявшегося как «оригинальный электро-музыкальный эксцентрик»³⁵.

Кинематографические театры существовали и в качестве новомодных эстрадных площадок, и в качестве прежних балаганов с цирковыми номерами. В провинции появлялись новые виды развлекательной культуры, театры-варьете и скетинг-ринги, но народных зрелищ все еще не доставало, биоскопы влекли взоры простонародья и вполне обеспеченной публики.

И все-таки главным образом к электро-театрам показывали кино. Иллюзионы составляли программы на несколько дней, картины демонстрировались всегда «новые», «сенсационные», «грандиозные», «небывалые». Картина Жоржа Мельеса «Цивилизация человеческого зверства» показывалась в «Иллюзионе» весной 1908 г. и объявлялась чрезвычайно громко: «Дирекция электро-театра в саду Общественного собрания, дабы доставить глубокоуважаемой Пермс-

кой публике редкостное зрелище, не щадя своих трудов и не жалея больших затрат, приобрела ценный экземпляр — патентную картину «Цивилизация человеческого зверства» (единственный экземпляр в России)³⁶. И пр., и пр. Ленты известных студий, имевшие резонанс в европейских столицах рекламировались особо, и особо подчеркивалась эксклюзивность этих зрелищ для русской провинции.

А между тем картины в пермских иллюзиях шли те же что и в Париже, и в Мехико. Традиционная программа балаганного кинематографа включала непременно видовые сюжеты, цирковые или танцевальные номера, в обилии демонстрировались комические картины и пр. В период распространения электро-театров ничего не изменилось. Лишь постепенно аттракционный кинематограф сменяется хроникой текущих событий, драматическими сюжетами и историческими инсценировками.

И это были уже не просто примитивные комические и пикантные сюжеты, Мордашкины и Глупышкины. Репертуар провинциальных кинотеатров позволяет сделать наблюдения о многих изменениях, происходивших в киноиндустрии. С появлением проката картины показывались только «последнего выпуска» и «ни в каком случае» не повторялись, их жанровое разнообразие удовлетворяло различные вкусы, подерживая постоянный интерес к меняющемуся репертуару.

Самым любимым зрелищем начала века были видовые картины. Они отвечали всем запросам и поколениям, знакомя обывателей с растущим разнообразием окружающего мира, стремительным современным прогрессом. Расширяя кругозор зрителей, они становились настоящим окном в мир для людей начала века. Их разнообразию не было пределов, они обозревали флору и фауну планеты, людей и обычаи, континенты и города.

Провинциал знакомился с географией и традициями народов — в сюжетах «Белое море и его острова», «Альпийские горные вершины», «Развлечения и спорт на острове Суматра», «Гонка пирог в Индо-Китае». На экране представляли промыслы и современные производства — «Грандиозная охота на бегемотов в Верхнем Ниле», «Ловля жемчуга в Австралии», «Добывание нефти в Баку», «Угольные копи в Деказевилле». Обыватель видел достижения цивилизации и архитектуру старых городов — «По железной дороге на ледяные горы», «Живописный Биарицц», «Петергофские фонтаны».

Это было впечатление от всего мира в его необыкновенном своеобразии. Вместе с тем приметой времени к началу 1910-х гг. стало появление научных картин и актуальной хроники. Мир менялся стремительно, и появилась необходимость «схватывать на лету» эти изменения. Шарль Патэ сделал девизом своих хроникальных киножур-

налов выразительное определение: «Все видим, все знаем!». «Живые газеты», «журналы Патэ» дополнялись хроникой российских общественных и культурных событий. Пермский обыватель со всем миром видел сюжеты «Наводнение в Париже», «Закладка мечети в Петербурге», «Французские гости в Москве», «Похороны английского короля Эдуарда»... Например, картина «Рижские торжества в высочайшем присутствии» шла в «Триумфе» в августе 1910 г. «Последняя переносит зрителя в гор. Ригу во время празднования 200-летия взятия ее русскими, открытия памятника Императору Петру Великому, приезда Их Импер. Величеств»³⁷. Картина сохранилась в архиве кинофото-документов в Москве³⁸ и позволяет живо представить себе, чем наполнена была политическая жизнь тех дней.

Между тем все политические и культурные сюжеты в 1910 г. затмило одно... Это была роковая дата в истории России. Смерть Льва Толстого. В 1910 г. не стало Толстого, Комиссаржевской, Врубеля. Картина «Похороны великого русского писателя гр. Л.Н. Толстого» — демонстрировалась во всех пермских электро-театрах, и это была единственная картина за весь 1910 год, которую театры ставили снова и снова. Как-то после ее показа машинист приготовился к демонстрации дальнейшей программы, однако констатировал, «что в зале не осталось ни одного зрителя»³⁹. В пермском прокате также шла лента «Похороны артистки В.Ф. Комиссаржевской».

Жизнь не стояла на месте, и хроникальный кинематограф представлял просто окружающая повседневность — в сюжетах «Московский сокольничий спортивный клуб», «Детский праздник гимнастики», «Саарита танцовщица босоножка (школы Айседоры Дункан)», «Кэк-уокъ (танец)». Но бесспорно темой номер один в жизни и в кино начала 1910-х стали ошеломляющие успехи авиации во всем мире. Воздухоплавание — самая волнующая тема тех лет, и картины «Авиационная неделя в Петербурге, в присутствии Государя Императора», «Полет авиатора Ефимова в Одессе». «Полет Уточкина» собирали особенно много публики.

Помимо познавательного интереса пермский обыватель стремился в иллюзии за развлечениями. Вне всякого сомнения, в кинематографах преобладал комический репертуар. Сюжеты шедших тогда комедий были непривлекательны и примитивны, однако картины типа — «Прелести городских скамеек», «Собака колбасника», «Лакей за барина, горничная за барыню», «Из горничной в принцессу», «Англичанин в гареме» — вполне удовлетворяли массовый вкус. Герои комедий становились любимыми и узнаваемыми персонажами, первыми звездами этого жанра. «Молодой повеса, живущий в свое удовольствие, не думая о завтрашнем дне, — вот

кем стал на экране герой Линдера, всегда одетый по последней моде, в цилиндре или соломенной шляпе «канотье» с цветком в петлице, с легкой тростью в руках — Макс с беззаботной улыбкой покорял женские сердца и был идеалом городской молодежи не только во Франции, но и в других странах»⁴⁰.

Заметной тенденцией развития кинематографии оказались исторические «постановочные» картины, иллюстрации классических произведений и современные драмы. С этими фильмами было связано развитие кинематографии и появление «полного метра». Фильмы «Клефта», «Жизнь Моисея», «Фридрих Барбаросса», «Мессалина», «Юлий Цезарь», «Эстер. Львы Вавилона», «Семирамида» создавались известными фирмами — французской Патэ или итальянской Амброзио, и вся эта кинопродукция неизменно попадала в российскую глубинку.

1908—1909 гг. — рождается русская кинопромышленность. Она также начинает специализироваться на лубочных исторических постановках и псевдо-литературном репертуаре. После первого «шедевра» «Стенька Разина», выпускаются «Ермак Тимофеевич — покоритель Сибири», «Бахчисарайский фонтан», «Царская невеста», «Коробейники, иллюстрация к народной песне Н.А. Некрасова», «Дмитрий Самозванец, или Смутные времена на Святой Руси» и пр.

Такие картины ставились не по народным песням или литературной классике, а по идущим в цирках и на балаганных подмостках пантомимам и другим образам балаганного жанра. За ними стояла и их поддерживала вековая площадная традиция. Эти картины находили свою благодатную публику, которая из народных театров на площадях и в скверах потянулась в электро-театры. Современный зритель воспринимал эти исторические лубки — как весьма неискусные и сомнительные, нового зрителя волновала современность — развитие науки, авиации, прогресса.

Немалым интересом начала пользоваться современная драма. Она также появляется в связи с возникновением стационарных кинотеатров, проката и более дорогостоящего полнометражного кино. Картинами «из современной жизни» датируется рождение «русской серии». В то время как в пермском городском театре шел классический репертуар, молодежная публика увлекалась А. Вербицкой и М. Арцыбашевым и шла в кинематограф на «Натов Пинкертонов, Ник Картеров, Шерлоков Хольмсов и «палачей города Берлина»⁴¹. Таков был новый век, который нес с собой и величайшие достижения, и величайшие заблуждения. Кино было детищем века техники и массовой культуры, и сумело отразить эту новую жизнь во всей ее полноте на своем экране.

Заглядывая на страницы старых газет и в архивные документы, вглядываясь в старые кинематографические ленты, мы можем скорректировать некоторые даты и факты в истории культурной жизни Перми, восстановить ход ее повседневной жизни и чуть ближе понять интересы людей начала века.

¹ См.: *Ватолин В.* Синема в Сибири. Очерки истории раннего сибирского кино (1896-1917) // http://marecki.ru/text/interesting_text_9htm

² См. подр.: *Соколов И.В.* История изобретения кинематографа. — М., 1960.

³ *Ханжонков А.А.* Первые годы русской кинематографии. — М.;Л., 1937. — С. 12.

⁴ *Спешилова Е.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. — Пермь, 1999. — С. 316.

⁵ ПГВ. — 1910. — 8 сент. (№ 195).

⁶ См.: ПГВ. — 1908. — 6 сент. (№ 195).

⁷ Спешилова Е. Указ. соч. С. 317.

⁸ Что касается ресторана 1 разряда Н.Е. Трутнева, то он одно время находился на пересечении Торговой и Кунгурской улиц, в доме Шаниной. См. рекламу ресторана: ПГВ. — 1899. — 25 сент. (№ 207).

⁹ Напр., в заметке за 1913 год: «Для улучшения постановки дела дирекция электро-театра «Триумф» пригласила в качестве управляющего известного пермякам И.П. Павлова, который два года тому назад держал несколько лет подряд свой электро-театр «Иллюзион» (в доме Журавлева и летнем саду общественного собрания). Г. Павлов известен как опытный демонстратор, человек любящий свое дело, которым он занимается уже 15 лет» // ПГВ. — 1913. — 11 янв. (№ 9).

¹⁰ Речь идет о возведении «каменного пристроя к существующему электро-театру», документ датируется 13 октября 1910 года // ГАПО. Ф. 35. Оп.1. Д. 27. Л. 588.

¹¹ ПГВ. — 1908. — 5 марта (№ 52).

¹² См.: ПГВ. — 1908. — 9 нояб. (№ 245).

¹³ ПГВ. — 1908. — 30 апр. (№ 94).

¹⁴ См., напр., об открытии «Триумфа» в загородном саду летом в 1911 году: ГАПО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 27. Л. 629.

¹⁵ ПГВ. — 1909. — 20 янв.

¹⁶ ПГВ. — 1910. — 29 мая (№ 114).

¹⁷ Напр.: Спешилова Е.А. Указ. соч. С. 230, 523.

¹⁸ См.: ГАПО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 27. Л. 549, 647.

¹⁹ План второго этажа здания, где располагался «Триумф», а также план электрической установки самого кинотеатра сохранились в архиве: ГАПО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 248-249.

²⁰ Строительный рекорд в Перми // ПГВ. — 1910. — 6 янв. (№ 4).

²¹ Цивьян Ю. Историческая рецепция кино: кинематограф в России 1896—1930. — Рига, 1991.

²² В электро-театре «Триумф» // ПГВ. — 1910. — 13 янв. (№ 9).

²³ Там же.

²⁴ Штибель Е. По кинематографической России: (любитель для любителей) // Кинематографический театр. — 1911/1912. — № 1. — С. 11-13.

²⁵ В электро-театре «Триумф» // ПГВ. — 1910. — 13 янв. (№ 9).

²⁶ ПГВ. — 1910. — 21 янв. (№ 16).

²⁷ См. афишу театра: ПГВ. — 1908. — 31 авг. (№ 190).

²⁸ ГАПО. Ф. 35. Оп. 1 Д. 27. Л. 579-581.

²⁹ См.: ПГВ. — 1910. — 2 июня (№ 117).

³⁰ ПГВ. — 1910. — 18 февр. (№ 39).

³¹ ПГВ. — 1910. — 21 мая (№ 109).

³² См.: ГАПО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 27. Л. 547-548.

³³ ПГВ. — 1910. — 30 марта (№ 70).

³⁴ См. напр.: ПГВ. — 1910. — 18 апр. (№ 86), 1 авг. (№ 165).

³⁵ ПГВ. — 1913. — 10 февр. (№ 34).

³⁶ ПГВ. — 1908. — 13 авг. (№ 176).

³⁷ ПГВ. — 1910. — 18 авг. (№ 178).

³⁸ См.: Россия в кинокадре. — М., 2007. — С. 67-70.

³⁹ ПГВ. — 1910. — 17 нояб. (№ 249).

⁴⁰ Комаров В.С. Великий Немой: из истории зарубежного киноискусства (1885—1930). — М., 1994. — С. 31.

⁴¹ ПГВ. — 1910. — 15 окт. (№ 223).

ИВАН ИВАНОВИЧ БЕНДА. НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О СУДЬБЕ ПЕРМСКОГО АРХИТЕКТОРА

Во втором сборнике «Пермский дом в истории и культуре края», в статье «Трансформация здания Дома Смышляева»¹, впервые опубликована биографическая справка об архитекторе Бенде Иване (Яне) Ивановиче (1879—1938), занимавшемся переустройством и ремонтом здания, в котором размещалась Пермская городская общественная библиотека (бывший дом Смышляева). И.И. Бенда сменил в Городской управе В.В. Попатенко, и работал в должности городского архитектора в звании гражданского инженера с 1912 по 1919 годы.

В краеведческой литературе сведений о И.И. Бенде оказалось слишком мало, а жизнь его, судя по всему, была содержательной, сложной, и закончилась трагически. Все это заставило автора статьи заняться дальнейшими поисками. Складывалось впечатление, что роковую роль в судьбе архитектора сыграли события, связанные с пребыванием в Перми армии адмирала Колчака. Иван Иванович в советские годы числился в неблагонадежных.

Поиски увенчались успехом: в Государственном краевом архиве, в фонде Пермского университета, был обнаружен уникальный документ: анкета, собственноручно заполненная И.И. Бендой².

Анкета — документ. Заполнение её ложно или умышленное умалчивание, недоговоренность, караются преданием суду и увольнением от службы.

Анкета на сотрудника ГУБЭКОСО при Губисполкоме

1. **Ф.И.О:** Бенда Иван Иванович.
2. **Год рождения, месяц и число, холост, женат, сколько детей:** 1879 г., 12 января, женат, двое детей.
3. **Партийность, № партбилета:** беспартийный.
4. **Социальное происхождение:** сын пивовара.
5. **Место приписки:** уроженец Ломжинской губернии, м. Дроздово.
6. **Наш адрес:** ул. Луначарского (б. Вознесенская) 49 кв. 2.
7. **Наша основная профессия:** архитектор.

8. Наше образование: а) общее: реальное училище в) социальное: Рижский политехнический институт.

9. Чем занимались последние пять лет: до революции — городской архитектор в Перми; с марта 1917 г. до октябрьского переворота: тоже; с октября 1918 г. до настоящего времени: тоже до июля 1919 года, а дальше см. ниже.

10. Состоит ли в профсоюзе, объединении инженеров и т.п. № вашей профсоюзной карточки: в Пермском Отделении Всероссийской Ассоциации инженеров («ВАИ»)³.

11. Состоит ли в кооперативе и в каком: нет.

12. Состоит ли в партиях и каких, сколько времени: нет.

13. Несли ли или несете какую профессиональную работу: как преподаватель Агрофака и практического института по профессии.

14. Какие несете или несли выборные должности: председатель Строительной секции «ВАИ».

15. Служили ли в царской армии — указать чин, должность, награды: нет.

16. Где находились во время Колчака: в Перми и Томске.

17. Если находились у Колчака, то чем занимались, где у него служили, в какой должности: Городским архитектором в Перми и Губернским архитектором в Томске.

18. Какие военные, гражданские заслуги имели у Колчака или Керенского: не имел.

19. Когда и откуда вернулись из эвакуации в Колчаковию: в июле 1920 года.

20. Почему вы эвакуировались с Колчаком: сначала за семьей, которая уехала раньше, а потом за Городской управой.

21. Судились ли где, кем, когда, за что, к чему приговорены: не судим.

22. Служили в Красной Армии: нет.

23. Участвовал ли в походах в гражданскую войну: нет.

24. Были ли на подавлении восстаний, бандитских налетов и т.п.: нет.

25. Какие имеете трудовые или военные знаки отличия за войну, революционную деятельность и за что именно: не имею.

26. Ваша краткая биография с указанием, если подвергались причине гонения, места заключения при самодержавии и Колчаке: Окончил институт в 1909 г. и один год работал в Риге. С 1910 года по приезде из г. Риги, до 1912 г. служил архитектором Службы Пути Пермской железной дороги. С 1912 г. по июль 1919 г. служил городским архитектором в Перми. С ноября 1919 г. по 15 декабря

1919 г. — губернским архитектором в Томске. С января 1920 г. до июня того же года был производителем работ при Томском ГубСовнархозе по приспособлению тифозных лазаретов. С июля 1920 — заведующим Ремонтно-Строительного отделения Пермского Комхоза по август того же года, а с августа 1921 г. по август 1922 года состоял заведующим ГубКомгоссоора вплоть до его ликвидации. Одновременно состоял преподавателем на курсах строительных десятников при Союзе строителей и преподавателем Технического факультета Пермского Университета. С 1 августа 1922 г., как председатель правления Строительного товарищества работал до января 1923 года. В настоящее время состою Губернским архитектором при ГубЭКОСО с преподаванием на Агрофаке Университета и в практическом институте по специальным предметам.

Подпись: И. Бенда.

[1924 г.]

На сайте правозащитного общества «Мемориал» (www.memo.ru) была обнаружена запись: Бенда Иван Иванович, 1879 года рождения, место рождения — Польша, Ломжинская губерния, м. Дроздово, чех, проживал — Свердловская область, работал Нижнетагильский металлургический завод, архитектор, арестован 22.11.37, осужден 12.01.38, мера наказания — расстрел 31.01.38.

Более подробные сведения о последних годах жизни И.И. Бенды содержатся в книге «Низвергнутый мир» (Екатеринбург, 2003)⁴. Книга нашлась в фондах Государственной публичной исторической библиотеки в Москве, и коллеги любезно переслали копию статьи «Провокационные «игры» НКВД. (Судьба архитектора Тагилстроя Ивана Ивановича Бенды)».

В годы репрессий Иван Иванович Бенда являлся архитектором «Тагилстроя», был административно-ссылным, строил Новотагильский металлургический завод, но в ноябре 1937 г. был арестован и отправлен в Пермь. Первый допрос его происходил в Пермской тюрьме, о чем свидетельствует протокол от 26 ноября 1937 г. И.И. Бенда пояснил, что до 1929 года он проживал в городе Перми, а затем, как административно-ссылный, был направлен в город Нижний Тагил. Его допрашивали о знакомых в Перми, поляках по национальности. Затем названные Бендой люди были арестованы, и их склоняли к ложным показаниям. На ночном допросе 30 января 1938 г. Бенду обвинили в принадлежности с 1928 г. к польской шпионской диверсионной организации. В это время он, работая на заводе в должности главного архитектора, якобы проводил диверсионно-вредитель-

скую деятельность, за что в 1929 г. был осужден на 10 лет. Находясь в административной ссылке в Нижнем Тагиле, передавал шпионские сведения о строительстве новых заводов.

Согласно обвинительному заключению по следственному делу № 9070 по обвинению Бенды Ивана Ивановича по ст. 58-9-11 УК РСФСР, он, «являясь членом шпионской организации, виновным себя не признал. Изобличен показаниями арестованных Иениш, Миерковского, Рахлина...»

Иван Иванович Бенда был осужден 12 января 1938 г. НКВД и Прокуратурой СССР по первой категории. Приговор приведен в исполнение 31 января 1938 г. в 24 часа ВМН на 12-м километре шоссе Екатеринбург-Первоуральск.

В 1989 г. И.И. Бенда, вместе с тысячами других людей, незаконно репрессированных в конце 1930-х годов, был реабилитирован.

Справка о реабилитации: «Дело № 40625-П. Бенды Ивана Ивановича, 1879 г. рождения, осужденного по ст. 58-6-9-11 УК РСФСР, пересмотрено 4 мая 1989 года. Гражданин Бенда И.И. подпадает под ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года № 10036-ХI «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 1930 — 1940-х и начале 50-х годов». Это зафиксировано в документах, хранящихся в УГААОСО Ф. 1 ОП. 2. Д. 40625-П. города Екатеринбурга».

В статье упоминаются родственники И.И. Бенды: Евгения Францевна, жена арестованного; 24-летняя замужняя дочь Евгения, и сын, Ян Янович, 34-х лет, который незадолго до этого отбыл в Баку⁵.

В фонде Пермского государственного университета, хранящемся в Пермском государственном краевом архиве, нашлось дело сына Ивана Ивановича — студента Бенды Яна Яновича (1922—1924 гг.). Судя по документам, он обучался на физико-математическом отделении Педагогического факультета⁴.

Я.Я. Бенда пошел по стопам своего отца, стал архитектором. В кратком именном указателе архитекторов и строителей Перми в книге А.С. Терехина «Пермь. Очерк архитектуры» значится: «Бенда Я.Я. (сын) — архитектор. Работал в Перми с 1928 по 1931 гг. По его проектам выстроены: жилой дом по улице Луначарского, 56, и спортивный павильон на Центральном стадионе»⁶.

В интернете на запрос «Иван Бенда» появилась фотография интеллигентного человека с надписью: «Иван Бенда, переводчик из Баку». Возможно, это кто-то из потомков пермского архитектора Ивана Ивановича Бенды. К сожалению, связаться с ним не удалось.

¹ Захарова Н.Ф. Трансформация здания Дома Смышляева: перечень архивных документов // Пермский дом в истории и культуре края: материалы второй науч.-практ. конф. — Пермь, 2009. — С. 66-73.

² ГАПК. Ф. Р347. ОП. 1. Д. 144.

³ ВАИ — Всероссийская ассоциация инженеров. Возникла в 1918 г. Объединила все дореволюционные технические общества при сохранении самостоятельности каждого из них в своей работе. Ликвидирована в 1929 г.

⁴ Провокационные «игры» НКВД: (Судьба архитектора Тагилстроя Ивана Ивановича Бенды) // Низвергнутый мир: книга памяти: [В 2 ч.] / авт.-сост. В.В. Чевардин. — Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного Ун-та, 2003. — С. 101-106.

⁵ ГАПК. Ф. р-180. Оп. 4. Д. 273.

⁶ Краткий именной указатель архитекторов и строителей Перми // Терехин А.С. Пермь: очерк архитектуры. — Пермь: Кн. изд-во, 1980, — С. 105.

«ПЕРМСКАЯ КАТАСТРОФА» НА УЛИЦАХ ГОРОДА

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
24 декабря 1918 года

Город спокойно спал, только метель кружила снег по улицам. Комендантский час очистил улицы Перми. Термометр на улице Сибирской показывал минус 30°. В 4 часа утра подпольная офицерская организация подняла восстание, предварительно сосредоточив все свои силы в городе, установив на чердаках домов пулеметы. Так, отряд штабс-капитана Марсеева (40 человек), скрывавшийся до этого в лесу в сторожке на Липовой Горе, расположился в ту ночь в горнозаводском училище. Он захватил здание по ул. Соликамской (недалеко от угла Покровской и Соликамской), организовав там штаб, а отряд инженера Белобродского напал на ГубЧК (угол улиц Обвинской и Покровской, здание Государственного банка).

В 5 часов утра енисейцы сосредоточились на правом берегу речки Егошихи. 3-я и 4-я роты и саперная команда остались на окраине города в резерве.

Через полчаса 2-й батальон (5,6,7,8 роты) капитана Ластовского цепями с пулеметами вошли в город. Орудие, оставленное в полверсты от города, открыло огонь по Перми Первой [1]. Очевидцы вспоминают: «Зима. Холодное утро. Чуть-чуть светает. Тихо. Вдруг резкий звук прорезает воздух, наполняет гулом — слышатся один, другой, третий выстрелы из пушки... Стреляют по городу из-за леса, с Суханок, перекидным огнем. Снаряды рвутся около Камского моста» [2].

Команда пеших разведчиков 4-го полка, имеющая 1 пулемет и насчитывавшая 53 штыка, окружила Красные казармы, сняв часовых, захватила сразу три орудия, находившихся во дворе казарм [3]. Проникнув в казармы, сибиряки захватили козлы с винтовками, и, растолкав красноармейцев, стали брать их в плен, выводя на улицу и далее отправляя партиями в с. Троицу. Сопротивления было слабое, но некоторые казармы приходилось брать с боем. В плен было взято в Красных казармах 3500–4000 красноармейцев, причем огромная часть пленных (насильственно мобилизованные крестьяне) сама отдала свое оружие, и тотчас же прикончила своих красных командиров [4].

Сразу же с беспорядочной стрельбой (в 5 часов утра) началась эвакуация советских учреждений. Сторожа оповестили сотрудников о прибытии в учреждения. Первыми начали эвакуацию сотрудники

ЧК. Уже в 7 часов утра у здания комиссии стояла конница и много подвод. Две роты батальона ЧК Барандохина под предлогом охраны обоза сбежали из города.

Последовало распоряжение грузить документы, садиться в подводы и следовать в г. Глазов, но многие сотрудники потребовали валенки и теплые вещи. Их отправили в дом Мешкова на Заимке, который охранялся красными патрулями. На крыше дома были установлены пулеметы. Вход в д. Мешкова производился по партбилетам. В самом доме было вавилонское столпотворение. Никто ничего не знал. Ничего нельзя было получить. Этим воспользовались многие специалисты, разбежавшись по домам [5].

В 8 часов утра в штабе 3-й Красной армии поняли, что стрельба в районе Красных казарм — это штурм Перми сибирскими войсками. К этому времени был уже обезоружен караул исправительных рот у Сибирской заставы [6]. Затем началось замешательство, т.к. разведки Барандохина (ЧК) и Окулова приняли своих за белых. В разговоре по телефону начальник гарнизона и губернский военный комиссар С. Окулов заявлял члену ВРК Белобородову, что он продержит город еще 5 часов при любом количестве противника [7], но примерно в 11 часов, когда Духовная семинария была обстреляна шрапнелью, дал приказ об отводе войск по Казанскому тракту [8]. Он отдает этот приказ поднятым еще ранним утром по боевой тревоге курсам красных командиров, которые без единого выстрела уходят из города.

Вот как это описывает это курсант Носков: «В ночь с 23 на 24 декабря курсы были подняты по боевой тревоге. Мы спешно получили полный комплект боеприпасов, новые пулеметы, ручные гранаты, шанцевый походный инструмент, новое зимнее обмундирование. Ротные цейхгаузы были открыты. Все боевое и вещевое довольствие получили без ведомостей и расписок».

Курсанты были построены во дворе курсов на Кунгурском проспекте. Ждали больше часа начальника курсов, но он так и не появился. Комиссар приказал выступать из г. Перми [9].

Сам Окулов описывает в 1934 г. свои действия следующим образом: «В ночь на 24 декабря в 4 часа утра раздалась стрельба по городу. Я находился в это время в кабинете. Все забежали, засуетились. Затрещали телефоны. Сообщают, что Мотовилиха занята белыми. Как занята? На такое дело что я мог сообщить мотовилихинцам. Я по телефону сказал, что с тысячью человек приду к вам в Мотовилиху. Держитесь товарищи! В это время полетели снаряды от Красных казарм в сторону Камы. Люди наполнили военкомат и находились в панике. Со мной был т. Лукоянов. Нужно было принимать быстрые решительные меры. Я стал звонить в штаб 3-й армии. Тут мне сообщают, что штаб проходит мимо (т.е. поезд со штабом проезжает

мимо семинарии, где находился Окулов. — М.С.). Нужно принимать решение немедленно, самостоятельно. Спрашивать и советоваться не с кем было. Мы были только с т. Лукьяновым [10], но решающей роли он играть не мог, т.к. начальником был я, пользовался доверием. Я дал приказ отступить по Казанскому тракту. Набралось со мной 900-1000 человек. С ними мы двинулись по теперешней Трудовой (сейчас Советская) улице до Шадринского переулка, тут свернули налево к Казанской заставе. Стрельба была по всему городу. Шли мы версты наверно 22 до Култаево и тут сделали ночевку» [11].

Ничего удивительного в действиях Окулова нет, т.к. в 8 часов утра на экстренном заседании Губисполкома за нарушение партийной и государственной дисциплины (точнее, за пьянку), был освобожден от обязанностей председателя Сорокин. На его место был избран В. Коробовкин, его замом С. Седых [12].

Совсем по другому оценивают действия С. Окулова красноармейцы резервного батальона Уфимцева, который подчинялся непосредственно ему:

«Послали вестового с донесением к командиру батальона. Вернувшийся красноармеец сообщает, что его там чуть не арестовали. Комбат сам находится при роте. Уговаривает красноармейцев не беспокоиться, быть героями. Если, говорит, 3-я рота начинает мутить, заниматься паникой, если придется отступить, то еще успеет. Дает срочно распоряжение готовить чай, обед, дабы задержать красноармейцев. Это ему удалось. Посылаем второго вестового в первую образцовую роту, которая находилась в непосредственном подчинении военкома Окулова. Вернувшийся вестовой красноармеец сообщает, что никаких распоряжений не дали. Все вывозят. Казачья сотня уезжает, а также уходит 1-я рота. Командир роты Половков дает распоряжение собраться всем красноармейцам и ведет по направлению к Сибирской заставе. В помещении роты остались только несколько человек для охраны. Около Сибирской заставы кто-то их обстрелял. Половков бросает свою шашку и говорит — я сам побегу к Окулову за распоряжением, а вы идите обратно в помещение роты. Красноармейцы приходят в роту. Их быстро окружили товарищи, и они им сообщили о случившемся, а заместитель командира роты некто Бояршинов в роту не явился, и не было на месте ни одного командира взвода. Командир отделения некто Бахарев К.П., я и другие красногвардейцы быстро обсудили, как быть. Или ждать дальнейшего распоряжения, т.к. такового нам никто, ни комбат, ни военком Окулов не дали — решили выбрать временного командира роты (продовольственного каптенармуса) т. Михайлова и, собравшись, оставили помещение роты, не распределив даже того имеющегося обмундирования в кладовой роты, как-то шинели, сапоги и прочее, в надежде скорого возвращения в помещение роты, и в достопамятный день утром 24 декабря 1918 года под винтовочную стрельбу, трескотню пулеметов и где-то слышавшиеся орудийные выстрелы сначала оставили помещение роты, а потом и город Пермь.

Отступали по Сибирской улице, сначала дошли до здания военкомата. В военкомате уже никого не было. Некоторые красноармейцы из нашей роты забежали в здание военкомата. Сменили свои гетры на сапоги и ружья ГРА на винтовки, и пошли по Монастырской улице по направлению на ст. Пермь-2. Кругом слышна стрельба из винтовок, где-то трещит пулемет и стрельба из орудий. Где кто куда-то испуганно бежит, и так дошли мы до ст. Пермь-2. По приходе на станцию начинаем обсуждать — ехать на поезде или идти пешком, но не время разговоров. Надо обсуждать быстро. На станции все пути заняты поездами. Решили идти пешком и небольшой проезжей дорогой вышли на Казанский тракт» [13].

К 9-ти часам сибиряки продвинулись по ул. Сибирской до Монастырской, установив два пулемета на углу Сибирской и Монастырской: один вдоль по Сибирской, другой по Монастырской. С колокольни Кунгурскую улицу простреливал пулемет подпольщиков, не давая передвигаться красноармейцам, которых собралось на углу Монастырской и Кунгурской человек 200. Кто с оружием, но большинство без него. К ним пробрался бывший командир батальона Лысьвенского полка Ярыгин. «Почему не переходим улицу?» — последовал его вопрос. — «Кунгурская и Монастырская простреливаются из пулеметов». Он уговорил девять человек сбросить пулемет с колокольни под его руководством. Впоследствии Ярыгин вспоминал:

«Когда перебежали Монастырскую, двух человек убило. Пробрались около стены к паперти, толкнув дверь, которая открылась, очутились в притворе, откуда лестница вела на колокольню. Взяв наизготовку винтовки, а я наган, стали тихо подниматься. На 4-й площадке спиной к нам сидел человек в шубе и стрелял из пулемета. Моментально прихлопнули и сбросили его в окно. Я повернул пулемет по Монастырской и с первой же ленты заставил замолчать, работающие пулеметы белых, прислуга которых разбежалась. В это время выше звонили в колокол... приказал красноармейцам подняться и разобратся. Там звонил поп. Не говоря ни слова, раскачали и сбросили его с колокольни.

Когда спустились с колокольни с пулеметом и 17 лентами, к нам присоединились остальные красноармейцы. Спустились на железнодорожное полотно и двинулись в сторону Перми-2. В эту же сторону в 500 шагах от нас двигались белые, которые открыли по нам огонь. Началась перестрелка. Пулемет заело. Кричу: «Поднимайте руки вверх». Белые кричали: «Бросай оружие, красножопики! Положили винтовки и подняли руки вверх!»

Белые прекратили стрельбу (у нас уже было ранено 9 человек), и взяв винтовки под мышки, т.к. было очень холодно, беспечно приближались к нам. Устранил неисправность и кричу: «Расступись!» Все в стороны. До белых шагов 200. Огонь. Разогнав белых, пошли к вокзалу, придя туда к 2 часам дня» [14].

Началась спешная эвакуация советских учреждений. Как она проходила, вспоминает раненный красноармеец Алексеев, лечившийся в «Госпитале Красного Креста для больных и раненных воинов»:

«Военком нашего госпиталя отдал распоряжение о немедленной погрузке раненых на машины. Он вынужден был взять всю ответственность на себя, т.к. главврач госпиталя предательски бежал. Раненых осторожно перенесли на машины и стали подвозить к санитарному поезду, который стоял за городом. Все это происходило при 25 градусном морозе, в то время как одежду большинства раненых составляли халаты... Самым последним к санитарному поезду подъехал военком госпиталя. Он доставил полную машину одеял, которыми тотчас были укутаны все раненые» [15].

Но не все вели себя так. Две роты батальона ЧК ушли прикрывать обоз без разрешения Барандохина, а попросту сбежали [16]. Спешили покинуть Пермь и военное, и партийное руководство. Так, к 8 часам утра 24 декабря на станцию Пермь-2 прибыл начальник военных сообщений 3-й Красной армии Стогов. «Уже оттуда он дает распоряжения, все стараются попасть в отходящие поезда, связь по горнозаводской постепенно замирает, пропала Сылва, нет Лядов, не стало и Левшино, телеграф должен работать до конца. Для нашей эвакуации приготовлена подвода для вещей, чтобы в последний момент уходить, если не будет поезда. 9 часов. Глухие удары артиллерии с юго-восточной стороны, общая спешка, все едут, нас не пускают, дежурят комиссары Зуев, Мильчаков, Сосновский с винтовками и наганами, следят за каждым шагом» [17].

Бегство большевиков описал известный советский писатель Вс. Н. Иванов: «Они грузили в сани на глазах соседей по улице, прежде всего канцелярии, папки, бумаги, дела, а потом ребятишек, закутанных в одеяла, женщин, уезжая от наступающего противника на лошадах, а не по железной дороге» [18].

Стрельба в Красных казармах активизировала участников подполья. Штабс-капитан Марсеев явился к командиру 4-го Енисейского полка, получив приказ занять губернскую тюрьму, где находилось около 1000 заключенных, среди них много офицеров, и гауптвахту, а затем вести наступление на станцию Пермь-1 [19].

Отряд инженера Белобродского в 7 часов утра ворвался в здание ГубЧеКа. Заместитель председателя ЧК Воробцов [20] был ранен повстанцами. В начавшейся суматохе он с бомбой бросился из здания, поскользнулся и упал, при этом бомба взорвалась, смертельно ранив его. Белобродский вынул из его карманов документы, а сестра милосердия Ольгина отвезла его в Александровскую больницу, где он и скончался [21]. Далее отряд Белобродского на грузовом автомобиле при двух пулеметах, 10 пехотинцах и 6-ти конных выступил, заняв Кунгурскую улицу, а к вечеру и Покровскую [22].

Отряд Марсеева наступал на тюрьму, в которой большевики производили чистку. Так, вечером 23 декабря заместитель председателя ГубЧК Воробцов принял из тюрьмы арестованных, а именно Плетнева Ев. Ив. (священника), Плетнева М. Ев. (офицера), Подкорытова Мих. (иеродиакона), Пузанова Ив. Вл.; Панжина Дм. Льв.; Сарапулова Мих. Пет., Пономарева Вас. Евг. (белогвардейца), Погодина Мак. Дмит., Борцова Як. Ос., Шыврина Мих. Луп. (монаха), Тарасова Ал. Пав., Захарова Ив. Вас., Харина Ег. Вас., Пискунова Вас. Ив., Пуршинского Влад. Ст., Волкова Ник. Вас., Есикова Макс. Вл., Мезюлевского Ал. Вас., Кузнецова Вас. Алек., Васильева (белогвардейца).

Арестованных повели на Каму. На углу улиц Покровской и Сибирской арестованный Захаров сбежал. Преследование не дало результатов. Всех остальных расстреляли на льду Камы [23].

Этой же участи ждали и остальные арестованные.

«Арестантам велели одеться и собраться в общей камере. Их хотели эвакуировать пешком. Каждый знал, что по дороге их расстреляют, так как конвой собрался совсем налегке. Видимо, не собирались вести арестантов далеко. Они томились в общей камере, а их все не уводили. Дрожа от холода — в камере был буквально мороз — с пересыхающим от волнения горлом, как в каком-то сне, с душой лишенной чувств, без мыслей, сидели арестанты, одни молились, другие прощались друг с другом.

Вдруг они услышали отдаленную стрельбу и поняли, что наступают белые. И с минуты на минуту стали ждать своей смерти. Неожиданно совсем рядом затрещал пулемет. Тогда один арестант залез на плечи к товарищу и стал наблюдать из окна, что делается на улице. И вот с удивлением он сообщил остальным, что около тюрьмы какие-то солдаты разоружают тюремную охрану. Но никто еще не верил, думали провокация. Вдруг чей-то шепот в глазок. Кто говорит, не видно. В конторе сидит белогвардеец и ведет переговоры об освобождении политических [24]. Наконец услышали шаги и стук открываемых дверей. На пороге появился белый офицер и сказал: «Господа политические, вы свободны!». Тут поднялось что-то невообразимое: кто плакал, кто молился, а кто прямо валялся в истерике». [25].

Желающие, получив оружие, присоединялись к освободителям.

К 10 часам утра сибиряки заняли всю Сибирскую улицу и часть Оханской. Ружейный огонь велся с обеих сторон. Жителям Перми приходилось укрываться от пуль, где придется. Вот как описывает это В. Агеева: «Вдруг выстрелы раздались на самом углу дома Назаровских (угол Вознесенской и Оханской). Мы вылетели из столовой и закрыли туда дверь. Мы все собрались в спальню.... Слышно было, как пули летели прямо в стекла, а затем в стены и двери. Потом на самом углу поставили пулемет, который жарил вниз по Оханской [26]».

5-я и 8-я роты енисейцев двинулись вниз по Сибирской и Обвинской к Вознесенской площади, захватывая здания. Командир 5-й роты штабс-капитан В. Боровиков захватил действующий пулемет, открыв из него огонь по противнику. Далее его рота захватила губернскую земскую типографию, в которой печатались листовки с обращением к белогвардейским солдатам о сдаче в плен и переходе их на сторону красных. Штабс-капитан Боровиков приказал их уничтожить [27].

Картину захвата города дополняет рассказ коменданта бронепоезда «В.И. Ленин» Болотова:

«В 7 часов утра в комнате я услышал впервые выстрелы на улице. Будучи совершенно озадачен таким явлением, кто именно производит стрельбу, в форме моряка с наганом за поясом я вышел из дому, открыл калитку ворот. Сразу же несколько человек с винтовками наперевес бросились на меня. На их крик прибежал офицер, оборвал наган, обшарил карманы и спросил: «Кто я такой?»

Я ответил, что слесарь из мастерской отдела речных формирований. Против дома на улице стояло пленных человек 300-350. Он толкнул меня в эту группу. Спустя несколько минут нас повели к речке Егошихе и поздней ночью я был уже в с. Троицкое. Утром там расстреляли всех китайцев, а нас направили пешком до ст. Селянки» [28].

Подобная колонна, по воспоминаниям командира роты 20-го полка Добромывсова, стояла на Соликамской улице у штаба восставших.

«Нас привели на Соликамскую улицу, где в настоящее время центральная амбулатория Пермской ж.д. Здесь очевидно находился их штаб. Доложили лицу в штатской одежде с техническим значком на фуражке, называя его господин капитан. Капитан приказал нас до распоряжения оставить здесь на площади. Мороз 40 градусов. С нас снимают все новое обмундирование, белогвардейцы и надевают на себя. Нам дают — дрянь. Что же было делать — пришлось подчиниться. Правда, они были полураздетые. Им кстати. Не успели с нас сорвать белогвардейцы обмундирование, вдруг бешено бегут в замасленных полушубках с криками «сажай на штыки красножопиков». Когда подбежали ближе я увидел — это оказались культурные люди, «господа офицеры», на плечах погоны, и эти господа не то что приостановить, чтобы не раздевали людей на 40 градусном морозе, но они сами занялись этим делом — очистили все до костюма Адама. На вопрос красноармейцев «что же вы, товарищи, снимаете — они ответили рукояткой нагана и площадной бранью. Молчать — сейчас расстреляем» [29].

1, 2 и 6 роты Енисейского полка, двигаясь по Верхотурской и Соликамской улицам к ст. Пермь-I, захватили здание уездного комиссариата и подошли к старому батальонному двору (казарме красноармейцев), встретив там сопротивление двух рот китайцев и роты коммунистов. В результате короткого боя китайцы сдались в плен, а рота коммунистов отступила к Пермь-II. 2-я рота поручика Игнатова, обнаружив в деревянных казармах красноармейцев с тяжелой батареей и пулеметами, захватила их (1400 человек) [30].

Как была организована оборона Перми у красных, вспоминает командир инженерного батальона 29-й стрелковой дивизии Масленников:

«В ночь с 23 на 24 декабря на окраинах Перми началась какая-то непонятная стрельба. Вскоре в штаб прибежал красноармеец из хозяйственно-транспортной роты батальона и доложил, что Красные казармы и весь обоз батальона захвачен белыми и что ему лишь случайно удалось убежать. Было непонятно, откуда взялись белые? Я поднял по тревоге батальон и выставил сторожевое охранение на прилегающих к штабу улицах, и поехал к коменданту города Окулову, чтобы узнать, в чем дело, и получить указание, что делать дальше. Окулов сказал мне, что ему ничего не известно, что белые еще далеко от Перми, и нет никаких оснований для беспокойства, что наш красноармеец, наверное, принял за белых какую-нибудь нашу часть и с перепугу прибежал в штаб. А что, мол, стреляют, так в Перми каждую ночь стреляют. Объяснение Окулова меня не удовлетворило, т.к. стрельба шла не только оружейная, но и пулеметная. Я поехал на станцию Пермь-I, где стоял штаб 29 стрелковой дивизии, и доложил начдиву о происходящем. Командир дивизии Васильев сказал мне, что белые еще далеко от Перми, а стреляют, вероятно, из домов местные контрреволюционеры, подняв в Перми восстание. Он приказал мне прочесать город и дома, из которых стреляют, окружить и на месте расстреливать виновных. Я направил по улицам красноармейцев, но никто в них из окон не стрелял. Город замер. Посланная вперед разведка донесла, что в районе Красных казарм отдельные группы красноармейцев ведут бой с наступающими на них белогвардейскими частями. Доложил об этом Васильеву. Он срочно вызвал меня в штаб. Подъезжая к станции, я увидел, как от нее отошел поезд штаба 3-й армии. На этот раз начдив был в курсе происходящих событий... Он поручил оборону Перми комбригу Клокову, командиру запасного полка т. Зеленцову и мне, поставив перед нами задачу: объединить все разрозненные части и группы в Перми, завязав уличные бои, не допуская противника дальше ст. Пермь-II, где скопилось большое количество эшелонов с военным имуществом и продовольствием...

Получив приказание начдива, т. Клоков занял под штаб бывший дом Мешкова, откуда час назад выехал штаб 3-й армии. Из бригады Клокова в Перми находился на переформировании 1-й Рабоче-Крестьянский и Камышловский полки под командованием т. Некрасова и т. Галенкина. Камышловский был неполного состава, но боеспособный. В нашем батальоне осталось 350-400 бойцов. От запасного полка Зеленцова осталась одна разведка (конная). Вот и все, чем мы располагали. Кроме того, по всей Перми дрались отдельные группы красноармейцев, которых нужно было объединить и свести в воинские подразделения. Инженерный батальон занял левый фланг, 1-й Камышловский — правый фланг. Шла стрельба, но противника не было еще видно. Мы стали продвигаться вперед до соприкосновения с ним.

Подтянули батальон. Завязался уличный бой. Вошел в соприкосновение и полк Некрасова. По пути нашего продвижения к нам присоединялись разрозненные группы красноармейцев. Мы формировали из них роты, назначали командиров и направляли обратно в бой. Уличные бои начали приобретать ожесточенный характер. Они шли почти на каждой улице» [31].

Протяженность линии фронта увеличилась. Белые усиливали натиск, который красные сдерживали с большим трудом, но они уже оправились от неожиданного нападения, и к середине дня их оборона приняла организованный характер. Об этом же говорят и белые, и не появившись в Перми в 12 часов дня начальник 1-й Сибирской дивизии генерал-майор Зиневич, неизвестно, как бы развивались события. Он организовал наступление на ст. Пермь-I.

На красноармейцев, отстаивающих ст. Пермь-I, внезапно обрушился огонь пулеметов с чердака здания штаба 3-й армии (дом Мешкова), только что оставленного советским командованием. К ним присоединился пулемет с чердака здания губернской ЧК [32].

Через полчаса после прибытия генерала Зиневича 6-я и часть 2-й роты выбили красных с прилегающих к вокзалу улиц и, совместно с отрядом штабс-капитана Марсеева, овладели ст. Пермь-I. Командир взвода 6-й роты прапорщик Кагалов ворвался со своим взводом на вокзал и лично замкнул стрелки, чтобы не было подхода противника с стороны Мотовилихи. Тотчас же были разобраны пути с обеих сторон.

О захвате ст. Пермь-I оставил воспоминания командир роты 20-го полка, охранявшего станцию:

«Около 4 часов утра 24 декабря, выставленный патруль около казармы, сообщает, что в городе стрельба. Я доложил о происходящем командиру полка. Он приказал усилить караул от 2-й роты, а 1-ю роту приказал вывести на ст. Пермь-I и поставить заставы в сторону Мотовилихи, чтобы белые не захватили ст. Пермь-I. Мне приказал находиться при 2-й роте и доносить о всех действиях противника. Выставив заставы, я поместился для удобства связи в комнату коменданта ст. Пермь-I.

На Туннельном мосту появились пулеметы белых, но комендант утверждал, что пулемет наш. Для выяснения командир 2-й роты т. Воедок приказывает командиру взвода выяснить, чьи пулеметы. По выяснению пулеметы оказались белых. Следовательно, мы отрезаны от ст. Пермь-II. Попытались установить связь с командиром полка. Не удалось, но комендант успокаивает — связь мною сейчас будет установлена.

Время шло. Кругом стреляют. В станции много раненых красноармейцев и рабочих, но положение остается не выясненным — отступить или держаться, и так продолжалось до 2-х часов дня 24 декабря.

В 2-3 часа дня в комендантское управление врывается банда белых 15-20 человек, вооруженных винтовками и наганами, в штатском платье, на фуражках инженерно-технические знаки. Личности интеллигентные, дерзкие, нахальные, до варварства. Скомандовали мне и моим связным: «Руки вверх!», наставляя в упор наганы. Пришлось подчиниться, рассчитывая, что в этот переполох могут и они сейчас быть пленными у нас. Нас забрали [33]. Это был отряд штабс-капитана Марсеева, который захватил на ст. Пермь-1 денежный ящик с 500000 рублями, типографию и редакцию газеты 29-й стрелковой дивизии «Окопная правда» во главе с главным редактором П.П. Бажовым, будущим известным советским писателем. Красные отступили к Перми-II, заняв женский монастырь [34]. При отступлении со ст. Пермь-I много красноармейцев попыталось по льду реки Камы выйти на противоположный берег, но почти все были взяты в плен, а многие тут же расстреляны».

6-я рота 4-го Енисейского полка штабс-капитана Рязанова, по Соликамской улице, захватила 4 орудия, 4 действующих пулемета и один миллион семьдесят четыре тысячи рублей, а 8-я рота захватила автомобильный гараж на Торговой улице, 61. На грузовики поставили пулеметы, и прапорщики Воробьев и Долинин помчались по улицам, обстреливая красноармейские цепи. За автомобилями двигалась пехота [35]. Красноармейские отряды отчаянно защищались. Так в ходе уличных боев бойцы 4-й роты 1-го Рабоче-Крестьянского полка (командир роты А.Г. Кожевников) захватили грузовой автомобиль с белогвардейским отрядом, вооруженным винтовками и пулеметом. При этом погиб Кожевников [36].

Красные отошли к ст. Перми-II, удерживая несколько кварталов перед ней. Масленников подтверждает это:

«В середине дня, сосредоточив большие силы на нескольких улицах, противник стал теснить наши части к Каме, угрожая отрезать наш левый фланг, а вместе с ним и дом Мешкова со штабом Клокова и ст. Пермь-I. Я доложил об этом Клокову. Он дал распоряжение завернуть левый фланг к Каме, оставив противнику Пермь-I и дом Мешкова (Оперативный штаб бригады он перенес на ст. Пермь-II). Комбриг Клоков вместе с комиссаром Беляевым продолжали организовывать сопротивление белым на улицах города. Командир 1-го Камышловского полка Некрасов и комполк Галенкин со своими бойцами с трудом сдерживали натиск белых. Камышловцы закрепились на углу Покровской и Кунгурской улиц в каменном здании, но их оттуда выбили с тыла. Оставив дом Мешкова, загибая фланги, остатки 2-й бригады отходили к Каме» [37].

Завернув левый фланг к Каме, инженерный батальон подтянулся ближе к ст. Пермь-II и закрепился на новых позициях. Подтянул свой фланг и Камышловский полк. Протяженность линии фронта стала меньше. Бои развернулись за обладание ст. Пермь-II, пос-

ледней опорой красных в городе, которую постоянно обстреливали орудия белых со стороны Красных казарм. Что там творилось, рассказывает боец полка «Красные Орлы» Голиков: «Снаряды, летевшие из города, ложились на станцию. Пути забиты груженными эшелонами. Тут же составы с ранеными. Толпы безоружных, охваченных паникой красноармейцев бросались из стороны в сторону. Вся станция забита составами».

Этому подтверждение рассказ железнодорожника Бурматова: «Состав с (железнодорожной) коллегией застрял у семафора. К вечеру раздались пушечные выстрелы, и первый снаряд разорвался около вокзала Пермь-II. Паника усилилась. Под пушечным обстрелом строится железнодорожная рота и отступает за Каму, вместе с ней отступают ответственные работники» [38].

Поведение специалистов отмечено в рассказе коммуниста Зайцева: *«16 декабря 1918 г. была проведена мобилизация всех членов партии управления округа путей сообщения, и был образован отряд особого назначения по обороне города Перми в 140 человек. Все члены отряда были переведены на казарменное положение. Казармы располагались по Торговой улице напротив железнодорожного училища. 23 декабря в 2 часа дня был получен приказ о подготовке к посадке в вагоны, что к 7 часам вечера было исполнено. Состав стоял на Перми-I. В 8 часов утра поезд ушел от ст. Пермь-I на Пермь-II. Там составы стояли сплошной линией на всех путях. Решили идти пешком до станции Курья. Здесь отряд начал разбегаться. Сначала сбежали специалисты, а за ними и все остальные. Во всех вагонах валялись брошенные винтовки и бомбы. Я сколотил отряд в 25 человек, собрал все винтовки из вагона и двинулся через Каму на двух подводах. Белые вели сильный артиллерийский огонь с 54 разъезда по Камскому мосту и по реке»* [39].

Подлежащие эвакуации специалисты разбегались по домам, как только представлялась возможность. Вот как об этом давал показания в ОГПУ в 1923 г. врач Александровской губернской больницы Дм. Аф. Эскин: «В период занятия Перми Колчаком я со станции пошел домой, затем спокойно стал продолжать работу. Мой брат генерал Эскин, подлежащий эвакуации согласно распоряжения штаба 3-й Красной армии также вернулся с Перми-II и через день пришел ко мне (соскочив с поезда), жил у меня, был арестован в течение двух суток, затем получил назначение командовать бригадой» [40].

На ст. Пермь-I находился бронепоезд «Имени В.И. Ленина», который попытался пробиться за Камский мост, но до Перми-II он добрался только к вечеру, т.к. его постоянно обстреливали восставшие. За Камским мостом эшелонами были забиты все пути, поэтому бронепоезд стал неподвижной мишенью. Белые сосредоточили артиллерию по нему. Тогда командир бронепоезда Деревцов приказал экипажу снять замки у орудий и покинуть бронепоезд, даже не взорвав

его [41]. Последним эшелонам из Перми выехали председатель ГубЧК Малков и его заместитель Ивонин, которые впоследствии рассказывали, как они вечером последним поездом выезжали из Перми-II: «Когда выезжали на входные стрелки, то линия огня была уже у депо. За нашим поездом был отправлен поезд, но его подшибли на Камском мосту, и он там остался» [42]. В ночь на 24 декабря на разъезде № 36 (это 5-6 км от Камского моста) местные жители подожгли составы, но красным удалось их потушить [43].

Что же находилось в составах на станции Пермь-II? Что собирались вывезти большевики из Перми? «Это — экипажи, мебель, пианино, картины, клетки с птицами, ковры и ящики, ящики без конца. Всего на вокзалах было нагружено 4 тыс. вагонов для товарищей комиссаров, увозивших с собой из кладовых бывшего Государственно банка 43 млн. народных денег, не считая тех бесконечных миллионов, что были награблены, национализированы и отобраны всяким иным способом у несчастного населения Перми и Екатеринбурга» [44].

Но на ст. Пермь-II были не только грузы, но и эшелон с пленными, в который попало несколько снарядов. Охрана разбежалась. Пленные бросились в разные стороны [45]. На станции творилось столпотворение. Голиков вспоминал: «Мы во главе с товарищем Акуловым стали наводить порядок. Это оказалось нелегким делом. Паникерам пришлось пригрозить оружием. Постепенно установили охрану, назначили патрули. Через Каму двинулись поезда» [46]. Красноармейцы, находившиеся в это время на станции, впоследствии вспоминали: «Акулов под обстрелом, с шашкой, на коне гарцевал по платформе ст. Перми-II. Три лошади под ним убило, а ему — ничего. Перескочит на другую и — опять за работу» [47]. Акулов, совместно с военкомом бригады Яхониным, сумел подчинить разрозненные группы красноармейцев, организовав оборону ст. Пермь-II.

Белые с нарастающей силой рвались к ст. Пермь-II. Одновременно к ней пробивались из окружения отдельные мелкие группы красноармейцев и красноармейцы-одиночки. Красные едва сдерживали натиск противника. Но оказывается, и белым приходилось не сладко. Вот что писал впоследствии командир 4-го Енисейского полка подполковник Мальчевский: «К 12 часам взято 8 тыс. пленных и 29 орудий. Ряды енисейцев таяли. Пришлось вести неравный бой у железнодорожной ст. Пермь-II, отбивая атаки красных» [48].

Сплошного фронта в городе не было. Командир 1-го Крестьянского полка Ослоповский вспоминал: «Решили идти к Перми-II. Наш отряд, прячась за заборами, вышел в тыл белым и открыл огонь им в спину. Белые занервничали и стали перестраиваться, и двинулись по

улицам перебежками, с явным намерением обойти нас. Нам пришлось тоже перебежать на другую сторону улицы. Так мы маневрировали до темноты» [49]. Ночью отряд Ослоповского ушел из города.

К вечеру почти весь город, почта, телеграф и ст. Пермь-I, были в руках сибиряков. Уполномоченным по гражданской охране занятой части Перми назначили штабс-капитана Марсеева [50]. Ночь прошла спокойно, стрельбы не было.

ДЕНЬ ВТОРОЙ **25 декабря 1918 года**

Утром бой в городе возобновился с особым ожесточением. Красные повели наступление по ул. Покровской и прилегающим улицам, на ст. Пермь-I, но в результате ожесточенного боя были вынуждены снова отойти к вокзалу Пермь-II.

25 декабря сибиряки-связисты установили телеграфную связь штаба 4-го Енисейского полка со штабом корпуса. Это способствовало управлению войск в борьбе за город. Этот героический поступок совершили солдаты отдельной телеграфной роты 1-го Средне-Сибирского корпуса Шарамов и Назаров [51].

Когда передовые цепи сибиряков очистили Петропавловскую улицу до 150-го дома, его хозяин, Агафуров, сейчас же побежал за солдатами, для того чтобы арестовать милиционера Громова, который проживал в его доме. Пришедшие солдаты потребовали показать документы. Громов предъявил удостоверение милиционера. Его арестовали и, выведя в ограду, пытались расстрелять там, но люди стали кричать, что здесь не расстреливают. Милиционера увели в тюрьму, в которой он просидел до занятия красными Перми [52].

В два часа дня 25 декабря 1918 г. в Пермь по кунгурскому тракту вступил штурмовой батальон и две роты 5-го Томского полка под командованием капитана Урбанковского [53], который сам указывал места атак ротам. 3-я рота штурмового батальона поручика А. Струнге, сняв погоны для маскировки, и перейдя на правый берег Камы, в коротком кровопролитном штыковом бою переколола 40 красноармейцев, и принудила сдаться в плен большую часть батальона (300 чел.) 20-го полка, охранявшего мост. Были захвачены пулеметы, один из которых оказался исправным. Впереди шла команда добровольцев, состоящая из стрелков Даутова, Козлова, Чижова и Чечурова, которая сумела перерезать провода, идущие к минам, поэтому мост захватили целым и невредимым [54]. Коммунист Медведев, отвечающий за взрыв моста, не сумел подорвать его, мотивируя это тем, что по нему в это время шел эшелон с ранеными. Сам он был захвачен в плен и впоследствии расстрелян [55].

Остальные роты батальона и 5-го Томского полка Урбанковский (со слов штурмовиков) сам повел в атаку на ст. Пермь-II, и одним из первых ворвался на вокзал. Красные отступили по оханскому тракту, т.к. по железной дороге было уже невозможно. По версии красных все было иначе. Механик-телеграфист ст. Пермь-II А. Лепешкин вспоминал: «Вот и пять часов. Все стихает, ни красных, ни белых, все голодны. Где-то достали ковригу хлеба, из буфета притащили в кастрюле похлебки из селедки. Все с жадностью едят, черпая стаканами, кружками. В шестом часу является охрана от белых с капитаном Климановым во главе. Расставляются часовые, едят белый хлеб с маслом, пьют кипяток» [56].

Что представляла ст. Пермь-II после штурма, видно из воспоминаний железнодорожника Михаила Попикова: «Утром 26 декабря я, идя на работу через вокзал ст. Пермь-II, видел тут и там трупы, а на перроне станции с кунгурской стороны гору стаченных в одну кучу заколотых красноармейцев. Тут же лежал и труп их командира с красной повязкой на рукаве «Командир 254 Камышловского полка» [57].

Командир инженерного батальона Масленников о взятии ст. Перми-II говорит следующее: «В начале второго дня противник артогнем разбил один эшелон и, заклинив железнодорожное движение на мосту через реку Каму, приостановил дальнейшую эвакуацию. Мы начали выводить из Перми воинские части. Большинство воинских частей, перейдя Каму, стало отступать вдоль железной дороги в сторону Верещагино. Я получил распоряжение отступать по тракту на Оханск» [58].

Как отступали красные по оханскому тракту, видно из телеграммы председателя областного совета А. Белобородова: «Пермский ревком вышел из Перми 24-го числа вслед за нашим комендантом города Окуловым. Сегодня прибыл в Оханск. Воинские части идут по тракту в беспорядке, нет авторитетной власти остановить движение. Организованные комендантские управления Култаево, Оханска бессильны. Давайте ваши указания, телеграфируйте» [59]. В Оханск С.А. Окулов привел 25 декабря 1146 красноармейцев, а на другой день еще 1447, итого всего под командой Окулова оказалось около 2600 красноармейцев [60].

Вдоль железной дороги Пермь — Вятка, по воспоминаниям командира карательного отряда коммуниста Сивкова, творилось следующее:

«А в это время мимо Чайковской в два ряда медленно и непрерывно двигались обозы. Чего только здесь не было! В глубоком возке ехала полузамерзшая семья, а следом шли сани с пружинным матрацем, на котором удобно расположились два здоровенных дяди в солдатском обмундировании, но без винтовок. Везли диваны с продранными сиде-

нями, деревянные скамейки, горки для посуды, кадушки с соленьями. Везли мешки с зерном и картошкой, везли зеркальное трюмо. И каждый готов был с топором в руках защищать свое место в обозе, не допустить, чтобы его кто-нибудь обогнал» [61].

Масленников в своих воспоминаниях нередко не упоминает Ф. Акулова, как организатора обороны вокзала, хотя в приказе по 29-й дивизии он стоит первым. Начдив Васильев отмечал, что благодаря Акулову и Клокову «станция Пермь-II удерживалась в наших руках до 19 часов 25 декабря, и за этот период из-под огня противника вывезено 15 эшелонов» [62].

Весь день 24 декабря в городе Перми происходили расстрелы коммунистов. Отряд (впоследствии 2-я рота Пермского офицерского полка) штабс-капитана Блохина, состоящий из офицеров, несколько раз приходил к губернской тюрьме, брал партию коммунистов, уводя их за Красные казармы в лес, и там расстреливал [63]. Расстрелы коммунистов происходили и прямо на улицах города. Так, у стены арестантского отделения по Сибирской улице были схвачены и расстреляны два комиссара. Один из них, лежа на снегу и обливаясь кровью, умолял добить его. На Вознесенской улице по указанию какой-то женщины был схвачен и расстрелян коммунист, труп которого долго лежал на углу улиц Вознесенской и Сибирской. очевидцы вспоминали, что по городу валялось много трупов [64]. Белый террор, по мнению врача Д.А. Эскина, пережившего и белый, и красный терроры, это «зуб за зуб», и вполне объясним. Он воспринимался жителями города как должное.

В этот же день в город вводятся дополнительные войска: 3-й Барнаульский и 8-й Бийский полки. Начальником гарнизона уже 24 декабря назначены командир 3-го Барнаульского полка подполковник Камбалин, а начальником штаба штабс-капитан Рязанцев [65], комендантом города — полковник Николаев, бывший комендант города до революции.

Жизнь в городе налаживалась. Управление начальника гарнизона расположилось на Сибирской, 8. Город был разделен на 10-й районы, где вся власть принадлежала комендантам, которые подчинялись начальнику комендантов, полковнику Манучарову. 26 декабря было восстановлено земское и городское самоуправление, проведена мобилизация офицеров и военных чиновников [66], из которых был сформирован 1-й Пермский офицерский полк под командованием полковника Полякова, который располагался в Мариинской женской гимназии. Первое время он нес караульную службу в городе, охранял грузы на станциях Пермь-I и Пермь-II, а также привлекался к расстрелам коммунистов.

Жители Перми полюбили солдат в суконных шапках с веточками ели. Уже упоминавшаяся Валерия Агеева вспоминает: «На другой день (26 декабря) было уже можно ходить по улице. Везде приветливые лица. Народ радостный, поздравляют друг друга, точно на Пасху» [67].

Картину освобождения города описывает в эмиграции генерал Клерже: «На рассвете Рождественского утра жители Перми были разбужены орудийными выстрелами, доносившимися с восточной стороны, и, когда уже совершенно рассвело, по улицам города появились первые дозоры белых сибиряков с зелеными ветками елок на головном уборе. Народ высыпал на улицы, лавки все мгновенно открылись, и на лотках всевозможные съестные припасы для продажи. Город переродился, город проснулся от искусственного сна, который ему привили перед этим агенты Третьего интернационала» [68].

Конечно же, город даже на третий день после освобождения так не выглядел. Журналист Калинин, прибывший в Пермь в начале января, назвал его мертвым городом. Только 22 января в Перми была разрешена свободная торговля [69].

По-прежнему много вопросов возникает у исследователей по захвату Перми колчаковскими войсками. Например, какие потери понесла Сибирская армия в уличных боях? Известно лишь, что сразу после Рождественских праздников прошли похороны офицеров и солдат, павших при взятии Перми, на Новом кладбище. Офицеров хоронили в синих гробах, а солдат в струганных. Сначала двигались катафалки с телами офицеров, а затем сани с гробами солдат. Траурная процессия, в голове которой шли воинские части, растянулась на несколько кварталов [70].

1. Свободная Пермь. — 1919. — 2 февр.
2. Красный Урал, Пермь. — 1919. — 27 июля.
3. На страже Свободы, Красноярск. — 1919. — № 32.
4. Свободная Сибирь, Красноярск. — 1919. — 1 апр.
5. ГАПК. Ф. р-49. Оп. 1. Д. 51. Л. 14.
6. ГАПК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 8. Л. 61.
7. Сивков В.Ф. Пережитое. — Пермь, 1962. — С. 215; ГАПК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 8. Л. 61.
8. ГАПК. Ф. р-1580. Д. 16. Л. 1.
9. Носков С.И. В революционном строю // В пороховом дыму. — Пермь, 1961. — С. 139.
10. Второй Пермский губернский комиссар.
11. ГАПК. Ф. р-1580. Д. 16. Л. 1.
12. ГАПК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 8. Л. 61.
13. ГАПК. Ф. р-732. Д. 40. Л. 1.
14. Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 90. Оп. 4. Д. 2496. Л. 23-24.

15. *Алексеев А.А.* Страницы из гражданской войны. — Ижевск, 1959. — С. 28.
16. *Сивков В.Ф.* Пережитое. — Пермь, 1962. — С. 215.
17. Ретроспектива. — 2008. — № 5. — С. 46.
18. *Иванов В.Н.* Исход // Дальний Восток. — 1994. — № 12. — С. 3.
19. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 28 янв.
20. Георгий Федорович Воробцов прибыл в Пермскую партийную организацию в январе 1918 г. из Невьянского районного комитета, ранее работал в московском комитете. До революции работал в Харькове, Петербургском и Нарвском районах с Калининым, Бадаевым, Мурановым, Хохряковым и др. В Перми сначала принимал участие в организации Красной Гвардии в губернском штабе, затем занимался формированием Красной армии с Лукьяновым, и далее в Губернской ЧК, где к осени 1918 г. состоял на должности зав. отделом по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями.
21. *Балмасов С.С.* Красный террор на Востоке России в 1918—1922 гг. — М., 2006. — С. 98.
22. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 16 янв.
23. *Балмасов С.С.* Красный террор на Востоке России... — С. 147.
24. Отечественные записки, Екатеринбург. — 1919. — 14 февр.
25. *Агеева В.А.* «Я перебралась к Назаровским...» // Назаровский: к 100-летию со дня рождения Б.Н. Назаровского, журналиста и краеведа. — Пермь: Пушка, 2004. — С. 14.
26. Там же.
27. Наш Урал, Екатеринбург. — 1919. — 22 февр.
28. ГАПК. Ф. р-714. Оп. 1. Д. 92. Л. 3.
29. ГАПК. Ф. р-732. Оп. 1. Д. 121. Л. 1,2.
30. РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 55об; Свободная Пермь. — 1919. — 2 февр.
31. *Масленников Ф.А.* Борьба за Пермь // В боях и походах. — Свердловск, 1959 — С. 305.
32. *Паздников Н.Ф.* Борьба за Пермь. — Пермь, 1988. — С. 35.
33. ГАПК. Ф. р-732. Оп. 1. Д. 121. Л. 3,4.
34. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 28 янв.
35. РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 55об; Свободная Пермь. — 1919. — 2 февр.
36. Под знаменем ВЦИК. — М., 1963. — С. 72.
37. *Масленников Ф.А.* Борьба за Пермь... — С. 303.
38. ГАПК. Ф. р-732. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.
39. Там же. Д. 145. Л. 3.
40. ГАПК. Ф. р-756. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.
41. Искра, Лысьва. — 1977. — 7 нояб.
42. ГАПК. Ф. р-732. Оп. 1. Д. 212. Л. 9.
43. Ленинский путь, Нытва. — 1969. — 18 июня.
44. Свободная Сибирь, Красноярск. — 1919. — 2 апр.
45. Отечественные записки, Екатеринбург. — 1919. — 7 марта.
46. *Голиков Ф.* Красные Орлы. — М., 1958. — С. 111.
47. *Черданцев И.* Красный орел. — Пермь, 1972. — С. 85.
48. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 4 апр.
49. *Ослоповский И.А.* Красные орлы // Юность боевая. — Л., 1961. — С. 139.
50. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 28 янв.
51. ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 895. Л. 213.
52. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11199. Л. 19.
53. *Иванов В.Н.* Исход // Дальний Восток. — 1994. — № 12. — С. 5.
54. ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 895. Л. 210; РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 55об.
55. *Паздников Н.Ф.* Заговор // Разгром Колчака. — М., 1968. — С. 226.
56. Ретроспектива. — 2008. — № 5. — С. 46.
57. Историческая коллекция объединенного архива Пермского отделения Свердловской железной дороги. Дело Попикова Михаила Трифоновича. Воспоминания. Л. 4-5.
58. *Масленников Ф.А.* Борьба за Пермь // В боях и походах. — Свердловск, 1959. — С. 303.
59. *Кин Г.Г., Софронов Г.П., Феофанов П.Г.* Первый Рабоче-Крестьянский. — Свердловск, 1978. — С. 72.
60. ГАПК. Ф. р-531. Оп. 1. Д. 41. Л. 289-292.
61. *Сивков В.Ф.* Пережитое. — Пермь, 1968. — С. 201.
62. *Черданцев И.* Красный орел. — Пермь, 1972. — С. 86.
63. ГАПК. Ф. р-464. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.
64. *Рихтер З.* Поход Осевзка. — Москва, 1933. — С. 176.
65. ГАПК. Ф. р-655. Оп. 1. Д. 9. Л. 1; ГАПК. Ф. р-746. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.
66. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 19 янв.; ГАПК. Ф. р-656. Оп. 1. Д. 9. Л. 5; ГАПК. Ф. р-746. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.
67. *Агеева В.А.* «Я перебралась к Назаровским...»... — С. 15.
68. Восточный фронт адмирала Колчака. — М., 2003. — С. 279.
69. Свободная Пермь. — 1919. — 14 янв.; ГАПК. Ф. р-746. Оп. 1. Д. 26. Л. 10.
70. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 9 янв.

НАЧАЛЬНИК СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ Д.Ф. КОТЕЛЬНИКОВ В ПЕРМИ

Весной 1919 г. в Перми, захваченной войсками Колчака, в газете «Освобождение России» появилось объявление, приглашавшее жителей на «Лекцию о северном морском пути»:

«Прибывший из Омска в Пермь директор маяков и лоций северного морского пути, гидрограф, полковник Дмитрий Федорович Котельников сегодня, 25-го марта, в зале Кирилло-Мефодиевского училища (угол Большой Ямской и Кунгурской), в 7 часов вечера, прочтет публичную лекцию о северном морском пути и о мероприятиях Правительства, направленных к практическому использованию этого пути, начиная с лета настоящего 1919 года.

Вход на лекцию бесплатный и общедоступный.

Д.Ф. Котельников летом прошлого 1918 года совершил плавание северным морским путем, командуя экспедицией, и доставил срочный военный груз из Архангельска в Омск» [1].

Вскоре в этой же газете появился очерк о Д.Ф. Котельникове [2]:

«На днях в Перми читал лекцию начальник Военно-Обской экспедиции, корпуса гидрографов подполковник Д.Ф. Котельников, чей выдающейся энергии мы обязаны чрезвычайно ценным подарком: подполковник Котельников привез в Сибирь радиотелеграфную станцию огромной мощности.

Уроженец Пермской губернии, тяготеющий к Сибири, этот недюжинный моряк, много плавал также по Туре, Иртышу, Оби, Катуню, Бию и другим рекам, начальником отряда судов в Белом море, и, наконец, прошлым летом получил от архангельского продовольственного комитета и северного кооператива моряков весьма важное и ответственное поручение: доставку морским путем сибирского хлеба в Архангельск для ожидавшихся там союзных войск и местного населения...

Соглашение с Сибирским Правительством было уже достигнуто, но выход экспедиции все время тормозился: мешали большевики, были крайне дезорганизованы рабочие команды, так что в отношении погрузки товаров и хлеба на них совершенно нельзя было положиться; одновременно осложнялось и военно-политическое положение, а время шло, и приближался такой период, когда плавание становилось рискованным.

2-го августа англичане заняли Архангельск.

Через две-три недели после занятия Архангельска союзниками и образования северного правительства во главе с Н.В.Чайковским состоялось особое совещание, на котором снова был выдвинут вопрос об экспедиции в Сибирь за хлебом. Подполковник Котельников заявил, что

срок прошел, отправлять экспедицию уже поздно, ибо она может быть затерта во льдах, и, в лучшем случае, — не достигнет своей цели, а в худшем — погибнет со всем своим богатейшим грузом.

Затем дело повернулось совсем в другую сторону, и экспедиции суждено было сыграть другую, также важную роль.

В последних числах августа, по инициативе чехо-словаков, на французском транспорте была привезена на мурманское побережье радиотелеграфная станция огромной мощности. 25-го августа командующий флотом контр-адмирал Иванов вызвал подполк. Котельникова и сообщил, что французское посольство намерено дать ему, как энергичному и опытному моряку, ответственное поручение. Когда подполковник явился в посольство, там его спросили: можно ли морским путем доставить в Сибирь прибывшее из Франции оборудование радиотелеграфной станции. Он ответил: можно.

Вслед за тем состоялось его назначение на должность начальника специальной Военно-Обской экспедиции, и он выехал в море. Путь был рискованный: можно было ожидать нападение германских подводных лодок, которые в тех местах уже видела экспедиция капитана Вилькицкого. Шли все плавание в тумане, в Карском море с трудом пробирались сквозь льды и моментами судно грозила гибель.

11-го сентября подошли, наконец, к бухте «Находка», где встретились с представителями Сибири во главе с И.П. Толмачевым. Встреча эта едва не стала — по недоразумению — трагической. Дело в том, что экспедиция не ожидала увидеть здесь какой-либо пароход, кроме большевистского, ибо о прибытии сибиряков не знала. Большевики же могли бежать именно в ту сторону и, естественно, что экспедиция приняла в тумане и ночном сумраке пароход «Фортуна» за вооруженный большевистский, тем более что он без всяких предупреждений шел прямо на экспедиционное судно. Подполковник Котельников отдал приказание приготовить орудия и пулеметы к бою. Но в это время с «Фортуны» стали говорить в рупор, и недоразумение разъяснилось.

Та и другая сторона были, разумеется, рады взаимной встрече и тотчас же приступили к деловым переговорам. Через три недели после этого, 2 октября, подполковник Котельников прибыл в Омск, где посетил главноуправляющих всех заинтересованных в морском пути ведомств и имел с ними обстоятельные беседы».

А позднее был напечатан и сам доклад, прочитанный в Кирилло-Мефодиевском училище [3].

Нам удалось найти несколько интересных документов, связанных с жизнью и деятельностью Д.Ф. Котельникова.

1) Метрическая запись о рождении его в Нытвенском заводе Оханского уезда Пермской губернии: «№ 18. Мастеровой Феодор Петров Котельников и законная жена его Наталья Поликарпова; оба православные. Родился — 11 (крещение — 13) сентября 1876 года, сын

Дмитрий. Восприемники: Притыкской волости Оханского уезда иерей Сергей Козмин Камазников и мастерового Алексея Евдокимова Бабушкина жена Александра Лаврентьева» [4].

2) Информация о репрессии: «Котельников Дмитрий Федорович, родился в 1876 г., п. Нытва, Нытвенский р-н, Уральская обл.; русский; проживал: г. Ленинград. Арестован 10 ноября 1929 г. Приговорен: 23 ноября 1930 г., обв.: антисоветская агитация, к.-р. деятельность. Приговор: 10 лет лишения свободы [5].

3) патент СССР от 30.10.1926, № 1796, Котельникова Д.Ф. на изобретение траля для гидрографических измерений (заяв. свид. № 2062, от 14.03.1925) [6].

В «Пермском государственном архиве новейшей истории» (ПермГАНИ) хранится «Дело Д.Ф. Котельникова» [7].

По материалам этого архивного дела написана статья о нем, опубликованная в областной газете: *Клеветов В., Ничиперович А.* Следы затерялись в Перми // Звезда. — 1994. — 3 дек.

В газете есть ошибки: например, неверно указан срок сокращения ему 10-летнего наказания — до трех лет, на самом деле — на одну треть.

Ознакомившись с двухтомным архивным делом (в нем более 300 листов), мы убедились, что жизнь Д.Ф. Котельникова достойна пера писателя В. Пикуля, настолько она уникальна и интересна.

Представим здесь некоторые документы (в скобках приведены номера листов дела), рассказывающие о жизни Котельникова: его аресте, родственниках, высылке жены в Пермь, обвинительном заключении, приговоре.

Арест и обыск Д.Ф. Котельникова состоялся в Ленинграде на основании ордера Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском Военном Округе за № 531 от 10 ноября 1929 г. (ул. Литераторов, д. 15, кв. 52).

Согласно протоколу изъяли: три металлических морских значка, один металлический жетон с азбукой Морзе; родственная переписка, расчетная книжка Промкредит за № 1490, семь разных книг, фотонегативы — в 3 коробках, альбом с фотокарточками один, бинокль за № 14912 с футляром, фотоаппарат фирмы Багаева за № 3 с футляром, ружье двустольное центрального боя фирмы Зауэр за № 32326 с футляром, различные морские карты, альбом, 500 грамм риса в заграничной упаковке, переписка с гр. Панасенко И.Х., 1 чемодан...

Сдано на хранение по акту гр-ке Котельниковой В.В. одна пишущая машинка системы Ремингтон старая без Ъ, исправная.

ПОСТАНОВЛЕНИЕМ (Л. 53-53об.) от 4 декабря 1929 г., Уполномоченным Особого Отдела Балтфлота ГОРСКИМ В., в связи с привлечением Н-ка 3 Отд. ГГУ УВМС КОТЕЛЬНИКОВА Д.Ф. в качестве обвиняемого по делу о его антисоветской деятельности, т.е. в преступлении, предусмотренном по ст. 58-4 Уголовного Кодекса, в порядке ст. 142 Уголовно-Процессуального Кодекса, обсудив вопрос о возможности оставления его, КОТЕЛЬНИКОВА, на службе в ГГУ УВМС в занимаемой им должности на время состояния его под следствием в качестве обвиняемого и принимая во внимание, что названный КОТЕЛЬНИКОВ Д.Ф. в связи с инкриминируемым ему обвинением и его арестом возвращению в РККФ не подлежит, а посему: гр-на КОТЕЛЬНИКОВА Дм. Федоровича на время состояния его под следствием в качестве обвиняемого, от занимаемой им должности отстранить, о чем сообщить по месту его службы.

Жизнеописание (так озаглавил протокол своего допроса Д.Ф. Котельников на Л. 10-20, с дополнением множества других допросов, проведенных по данным каждого участника процесса).

Список родных Д.Ф. Котельникова (Л. 24об.-25об.).

Мать, Наталья Поликарповна Котельникова, 76 лет, живет: г. Перми, в доме № 16, по 2-ой Пролетарской улице.

Брат, Александр Федорович Котельников, 51 года, преподаватель ремесел в Пермском техническом училище. Жена его, Анна Яковлевна Котельникова, 54 лет, живет при муже в г. Перми, дом 16, 2-ая Пролетарская улица. Приемная дочь Нина, 4 лет.

Сестра, Мария Федоровна Адпашева, 45 лет, замужем за Василием Егоровичем Адпашевым, мастер токарного цеха главных мастерских Пермской ж.д. член ВКП(б). Их дети: Федор, 19 лет, комсомолец; Зинаида, 24 лет, член ВКП(б).

Брат, Илья Федорович Котельников, 44 лет, работает десятником в сборочно-паровозном цехе главных мастерских Пермской ж.д., беспартийный, г. Пермь, Егошихинская площадь, д. № 7. При нем его жена Зинаида Сергеевна, 42 лет.

Дядя мой по матери Казаков Николай Поликарпович, токарь механической мастерской при Нытвенском железоделательном заводе, Оханского района Пермского округа, 72 лет. Герой труда.

Тетка моя по отцу — Клеопатра Петровна Баранова, вдова, 58 лет. Живет в Нытвенском же заводе.

Двоюродная сестра моя по матери — Фаина Андреевна Горбунова. Артистка — певица. Замужем за Майером Владимиром Ивановичем — председателем лесной секции Госплана. Адрес: Москва, Арбат, дом № 42, кв. 7.

Двоюродный брат по матери — Иван Андреевич Горбунов. Беспартийный. Работает слесарем в мастерских Пермской железной дороги, 48 лет. Женат, имеет сына, учащегося в межевом техникуме. Адрес их не помню, наверно, г. Пермь, Слудка, Биармская улица, в первом квартале сверху, по левой стороне.

Двоюродный брат, со стороны отца — Баранов Сергей Фомич, лет 40-42. Член ВКП(б) с 1917—1918 г. довольно крупный партийный работник, сначала в Перми, потом по различным Центрам Уральской горнопромышленности, преимущественно около Екатеринбург-Свердловска.

Дядя со стороны матери — Казаков Петр Поликарпович. Лет 68-70. Машинист-слесарь. Служит по различным заводам Урала. Человек кочующего нрава жизни. Отбил от своих и уже добрых лет 15 неизвестно где находится.

Дядя со стороны матери — Казаков Федот Поликарпович, 65 лет. Токарь. Служит не то в Н. Тагильском, не то в В. Тагильском заводе Уральской области. Я с ним не встречался лет больше 20.

Свойственники со стороны жены моей.

Теща, Вера Алексеевна, урожденная Повалишина, по первому браку — Соколова, по второму Штукенберг, 62-64 лет. Вследствие тяжелого недуга (сердечного) в 1922 году, осенью, живя в Москве, получила разрешение на выезд на лечение (по совету врачей) в Германию, к родственникам второго своего мужа, умершего более 25 лет тому назад. Выезд ее состоялся, когда я и моя жена были в Севастополе, а потому детали я не помню и кроме того многих не знал.

С тех пор и до сего времени она живет за границей.

Вследствие того, что я часто менял места своей службы, жена моя, сведения о матери получала через свою тетку, Зинаиду Алексеевну Перцову (70 л.), живущую постоянно в Москве (Плющиха, 17 или 19, не помню). Которая чаще сообщала жене моей, что мама жива и более или менее здорова, иногда пересылала ее письма. В прошлом году моя теща встретила за границей... с близким другом своего давно умершего отца, 80-ти летним старцем — англичанином, и переехала жить в Англию, к этому одинокому и по видимому хорошо обеспеченному субъекту. Как обстоит дело с разрешением на право оставаться моей теще за границей, я не знаю. Полагаю, что вследствие ее весьма [слабого] здоровья и весьма преклонного возраста, ей это разрешают, т.к. она писала, через московскую тетку, что вопрос этот улажен ее друзьями.

У меня был уговор с моей женой, чтобы она не была в непосредственной переписке со своей матерью, а довольствовалась бы сведе-

ниями о ней через свою московскую тетку, но впоследствии тетка пересылала моей жене письма ее матери, о чем я узнал не сразу. Письма эти были чисто семейного характера. А потому я особенно не возражал, учитывая страстную любовь, привязанность моей жены к ее матери. Эта же любовь побуждала мою жену сохранить эти письма, о чем я узнал только во время обыска у меня проведенного, т.к. эти письма получались в мое отсутствие и прятались. Моей теще помог выехать за границу в 1922 г. Нарком просвещения т. Луначарский, у которого моя тетка была в роли воспитательницы его младшего сына, а потом, самоотверженного ухаживая за ним во время тяжелой болезни, способствовала его выздоровлению.

Моя жена в 1918 и 1919 г. служила воспитательницей в детском доме, в ведении Луначарской, в Детском селе.

О моих научных работах последнего времени (Л. 34-35; конспективно — *Авт.*):

1. Работы по Северному морскому пути — не было ледовой разведки, брали с собой топливо, один раз в год. Не было маяков и т.д.

2. О ледовом режиме Карского моря. 1918 г. В 1918 .в Карском море плавало две экспедиции Б.А. Вилькецкого на «Таймыре», «Вайгаче» и моя на «Соломбале». Вилькецкий, после окончания плавания эмигрировал за границу и добытых материалов не оставил, а потому 1918 г. явился пробелом в ледовой сводке. Собранные мною материалы недостаточны, а потому, пополнив их данными, полученными с радиостанций и зверопромышленников с Нов. Земли, я начал обработку этого материала, но за недостатком времени эту работу еще не закончил.

3. О непрерывной ледовой компании Ленинградск. Торг. Порты. Убежден, что лед Финзалива проходим, что ледовая компания не должна прерываться. Статья «О ледовой кампании Л.Т. Порты» — ж. «Русский торговый транспорт».

4. Техническое описание гидрограф. Тралов и Руководство для производства тральных работ». По заданию Г.Н. этот труд был составлен мною в зиму 1925/1926 и напечатан в начале текущего 1929 г.

5. По заданию ГУ приступлено к составлению руководства для плавания в Онежском озере, т.к. нет в ГУ и Н.К.П.С.

6. По заданию ГУ приступил к составлению технического руководства для работников маячной службы. Должно выйти из печати к весне 1930 г.

7. О стратегических створных знаках (скрывающихся); Для укрепления обороны побережий и облегчающих деятельность нашего боевого флота. Сконструировал три типа таких знаков, сделал точные, действующие модели, составил описание их и во время заканчивания чертежей этих знаков я был арестован, буквально с рейсфедером в руках.

(Авторам удалось обнаружить еще один труд: *Котельников Д. Ф.* Русская гидрография в ее государственном и международном значении // Красный флот. — Л., 1926. N.)

Жена — Котельникова Вера Владимировна (Соколова) (протокол допроса — Л. 122-123об.), после осуждения мужа была выслана в Пермь, где проживала в Старой Слободке, по ул. 2-я Пролетарская, дом № 16, кв. 1 (ул. 2-я Пролетарская, находилась между нынешними улицами Белинского и 1-й Красноармейской; в районе магазина «Автомобили» — *Авт.*).

Родилась 1885 г. в г. Самаре.

Проживает в Ленинграде по ул. Литераторов, д. 11 кв. 52.

Образование — среднее. Отец — инженер путей сообщений, умер, когда ей было 3 месяца.

С 10 лет училась в гимназии, которую закончила в 1903 г. Училась в бывшем Царском селе. До 1906 г. занималась языками, затем, сдав экзамен на аттестат зрелости, поступила в Женский мединститут, котором прослушала 1 и 2 курсы, сдала зачеты.

В ноябре 1910 г. вышла замуж за Котельникова.

До 1914 г. жила в Петербурге, а во время войны жила несколько месяцев в разных городах Финляндии. В 1917 г. переехала в Архангельск, откуда летом 1918 г. переехала в Петроград. 1919—1920 гг. — служила в детской колонии им. Луначарского и детском санатории им. Бонч-Бруевича.

Осенью 1920 г. уехала в Омск к мужу и служила машинисткой.

В 1921 г. была в Туркестане, где работал муж в экспедиции.

В 1922 г. уехала в Севастополь, куда был назначен муж.

В 1923 г. переехали с мужем в Баку и жили там до осени 1924 г.

Далее переехали в Ленинград, где и живу до сих пор.

Мать находится в Англии, куда уехала в 1922 г.

Сводные братья, т.е. от второго брака матери: Владимир Павлович Штукенберг проживает в Париже; второй брат, Борис Павлович — в Африке. Когда уехали, не знаю, т.к. призывали их в армию во время войны в 1915 г. я их больше не видела.

Двоюродная сестра Нона Петровна Лихонина, замужем за Иваном Михайловичем Лихониным, живут в Харбине.

Двоюродная сестра Зинаида Петровна Совытская, с мужем разведена и живет около Ниццы.

Двоюродный брат Дмитрий Петрович Перцов находится за границей, но не знаю где.

Двоюродная сестра Елена Васильевна Дембинская находится в Волинской губернии

Двоюродная сестра Ирина Васильевна Андреева находится в Южной Америке, замужем за Владимиром Николаевичем Андреевым.

Двоюродный брат Юрий Васильевич Савицкий находится в Польше.

Двоюродный брат Григорий Васильевич Савицкий находится в Польше.

Двоюродный брат Артемий Васильевич Савицкий находится в Харбине. Непосредственной переписки ни с кем из них не имела и не имею.

Сказать что-либо о деятельности мужа в период проживания его у белых в Архангельске и Сибири я ничего не могу, т.к. в июне-июле уехала из Архангельска в Ленинград за матерью, а после уже, вследствие захвата Архангельска белыми, я туда проехать из Ленинграда не могла и осталась в Ленинграде.

О своем муже до ликвидации Колчака я ничего не слышала и с ним переписку ни связи через третьих лиц не имела. Муж мой, насколько мне известно, ни с кем из лиц, проживающих за границей, переписки не имел, и за все время пребывания его на советской службе он дома никогда и никем из иностранцев не посещался.

Проживая в Ленинграде мужа на квартире посещали [...].

Отобранный у меня при обыске на квартире рис в иностранной упаковке мною был получен от живущей в Ленинграде моей тетки, Мар. Алексеевны Савицкой, которая получает посылки из Польши от своей дочери Елены Васильевны Дембинской, уехавшей туда еще до революции вместе с мужем, поляком по национальности. Рис этот был получен мною лично от Савицкой, у нее на квартире, за две-три недели до ареста мужа.

Больше добавить к своим показаниям ни чего не могу, протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан.

Заключение жизнеописания Д.Ф. Котельников написал на типографских бланках Протокола допроса, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО; отдел ОО Балтфлота, г. Ленинград (Л. 35об.-37об.).

«...Заканчивая свои письменные показания (свое жизнеописание), я убедительно прошу Представителей Политических и Судебных органов Советской власти, устанавливая степень моей виновности по введшемуся делу, принять во внимание: 1) что сделанные мною ошибки и промахи, в период моей службы у белых (более 10 лет назад), есть результат моего полного политического невежества и 2) мою последующую десятилетнюю службу, отмеченную рядом благодарностей, и сохранить за мною право и возможность на дальнейшую работу. При этом я совершенно сознательно и торжественно обещаю — работать из всех сил и возможностей, не боясь в своей работе постоянного и тщательного контроля со стороны политических органов. Здоровье у меня еще крепкое и на 10-15 лет работы меня еще хватит... В доказательство же моей работоспособности и желания работать считаю необходимым сообщить, что явившийся ко мне для обыска и ареста представит. О.О.Балтфлота, застали меня еще за работой по вычерчиванию стратегических створн. знаков, склоненным над чертежной доской (после целого рабочего служебного дня в ГУ, время было уже около часу ночи с воскресенья на понедельник), а не в кругу пирующей компании или спящим после обычной дневной работы».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ГПУ в ЛВО от 12 мая 1930 г. (Т. 2. Л. 27).

... ходатайствует о применении к КОТЕЛЬНИКОВУ Дмитрию Федоровичу высшей меры социальной защиты.

ПП ОГПУ в ЛВО *подпись* (Медведь).

ЗАМ. НАЧ. СОЛВО *подпись* (Петерсон).

НАЧ. ОО М/С Б/М *подпись*. (Никонович).

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ. (Л.191-197).

КОТЕЛЬНИКОВ Дмитрий Федорович, б. начальник 3-го Отдела Г.У.У. ВМС, 1876 г. рождения, происходящий из кр-н Пермской губ, Оханского уезда, Нытвенской волости, дер. Нытвенский завод, б. белый офицер Колчаковской армии, в чине полковника, со средним образованием, детей не имеющий, ранее не судившийся, состоящий до ареста на службе в РККФ с 1921 г., — находящийся в настоящее время под стражей в ДПЗ.

ОБВИНЯЕТСЯ: 1) в том, что, состоя в 1918 г. на командной должности в Рабоче-Крестьянском Красном флоте Белого моря, он в момент белого переворота в гор. Архангельске добровольно остался у белых. Занимая, позднее ответственные командные должности при Пр-ве Колчака, он активно боролся против красных, беспощадно подавляя, кроме того, всякие проявления революционных настроений рядового состава команд вверенных ему судов, т.е. пр. ст.58-13У.К.

2) Сблизившись во время службы у Колчака с представителями дипломатических миссий Англии и Франции, КОТЕЛЬНИКОВ, в частности, французской миссии, передавал в то время сведения об экономическом положении Сибири и о состоянии Северного Морского Пути.

Состоя позднее на Советской службе, в качестве лица высшего начсостава РККФ, он продолжал иметь неофициальные связи с представителями дипломатических консульств Англии и Персии. А кроме того, злостной критикой мероприятий и распоряжений Соввласти среди военнослужащих РККФ, он, КОТЕЛЬНИКОВ, подрывая доверие к последней, дискредитируя одновременно звание командира РККФ, т.е. пр.пр. ст. 58-4 У.К.

Принимая во внимание, что поименованные выше обвинения доказаны, как показаниями свидетелей, так и личным сознанием обвиняемого,

ПОСТАНОВИЛ:

Настоящее следственное дело за № 1895-29 года по обвинению гр-на КОТЕЛЬНИКОВА Д.Ф. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 57-13 и 58-4 У.К. передать на внесудебное разбирательство в Коллегию ОГПУ гор. Москва.

Направив дело предварительно на заключение Пом. Прокурору Морских Сил Балтийского моря.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО В/Ф и Кр. Кр.: *подпись* (Горский).

«СОГЛАСОВАНО»: ЗАМНАЧООЛВО: *подпись* (Петерсен).

«УТВЕРЖДАЮ»: ПП ОГПУ в ЛВО *подпись* (МЕДВЕДЬ).

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от 23 ноября 1930 года (Т. 2. Л. 20).
СЛУШАЛИ:

20. Дело № 101270 по обвинению гр. КОТЕЛЬНИКОВА Дмитрия Федоровича по 58/13 и 58/10 ст. ст. УК.

ПОСТАНОВИЛИ:

КОТЕЛЬНИКОВА Дмитрия Федоровича заключить в к/лагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет, считая срок с 11.XI-29 года.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 63/78 от 7.X.33 г.

ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА

ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

(Т. 2. Л. 61.)

39. Ходатайство о помиловании Котельникова Дмитрия Федоровича, осужденного Коллегией ОГПУ 23.XI. к заключению в концлагерь на 10 лет, считая срок с 11.XI.29 г. Дело № П-2017.

Срок заключения в лагере сократить на одну треть.

Секретарь ЦИК Союза ССР. *Подпись* (А. Енукидзе).

ЗАЯВЛЕНИЕ от 11 августа 1932 г. (Т. 2. Л. 35).

Гр. Котельниковой Веры Владимировны в ОГПУ.

Прошу перед московской коллегией ОГПУ о разрешении мне во время отпуска для свидания с мужем, Котельниковым Дмитрием Федоровичем, находящимся в лагерном пункте Медвежья Гора Мурманской ж.д., с декабря 1930 г.

По административной высылке в Пермь, для проживания сроком на 3 года, считая с 27 октября 1930 г., без избирательных прав, нахожусь на службе в управлении Пермской ж.д. Выслана я по ст. 58, п. 10.

Подпись.

Пермь, Старая Слобода, 2-я Пролетарская, д. 16, кв. 1.

НАЧ. ПЕРМСКОГО ОПЕРСЕКТОРА ОГПУ

Гор. Пермь. (Т. 2, Л. 42; ранее: Л. 31. в свидание было отказано).

Копия: **НАЧ. БЕЛМОРБАЛТЛАГА ОГПУ.**

ст. Медвежья Гора.

11 Сентября 1932 г.

Просьба сообщить гр-ке КОТЕЛЬНИКОВОЙ Вере Владимировне, проживающей по адресу: г. Пермь, Старая Слобода, 2-я Пролетарская, д. № 16, кв. 1, что ей разрешается выезд на ст. Медвеж. Гора сроком на 10 дней, для получения свидания с мужем КОТЕЛЬНИКОВЫМ Дмитрием Федоровичем, содержащимся в БЕЛМОРБАЛТЛАГ ОГПУ.

ПОМ. НАЧ. УСО ОГПУ: *подпись* (Зубакин).

ПОМ. НАЧ. 2 ОТД-НИА: *подпись* (Мишустин).

Публикуя данные документы Дела, которое для просмотра в отношении проходящих по его показанию лиц запрашивалось 3-м ГЛАВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ КОНТРРАЗВЕДКИ МГБ СССР в 1947 и 1954 годах (Т. 2, Л. 56 и 57), мы надеемся, что родственники Дмитрия Федоровича Котельникова, проживающие в Перми, сообщат нам о дальнейшей судьбе ученого-гидрографа и его жены. На сегодняшний день (по непроверенным данным) нам известно, что после отбытия наказания Котельников в возрасте 70 лет преподавал в Мурманском мореходном училище [8].

1. Освобождение России. — 1919. — 25 марта (№ 67). — С. 3.
2. Там же. 2 апр. (№ 74). — С. 2.
3. Морской путь в Сибирь: (Доклад начальника Военно-Обской экспедиции подполковника Д.Ф. Котельникова министру торговли) // Освобождение России. — 1919. — 5 апр. (№ 77). — С. 2-3; ранее опубликован в омском «Сибирском вестнике» (Орган Временного Сибирского правительства) (1918. 22 окт. № 49) под названием «Доклад министру торговли и промышленности Сибирского Правительства, начальника Обской экспедиции, корпуса гидрографов подполковника Котельникова «О мерах, обеспечивающих мореплавание и речное судоходство до бухты «Находка».
4. ГАПК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 225.
5. Годы террора: книга памяти жертв политических. — Ч. 3, т. 2. — Пермь, 2003. — С. 549.
6. База патентов СССР:
<http://patentdb.su/7-1796-tral-dlya-gidrograficheskikh-izmerenijj.html>
7. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 33076.
8. http://mail.yandex.ru/message_part_proxy/Петр%20Стрелков.doc?hid=1

КИРОВСКИЙ РАЙОН В КАНУН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЗЕМЛЯНКИ, БАРАКИ, ДАЧИ, РУБЛЕННЫЕ ДОМА

Что представляли собой жилые постройки Кировского района в канун Великой Отечественной войны? Об этом может рассказать решение исполкома Кировского района Совета депутатов трудящихся «Образование избирательных участков по выборам в Кировский районный совет депутатов трудящихся» № 8 за 10 февраля 1941 г.

Многие люди, приезжающие на правобережье возводить заводы перед Великой Отечественной войной, еще проживали в землянках (впрочем, так было и в других поселках Перми). Землянки были, например, напротив станции Курья и клуба Ворошилова, на Плотбище и 103-м участке, на месте возникшего в 1954 г. военного городка предприятия п/я 397 («Городок Строителей»), у Трансстроя, под берегом Камы. Правда, их количество в этих документах не указано, как и число живущих в них. Хотя из более поздних документов, к примеру, получается, что против дачи № 114 в 1948 г. имелось 20 выстроенных ранее землянок (1). А вот количество землянок на ст. Химград в 1941 году известно — их было 210 (2).

Надо сказать, что практически все землянки люди строили сами, так как местные власти предоставить жилье всем не могли. Вспоминая о своем детстве, председатель ТОС «Октябрьский» З.И. Голдырева рассказывала автору статьи: «Я родилась в землянке № 137 метров 300 от вокзала Химград в 1937 году. Эту землянку 1930 года постройки мама купила за год до моего рождения. Она была небольшой: кровать, печка, лампочка. Около землянки — огород. Потом, лет десять спустя, мы приобрели землянку побольше. Добавились кухня и сарай».

По воспоминаниям старожилов и по архивным документам видно, что из землянок люди стали перебираться в более благоустроенное жилье в 1950-е гг.

Не всегда удается проследить, сколько барачных домов было в 1940-е гг. в Кировском районе. К примеру, барачных домов на Промучастке стояло — 17, на Плотбище — с № 1 по № 10, в Воиве — 5, в поселках затона — 3 и Январском — с № 2 по № 21, в Первомайском с № 1 по № 28, в Судозаводском поселке с № 18 по № 31, № 239 и с № 255 по № 258. А вот количество барачных домов на 103 и 105 участках и у Трансстроя не дается.

Интересно, что в документах по образованию избирательных участков по выборам после 1945 г. землянки по тому же поселку Химград уже не фигурируют: их заменили таким понятием, как «частные одноэтажные каркасные дома» (3). А вот бараки на Промучастке именуется как «одноэтажные каркасные дома» (4). Видимо тем, кто составлял списки поселков, «настоятельно рекомендовали» не писать «землянки» и «бараки», а заменить эти слова на более благозвучные.

Каркасные дома появились в 1930-е годы: № 204, 205, с № 232 по № 234 (возводились в Судозаводском поселке).

Рубленые дома заселялись в Судозаводском поселке (с № 34 по № 49), в Первомайском (с № 1 по № 27), в Сосновке (с № 28 по № 34) (5). В 1955 г. таких самовольных рубленых домов на Промучастке было уже 34 (6). Дочь Г.А. Беляева, который работал на подсобном хозяйстве, поведала, что отец возвел свой дом на Промучастке в 1937 г. Удивительно, но дом этот сохранился, хотя по документам его как бы нет.

Но вот в 1950-е гг. деревянные рубленые дома строились уже в соответствии с проектом, утвержденным главным архитектором города, а потом их принимала комиссия. Дома возводились из бревен размером 8,7 на 6 м. В основном, они были одноэтажными, под тесовой кровлей, на бутовом фундаменте. Помимо русской печи, некоторые из них имели еще и голландскую (7).

Наконец, уже был четырехэтажный каменный 195-квартирный дом. Этот первый кирпичный жилой дом стали возводить ещё в 1936—1940 годах, но закончили строительство только после войны. В 1970-е гг. дом на улице Закамской, 2, считалось самым длинным в городе — его длина составляет 470 метров.

Дач на берегу реки Камы по упомянутым нами документам было перед войной 124. Авторы книги «Закамск», изданной к 50-летию Кировского района Перми, в главе о НПО им. С.М. Кирова пишут: «32 дачи, приобретенные у Пермского гормесхоза, послужили первоначальной жилищной базой комбината». Но, по-видимому, дач, переданных заводу, было гораздо больше, так как в решениях исполкома Кировского района Совета депутатов трудящихся за 1941 г. указывается, что с № 69 по № 124 дачи принадлежат заводу имени С.М. Кирова (8).

Лишь спустя почти два года после Победы в Великой Отечественной войне дачи были переданы обратно городу. Вот решение исполкома № 110 от 27 июня 1947 года: «Разрешить Кировскому РЖУ организовать вновь домоуправление № 96 для обслуживания изъятых в соответствии с решением Молотовского Горисполкома от 31 декабря 1946 года № 672 у завода имени С.М. Кирова 42 дачи» (9).

В 1941 г. ситуация по жилому фонду Кировского района в различных поселках была следующей.

Строительство частных домов в посёлке Кирова началось в 1929 г. и шло в 1930-е годы. В 1941 г. здесь уже были улицы: Пролетарская (позднее Кедровая), Центральная (позднее Смольная), Большевикская, Пушкина (позднее Псковская), Чапаева (позднее Вольская), Парковая (позднее Разъездная), Майская (позднее Высокая), Шмидта (позднее Магазиная), Пермская (позднее Станционная). Ближе к ст. Курья стояли дома, принадлежащие железной дороге (10).

Поселок Налимиха считался обжитым уже к 1934 году (имел 66 хозяйств, рубленые дома были построены частными застройщиками без должного оформления, улица еще не имела имени) (11).

Поселок Куйбышева в 1941 г. имел улицы: М. Горького (позднее Бородулинская) и Калинина. В поселке стояли жилые частные дома работников судозавода.

На Ласьвинских хуторах было 16 хозяйств. Рядом со ст. Курья находились дома строителей 2-х путей, а напротив — землянки.

А поселок Промучасток появился в 1932 г. (12). В 1941 г. тут было 17 бараков. Несколько бараков выстроил судостроительный завод, а потом их строил завод имени Ф.Э. Дзержинского. Самовольные рубленые дома стали возводить тут в 1937 г.

Рядом с Промучастком в те же годы располагался поселок Барановский, жители которого работали в заводском подсобном хозяйстве и считались тоже самовольными застройщиками. Ими было построено примерно пять рубленых домов. Еще здесь неподалеку, на берегу озера, в те же годы стояли бараки и дома кирпичного завода.

В 1917 г. Нижнекурьянский затон имел 10 домов с площадью 373 кв.м. К 1941 г. площадь поселка судоремонтного завода (в 1938 г. затон стал судоремонтным заводом) увеличилась до 12630 кв.м. Дома (индивидуальные и завода) строились по ул. Набережной (позднее Водников), Куйбышева (позднее Капитанская), Буденного (позднее Нижнекурьянская). Проживали здесь рабочие и служащие завода, а также плавсостав КРП (13).

Поселок судозавода начал строиться в 1930 г. В 1941 г. люди в поселке проживали в бараках, рубленых и каркасных домах.

Основание дачному поселку Нижняя Курья положили железнодорожники и городские служащие. Потом появились дачи купцов и промышленников. Застроился этот участок где-то в 1932 г. К 1941 г. частные дома и дачи уже стояли по теперешним улицам: Водников, Ал. Ульянова, Нижнекурьянская, Юнг Прикамья, Калинина, Кировоградская, Бабумская, Курьянский пер., Черниговская, Оханская, Веслянский пер. (14).

В поселках Закамск, Январский, Сосновка строительство началось в 1931—1932 гг. (15). Примерно в те же годы появился поселок Первомайский. В поселке Январском перед войной были бараки завода им. С.М. Кирова, землянки и частные дома, в Сосновке и Первомайском — бараки и рубленые дома рабочих и служащих различных предприятий.

Против клуба Ворошилова (ул. Кировоградская, 26) были землянки.

10 бараков стояло в поселке Воив перед Великой Отечественной войной. «Воив» расшифровывается так — «Всесоюзное общество искусственного волокна». Потом, уже после войны, вместо поселка стала улица Витебская, которая с 1993 г. стала улицей Гальперина.

Каркасные дома и бараки в поселках 105-й и 103-й участки появились еще до Великой Отечественной войны. В конце 1950-х годов в поселке 103-го участка, где было 15 домов, возникла улица Степная. А вот улица с названием 105-й участок, напоминающая о поселке, состоящем в конце 1950-х гг. из более 30-ти домов на четырех улицах, есть до сих пор, а на ней — несколько строений.

В 1930 г. в деревне Оборино стояло 11 дворов, и жили 61 человек. В 1941 г. в совхозе Оборино, в домах и бараках, жили рабочие подсобного хозяйства.

В 1931 г. в поселке Плотбище (теперь — ул. Причальная) стояло три барака, а перед войной здесь были землянки и 12 барак (16).

1. ГАПК. Ф. р-1081. Оп. 1. Д. 10. Л. 412.

2. Там же. Д. 1. Л. 10, 12.

3. Там же. Д. 5. Л. 653.

4. Там же. Д. 11. Л. 121.

5. Там же. Д. 9. Л. 246.

6. Там же. Д. 1. Л. 10, 12.

7. Там же. Д. 30. Л. 284, 285.

8. Там же. Д. 25. Л. 238.

9. Там же. Д. 1. Л. 10.

10. Там же. Д. 8. Л. 569.

11. Там же. Д. 1. Л. 12.

12. Там же. Д. 20. Л. 346.

13. Там же. Д. 21. Л. 378.

14. Там же. Д. 1. Л. 10.

15. История завода памяти Ф.Э. Дзержинского. Папка 1. Рукопись. С. 7.

16. ГАПК. Ф. р-1081. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

БАЛЕТ «ЗОЛУШКА» СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА (Пермские адреса. По воспоминаниям современников)

В декабре 2011 г. 70-летие эвакуации Ленинградского театра оперы и балета имени С.М. Кирова в Перми будет отмечено тремя событиями: **открытием мемориальной доски** на здании театра оперы и балета; **презентацией документального фильма «Эвакуационный роман»** (пермской киностудии «Новый курс», режиссер Б. Караджев); **премьерой балета «Шут»** («Сказка про шута, семейных шутов перешутившего», созданная Сергеем Прокофьевым (1921) по заказу Сергея Дягилева, сценография Михаила Ларионова; балет был написан по мотивам русской народной сказки, записанной А.Н. Афанасьевым в Пермской губернии).

В июне 1943 г. в город Пермь (Молотов) прибыл выдающийся композитор Сергей Сергеевич Прокофьев. Причина приезда — продолжение работы над балетом «Золушка» для Ленинградского театра оперы и балета им. С.М. Кирова, находящегося в эвакуации в нашем городе.

Выбор спектакля для Перми был связан и с размерами городской сцены театра, где он мог быть поставлен. Позже Сергей Сергеевич, вспоминая свой приезд на Урал, сочувствовал артистам балета: каково было им после сцены Ленинградского театра «танцевать на пятчке». Он писал «о том интересе, и даже обожании, с которым встречали жители Молотова каждый спектакль и его участников. Зрительный зал был переполнен, и каждый вечер у дверей театра можно было видеть большую группу людей с разочарованными лицами, которым не удалось достать билеты».

Идея «Золушки» по сказке Шарля Перро принадлежала театральному критику и либреттисту Николаю Дмитриевичу Волкову. Два акта «Золушки» уже были закончены Прокофьевым буквально накануне войны — в марте-апреле 1941 года. Ставить трехактный балет в Ленинграде должен был танцовщик и хореограф театра Вахтанг Чабукиани. В Перми балетмейстером «Золушки» уже мыслится солист театра Константин Сергеев, так как Чабукиани эвакуировался в Тбилиси. Для Сергеева «Золушка» была первым хореографическим опытом полнометражного балета.

В Пермь С.С. Прокофьев, находившейся сначала в эвакуации в Нальчике, а затем в Тбилиси, приехал из Алма-Аты, где работал с С.М. Эйзенштейном над фильмом «Иван Грозный», со своей второй женой Марией Мендельсон.

Семья композитора

Первая жена Сергея Прокофьева — Лина Ивановна Любера (Каролина Кодина, после замужества в 1923 году — Лина Прокофьева) (1897, Мадрид — 1989, Лондон). Дети Прокофьевых: Святослав (род. 1924), Олег (1928—1998). Лина была арестована в 1948 г. в Москве, как иностранный шпион. Приговор — 20 лет лагерей, которые она отбывала в поселке Абызь Коми АССР, а затем в мордовских лагерях. Освобождена в 1956 г. В 1974 г. Лина, по ходатайству Т. Хренникова, выехала из СССР в Лондон, к сыну Олегу. За рубежом она основала Фонд Прокофьева, который затем разросся до Архива и Ассоциации Прокофьева. Похоронена в Медоне, под Парижем, рядом с могилой матери композитора — Прокофьевой Марией Григорьевной.

Вторая жена композитора — Мария Александровна (по документам Мария-Цецилия Абрамовна) Мендельсон-Прокофьева (1915, Москва — 1968, Москва). Он познакомился с ней в 1938 г. на отдыхе в Кисловодске, и в 1941 году ушел к ней от семьи, а в 1948 году, не разводясь с первой женой, зарегистрировал брак. Мария Александровна была младше Прокофьева на 24 года. В 1936—1940 гг. училась на переводческом отделении Литературного института Союза писателей. Она является автором стихотворных переводов текстов к опере Прокофьева «Обручением в монастыре» и текстов песен Прокофьева, а также соавтором либретто нескольких балетов и опер. М.А. Прокофьева завещала весь архив Государственному центральному музею музыкальной культуры имени Глинки, Российскому Государственному архиву литературы и искусства, Детской музыкальной школе №1 имени Прокофьева и сыновьям. После смерти С.С. Прокофьева пыталась наладить отношения с первой женой композитора, но получила от нее резкий отказ [1].

В гостинице

В Перми чету Прокофьевых поселили в гостинице «Центральной» (Семиэтажке) на улице Карла Маркса, 9 (ныне ул. Сибирская). О том, как они жили на новом месте, супруга Прокофьева Мира Александровна сообщала в Москву: «Получили комнату в гостинице, неподалеку от Камы. Часто ходим на реку. Как Сереженька предполагал, самочувствие его здесь лучше, работается ему хорошо. Он заканчивает сюиту «Семен Котко», оркеструет «Балладу о мальчике» и пишет сонату для флейты. Вскоре займется «Золушкой». Дирекция театра очень заботлива, и в бытовом отношении мы устроены хорошо. Я занимаюсь либретто казахской оперы» [2].

О работе над «Золушкой» (воспоминания Константина Сергеева)

«Война. Театр в эвакуации. Но никакие трудности не могли остановить нас. Прокофьев очень вдохновенно и быстро сочинил музыку. В нем не было никакой отчужденности, раздражительности, предубежденности. Композитор полюбил балет, и поэтому вся его работа шла в стремительном темпе. Вместе с Волковым и Фельдтом мы собирались в маленьком номере пермской гостиницы. Это были волнующие встречи с большим композитором, который в период тяжелейших испытаний создавал произведение светлое, оптимистическое.

Внешне сдержанный, порою даже несколько суховатый, он обладал поэтической душой сказочника, мудрого и вместе с тем по-детски наивного. Он удивительно образно почувствовал и воплотил и остро гротесковые сцены мещанского и дворцового миров, и чистую, прекрасную любовь Золушки и Принца. Его богатая фантазия поистине не знала удержу. В кульминации балета, например, воображению его рисовались часы с огромным маятником, который через всю сцену раскачивается под зловещие аккорды музыки. На композитора невозможно было смотреть без улыбки. Высокий, худощавый, он буквально преображался, рассказывая о своем замысле, как режиссер, видящий этот эпизод во всех деталях. И потом мы с художником много думали, как удовлетворить «режиссерское видение» Прокофьева.

Памятуя наши пожелания попробовать себя в роли, если можно так сказать, традиционного балетного (в лучшем смысле этого слова) композитора, Прокофьев писал «настоящий балет», используя всевозможные любимые нами ритмы, темпы, формы: адажио, пленительные вальсы, галопы, польки, придворные танцы — павана, паспье... На этот раз он охотно выполнял многочисленные просьбы. «Требуйте от меня, чего хотите, пока пишу, — говорил он. Написал — всё». И, таким образом, мы, представители хореографического искусства, непосредственно участвовали в процессе создания произведения, а не имели дело с уже готовой музыкой, как это было при постановке «Ромео». И это, конечно, дало свои результаты. К музыкальному материалу, как всегда, Сергей Сергеевич относился бережно, кое-что используя потом в других произведениях.

Мне как артисту очень хотелось вывести мужской танец «на простор». Мы вместе решали эту насущную проблему. В «Золушке» был дан простор танцу, и Принц от первого до последнего танца находился в воздухе. Это был мой актерский реванш и одновременно — мой балетмейстерский дебют. Впервые я осуществлял столь значительную постановку (до этого доводилось ставить лишь небольшие концертные номера).

Музыка Прокофьева обязывала к очень четкому и лаконичному мышлению, она давала превосходный материал для создания рельефных хореографических образов и яркой драматургии балетного спектакля. Это было для меня великолепной школой, помогло обрести основы профессионального балетного мастерства.

Прокофьев чутко прислушивался к советам балетмейстера. Вместе с тем он требовал ясной, четкой «формулировки образа». Так сначала были задуманы Золушкины сестры — Кубышка и Худышка. Мне казалось, что эти понятия не балетны, и композитор принял мое «видение» Злюки и Кривляки. И, когда зашла речь о конкретной музыкально-сценической характеристике Кривляки, у нас с Волковым возникло определение — «сахарная снаружи и ядовитая внутри». Прокофьев пришел в восторг. Он, как ребенок, захлопал в ладоши: «Замечательно, прекрасно!». И как всегда бывало, когда он испытывал настоящую радость, начал смеяться — звучно, заразительно, раскатисто, «по-русски». Вскоре была написана вариация. После первого прослушивания мне с удивлением пришлось сказать: «Простите, я не понимаю». Обычной, традиционной вариации не было. Но «задание» композитор выполнил идеально, и несколько повторных прослушиваний окончательно убедили меня в этом и в свою очередь привели в восторг: я почувствовал, как Сергей Сергеевич воспроизвел в вариации Кривляки интонации и «сахарности» и «ядовитости». А, почувствовав, нашел хореографическое решение. Таких моментов было много...

Когда я приступил к работе над постановкой, некоторые, отказывая Прокофьеву в лирике, не верили в слияние музыки Сергея Сергеевича и моего, по существу, лирического танца. Но я глубоко уверен, и жизнь это подтвердила, что в «Золушке» раскрылись две стороны дарования композитора — яркий гротеск и поэтичнейшая лирика, которую, пожалуй, раньше, даже в «Ромео», мы так чутко не воспринимали. В «Золушке» как-то особенно проникновенно сказались качества, которыми в высокой степени обладал Прокофьев: поэтичность, детская наивность и простодушие и в то же время мудрость.

Я неизменно ощущал эти качества и при личных встречах с Сергеем Сергеевичем — в Перми, а позже и в Москве, и на его даче, на Николиной горе» [3].

В театре

О том, как рождался спектакль, вспоминает балерина, летописец истории военного времени Ленинградского Театра оперы и балета имени С.М. Кирова **Маргарита Франгопулло**, оставившая нам фрагмент (стенограмму) первого производственного совещания по «Золушке» в Перми [4]:

«В узком, небольшом, похожем на ящик репетиционном зале балетная труппа собралась послушать экспозицию «Золушки».

К.М. Сергеев — постановщик: «Сказка о «Золушке» существует у всех народов. Мне удалось установить 375 вариантов этой сказки. В ней живет вечная тема — перерождение человека под влиянием чувства любви, которая выше предрассудков. Вариант, данный в либретто Н. Волкова, — встреча двух родственных душ — Золушки и Принца. Золушка — это чистота. В ней воплощена прелесть женственности, обаяния, скромности. Образ Принца мужествен. Они глубоко контрастируют друг с другом.

Каков дом отца Золушки? Нет здесь для Золушки радостей. Отец женился на мещанке, забравшей все в свои руки. Золушка спит на чердаке. Первое место в доме принадлежит дочерям Мачехи — Злюке и Кривляке. Новый мир открывается для Золушки лишь с появлением в ее жизни Принца. Перенесемся во дворец с его этикетом. Там лица, как маски, там люди, как заведенные куклы. Под внешней красотой — внешняя пустота. Принца тяготит эта обстановка. Он любит все живое, охоту своих сверстников. И вот в его жизни появляется родная душа. Это Золушка. Ничего, что она чернавка... Будет в спектакле и мир фей — фантастических персонажей. Главная фея — мудрая, немного лукавая старушка. Она поможет счастью Золушки. Она вознаградит девушку за добро.

Задачи постановщика достаточно сложны: показать блеск двора, выявить яркость и поэтичность фантастических моментов, но подчинить все романтические линии. Основные средства выразительности — классический, характерный, гротесковый, историко-бытовой танец. Имеется в спектакле и пантомима. Век? Елизавета Петровна — восемнадцатый. Условным местом действия я думаю взять Петербург».

Дирижер спектакля П.Э. Фельдт проигрывает на рояле музыку первого акта. «А вот тема любви», — говорит Сергеев. Кое-что в музыке напоминает балет «Ромео и Джульетта». ... В зале оживление, узнали, услышали знакомое. «Появление Феи-Бабушки, — продолжает он. — А вот урок танца, смешной танцмейстер, и далее символические персонажи времен года: Весна, Лето, Осень, Зима и вариации исполнительниц».

Возникают вопросы: «Один ли Сергеев будет ставить «Золушку?»

Отвечает художественный руководитель балетной труппы Л.М. Лавровский: «Постановщик «Золушки» — К.М. Сергеев, ассистент — Ф.И. Балабина».

Выступает дирижер Кировского театра Е.М. Радин: «Сергеев чудесно рассказал о своей «Золушке». Я видел спектакль глазами зрителя. Местами чувствовалась романтика, а иногда и гротеск. Что ж, это не страшно — ажурный гротеск здесь уместен. Надеюсь на успех спектакля».

Артистка балета М.Х. Франгопулло: «Ценным считаю в экспозиции Сергеева то, что она поэтическая, изложенная языком сказки. Казалось, что балетмейстер раскрыл толстый фолиант Перро и представил одну из его героинь — Золушку. По-моему, Франция ближе к теме, чем Россия, как бы ни русифицировали спектакль. Весь его стиль изящный, французский, да и музыкальный материал европейски изощренный, типичный для Прокофьева, не оставшегося вне западных влияний».

Берет слово Н.П. Ивановский, художественный руководитель хореографического училища: «Несмотря на отличное либретто, у меня возник вопрос: Прокофьев и Сергеев как художники далеки друг от друга. Прокофьев тридцать лет «озорничает» в искусстве. Сергеев же никогда не «озорничал». Как найдут они общий язык?».

Андрей Лопухов, солист балета: «Меня несколько беспокоит вопрос о переходе в образе Принца от романтизма к эксцентрике».

П.Э. Фельдт: «Здесь много говорят об «озорстве» Прокофьева. Нет слов, его музыка сложная, но на рояле она выглядит проще, чем в звучаниях оркестра. Однако Прокофьев в «Золушке» сделал несомненный шаг к слушателю, отказавшись от дерзких резкостей. Но вместе с тем в области «поправения» есть пределы. Он не может писать по старинке. Представьте себе, Прокофьев написал бы адажио в духе «Тщетной предосторожности» Гертеля. Это невозможно. Когда опасаются содружества Сергеева и Прокофьева, хочется возразить: все знают, как озорничает Прокофьев, но не знают, как озорничает Сергеев...».

Смех в зале. Слово представляется Л. Лавровскому: «Отраднo было услышать такую ясную экспозицию. Наше отношение к сказке: в детстве мы слушаем сказку, в зрелом возрасте мы ее читаем, а в старости сами ее рассказываем. И так всю жизнь сказка сопровождает нас. Либретто «Золушки» не только экспозиция чувств, но и показ быта до фантастического появления Феи-Бабушки. Стилиевой язык спектакля романтический. Это свойственно Прокофьеву, которого я лично люблю. Это большой мастер. Он очень своеобразен и оригинален. Очерчивая музыкальный образ Золушки, он заставляет нас вспомнить Джульетту. Однако вальс из «Золушки», мне кажется, выпадает из стиля спектакля, хотя и красив по звучанию. Вспоминается: у Арама Хачатуряна мы слышали Иоганна Штрауса — Хачатуряна, здесь Иоганн Штраус — Прокофьев. Хочется и просто необходимо, чтобы Принц узнавал Золушку глазами души, а не посредством туфельки. Туфелька только подтверждение того, что это и есть незнакомка, которую Принц искал по всему свету. Поможет же общими силами рождению «Золушки».

Сам спектакль был выпущен по возвращении в Ленинград, в 1946 году. Своего первенца Сергеев щедро одарил классическим танцем. Кордебалет, вариации солистов, дуэты Принца и Золушки и ныне пленительны в своей танцевальности и красоте. В особенности запомнился дуэт Золушки и Принца в последнем акте. Отвергнув принцип эффектных концовок старых балетов, Сергеев показал дуэт двух влюбленных, которые наедине со своим чувством, в озаренном луной саду. Он построил весь дуэт «над землей». Легкая фигура Золушки — Дудинской словно не касалась планшета, взлетая вверх в сильных руках Сергеева. «Прекрасный дуэт — чистая, чудесная песнь без слов, песнь вечно торжествующей любви. Здесь Сергеев — поэт», — говорила А.Я. Ваганова.

На Каме

Власти города старались создать все условия, чтобы пребывание эвакуированного Ленинградского Театра имени С.М. Кирова в Перми было достойным. За большую творческую, шефскую и просветительскую работу театр был награжден своеобразной премией.

Воспоминания Е. Лыжиной, написанные спустя пятьдесят лет после эвакуации, в год 100-летия со дня рождения С.С. Прокофьева [5]:

«В жаркий июльский день у причала речного вокзала, покачиваясь на волнах, ждал своих пассажиров трехпалубный колесный пароход «Первое мая», который почти на месяц стал гостевым и уютным домом для многих работников театра. Вместе с нами в это путешествие отправился и С.С. Прокофьев с женой. Капитан этого парохода, получивший тяжелое ранение в первые месяцы войны, и потому работавший на пассажирском судне, вся команда, состоящая из женщин и пожилых матросов, относилась к своим отдыхающим с большой заботой и теплотой. Прекрасное, по тем временам, трехразовое питание, стоянки парохода «по заказу»... После тягот и горя (у многих были близкие на фронте), постоянной тревоги за тех, кто остался в блокадном Ленинграде, после очень напряженной работы в театре, здесь на пароходе, наступила для всех передышка.

Моей маме, солистке оперы разрешили взять с собой в одноместную каюту и меня, школьницу-первоклашку. От Перми мы поплыли вверх по Каме до устья ее притока, реки Чусовой. По берегам нас встречали дремучие леса, перемежающиеся бескрайними просторами и цветущими лугами, — пароход был окутан ароматами трав. Не забыть красно-оранжевые обрывы, что нависали над самой водой. Сосновые боры и серебристые пихты, оттененные почти черными елями, были особенно хороши в закатных лучах солнца.

Прокофьев появлялся на палубе в строгом коричневом костюме, а в очень жаркие дни — в светлой рубашке, без пиджака, всегда тщательно выбритый. Он никогда не позволял себе никаких «вольностей» — халата или пижамы. Каждое утро, в одно и то же время, Сергей Сергеевич садился за работу; здесь же на палубе стояли плетеное кресло и небольшой круглый стол, за которым он писал. Помню, меня поразило, как знаменитый композитор быстро пишет и сочиняет музыку без рояля. И какие красивые ноты у него получались, похожие на бабочек, порхающих по нотной бумаге!..

Нас, нескольких детей, которые были с родителями на пароходе, хотели убрatь с этой палубы, чтобы не шумели, но Сергей Сергеевич не разрешал этого сделать, сказав, что мы ему совершенно не мешаем. Но, конечно, мы ему мешали — бегали, играли в «прятки». Особенно интересно было лезть под стол, за которым работал Сергей Сергеевич (а он поджимал ноги, чтобы нам было поудобнее спрятаться).

Часто, по вечерам, после ужина, в кают-компании парохода, где стояло пианино, Прокофьев играл то, что было им создано за день. Услышав звуки фортепиано, мы потихоньку входили в кают-компанию, усаживались на диваны, стоявшие вдоль стен, — здесь мы вели себя очень тихо и смирно. Нам посчастливилось тогда быть первыми слушателями сказочно-очаровательной музыки из балета «Золушка». А потом, за наше

примерное поведение, он играл нам пьесы из «Детской музыки» и, конечно, отрывки из «Пети и Волка». При первых же звуках любимых и очень знакомых мелодий мы начинали хлопать в ладоши.

Однажды капитан нашего парохода предложил всем желающим путешествие на «необитаемый остров». На волну спустили шлюпки и нас перевезли на этот удивительный остров, расположенный в одном из самых широких мест течения Камы. Цветы и травы были здесь по плечи даже очень высокому Сергею Сергеевичу.

Каждый вечер, когда от реки тянуло прохладой, а в иллюминаторах кают гасли последние отблески заката, Сергей Сергеевич и Мира Александровна совершали длительные прогулки по палубам парохода, и, наверное, тогда уже у них возник замысел будущего балета «Каменный цветок» по уральским сказам П.П. Бажова. Этот балет был создан Прокофьевым в конце жизни, либретто было написано М.А. Мендельсон-Прокофьевой и балетмейстером Л.М. Лавровским. Премьера состоялась в Большом театре в феврале 1954 года, почти через год после смерти композитора...

До глубокой осени — октября 1943 года прожил Сергей Сергеевич Прокофьев в Перми.

«Золушка» и другие балеты С.С. Прокофьева на пермской сцене

Балет «Золушка» С.С. Прокофьева (в 3-х действиях, 7 картинах; дирижер П. Фельдт, балетмейстер К. Сергеев, художник Б. Эрдман, либретто Н. Волкова), создаваемый в Перми, был поставлен в Ленинграде в 1946 г. За этот балет Сергей Сергеевич Прокофьев в 1946 г. был удостоен Сталинской премии 1 степени.

В Перми балет «Золушка» Прокофьева, в прекрасной хореографии Георгия Алексидзе, увидел свет в 1981 г.

В 2002 г. состоялась премьера «Золушки» балетмейстера Олега Виноградова, либретто Н. Волкова, дирижер В. Платонов, декорации В. Окунева.

Еще один вариант «Золушки», вернее, па-де-де из этого балета в хореографии Джона Кранко, исполнили солисты Штутгартского национального балета Кан Хё Джун и Александр Зайцев на закрытии фестиваля «Дягилевские сезоны: Пермь-Петербург-Париж» 23 мая 2011 г.

Другие балеты Сергея Сергеевича Прокофьева, поставленные в Перми:

«Седьмая симфония» (1961, хореограф М. Газиев);

«Ромео и Джульетта» (1972, хореограф Н. Боярчиков);

«Три карты» (1973, хореограф Н. Боярчиков, на музыку к неосуществленному фильму «Пиковая дама»);

«Царь Борис» (1975, хореограф Н. Боярчиков, на музыку к неосуществленному спектаклю «Борис Годунов»);

«Блудный сын» (1981, хореограф Г. Алексидзе). Этот же балет в хореографии Дж. Баланчина в исполнении артистов Мариинского театра был показан на открытии фестиваля «Дягилевские сезоны: Пермь-Петербург-Париж» 15 мая 2011 г.

«Шут» (хореограф А. Мирошниченко) — программа вечера одноактных балетов «В сторону Дягилева» — 1, 2 и 3 декабря 2011 г.

В Перми на здании гостиницы «Центральная», где жили в эвакуации выдающиеся деятели советской культуры, в день столетия со дня рождения композитора Арама Хачатуряна, 6 июня 2003 г. была открыта мемориальная доска: «В этом здании / жил и творил / народный артист СССР / ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО / ТРУДА / ВЕЛИКИЙ КОМПОЗИТОР / АРАМ ИЛЬИЧ ХАЧАТУРЯН».

Мемориальная доска на здании Театра оперы и балета имени П.И. Чайковского, посвященная работе в этом здании в годы Великой Отечественной войны Ленинградского театра оперы и балета имени С.М. Кирова, будет напоминать пермякам и о том, что здесь творил великий композитор Сергей Сергеевич Прокофьев.

1. *Мельденсон-Прокофьева М.А.* Из дневника // Московский музыковед. — М., 1991. — Вып. 2. — С. 60.

2. *Куколев Л.* Прокофьев в Перми // Вечерняя Пермь. — 1991. — 8 авг. — С. 4.

3. *Сергеев К.* Высокое воздействие // Константин Сергеев. — М., 1978. — С. 48-51.

4. *Франгопулло М.* Годы мира, годы войны // Там же. С.166-168.

5. *Лыжина Е.* Неизвестное путешествие С.С. Прокофьева // Советская культура. — 1991. — 13 апр. — С. 5.

ВОКРУГ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТАНЦИИ

В начале XX века губернский агроном В.Н. Варгин был инициатором и исполнителем двух больших проектов: Романовской сельскохозяйственной и лесной академии и сети опытных учреждений на Урале. Первый проект был отодвинут на неопределенный срок Министерством Народного Просвещения, но явился показателем готовности земства и общества к решению назревшей проблемы организации высшего сельскохозяйственного образования на Пермской земле.

Второй проект начал осуществляться с 1913 г. постройкой Центральной областной сельскохозяйственной опытной станции. С 1916 г. были открыты Камышловское и Шадринское опытные поля, на которых первые опыты были заложены в 1918 году [1]. Сам В.Н. Варгин возглавлял опытный сектор Пермского земства с 1913 по 1920 гг., был первым директором опытной станции и сети опытных учреждений. После перехода В.Н. Варгина на преподавательскую работу на Агрономический факультет ПГУ, станция несколько лет работала по его разработкам, формы отчетов действовали как минимум до 1924 г. и представляли «серьезно обработанный материал, могущий без серьезной обработки быть пущенным в практическое применение». После 1920 г. В.Н. Варгин имел пропуск на станцию и вел консультационную работу. На агрономическом съезде в 1924 г. он делал доклад на тему «О результатах работы опытных учреждений Уральской области» [1]. Возглавив организованную вновь кафедру экономики сельскохозяйственного производства, проф. Варгин активно участвовал и, по-видимому, направлял деятельность студенческого кружка общественной агрономии, способствовал прохождению практики студентами, привитию навыков опытной работы. Во многом благодаря ему, состоялся первый выпуск агрономов в 1924, 1925 годах [2]. Напомню, что здание бывшей Пермской областной опытной станции с 1933 г. находится в ведении Пермской ГСХА. Это химкорпус, в котором сейчас располагаются кафедры химии и экологии. Адрес корпуса — бывшая Малая Ямская улица, ныне Краснова, 10. У здания интересная и трудная история.

В.Н. Варгин проживал с семьей по адресу М. Ямская, 16, в непосредственной близости от своего детища — опытной станции и опытного хозяйства. После смерти жены он жил с дочерью Марией. Оба сына проживали по другим адресам: Сергей, инженер —

преподаватель Пермского авиационного техникума в Перми, другой сын, старший научный сотрудник Оптического института, жил в Ленинграде. Мария родилась в ноябре 1893 г. в Красноуфимске. В 1908 — 1912 гг. училась в Пермской гимназии. Окончила курсы новых языков Лохвицкой-Скалон (Ленинград). До 1920 г. преподавала немецкий и французский языки, работала делопроизводителем, техническим секретарем и т.д. С 1920 по 1924 гг. училась на естественном факультете ПГУ, с 3-его курса перешла на медицинский факультет. Когда встал вопрос о распределении, М.Н. Варгина написала в администрацию университета: «Ехать на работу куда-либо вне г. Перми не могу, т.к. мой отец — профессор агрофака ПГУ болеет, я же являюсь единственным членом семьи, и оставить его совершенно одного не могу. В 1918 г. умерла мать». За М.Н. Варгину хлопотал декан агрономического факультета А.В. Костюков, Совет ПУ. Она была оставлена в Перми, в 1928—1929 гг. — врач-экстерн в детской клинике, лето работала в Доме младенца. Занималась вопросами клинической характеристики дифтерии, иммунизации, лечения рожи, и т.п. Мария защитила кандидатскую диссертацию в январе 1937 г., уже после смерти отца. Умерла 28 июня 1944 г. И Владимир Николаевич, и Мария Николаевна, в последний путь ушли из дома по М. Ямской, 16, кв. 1 [3].

Преемником В.Н. Варгина на должности директора опытной станции стал Н.Г. Кудрявцев. Наверное, можно предполагать, что оба они были в части вопросов единомышленниками. И помимо самой станции и опытных полей много сил отдавали укреплению агрономического факультета ПУ, привитию практик и опытного дела у студентов. Николай Григорьевич прошел «школу» уездной агрономии. Уроженец Перми (родился в феврале 1891 г.), он с 1911 по 1914 гг. работал в Пермском уездном земстве. Организация работы, агрономические кадры оставили самое благоприятное впечатление у юноши. Он стал в 1914 г. студентом Московского СХИ (ТСХА), после окончания вернулся в Пермь и в 1917—1918 гг. работал уездным агрономом. С образованием земского отдела П.У.И.К. (уездный исполнительный комитет) заведовал агрономическим отделом. С 1 октября 1920 г. возглавил областную сельскохозяйственную станцию [1].

Декан агрономического факультета доцент А.В. Костюков в годовом отчете факультета за 1928—1929 гг. академический год указывал: «Только благодаря помощи Опытной станции и при большом личном участии в работе по восстановлению хозяйства директора последней Н.Г. Кудрявцева удалось настолько поправить дело, что весной 1923 г. факультет смог своими средствами произвести по-

левые работы и даже оказать хозяйствам помощь при проведении летней студенческой практики» [4]. Н.Г. Кудрявцев входил в совет университета, преподавал общее земледелие на агрономическом факультете, способствовал созданию агрохимической службы и кафедр агрохимии и почвоведения.

О роли Н.Г. Кудрявцева в создании и укреплении агрономического факультета говорили Ф.А. Бынов, последний декан факультета и первый директор Уральского СХИ, а также профессор В.В. Никитин [4,5]. Агрохимическую службу опытной станции возглавил приглашенный Н.Г. Кудрявцевым профессор А.Ф. Тюлин, прошедший аспирантуру у академика Д.Н. Прянишникова [5]. Результаты работ отдела регулярно печатались, например в 1931 г. в Пермской районной типографии № 2 Уралполиграф (угол улиц 25 Октября и М. Ямской) тиражом в 1000 экземпляров.

«Время работы Сабинина, Тюлина, Никитина при руководящем участии энергичного организатора декана агрофака и директора опытной станции Н.Г. Кудрявцева было в своем роде эпохой в Пермском сельскохозяйственном институте», — писал доктор сельскохозяйственных наук, профессор В.Н. Прокошев в 1959 г. [4].

Во время работы в Перми Н.Г. Кудрявцев снимал комнату у родственника — Сазонова Михаила Федоровича. М.Ф. Сазонов владел домом по ул. Коммунистической (ныне Петропавловской), № 8, а также дачей, располагавшейся недалеко от Липовой Горы. М.Ф. Сазонов занимался подрядами на строительство. В этом же доме в квартире № 2 жили матушка и сестра Николая Григорьевича. Два брата, по-видимому, жили отдельно.

В 1928 г. Н.Г. Кудрявцев был назначен директором Зауральской опытной станции, переехал в г. Свердловск. Проживал там по адресу: ул. Гоголевская, 44. Своей семьей в то время не имел. По роду своей деятельности ежегодно бывал в командировках в Москве. По работе был связан с Д.Н. Прянишниковым, А.В. Чаяновым, С.К. Чаяновым, А.Г. Дояренко и др.

В январе 1930 г. был арестован по делу Трудовой Крестьянской партии Уральского региона, управление которой предполагалось из Москвы. В обвинении Кудрявцев был одной из ключевых фигур. Все члены ТКП оправданы в 1970-е годы. В деле упоминалось и имя В.Н. Варгина. Их обоих обвиняли в ошибках планирования распространения культур, недооценке льноводства для Уральского региона. Ошибки в организации опытного дела делили Н.Г. Кудрявцев и в некоторой степени В.Н. Варгин [1]. Книги В.Н. Варгина по организации хозяйств были рекомендованы к изъятию. Но «патриарха агрономии», очень популярного и любимого на Урале челове-

ка, В.Н. Варгина не обвинили в антисоветской деятельности, однако ему пришлось уйти из СХИ в 1932 г. Варгин прожил еще четыре года. Чем были наполнены эти годы?

На ул. М. Ямской есть еще один интересный адрес. Рядом с В.Н. Варгиным, по адресу М. Ямская, 17, поселился в 1916 г. Константин Доримедонтович Покровский, ординарный профессор Императорского Юрьевского Университета, первый ректор сначала Пермского отделения Петроградского Университета [6], а затем Пермского университета, 11-го в Российской империи, профессор астрономии. При участии К.Д. Покровского в 1918 г. был открыт сельскохозяйственный и лесной факультет в Пермском Университете. К.Д. Покровский с 1 июля 1918 г. был зачислен в первый штат этого молодого факультета как преподаватель математики и геодезии [7].

Город Пермь был свидетелем создания высшей школы сельскохозяйственного образования на Урале. Его улицы и дома еще хранят частицы нашего исторического прошлого. И дома не уходят бесследно, если есть люди, хранящие память о прошедшей эпохе, о людях, скромных тружениках, которые умели делать свое дело.

1. ГАСО. Ф. р-1. Оп. 2. Д. 41457, т. 4. Л. 9,15,34,44,51-56,60,136,147-148.
2. Музей Пермского СХА.
3. Архив Пермского педагогического университета.
4. Архив музея Пермской сельскохозяйственной академии.
5. ГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16209.
6. Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1917 год. — Пермь, 1916. С. 23.
7. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 617.

О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЖИЛЬЯ В ПЕРМИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ. ПРИГЛАШЕНИЕ К ТЕМЕ

1920-е годы — может быть, наименее исследованный период в истории Перми, в частности, в истории городских домовладений. В первое время после освобождения Перми от колчаковских войск и позднее, в годы НЭПа, «жилищные» вопросы ставились особенно остро: в городе проводилась массовая национализация и муниципализация домов, в том числе, оставленных владельцами, уехавшими из Перми вслед за белой армией.

Публикуя здесь несколько статей из газеты «Звезда» за 1922 г. и официальных изданий за 1923 г., без комментариев, составители надеются, что для очередного сборника «Пермский дом в истории и культуре края» кто-то из исследователей представит статью и по этой теме.

Публикация подготовлена *Т.И. Быстрых*.

Наш губернский прокурор тов. Осипович

Тов. Осипович Василий Васильевич, бывший мотовилихинский рабочий, назначен прокурором с 1 августа 1922 г.

С марта 1917 г. т. Осипович состоял в РКП, по партийной мобилизации был в Красной Армии, где работал в военных трибуналах. Был членом трибунала 26 дивизии 5 армии, затем председателем Ревтрибунала 35 дивизии, затем членом ревтрибунала Украины.

Перед назначением на должность губернского прокурора состоял председателем Губревтрибунала.

«Прокуратура, — говорит т. Осипович, — это организованная сила, стоящая на страже революционной законности. III сессия ВЦИК преподала нам те законные нормы, которые в условиях НЭП гарантируют порядок общественных соотношений, соответственно интересам господствующего класса, то есть класса трудящихся.

[...] Сейчас перед прокурорским надзором стоит и уже выполняется большая задача — выправить линию поведения госорганов в части правовой. Сейчас мы заканчиваем обследование всех обязательных постановлений отдела управления Исполкома. Затем будем обследовать в этом отношении и другие губернские органы. Этим мы проверим и выправим, где надо, линию их поведения. Затем обратимся к кооперативам и общественным организациям.

[...] Кроме того, меня живо интересует положение жилищного вопроса. Небольшую путаницу вызвал вопрос с реквизированными имуществами бежавших с белыми. Сейчас положение следующее. Согласно постановления ВЦИК, все, что конфисковано и реквизировано до 22 мая с.г., возврату не подлежит. Но это не все. Очень мно-

гие имущества до этого момента оказались возвращенными добровольно эвакуировавшимся с Колчаком, но путем подтасовок сумевшим обмануть Нарсуд, который рассматривал эти дела. Теперь вопрос о делах с возвращением имущества разрешается сессией Нарсуда, который обстоятельно взвешивает все материалы по делу и очень осторожно выносит решение.

Кроме того, все дела о возвращении имущества будут переданы в Высший судебный контроль.

[...] Еще «работа» нэпманов. Это — кабальные имущественные сделки.

[...] Наконец, особое внимание прокуратура уделяет квартирному вопросу, разрешая его исключительно классовым подходом — в интересах рабочего.

[...] Итак, — заканчивает т. Осипович, — мы осуществляем суд классовый, то есть, отстаиваем интересы классово-профессионально объединенных масс за счет имеющих средства. Надеюсь, что рабочие будут нам оказывать в этом поддержку».

Н.

Звезда. — 1922. — 26 окт. (№ 240).

Письма читателей

Надо напомнить

Гражданин Вайнштейн обзавелся домиком — по Кунгурской улице № 3. Домик не то чтобы хорош был, но Вайнштейн себе квартиру отремонтировал — что твоя конфетная коробочка стала.

Но забыл самое важное — то, ради чего ему Советская власть и дом-то в аренду сдавала — не отремонтировал другие квартиры.

В одной из квартир арендованного Вайнштейном дома живет работница Гнежинская. Она снимает комнату у одного из вайнштейновских квартиронанимателей. Платит 2 миллиона. А пол у комнаты совсем провалился — ходить нельзя. Арендатор, конечно, и не вспоминает о своих обязанностях.

Надо ему их напомнить.

Хочет богато жить

Гражданка Александра Иванова, живущая по Верхотурской улице в национализированном доме № 8, платит за квартиру до 500 тысяч руб. в месяц!

Женщина она «оторви ухо с глазом», как говорится, решила две комнатки сдать. Сколько, вы думаете, она просит в месяц? 10 миллионов рублей.

Комнатонаиматели приценятся и отходят прочь: дорого. А. Иванова ухмыляется себе в кулак и думает: «дорого — не надо, найдутся кто-нибудь».

А мы думаем, что Комхоз и без нее может подешевле сдать эти комнаты. Не так ли?

Звезда. — 1922. — 3 нояб. (№ 247).

Успокойте арендаторшу

Путешествовал буржуйчик Васильев с Покровской, 51. Вернулся из Колчакови. Глядь: дом Комхоз национализировал.

Повертелся, обмозговал — дом в аренду взял. Но тут — умер. Вдова Васильева, натура широкая, стала арендаторшей. Живо квартирантов такой «нэповской» платой ошарашила, что взвыли все. И вышли из положения. Плату в Госбанк для народного судьи повносили.

Дело в народный суд попало.

Арендаторше общественное порицание вынесли. А ей чихать: ее общество за границей.

Нашелся адвокат, под защиту ее берет, и переносят дело дальше, а квартирантов за бунтарство мигом: бани, сушила, дровяников лишила; ворота заперла; одного квартиранта выставила совсем. Пустила «краскупа» из «трудового» товарищества.

Квартиранты жилищное товарищество организовали, просят дом им передать. Да еще интересуются: почему бывшая владелица дом получила.

Заинтересовали и прокурора.

И опять дело в Нарсуд попало.

Там, может быть, оградят арендаторшу от законников-квартирантов и предоставят ей более спокойное помещение.

Муха.

Звезда. — 1922. — 10 нояб. (№ 251).

Коммунальное хозяйство города Перми

[...] 2. *Собирание коммунальных предприятий.* В состав П.К.Х. к 1 января 1923 г. входило 34 предприятия, а именно — водопровод, канализация, обозы с мастерскими при них, баня, гостиницы, магазин, электрическая мельница, паромная переправа, цирк, каменоломни, кирпичный завод, весы и другие. Все основные и наиболее жизненные предприятия, в числе 16-ти, состояли в хозяйственной эксплуатации Комхоз, 13 находились в аренде и 5 бездействовали (одна баня, прачечная, кирпичный завод и две известковые каменоломни).

В течение 1923 г. постепенно принимаются Комхозом 28 предприятий, а именно — электростанции с механическим заводом, телефонная сеть, типография, заводы (алебастровых 2, кирпичных 2, свечной, пивоваренных 2, утилизацион.), скотобойня, мясоконтрольная станция, 12 мельниц и здание бывш. фабрики Гознак. Кроме того, в ассенизационный обоз ПКХ с 24 августа вливается обоз Губздрава.

После всех происшедших изменений в составе ПКХ осталось 58 предприятий, из коих 30 сосредоточено в ведении Производственно-Коммерческого отдела, 16 в отделе благоустройства, 6 самостоятельных и при других отделах 6.

Из числа 58 предприятий находилось в бездействии 16, сдано в аренду по договорам 11 и эксплуатировалось П.К.Х. с переводом на хозяйственный расчет 31.

Хотя за 1922—1923 год счета по предприятиям, состоящим на хозяйственном расчете, не закончены, но по некоторым из них уже определился дефицит, а именно — по электрической мельнице, бане № 1, паромной переправе, садоводству и ассенизационному обозу.

Из числа недействующих 16-ти предприятий предполагается открыть с 1-го декабря с.г., после капитального ремонта, баню № 2 и ведутся переговоры о сдаче в аренду бывш. фабрики Гознак и бывш. пивоваренного завода Ижевского Т-ва.

3. *Муниципализация, жилищное и арендное дело.* В Перми и пригородах муниципализация домовладений фактически производилась в 1919—1922 гг. на основании декретов СНК от 20 августа 1918 г. об отмене частной собственности на земли и строения в городах и от 28-го марта 1921 г. о конфискации имущества у лиц, сбежавших с белыми.

Проверка муниципализированных домовладений произведена при содействии Губ. Р.К.И. и профессиональных организаций, с составлением списка 1.090 домовладений.

Пленум Губисполкома, с целью урегулирования дефектов в жилищном деле, предложил ряд директив, касавшихся выбора заведывающих муниципализированными домами, установления квартирной платы в золотом исчислении, мероприятий по ремонту домов, жилищного строительства, организации жилищных товариществ, арендной эксплуатации муниципализированных домов, распределения квартир, соблюдения порядка выселений и т.п.

С получением упомянутого наказа ГИКа вся дальнейшая работа П.К.Х. по жилищному вопросу явилась плановой, и в порядке постепенного выполнения привела к нижеследующим результатам.

Заведывающих домами числится в настоящее время 385, для управления 628 домовладениями. Выбор их контролировался Жилищным Отделом.

До 1-го мая 1923 г. с живущих в муниципализированных домах взималась квартирная плата, введенная на основании декрета СНК от 20-го апреля 1922 г. Ничтожность ее не давала возможности не только восстановить жилую площадь и поддерживать жилищный фонд, но была недостаточна даже для выплаты жалования 8-ми районным завдомами. С 1-го мая 1923 г. квартирная плата была введена в золотом исчислении. Пять месяцев существования квартирной платы, близкой к реальной, уже дали благоприятные результаты.

Ремонт несданных в аренду муниципализированных домовладений возложен на завдомами за счет получаемой от жильцов квартирной платы, под контролем Жилотдела. Постановлением ГИКа от 9-го августа вменено в обязанность производство ремонта и окраски крыш в 1923 г. на жилых и торговых помещениях.

Несмотря на широкую осведомленность трудящихся о целях и задачах *Жилищных Товариществ*, организация их в Перми проходит крайне медленно, и в настоящее время функционирует их в Перми только 4. Не успешность объясняется недостатком средств у трудящихся вообще, не налаженностью системы кредитования товариществ, более высоким процентом разных платежей при аренде домов товариществами по сравнению с жильцами не сданных в аренду домов и, наконец, по причине отсутствия в Перми такого острого кризиса в жилищах, какой наблюдается в крупных центрах.

Из общего числа 1.090 муниципализированных домовладений на 1-е октября 1923 г. сдано в аренду всего 462, а остальные 628 (в том числе 112 необитаемых) находятся в хозяйственном управлении заведующих домами.

В течение 1923 г. сдано в аренду только 49 домовладений. Медленность сдачи в аренду объясняется нежеланием жильцов арендовать дома по причине высоких, сравнительно с квартирной платой, ставок огневого страхования налогов, от коих домовладения, находящиеся в прямом ведении Комхоза, не сданные в аренду, освобождаются. Влияет на это и сравнительная высота арендной платы, непосильная для некоторых групп трудящегося населения.

В отчетном году подано заявлений о расторжении договоров 49, из коих расторгнуто по обоюдному соглашению 23, в судебном порядке 4, и пока не рассмотрены 22 заявления.

Для рассмотрения вопроса о высоте арендной платы и установления размера скидки была образована комиссия. Скидка проведена, и эта мера сократила подачу заявлений о расторжении договоров, а вместе с тем подвинула и производство обусловленных по договорам ремонтных работ.

Торговые и складочные помещения сдавались в аренду на срок только по 1-е января 1924 г. В отчетном году сдано в аренду 638 помещений, на сумму до указанного выше срока — 153.767 р. 43 к. зол.

В 1923 г. возбуждено 19 судебных дел о расторжении арендных договоров с предъявлением исков к неисправным арендаторам.

В отчетном году поступило от населения 3.994 заявки на жилые помещения. Из них удовлетворено по ордерам — 2.250, или 75,1%. Удовлетворение углами не превышает 5,5%. В среднем на каждый месяц падало до 333 заявок, а удовлетворений — 250. К 15-му сентября с.г. оказалось полное отсутствие свободных жилых помещений, и пришлось прекратить прием новых заявок на помещения.

В апреле отчетного года по заданиям ГИКа организовано подворное обследование всех вообще домовладений. По 1-е октября с.г. закончено обследование 5.280 домовладений, с затратой на это 2.209 р. 46 к. зол.

Демунципализацию некоторых невыгодных для Коммунального Хозяйства домовладений намечено произвести в плановом порядке.

В отчетном году была произведена разборка дел и документов по реквизиции и конфискации движимого имущества в виде мебели, разных предметов обстановки и других хозяйственных принадлежностей. Всего выявлено мебели для продажи 8.177 предметов, и для зачисления в коммунальный фонд 583 вещей. Продано 7.430 предметов и остается продать 747, почти негодных. [...]

Пермская губерния: Администрирование. Экономика. Культурная работа: отчет Губисполкома за 1922-23 хозяйственный год. — Пермь, 1923. — Из содерж.: Коммунальное хозяйство г. Перми. — С. 131-143.

Жилищные товарищества и их польза для населения

Президиумы Пермского Губ. и Горисполкомов
11-го сентября 1922-го года постановили об организации
Жилищных Товариществ в городе Перми

Что такое Жилищное Товарищество? Это объединение жильцов (членов Товарищества) одного или нескольких смежных и муниципализированных домовладений, имеющее хотя бы ничтожный капитал, созданный одинаковыми взносами членов Товарищества, образующееся на предмет хозяйственного попечения и административного заведывания этими домовладениями.

Были ли в Республике Жилищные Товарищества до сего времени, и какова цель Жилищного Товарищества сейчас? Раз Жилищ-

ное Товарищество — указанное объединение, его можно причислить к кооперативному объединению, а такого сорта жилищные (строительные) объединения были, в частности, в Москве еще и в дореволюционное время.

Эта кооперация отличалась тем признаком, что члены ее были владельцами отдельных квартир, не получавшие прибыли от своих паев, и состав этих членов был — трудовая интеллигенция. Такое Товарищество являлось типом трудового Товарищества, вполне было приемлемо для Советской власти и устав его утвержден Московским Городским Совнархозом в 1919-м году. Значит, еще при старой жилищной политике эти Товарищества были приемлемы для нас, тем более они должны отвечать условиям НЭПа. Но почему же они не развиваются?

Да по очень простой причине.

Постольку, поскольку в них преследуется цель строительства новых зданий, требуется большой капитал, отсутствующий у трудящихся. Торговец же, нэпман, имеющий средства, не хочет тратиться, а пускает свои средства в торговый оборот или держит деньги под спудом, не решаясь затратить большую сумму, боясь ее потерять, не совсем веря тем гарантиям, какие ему дает наш закон. Надо добавить, что явление, имея место и в провинции, в центре, в особенности, в Москве, почти изжито.

Перейдем теперь к форме Жилищного Товарищества данного времени. Форма исключительно Жилищного Товарищества (не Жилищного Строительного Товарищества) — имеет целью улучшение и подерживанием в годном состоянии того самого жилища, где образовавшие Товарищество граждане проживают.

Раз жилищный вопрос является затрагивающим все стороны жизни трудящегося — его быт, со стороны экономической и правовой, он должен быть всецело отдан в руки самого трудящегося.

Широкие массы должны быть втянуты в работу по восстановлению жилищ. Населению пора выйти из состояния сна, пора взяться за заботы о самом себе. В острый период революции граждане не обращают внимания, где они живут, как они живут, в каком состоянии находится их жилище, что может из него получиться через 2-3 года. Им было не до того. Всех занимал вопрос «о куске хлеба».

Теперь острый момент изжит. Мы переходим к планомерной и созидательной работе. Мы понемногу одолеваем разруху, но жилищную разруху, дабы через несколько лет не очутиться в землянках, надо пресечь решительно и в корне. В центре, где, правда, возможности больше, эта работа проделана. Можно сказать смело, что усилиями граждан под руководством Московского Коммунального

Хозяйства, разрушение жилищ прекращено, началось восстановление и созидание новых. И кто же сыграл в этом деле восстановления жилищ крупную, если не решающую роль? Самодеятельность населения и Жилищные Товарищества.

Коммунальным Хозяйствам там, где этого еще нет, безусловно, придется отказаться от хозяйственного попечения над массами домов. В их руках должен остаться небольшой Коммунальный Фонд для удовлетворения нужд как живущих, так и приезжающих рабочих и служащих (что в данное время далеко невозможно в полной мере), а все остальные владения должны быть переданы в руки самого населения.

Пусть организуется, пусть не организуется Жилищное Товарищество, жильцы дома должны взять дом на свое попечение.

Государство, а в его лице Коммунальное Хозяйство, — бедно, оно не может справиться с задачей улучшения жилища. Население должно ему помочь в столь тяжелую минуту, тем более, что декрет СНК от 8-го августа 1921-го года определенно возлагает ответственность за сохранность дома на живущих в нем. Разрушающим жилища и не принимающим меры к приостановлению разрушения, не должно быть пощады, кто бы они ни были: рабочий ли, служащий ли, государственное ли учреждение, кооперативная ли организация или простой обыватель.

Все отвечают за вверенное им народное достояние, а живущим в муниципализированных домах таковые на этих именно условиях переданы.

Не надо создавать тех судебных процессов, кои имели место в Москве, где на скамье подсудимых сидели представители ВСНХ, военных и партийных организаций, судимые за разрушение жилища и получившие достойную кару. Надо этого избежать. Еще не поздно. Необходимо организовать Жилищные Товарищества.

Нам скажут, рабочему трудно. У него и так не хватает на жизнь. Он не получает того нужного количества благ, которых ему хватало бы полностью для существования, а тут еще предлагается нести тяготы по дому.

Что можно ответить? Верно, верно и верно.

Но в каждом доме живут не только рабочие. Живут также служащие, получающие более крупное, а иногда и крупное содержание, живут служащие, семьи коих занимаются мелкой торговлей; кустари и иногда торговцы. Эти последние категории граждан должны нести большую по отношению к рабочему часть денежной повинности.

Нашему рабочему, при всей его бедности, судьба жилища не безразлична, а для этого, в деле организации и ведения Жилищных Товариществ он должен взять инициативу на себя.

Здесь также должен быть сохранен классовый подход, дабы более обеспеченные не несли ту же лепту, что и неимущий трудящийся. В обеспечение рабочего выходит новый закон о квартирной плате, исчисляемый в золотой валюте, по какому каждому дается его оценка и обязанность вносить квартирную плату, приближающуюся к самоокупаемости владения, где большая часть тягот ложится на состоятельный элемент, давая рабочему возможность иметь недорогую квартиру.

Ну а какие же преимущества у Жилищного Товарищества перед обычным домовладением? Одно то, что Жилищное Товарищество самостоятельно распределяет и сдает жилую площадь (т.к. изъятие 10% жилищного фонда будет возможно в небольшой части владений), имеет для граждан значение. Кроме того, образование Жилищного Товарищества ставит жильцов дома на права хозяина, могущего распоряжаться по своему усмотрению денежными и жилищными ресурсами. Юридически Жилищные Товарищества владеют домом на праве аренды, но принимая во внимание их преимущество возобновления договора перед другими организациями и лицами, они могут существовать неограниченное количество лет, владея домом, как полный хозяин, лишь не имея права его продать. Кроме того, в Жилищном Товариществе, как в небольшой хозяйственной единице, расходы по дому поддаются легкому и быстрому учету, и Товарищество, тратя деньги на самого себя, всегда будет экономнее кого бы то ни было, т.к. противное бьет его же карман. Дальше, Жилищное Товарищество, как юридическое лицо, имея право кредитоваться в любых учреждениях Республики, всегда может рассчитывать как на банковский Коммунальный кредит, специально созданный для помощи восстановления жилищ в городах Республики, так и на возможные получения кредитов от ЦКХ, хотя бы в виде строительных материалов.

Кроме того, постановлением пленума Пермского Губисполкома, Комхозу разрешается некоторые Жилищные Товарищества освободить от налога со строений, от земельной ренты и от арендной платы вообще, что явится крупным облегчением для тех Жилищных Товариществ, коим будет предоставлена такая льгота.

Не нужно говорить много о тех выгодах, какие дают Жилищные Товарищества гражданам, но в заключение скажу то, что известно из практики.

Органы Коммунального Хозяйства не могут, как указано выше, содержать владения сами. Они вынуждены передать, передают и передадут хозяйственное попечение о жилищах в руки в них живущих. Если в таком доме не будет Жилищного Товарищества — по-

лучится полумера. И Коммунальному Хозяйству, и жильцам понятно, что простому домоуправлению передаются только обязанности, но прав никаких. Жильцам такое положение невыгодно. Единственный выход — организация Жилищного Товарищества, ибо в противном случае у Коммунального Хозяйства остается один крайне нежелательный, но неизбежный исход: сдача домов в аренду, что при введении новой квартирной платы пойдет со значительным успехом, и жильцы, попав в руки арендаторов, из коих многие могут оказаться или родственниками старого владельца, или самим владельцем, испытают прелесть «хозяйственной отеческой заботы» арендатора, старающегося за затраченный грош сорвать с жильца рубль. Кроме экономической тяготы пойдут судебные тяжбы. Зачем же допускать до этого? Не надо. Пусть каждый будет сам хозяин. Все должны жить в спокойной обстановке. Пусть каждый грош трудящегося идет на восстановление его же жилища, а не на «восстановление» кармана ищущего наживы арендатора, не очень заботящегося о нуждах жильцов и дома. Применив и здесь старый лозунг кооперации: «В единении сила», возьмемтесь за хорошее дело.

А. Нейштадт.

Нейштадт А. Жилищные товарищества и их польза для населения // О жилищных товариществах. — Пермь: Изд. Пермского Коммунального Хозяйства, 1923. — С. 3-6.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

Публикация Т.А. Калининой

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МЕСТ И ЗДАНИЙ ПЕРМСКОМУ ПРИКАЗУ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ

План под литерою А.

Место приказу общественного призрения принадлежащее, занимающее целый квартал, лежащий в Вознесенской улице, и простирающийся до самой черты городского строения.

Место сие огорожено с передней стороны деревянным заплотом, а с прочих стоячим из бревен тыном, и с передней стороны сделаны в 1809 году каменные ворота; на сем месте существуют следующие заведения:

1) Рабочий дом деревянного строения на каменном фундаменте, отделенный от прочих заведений особенным бревенчатым тыном. Строение, помещением сего заведения занимаемое, при открытии Пермской округи первоначально заведено Пермскою казенною палатою на казенный счет, и в ведомство приказа общественного призрения поступило в 1788-м году, приказом же [л. 6] обращено для преступников, отсылаемых по указу 3-го апреля 1781-го года в заработку за воровство кражу, грабеж и мошенничество, а впоследствии времени положено содержать в оном останавливаемых здесь по силе высочайшего указа на имя Г. Пермского и Вятского генерал-губернатора 30 ноября 1806 года последовавшего из ссылаемых в Сибирь за маловажные вины преступников мастеровых и ремесленников 50 человек; по остановлении коих для удобнейшего производства из изделий, к зданию рабочим домом занимаемому пристроена в 1807-м году особенная деревянная мастерская, а для кузнечного и слесарного ремесла, сверх прежде существовавшей при рабочем доме деревянной, возведена в том же году каменная крытая железом кузница.

2) Городовая больница деревянного же строения на каменном фундаменте, огороженная небольшим палисадником. Здание сие с существующими при нем службами построено на счет капита-

лов приказа [л. 6об.] общественного призрения в 1798-м году, а в 1807 обшито тесом, и крыша на нем выкрашена. По сделанному приказом общественного призрения на содержание сего заведения штату положено иметь в оном для больных разного состояния, в том числе для нижних чинов губернской роты, равномерно для оставляемых проходящими воинскими командами и рекрутскими партиями 25 кроватей.

3) Кирпичный завод, учрежденный так же при открытии губернии Пермскою казенною палатою, и поступившей в ведомство приказа общественного призрения вместе с рабочим домом в 1788-м году. Заведение сие состоит из трех покрытых тесом сараев и из двух обжигательных печей, в коих кирпича для обжигу может в одно время помещаться в первой до 40, а в другой до двадцати тысяч; выделка же оного приносит приказу дохода от 300 до 400 рублей в год.

В сем же квартале вышеозначенных заведений приказа общественного [л. 7] призрения состоит тюремный острог, обнесенный особенным стоячим тыном, и два деревянные здания, где помещены губернских мест архивы.

План под литерою Б.

Представляет место, занимаемое сиропитательным домом, лежащее на углу, с одной стороны Екатерининской, а с другой по Обвинской улице. Сиропитательный дом по открытии здесь губернии заведен в 1788-м году в Екатерининской же улице; но не на нынешнем, а на другом месте; но как строение тогда оным занимаемое впоследствии времени пришло в ветхость, и сделалось для помещения питомцев недостаточно, то в 1798-м году куплено для оного у надворного советника Германа ценою за тысячу рублей на теперешнем месте новое деревянное на каменном фундаменте здание, к которому для удобства в содержании питомцев [л. 7 об.] сделана приказом общественного призрения в том же году деревянная на каменном же фундаменте пристройка; а в 1807-м году строение обшито тесом и как оное, так и крыша на нем выкрашены. По штату для сего заведения приказом общественного призрения в 1798-м году учиненному положено содержать в нем 60, да на вольном пропитании 20, а всего обою пола 80 человек; ныне же питомцев находится: при доме мужского пола 18, женского 25, на вольном воспитании мужского пола 54, женского 95, а всего как при доме, так и на вольном воспитании обоих полов 192 человека.

План под литерою В.

Место, находящееся за чертою городского строения, поблизости кладбищенской церкви, огороженное деревянным заплотом, где находятся содержимые приказом общественного призрения богадельни, одна для мужеского, а другая для женского пола, здания сии [л. 8] равно как и находящиеся при оных службы построены приказом на счет капиталов своих на каменном фундаменте в 1785-м году, и как теперь пришли уже в ветхость, и к дальнейшему существованию ненадежны, то приказ предполагает выстроить вновь богадельни каменные. По штату приказа, сделанному в 1798-и году, положено содержать в сих богадельнях 25 мужчин и столько же женщин, но ныне их содержится мужеского пола 20, женского 35, а всего 55 человек.

План под литерою Г.

Деревянному на каменном фундаменте строению, возведенному на счет капиталов приказа общественного призрения в 1810-м году для учрежденного под ведомством его прядения шерсти и выработки суровья, для которого установлено при сем заведении два стана; строение сие возведено в низкой [л. 8 об.] улице против самого городского валу, на возведение же его, равномерно на заготовление лесу для облагораживания отведенного под оное места заплотом, и на построение при нем погреба приказом общественного призрения из капиталов своих употреблено по нынешнее время 3160 рублей 86 коп., к построению же бани, погреба и заплота будет приступлено нынешним летом.

Все вышеозначенные заведения приказа общественного призрения основаны на крепком и сухом грунте, и вообще имеют местоположение здоровое.

Губернатор Богдан Гермес.

ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 616. Л. 6-9. Подлинник рукописный. Описание составлено в декабре 1823 года.

Копия с документа была снята преподавателем кафедры древней и новой истории России ПГУ Е. В. Поповой в 1950-е гг.

Документ подготовлен к публикации Т.А. Калининой, кандидатом исторических наук, преподавателем Пермского государственного университета. Стилистика документа сохранена.

В 1775 г. 7 ноября Екатерина II утвердила «Учреждения для управления губерний в Российской империи». В стране проводилась административная реформа, в ходе которой в наместничестве и губерниях создавались, в частности, приказы общественного призрения. Приказ общественного призрения состоял из председателя приказа и шести заседателей. Председателем Приказа являлся губернатор, заседателями — по два председателя от Верхнего земского суда, губернского магистрата и Верхней земской расправы.

Приказам общественного призрения поручалось: попечение и надзирание об установлении и прочном основании народных школ; установление и надзирание сиротских домов для призрения и воспитания сирот обоего пола; госпиталей или больниц; богаделен для убогих, увечных и престарелых, которые не имели пропитания; особого дома для неизлечимых больных, дома для сумасшедших, работных домов для обоего пола, смотрительных домов также для обоего пола.

На все расходы Приказам общественного призрения полагалось выдать единовременно из доходов губернии 15.000 рублей на каждый приказ, а в последующем они должны были сами изыскивать источники финансирования своих дел, в том числе широко использовать пожертвования частных лиц.

В 1781 г. было учреждено Пермское наместничество, и в этом же году — Пермский приказ общественного призрения. Он занимался созданием многих хозяйственных, богоугодных и благотворительных заведений, большую часть которых содержал полностью за свой счет. Приказ общественного призрения сыграл также большую роль в развитии школьного образования в губернии.

Ул. Вознесенская — в настоящее время ул. Луначарского.

Ул. Екатерининская — в советское время ул. Большевикская, недавно ей было возвращено прежнее название.

Ул. Обвинская — в настоящее время ул. 25-го Октября.

Рабочий дом часто называют также работным домом.

Литература: *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII в. — первая половина XIX в.). — Пермь, 1992.

Калинина Т.А. Пермский приказ общественного призрения и развитие народного образования в Пермской губернии (80-е гг. XVIII в. — первая половина XIX в.) // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. — Пермь, 1995.

СТРОИТЕЛЬСТВО НОЧЛЕЖНОГО ДОМА В ПЕРМИ — ОСНОВА БУДУЩЕГО УНИВЕРСИТЕТА (КОРПУС № 2 УНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДКА)

Это здание, послужившее основой для создания нашего университетского городка, хорошо известно пермякам. Оконченное строительством без малого 100 лет тому назад, оно до настоящего времени поражает своей основательностью, неброской емкостью, обилием внутренних помещений и нестандартной строгой красотой.

С 1916 г. вплоть до середины 60-х гг. XX в. это здание было главным корпусом Пермского государственного университета, в котором размещались его администрация во главе с ректоратом и целый ряд факультетов.

Однако первоначально оно имело совсем другое предназначение.

16 марта 1912 г. известный общественный деятель Николай Васильевич Мешков, крупный предприниматель и пароходовладелец, обладатель многомиллионного состояния, обратился в Пермскую городскую управу со следующим письмом: «С давних лет Пермское городское управление и пермское общество озабочены устройством для бедняков, не имеющих крова, ночлежных приютов. Заботы общества вытекают не только из желания дать бесприютным людям за ничтожную плату ночлег, но и из желания хотя бы уменьшить для городских обывателей опасность заражения инфекционными болезнями, которые возникают и распространяются быстрее и чаще всего среди беднейших людей, благодаря антисанитарным условиям их жилищ, и ими распространяются по городу. Устройство надлежащих приютов понижает процент инфекционных заболеваний и необходимость устройства их в целях оздоровления городов не может вызывать возражений...»¹. Исходя из изложенного, Н.В. Мешков сообщал далее, что имеет намерение «построить в Перми ночлежный дом имени матери своей Елены Ивановны Мешковой». Для этой цели им куплено у товарищества Алафузовских заводов два усадебных места, на которых и предполагается устройство ночлежного дома. Мешков предлагал осуществить строительство этого дома *на свои деньги* с последующей передачей его *в дар городу*.

Решение строить ночлежный дом не было случайным для Мешкова. Николай Васильевич давно вынашивал мысль об увековечении памяти своей матери, Елены Ивановны Мешковой, скончавшейся в 1899 г. Он бесконечно любил и почитал свою мать. Богатство не очер-

стило ее душу. Помня о том, из какой бедности поднялась ее семья после гибели мужа, она пронесла через всю свою жизнь деятельное сострадание к обездоленным; эти же качества воспитала в своих детях и старалась привить своим внукам. Николай Васильевич считал, что строительство ночлежного дома было бы достойным увековечением памяти Елены Ивановны.

Конечно же, в известной мере предложение Н.В. Мешкова о строительстве ночлежного дома было и демонстрацией независимости, и противодействием давлению извне, которое он постоянно ощущал, добиваясь выделения средств для осуществления строительства Народного дома в Перми. К этому времени созданное им общество «Народный дом», инициировавшее строительство здания дворца для распространения просвещения и организации культурного досуга широких слоев населения города, вынуждено было отложить строительство на неопределенный срок. Причиной этому был отказ в финансовой помощи, как со стороны Министерства финансов, так и со стороны Пермского губернского комитета общества попечительства о народной трезвости, которое, по своему предназначению, было *обязано* принять деятельное участие в финансировании задуманного строительства. Собранных же городом средств было явно недостаточно. Фактически все шло к тому, чтобы подтолкнуть Мешкова взять на себя основные расходы по строительству этого общественного здания². Раздраженный всем этим, Николай Васильевич отстранился от активного участия в организации строительства Народного дома и обратился в Пермскую городскую управу с вышеупомянутым письмом. Вместе с тем, это было искреннее, наболевшее желание перейти от прожектов к реальным делам на благо города, ставшего для него родным.

Имевшийся к этому времени в Перми ночлежный дом на 100 человек, открытый Пермским комитетом по разбору и призрению нищих в 1882 г., находился в плачевном состоянии. В грязном, тесном строении зимой собиралось до 300 ночлежников. Разговор о необходимости строительства нового ночлежного дома уже неоднократно возникал в Городской управе и обсуждался в думе, но проблема, опять-таки, упиралась в недостаток денежных средств³.

В своем письме Н.В. Мешков просил Управу ознакомиться с предполагаемым местом будущего строительства, и, если оно будет одобрено, определить, на какое количество поселенцев оно должно быть рассчитано, и какие вспомогательные службы должно иметь.

Заявление Мешкова было доложено на частном совещании гласных Городской думы 7 апреля. Тогда же Пермский городской голова П.А. Рябинин лично побеседовал по этому поводу в Н.В. Мешковым⁴,

и назначил специальное заседание финансовой комиссии думы с участием представителей Н.В. Мешкова: «доверенного его Г.М. Чудинова, юрисконсульта А.А. Насальчук и архитектора А.А. Ляк»⁵.

8 апреля 1912 г. заявление обсуждалось в заседании финансовой комиссии управы, которая «полагала выразить Н.В. Мешкову глубочайшую благодарность за его столь щедрое пожертвование для бедных жителей Перми, не имеющих постоянного крова», и определила, что «желательно» иметь ночлежный приют на 450 мужчин и 50 женщин. Относительно вспомогательных служб, комиссия полагалась на знания, которые Мешков приобрел, изучая решение этой проблемы в других городах⁶. В докладе Городской думе Управа предлагала пригласить техническую комиссию для осмотра места под постройку с участием городского архитектора и городских врачей «совместно с представителями и строителями Н.В. Мешкова». Кроме того, городская управа предлагала «в знак особой признательности Н.В. Мешкову за его бескорыстное христианское попечение о бедных города, не имеющих крова, избрать его Почетным гражданином города Перми»⁷.

11 апреля 1912 г. доклад управы был вынесен на заседание Пермской городской думы. Сказать, что предложение Николая Васильевича было принято думцами восторженно — это значит, ничего не сказать. Конечно же, дума единогласно поддержала и инициативу управы об избрании Н.В. Мешкова Почетным гражданином города Перми. О состоявшемся решении Мешкова известили благодарственной телеграммой⁸.

С присущей ему энергией Н.В. Мешков приступил к реализации задуманного.

По мысли Николая Васильевича дом должен был строиться «с применением всех усовершенствований, приспособлений и всех видов благотворения, по образцу лучших домов призрения в Москве и в западноевропейских государствах»⁹. Кроме спален для ночлега, в доме должны быть чайная, столовая, аптека, дезинфекционная камера с аппаратом «Гелиос» для уничтожения паразитов, амбулатория с дежурством врача и фельдшера для оказания медицинской помощи¹⁰. Это должен быть прекрасный дом-памятник, благоустройство которого должно отвечать последнему слову строительной техники — с водопроводом, канализацией, центральным отоплением, электричеством; рассчитанный не на одно поколение обездоленных горожан. Часть территории должен был занять большой сад¹¹.

Для проектирования и строительства «Ночлежного дома им. Е.И. Мешковой» (как он значился в официальных документах) была приглашена шведская компания «Турольф и К^е» из Стокгольма¹². В те-

чение короткого времени проект был готов, одобрен Николаем Васильевичем; определены поставщики необходимых материалов. Началась интенсивная работа по реализации проекта. Общее наблюдение и контроль за строительством осуществлял Григорий Михайлович Чудинов — правая рука и друг Николая Васильевича, пользовавшийся у него безграничным доверием. На него же была возложена работа по организации своевременных поставок. Он же договаривался с городскими властями о подаче воды и электроэнергии для нужд строительства. Он же в октябре 1912 г. ходатайствовал перед Управой о разрешении брать глину «для печных и др. работ из карьеров на берегу Камы», находящихся ближе к строительству. Однако, Управа рекомендовала брать глину «от городских кирпичных сараев», опасаясь возникновения оползня¹³. Стараниями Чудинова на территории строительства была открыта для рабочих частная лавка А.Ф. Ватолиной, торгующая съестными «припасами» с 8 часов утра до 7 часов вечера¹⁴. За качественное выполнение строительных работ отвечал инженер Петр Васильевич Акимов¹⁵.

В общий комплекс строений Ночлежного дома должно было входить и строительство вспомогательных служб для удовлетворения насущных нужд будущих насельников: бани, прачечной, котельной, столярной и слесарной мастерских, булочной. Каждый из жильцов мог быть трудоустроен в одной из этих служб или в саду, а при желании — освоить ремесло. Н.В. Мешков хотел сделать этот дом не только ночным пристанищем для обездоленных, но и местом, где они могли бы получить работу, обучиться полезному ремеслу и стать полноценными гражданами города. Предполагалось, что по истечении пары лет, требующих полного содержания дома за счет строителя, дом сможет перейти на самоокупаемость. Вскоре обнаружилось, что купленный Мешковым участок несколько маловат для того, чтобы разместить на нем все объекты строительства.

По ходатайству Н.В. Мешкова в заседании 12 сентября 1912 г. под строительство вспомогательных служб дума безвозмездно выделила участок городской земли, примыкающий к его участку размером в 1055 кв. сажен¹⁶. В декабре этот участок был увеличен до необходимых для строительства размеров — 1485 кв. сажен¹⁷.

О размерах и стоимости строительства можно судить по «представлению» Городской управы Пермскому губернатору 14 февраля 1913 г. «о зачислении пермского 1-й гильдии купца Н.В. Мешкова Почетным гражданином г. Перми...за покупку им для ночлежного дома усадьбы 11515 кв. сажен ценностью выше 100.000 руб. и за производство им постройки ночлежного дома...» Управа свидетельствовала, что «на этой усадьбе действительно уже произ-

водится постройка ночлежного дома таких размеров и по такому плану, что общая стоимость ночлежного дома со всем оборудованием может стоить 500.000 руб. Сведения о плане и размерах строящегося ночлежного дома имеются в Строительном отделе Губернского правления»¹⁸.

В январе 1914 г. Николай Васильевич вносит предложение об открытии при ночлежном доме *на его средства* городской аптеки с ничтожной наценкой на лекарства, которой могло бы пользоваться все малоимущее население города. Причем, он представляет помещение для аптеки с полным оборудованием и гарантирует городскому управлению возмещение всех расходов по содержанию аптеки и выписке медикаментов. В заседании 22 января 1914 г. дума принимает предложение Мешкова с выражением ему «за такое пожертвование благодарности от имени городской думы»¹⁹.

Между тем, строительство велось быстрыми темпами. Не было перебоев ни в поставке строительных материалов, ни в поставке оборудования. Все делалось с европейским размахом и русской (мешковской) основательностью. Рабочий день начинался с утра и кончался затемно. В темное время года площадка строительства освещалась за счет электроэнергии, предоставляемой городской электростанцией. Правда, довольно скоро стараниями Чудинова стройка обзавелась собственной электростанцией, излишек которой, по заявлению Г.М. Чудинова в Городскую управу, предполагался к использованию «в интересах Ночлежного дома для работ и в других помещениях... для установки электрических моторов на механическом заводе и средней пристани на Каме»²⁰. Однако Управа на это не пошла, предложив в данном случае пользоваться мощностью городской электростанции, с оплатой по себестоимости.

Огромное прекрасное здание с курантами под крышей и именем Е.И. Мешковой на фронтоне должно было принять своих первых жителей осенью 1914 г.

Но, увы, летом 1914 г. началась мировая война. Окончание строительства велось уже на фоне военного времени, которое диктовало свои условия и определило новое назначение ночлежного дома. В специальном докладе Пермской городской управы 10 декабря 1914 г. «О выражении Н.В. Мешкову благодарности за предоставление помещения Ночлежного дома для надобностей войск»²¹ говорилось: «Еще во время мобилизации, когда под помещение призванных запасных недостаточно было зданий всех учебных заведений в городе и помещений общественных учреждений, были заняты под помещение запасных здания бывшего Алафузовского завода, приобретенного Н.В. Мешковым, и часть здания Ночлежного

дома, тогда еще не оконченного. На уведомление об этом Николай Васильевич ответил полным своим согласием, выразив, как истинный патриот, свою радость, что построенный им дом может служить для помещения защитников нашего дорогого отечества... Если бы не было ночлежного дома Мешкова, и воинские части не были размещены казарменным порядком, то все эти тысячи воинских чинов расквартировались бы в домах и квартирах обывателей, что, несомненно, вредно бы отозвалось на воинской дисциплине, и было бы весьма стеснительно для обывателей». Далее в докладе вносится предложение «о выражении Почетному гражданину города Н.В. Мешкову от имени Городской думы *глубокой благодарности* за предоставление помещений Ночлежного дома под расквартирование воинских чинов». Мало того, управа просит думское собрание возбудить перед губернатором вопрос о представлении Н.В. Мешкова «к *высочайшей награде* за его щедрое пожертвование на постройку Ночлежного дому и вообще общепользующую деятельность»²². Под «высочайшей наградой» подразумевалось присвоение Н.В. Мешкову звания Коммерции Советника.

Дума одобрила и приняла все предложения Управы²³.

В представлении Пермской городской думы губернатору 6 января 1915 г. перечисляются все заслуги Н.В. Мешкова перед городом и, в частности, говорится: «Мешков всегда принимал деятельное участие в поддержке ходатайств города в высших правительственных учреждениях... Весьма большое оказал содействие в направлении Котласской линии железной дороги в Пермь. Ему, Мешкову, принадлежит идея постройки железной дороги от Оренбурга на Уфу и Кунгур или Пермь ... Как коммерсант с широким кругозором, он понял важное значение железнодорожного пути, соединяющего Пермскую губернию, богатую лесом и разными минералами, со Средней Азией, и на свой счет произвел изыскание железнодорожной линии от Оренбурга через Уфу до Пермской железной дороги. Изыскание его «Оренбург-Уфа» одобрено к постройке, а изыскание от Уфы до соединения с Пермской железной дорогой будет рассматриваться в Железнодорожном департаменте в наступающем марте месяце [1915 г.]. Осуществление кратчайшего железнодорожного пути в Ташкент и другие города Средней Азии открывает для Перми широкие горизонты развития товарообмена для того и другого края. Инициатива в сем деле и изыскания принадлежат Н.В. Мешкову»²⁴. (Звание Коммерции Советника было присвоено Мешкову в апреле 1916 г.)

Между тем, завершение строительства комплекса Ночлежного дома шло своим чередом: строилась прачечная, заканчивалось оборудование дезинфекционной камеры, холодильника для скоропортя-

тящихся продуктов, хлебопекарни²⁵. Н.В. Мешков распорядился о скорейшем окончании основного здания, в котором в это время устанавливалось центральное отопление, и об устранении всех имеющихся недоделок в определенные ранее сроки. Работы велись непрерывно, и по мере их завершения здание занималось все новыми воинскими подразделениями.

Первоначально здесь были расквартированы «призванные запасные, а затем в нем размещались ополченческие дружины, формировавшийся в Перми Сибирский корпус и запасные батальоны»²⁶. К декабрю 1914 г. в законченном здании Ночлежного дома было расквартировано 4 тысячи солдат, впоследствии их число возросло до 6 тысяч. Естественно, что проживание в здании такого количества молодых, здоровых парней, мало знакомых с достижениями цивилизации, весьма плачевно отразилось на состоянии его внутренней отделки: затапывались паркетные полы, обшарпывались стены, ломались водопроводные краны, выходила из строя канализация. Уже ко второму году пользования военными, здание требовало ремонта.

В ноябре 1915 г., когда встал вопрос о переводе в Пермь Юрьевского университета, и Н.В. Мешков заявил о передаче всего комплекса Ночлежного дома в распоряжение университета, поведение солдат внутри здания стало нарочито разнузданным. Но воинское начальство закрывало на это глаза. 2 января 1916 г. в здании произошел пожар, на расследование которого были командированы член Городской управы Юрьевский, городской архитектор и техник строительного отдела²⁷. Правда, существенных последствий пожар не имел, но сам факт его возникновения говорит о поведении «квартирантов».

В июне 1916 г., после «высочайшего соизволения на учреждение в Перми отделения императорского Петроградского университета, которое кладет основание учреждению в будущем самостоятельного Пермского университета»²⁸, началась настоящая борьба Н.В. Мешкова за освобождение комплекса зданий Ночлежного дома от воинского постоя. Военное руководство ни за что не хотело покинуть просторные и удобные здания. Окончательно освободить их удалось только в 1917 г., после вмешательства Временного правительства и непосредственного приказа военного Министра А.Ф. Керенского²⁹.

Конечно Николай Васильевич Мешков, возводя здание Ночлежного дома, даже в самых сокровенных мечтах не чаял, что память его незабвенной матери — Е.И. Мешковой — будет освящена появлением первого на Урале университета.

Без малого целый век служит здание Пермскому государственному университету. Спокойно, с доброй улыбкой взирает этот заслуженный старец на то, как развивается и хорошеет вокруг него университетский городок. И как орден на его фасаде — барельеф с изображением строителя — Николая Васильевича Мешкова.

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 221. Л. 1.

² См. сб.: Пермский дом в истории и культуре края. — Пермь, 2009. — Вып. 2. — С. 84-86.

³ Журналы заседаний Пермской городской думы за 1906, 1907, 1909 гг.

⁴ То же за 1912 г. — Пермь, 1913. — С. 160-162.

⁵ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 221. Л. 4об.

⁶ Там же. Л. 27.

⁷ ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1678. Л. 166-167.

⁸ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 221. Л. 10.

⁹ Там же. Л. 28.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 32.

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ Там же. Л. 37.

¹⁵ Там же. Л. 19, 72.

¹⁶ ГАПК. Ф. 43., Оп. 1. Д. 1678. Л. 350-351.

¹⁷ Там же. Л. 456-457.

¹⁸ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 221. Л. 27.

¹⁹ Там же. Л. 50.

²⁰ Там же. Л. 35.

²¹ Там же. Л. 59-60.

²² Там же.

²³ Журналы заседаний Пермской городской думы за 1914 г. — Пермь, 1915. С. 172.

²⁴ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 221. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 74.

²⁶ Там же. Л. 66.

²⁷ Там же. Л. 63.

²⁸ Там же. Л. 56.

²⁹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 321. Л. 38.

ЛАЗАРЕТ ИМЕНИ ПЕПЕЛЯЕВЫХ В ПЕРМИ

В начале февраля 1919 г. в недавно взятую Пермь прибыла из Томска с подарками для раненных воинов 1-го Средне-Сибирского корпуса Нина Ивановна Пепеляева, жена командира корпуса, генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева, освободившего Пермь от большевиков. В Томске у нее остался на попечении свекрови пятилетний сын Всеволод. Нина Ивановна остановилась в здании Волжско-Камского банка на Покровской, 32.

Первым делом она посетила тяжело раненных солдат и офицеров в губернской Александровской больнице. Это посещение оставило неизгладимое впечатление на раненых. Об этом красноречиво говорит письмо, опубликованное в пермской газете «Освобождение России»:

**Милостивый Государь,
Господин Редактор!**

Позвольте через посредство Вашей газеты от имени раненных и больных солдат-сибиряков Александровской больницы выразить глубочайшую благодарность супруге нашего обожаемого командира корпуса генерала Пепеляева Н.И. Пепеляевой за ту радость, которую она доставила нам своим посещением, и за подарки, которые она нам привезла из родной Сибири.

Большое спасибо также всем, кто так сочувственно отнесся к желанию нашей уважаемой гостьи — скрасить очень иногда тяжелые переживания больного солдата, всем, кто помогал ей в сборах на подарки, к слову сказать, подарки по-сибирски щедрые. Еще раз спасибо за память и за участие к нам.

От имени всех больных и раненных солдат Александровской больницы.
Штабс-капитан Липовка. [1]

1-й Средне-Сибирский корпус нес большие потери ранеными и убитыми. Так, в Пермской операции, которая проходила с 29 ноября по 26 декабря 1918 года, он потерял половину состава — это примерно около 5 тысяч. Помощь раненым в городе Перми оставляла желать лучшего, т.к. большевики постарались вывезти все лекарства и медикаменты. Для осмотра и проверки лечебных заведений Перми и Мотовилихинского завода командир 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-лейтенант Пепеляев назначил 3 февраля 1919 года комиссию под председательством штабс-капитана Голубева и членов: подпоручика Квасневского, поручика Чернова и старшего врача 8-го Бийского полка Миль; при участии помощника корпусного врача Орлова.

Комиссия 7 февраля констатировала, что нательного и постельного белья на всех не хватает, нет табака и газет, отсутствует связь раненых с частями, поэтому солдаты не могут получить жалованье [2].

Не только условия в госпиталях не устраивали командование корпуса, но и количество лечебных заведений. Поэтому идею открытия дополнительных лечебных учреждений, высказанную Ниной Ивановной Пепеляевой, сразу подхватили местные общественные деятельницы: А.П. Николаева, М.Ф. Ковалевская, Т.И. Пашихина и др. Тем более что в «Великую» (первую мировую) войну в Мариинской и Александровской гимназиях работали лазареты. Выбор пал на Мариинскую женскую гимназию, где было решено открыть лазарет имени А.Н. и Н.И. Пепеляевых. Начались сборы денег и средств на его устройство.

Первым мероприятием, средства с которого пошли на открытие лазарета был концерт-вечер, прошедший с необыкновенным оживлением 9-го февраля в здании Мариинской гимназии. Своим устройством и организацией вечер обязан был известной устроительнице благотворительных мероприятий Алисе Павловне Николаевой и супруге доктора Ковалевского. Было сделано все, что только было возможно, для устройства декораций и обширной, разносторонней, интересной программы вечера. Артисты, давно известные Пермской публике, выступили на вечере с обычным для них шумным успехом. Газета «Освобождение России» отметила «их отзывчивость и неутомимость, т.к. они неустанно выступают на всех благотворительных вечерах и концертах» [3].

Кроме пермской публики на концерте было много офицеров-сибиряков, так как в это время в городе на отдыхе находился Штурмовой батальон 1-го Средне-Сибирского корпуса. Штурмовики, тем более офицеры, были желанными гостями любых мероприятий. К тому же в Перми формировались ударные батальоны 1-й и 2-й Сибирских дивизий из молодых пермяков, так что недостатка в публике не было. Но при таком большом количестве народу, всегда находятся люди с воровскими наклонностями; так и на этом вечере украли бумажник с 6500 рублями и удостоверением личности у командира ударного батальона 2-й Сибирской стрелковой дивизии штабс-капитана И.А. Вотина [4].

Согласно отчету, сделанному устроительницей бала А.П. Николаевой, чистого дохода получено было 43626 р. 27 к., каковая сумма сдана под расписку главному врачу госпиталя И.М. Ковалевскому [5]. Денежные сборы шли не только с билетов, но и от продажи программ, папирос, конфетти и билетов на танцах, с киосков, буфетов и американской лотереи.

28 февраля Н. И. Пепеляева уже сама устроила «Музыкальный вечер» в Благородном Собрании. В газетах появились объявления:

В Пятницу, 28-го февраля 1919 года,
Женой командира 1-го Средне-Сибирского корпуса
Нинной Ивановной Пепеляевой
УСТРАИВАЕТСЯ
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР.

75% сбора с вечера поступит на устройство госпиталя для раненых и больных воинов, а 25% — на приобретение необходимых книг для библиотеки Александровской гимназии.

Пожертвования бельем и другими вещами на устраиваемый госпиталь принимаются в квартире г-жи Пепеляевой (в помещении Волжско-Камского банка на Покровской ул. [6].

В устройстве вечера помогли сотрудники библиотеки 1-й мужской гимназии. Для проведения вечера Н.И. Пепеляевой выделены средства из добровольных пожертвований граждан Перми. В отчете записано: «Отпущено жене командира 1-го Средне-Сибирского корпуса г.-л. Пепеляева для устройства лотереи 28 февраля в пользу больных и раненых лазарета имени Пепеляевых: тиковых чехлов 2, полотенец 1, платков 1, перчаток дамских 12 п., шапок 1, скатертей 5, салфеток разных 71 шт., мешков 5, подушек диванных 21 шт., ковер вышитый 1, дорожек на качалку 1 и прочих мелких вещей 157 шт.» [7].

Вечер состоялся в пятницу, 28 февраля, чистый сбор с него поступил на устройство госпиталя для раненых и больных воинов (75%) и 25% в пользу устроителей — библиотеки 1-й мужской гимназии. На вечер собралось громадное количество публики, и он дал рекордную для Перми цифру сбора. Вечер совпал с выступлением на фронт 1-й Пермской дивизии (1 и 2 марта) и 1-й Сибирской штурмовой бригады (4 марта). Офицеры-штурмовики не могли не посетить данный вечер, т.к. давала его супруга их шефа — генерал-лейтенанта Пепеляева. Негласно штурмовики считали, что лазарет открывается для их бригады, и в дальнейшем не раз отчисляли деньги на его содержание.

«Вечер состоял из небольшого спектакля и концертного отделения. В начале госпожой Князевой и гг. Казарским, Вреден-Полевым, Васильевым и Севастьяновым были представлены «Романтики» Шиллера, прошедшие в высшей степени удачно. В больших и интересных концертных отделениях приняли участие госпожи: Алина (пение), Веденяева, Знаменская, Столяревская и Морозова (танцы), г-н Людмилов (декламация), г-н Натанов (мелодекламация), госпожа Полканова (пение), г-н Вейхарт (рояль) и др. Среди номеров выделялись русский танец, проведенный 4-мя исполнителями, вызвавший громадное одобрение всего зала, и пение госпожи Полкановой, которую Пермь слышит, лишь в первый раз. После-

дним, сверх программным номером, было выступление госпожи Борегар в монологе Мансфельда «Сон», который был куплен публикой за 2600 р., путем американского аукциона. Кроме аукциона номера г-жи Борегар, Т.И. Пашихиной был продан с такого же аукциона золотой на 1000 р., аукцион бутылки шампанского, который дал около 15 000 р. Кроме того, оставшаяся с вечера бутылка шампанского, была на следующий день, во время спектакля в городском театре продана за 8000 руб. Прибавим к этим большим суммам сборы с буфета, билетов и штрафы с тех, кто был не в национальных костюмах (а в костюмах не было почти никого), побоймся поспешить, признав сумму чистого сбора, по крайней мере, полсотни тысяч. После исполнения состоялись танцы, продолжающиеся до шести часов утра. Вечер прошел оживленно. Среди вечеров этого сезона он имеет полное право на первое место» [8].

11 марта 1919 года состоялось открытие лазарета. Вот так оно было описано в местной газете:

«Лазарет наполнен ранеными. Так приятно видеть хорошую обстановку и оборудование лазарета: чистые простыни, подушки и одеяла, и чувствуется, с какой заботой и приветливостью относится к раненым Н.И. Пепеляева и принимавшие участие в оборудовании лазарета дамы. На открытии лазарета, которое носило симпатичный семейный характер, присутствовало несколько человек из избранного Пермского общества. Прибыл Преосвященный Борис.

Все ждут приезда А.Н. Пепеляева. Раненые, которые имеют возможность встать, столпились у входа. — Генерал прибыл, проносится шепот. Голосом, насколько охрипшим, генерал здоровается с ранеными: — Здорово, братцы! — Здравия желаем, Ваше Превосходительство.

Генерал обращается к раненым с речью. В немногих словах генерал благодарит раненых за службу, за пролитую кровь. Во второй части своей речи генерал указывает на большие успехи на фронте.

Враг в панике бежит — фронт отодвинут на девяносто верст. Я всегда верил в доблесть русского солдата, и для меня большая честь, что я состою в рядах этой армии. Я всегда говорил, что важно качество войск, а не их количество. И мои слова подтверждает славная Сибирская армия.

Генерал еще раз благодарит солдат и начинает обход раненых. Знание и любовь к солдату так и сквозит из каждого слова, из каждого движения генерала, и видно, что молодой генерал со своей серьезной русской внешностью как нельзя более гармонирует с молодой возрожденной Русской армией. Эта простота, эта русская внешность, это чисто русское общение с солдатами производят самое отрадное впечатление. Они показывают, что на поверхности возрождающейся России выплывают свои собственные молодые таланты. После обхода раненых начался молебен. Перед началом молебна священник Мариинской гимназии отец Александр сказал вступительное слово. В своей речи отец Александр указал на разрушенный тыл, на то, что необходимо все отдать тем, кто пролил кровь за освобождение России.

После молебна генерал Пепеляев долго обходил раненых, беседовал с солдатами и осматривал помещение. Гостям был предложен завтрак.

От уютных комнаток веяло давним прошлым. Столики, мебель, рояль, зеркала и сам завтрак по-семейному напоминал одну из картин Маковского. В конце завтрака генерал Пепеляев поблагодарил начальницу гимназии Татьяну Ивановну Пашихину и выразил надежду, что лазарет будет всегда в таком же виде, как сейчас. После отбытия генерала завтрак еще продолжался. Настолько симпатично и отрадно было видеть заботу Н.И. и А.Н. Пепеляевых о раненых, что всеми силами души хочется помочь им в оборудовании лазарета. Редакция берет на себя обязанность по снабжению лазарета литературой, и просит всех откликнуться и доставить в редакцию или непосредственно в лазарет книги и журналы» [9].

Кроме главного врача госпиталя, надворного советника Ковалевского, в лазарете работала врач Ершова.

Пожертвования поступали со всего освобожденного от большевиков Пермского края, отчеты о них публиковались в газете «Освобождение России». Приведем некоторые из них:

«Позвольте через посредство вашей газеты выразить благодарность за пожертвования, сделанные 1-му Пермскому сводному имени А.Н. и Н.И. Пепеляевых госпиталю: гражданину И.С. Абрамовичу — 1 пуд серого картона; гражданам Чусовской волости Пермского уезда — простыней 16, рубашек 23, кальсон 24, полотенец 14, холста 16 аршин и косынок 4 штуки; и гражданам А.К. Заспановой и М.А. Матокковой — масла сливочного 20 фунтов».

«Позвольте через посредство вашей газеты выразить глубокую благодарность за пожертвования, сделанные 1 Пермскому Сводному имени А.Н. и Н.И. Пепеляевых госпиталю: Пермскому Лесопромышленному и Торговому Акционерному обществу — 500 руб.; Командиру 1-й Штурмовой бригады и команде музыкантов — 2445 руб.; Старшему адъютанту Сибирской штурмовой бригады и команде писарей той же бригады — 2997 руб.; Гр. Заспановой — 200 руб.; Пермскому обществу потребителей — 1000 руб.

Главный врач госпиталя надворный советник Ковалевский» [10].

«Прошу не отказать напечатать нижеследующую благодарность. Мы защитники дорогой родины, больные и раненые 1-го Пермского сводного госпиталя при Мариинской гимназии шлем глубокую благодарность г-ну генералу Пепеляеву за удовлетворение нас воинов табаком и папиросами. Шлем тысячу благодарностей и желаем вам довести борьбу до полной победы над коммунистами» [11].

Конечно же, особо была отмечена Пасха, которая в тот год праздновалась 20 апреля. В конторе редакции газеты «Освобождение России» находился подписной лист пожертвований на красное яйцо больным и раненым героям-воинам в лазарет при Мариинской женской гимназии имени А.Н. и Н.И. Пепеляевых [12].

Сборы дали солидный результат. Ни один раненый не остался без подарка, к этому приложила все свои силы и средства начальница гимназии Т.И. Пашихина:

«Мы, раненые офицеры и солдаты Сводного госпиталя имени Пепеляевых, приносим сердечное русское спасибо начальнице Мариинской женской гимназии Татьяне Ивановне Пашихиной за ее неустанные труды, заботливость и чисто материнское отношение к нам. Благодаря ее необычной энергии — мы частенько имеем возможность слышать в стенах своего госпиталя и музыку, и хоровое, и сольное пение; видеть ряд веселых сценок, что вносит в нашу скучную затворническую жизнь такое разнообразие, при котором отдыхают душа и тело.

Доброту и истинное Ангельское отношение Татьяна Ивановна проявила и в дни Святой Пасхи, когда она, как родная мать, для каждого из нас находила слово утешения» [13].

Но и после Пасхи благотворительная жизнь в 1-м Пермском Сводном госпитале имени Пепеляевых не затихала. Пашихина организовала по воскресеньям «вечера развлечений», первый из которых состоялся 4 мая.

«В огромном, переполненном слушателями, зале весело была разыграна любителями пьеска «Ночь перед судом» по рассказу Чехова. Хористами местного театра исполнен был ряд хоровых вещей. Вызвавший шумный восторг слушателей. Господа Бондаренко, Луканин и Пестов с большим успехом исполнили несколько сольных номеров. Дружными аплодисментами были награждены и другие участники вечера: женский дуэт, исполнители русского танца и рассказчики анекдотов. Устроители этого вечера для раненых намерены в следующее воскресенье повторить «вечер развлечений» в том же лазарете» [14].

После Николиного дня офицеры и солдаты госпиталя поблагодарили устроителей вечеров через газету, отметив, что вечера носят «семейный характер — нет той чопорности, излишней торжественности, какая обычно замечается у артистов, когда они выступают на сцене».

«Вот выступает знакомая нам юная воспитанница гимназии А. Губанова. Голос небольшой по силе, но сколько души и любви вложено в романс «Что моя нежная» Пасхалова и в песню Новика «Сладко пел душа соловушка» Галлера. Прекрасное впечатление произвело на слушателей трио — гг. Барашина (сопрано), Горбунов (баритон) и Парамонов (тенор) — исполнением «На севере диком» Дмитриева и «Ночевала тучка» Даргомыжского; и дуэт «Это недавно так было» Гродского. С большим интересом и удовольствием прослушали «Орел», муз. Тидемана и «Ой, честь ли то молодцу» Сахновского в исполнении Луканина. На этот раз г. Луканин не поскупился, и мы имели удовольствие его послушать. Его обширный голос едва вмещался в небольшом зале библиотеки гимназии, особенно при передаче «Орла». Появление на эстраде г. Бонда-

ренко было шумно приветствуемо. Симпатичный артист и на этот раз подарил нам несколько номеров из своего репертуара, чем доставил истинно художественное удовольствие. Прекрасно были проведены дуэтом «Камень тяжелый на сердце лежит» Даргомыжского и «Ах, сегодня день ненастный» Пригожева (Бондаренко и Козленковым). Особенно последняя. Поваяло настоящим родным, русским от этой песни! Очень умело проведена «Серенада» Шуберта и «Дезертир» Гейзера г. Козленковым. Весело прошел дуэт «В селе малый Ванька жил» у гг. Бондаренко и Луканина. С большой экспрессией был исполнен романс «Ах, быстрей летите кони» г-жой Тиме.

В отдельности скажем всем участникам вечера русское спасибо. Не забывайте нас! Посещайте!

В отдел власти мы приносим глубокую и искреннюю благодарность администрации госпиталя за проявленную заботливость заполнить наш пробел с духовной стороны» [15].

К сожалению дальнейших сведений о госпитале найти не удалось.

Несколько слов о трудной судьбе Н.И. Пепеляевой, супруги генерал-лейтенанта Пепеляева.

Нина Ивановна Пепеляева, урожденная Гавронская, родилась в 1893 г. в Нижнеудинске. Ее отец был родственником польского композитора Огинского. У Нины Ивановны было два брата и пять сестер (Августа, Нина, Екатерина, Константин, Зинаида, Африкан, Конкордия). В 1912 году, 19-ти лет, она вышла замуж за подпоручика 42-го Сибирского стрелкового полка Анатолия Николаевича Пепеляева. Полк дислоцировался в г. Томске, на родине мужа. 22 октября 1913 г. у них родился сын Всеволод. Всю Первую мировую войну она молилась за своего мужа, который, хоть и был ранен, но вернулся домой. После свержения большевиков в Томске, 29 мая 1918 года муж снова ушел на войну, но уже на борьбу с внутренним врагом. Нине Ивановне снова осталось только ждать и молиться за него.

При отступлении армии Колчака от Омска А.Н. Пепеляев не успел заранее эвакуировать семью, и его жена вместе с семилетним сыном была посажена в Иркутске в тюрьму. Семья лишилась всего имущества.

В апреле 1920 г. Нина Ивановна с сыном и свекровью, Клавдией Георгиевной, добрались до Харбина; начались скитания по квартирам. Здесь в этом же 1920-м году их нашел Пепеляев. В 1922 г. у Пепеляевых родился второй сын, Лавр, и в этом же году генерал Пепеляев уехал во Владивосток, оставив семью почти без средств к существованию. Нина Ивановна устроилась на работу в газету корректором, а вскоре перешла в Управление КВЖД. В 1926 г. выш-

ло постановление о том, что на железной дороге могут работать только советские подданные или китайцы. В подданстве Москва ей отказала. Семья перебивалась случайными заработками, пока в 1931 г. не начал работать сын Всеволод, и жизнь стала полегче.

Летом 1936 г. пришло от А.Н. Пепеляева из СССР первое письмо, в котором он просил переехать семью жить к нему, в Союз. После долгих раздумий она решила, что ехать к мужу опасно.

Осенью 1945 года, когда Харбин был занят советскими войсками, арестовали Лавра Пепеляева, младшего сына, как японского шпиона, и дали ему 25 лет лагерей. Н.И. Пепеляева перебралась с сыном Всеволодом в Забайкалье, в Читу, где Всеволод Пепеляев работал в разведке. Затем его арестовали, а Нину Ивановну выслали в Узбекистан на поселение, где она работала в совхозе «Пахта-Арал». После реабилитации в 1956 г. она жила с сыном Лавром в Ташкенте, а затем перебралась в Гагры к Всеволоду, где и умерла в 1979 году, дожив почти до 90 лет. Здесь, в Гаграх, Нина Ивановна и похоронена [16].

1. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 15 февр.
2. Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 90. Оп. 4. Д. 895. Л. 169, 220.
3. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 12 февр.
4. Там же. 13 февр.
5. Там же. 22 марта.
6. Сибирские Стрелки, Пермь. — 1919. — 22 февр.
7. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 21 марта.
8. Свободная Пермь. — 1919. — 5 марта.
9. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 11 марта.
10. Там же. 17 апр.
11. Сибирские Стрелки, Пермь. — 1919. — 11 апр.
12. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 3 апр.
13. Сибирские Стрелки, Пермь. — 1919. — 27 апр.
14. Освобождение России, Пермь. — 1919. — 6 мая.
15. Там же. 29 мая.
16. <http://ilini-yakutsk.narod.ru/1998-1/18.htm>

**ДОМ А.В. СИНАКЕВИЧА С ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИЕЙ
Л.В. БАРБАТЕНКО (21-Я СРЕДНЯЯ ШКОЛА)
(ул. Сибирская, 23)**

Трехэтажное кирпичное здание, занятое школой № 21 по адресу: ул. Сибирская, 23, принято на государственную охрану 20 мая 1993 г. решением Малого Совета Пермского Облсовета № 683 как памятник архитектуры «Дом А.В. Синакевича с женской гимназией Барбатенко»¹. По сообщению летописца города Перми В.С. Верховланцева: «В этом здании 16 августа 1901 г. произошло открытие частного учебного женского заведения Л.В. Барбатенко, переименованного в октябре 1902 г. в прогимназию, а 5 ноября 1903 г. в женскую гимназию. Главный состав учащихся в гимназии — дочери местной интеллигенции»².

История застройки участка

31 января 1873 г. в Пермскую городскую управу от купца 2-й гильдии Е.С. Кожевникова поступило прошение на постройку каменного дома и служб, на принадлежащем ему месте по Сибирскому проулку: «в смежности с местом, принадлежащим купцам братьям Каменским, что по Сибирскому проулку, построить каменный дом, деревянные ворота, службы и флигель». Кожевников приобрел, что «крепостной акт на принадлежность имения, заключающего длинника по улице 14 саж. 2 фута и поперечника 24 саж. 5 футов» находится в пермской судебной палате на предмет выдачи ему залогового свидетельства³.

Согласно плану, представленному Кожевниковым, на красной линии улиц Пермской и Сибирской находился каменный дом, восьмигранной формы, к нему предполагалось пристроить по ул. Сибирской двухэтажный каменный дом с двумя мезонинами; во дворе, где предполагалась постройка новых деревянных служб и флигеля, показаны существующие деревянные службы, предназначенные к слову, и погреб⁴.

По справке, составленной городским архитектором Карвовским, оказалось, что для прочности, предполагаемого к постройке каменного дома требуется, чтобы «вместо деревянных перегородок, сделаны были капитальные каменные стены...; чтобы половые и потолочные балки были толще, чем показано в разрезах; чтобы печи и перегородки верхнего этажа основаны были не на одних только полах, как

это видно из планов, а подстелены были надлежащие для одного подпоры; и наконец, чтобы вообще при постройке соблюдено было все то, что требуется для прочности и устойчивости здания»⁵.

Архитектор Карвовский также рекомендовал при застройке участка учитывать необходимые противопожарные мероприятия: «Для безопасности от пожара требуется: чтобы при печах имелись коренные трубы; чтобы хотя бы одна лестница во втором этаже устроена была из несгораемых материалов, и во дворе не было стеснения в проездах, а для этого все проектируемые службы должны быть отнесены на самую межу, с устройством брандмауэра выше крыши, или же постройка флигеля должна быть совершенно отменена»⁶.

Карвовский рекомендовал застройщику ряд мероприятий, необходимых по условиям городского благоустройства: «На улице при новой постройке назначены наружные три входа, со ступенями и площадками, таковые не должны захватывать тротуаров, т.е. не должны выступать от дома более 2 аршин». На проекте за службами показаны «свободные места в 2 сажени, которые и должны служить дабы службы эти существовали с занятием места до межи, а между тем в натуре эта полоса в две сажени пригорожена забором к месту, принадлежащему женской гимназии, при постройке служб заборы должны быть отнесены на свое место, и вообще на основании Ст. 405 Т. XII Св. Зак., изд. 1857 г. за правильность показания места, на котором предположены новые постройки, отвечает сам домовладелец»⁷.

При соблюдении всех этих условий, Карвовский полагал возможным разрешить Кожевникову постройку по представленному проекту. 20 февраля 1873 г. управа определила: «Дозволить постройку каменного дома и деревянных служб, с соблюдением в отношении прочности и безопасности от пожара, условий, изложенных в справке; а в постройке деревянного флигеля, как крайне препятствующего проезду на дворе отказать»⁸.

Постройки Кожевникову на его участке были разрешены с тем условием, чтобы «предварительно возведения новых строений были сломаны существующие деревянные службы; существующие заборы перенесены на самую межу соседнего места, принадлежащего женской гимназии, и чтобы вновь строящиеся службы поставлены от этой межи на расстоянии 3-х сажень». Но впоследствии оказалось, что Кожевников показал на плане «не все существующие у него постройки, а именно не обозначил строения, в котором помещалась баня с прачечной и навес между этой баней и старыми службами». О существовании этих строений, стесняющих двор, управе стало известно только после пожара 31 мая 1873 г.

Это происшествие показало, что представляется «значительная опасность от тесноты построек, доходящей до такой степени, что пожарному обозу почти совершенно невозможно было бы действовать во дворе, если бы пожар не был потушен при самом его начале». Управа потребовала, чтобы Кожевников сломал означенные постройки, как «не имеющие узаконенного разрыва от новых служб». Когда постройка служб была остановлена, Кожевников обратился в управу с просьбой позволить ему «окончить постройку прежде сломки старых строений, занятых складом домашних принадлежностей и временно конюшней». Управа, по просьбе Кожевникова, разрешила ему окончить новую постройку «в 3-х недельный срок, и затем немедленно сломать старые строения». Но когда срок вышел, выяснилось, что Кожевников не выполнил свое обязательство. 16 сентября, когда управа вновь потребовала выполнить обязательство, Кожевников заявил, что «флигель с прачечной и баней он в настоящее время сломать не может, потому что постройка нового дома еще не начата, по не имению в городе строительных материалов, а когда начнется постройка и нужно ему будет для этого место, занимаемое прачечной и баней, тогда он их сломает»⁹.

Управа заявила о неблагоприятном поступке Кожевникова в городскую думу, гласным которой являлся купец Кожевников. Управа заявила о нарушении Кожевниковым закона, который требовал, чтобы «между строениями был соблюден 4-х сажный разрыв» (в этом случае разрыв между новыми службами и старым строением, в котором помещалась баня и прачечная, составлял не более 2S саж.)¹⁰.

Управа полагала необходимым «объявить всем домовладельцам города Перми, что при испрошении разрешения на новые постройки, или пристройки и на перестройки, или исправления существующих зданий, представляемые в Городскую Управу проекты, должны быть непременно удостоверяемы в правильности показания на оных существующих строений и размера самого застраиваемого места техниками, имеющими законные аттестаты, или самими домовладельцами, но в последнем случае с тем только условием, что домовладельцы своим подписом отвечают наравне с первыми...»¹¹.

31 декабря 1873 г. городская дума по нарушению Кожевниковым Устава Строительного большинством голосов определила: «Назначить Кожевникову 7-ми дневный срок на сломку строений, в которых помещается баня с прачечной, как не имеющие узаконенного разрыва от вновь выстроенных им служб; если же в течение 7-ми дневного срока г. Кожевников этого не исполнит, то Управа должна поступить с ним на законном основании»¹².

При обсуждении вопроса о проверке проектов, представляемых в Управу на предмет разрешения построек, мнения гласных разделились, и в прениях выяснилось две точки зрения. Гласный В.А. Кротов заявил, что «есть немало домовладельцев бедного состояния, которые часто неграмотны, и, во всяком случае, очень мало понимают планы и чертежи; для них представляет большое затруднение приискать даже хоть какого-нибудь чертежника, который бы составил им план места и строений; поэтому едва ли было бы справедливо возлагать на них ответственность за неправильность представляемых ими планов; эту неправильность можно было бы устранить, если иметь при Городской Управе, хорошо знающего свое дело чертежника для составления планов тем домовладельцам, которые пожелают к нему обратиться. Такой чертежник, состоя на жалованье от города, должен быть ответственным за правильность планов и составлять для домовладельцев планы бесплатно; жалованье ему можно назначить ... 300 рублей»¹³. Гласный Егорьев высказал иную точку зрения, согласно которой «составление планов и фасадов построек может быть предоставлено усмотрению самих домовладельцев, которые могут для этого приглашать, кого они пожелают, но проверка в натуре плана, места и расположения существующих строений должна быть производима непременно техником, состоящим при Городской управе». Соглашаясь с Кротовым в том смысле, что при управе «необходимо иметь особого чертежника», он полагал необходимым назначить ему жалованье 500 руб. в год, или, по крайней мере, при назначении жалованья в 300 руб., предоставить право «получать плату за составление планов тем домовладельцам, которые пожелают к нему обратиться»¹⁴.

Городская дума по этому вопросу определила: принять мнение гласного Кротова и ассигновать из городских доходов 300 руб. в год на жалованье чертежнику, приглашаемому для бесплатного составления строительных планов тем домовладельцам, которые пожелают к нему обратиться и для поверки с натурой всех вообще планов, представляемых в Управу при просьбах о разрешении построек; такой чертежник должен быть ответственным за правильность плана, места и расположения, существующих на нем строений; рассмотрение же проектов вновь возводимых построек и исправлений остается по-прежнему на обязанности, состоящего при управе Архитектора»¹⁵.

В 1886 г. согласно первому печатному, официально утвержденному списку домовладельцев Перми, составленному Г.И. Минеевым, домовладение на углу улиц Пермской и Сибирской, № 62/21 принадлежало Кожевникову Ермолаю Сергеевичу¹⁶.

Вероятно, в начале 1890-х гг. домовладение сменило хозяина. 1 сентября 1892 г. в городскую управу поступило прошение и проект о постройке каменного 2-х этажного флигеля с подвалом на месте, принадлежащем жене статского советника А.И. Синакевич в 1-й части Перми на углу улиц Сибирской и Пермской. На прилагаемом к прошению «Проекте на постройку каменного двухэтажного флигеля» на плане места обозначены как существующие: под лит. «Б» каменный двухэтажный с подвалом «Г» — образный в плане дом на углу улиц Пермской и Сибирской и под лит «В» — деревянные службы, предназначенные на слом, под лит. «А» — предполагаемый к постройке «каменный двухэтажный флигель с подвалом», а также фасад, разрезы и этажные планы предполагаемого к постройке флигеля¹⁷.

4 сентября 1892 г. резолюцией Городской управы было определено: «Разрешить жене Статского Советника Аделаиде Ивановне Синакевич по сему плану построить каменный двухэтажный флигель «а» с тем, чтобы строение под литером «в» было сломано»¹⁸.

Пермская городская управа регулярно, начиная с конца XIX века, проводила оценку недвижимого имущества для обложения его сборами. Оценка зависела от доходности, то есть учитывалась не только полезная площадь, но и степень комфортабельности дома, и престижность местоположения участка, а также размер, получаемого с имущества дохода.

В 1898—1899 гг. домовладение в 1 части г. Перми на углу улиц Сибирской и Пермской, 21/62 (в списках городской управы значилось под окладным № 144) принадлежало *Синакевич Аделаиде Ивановне, жене статского советника чиновника Пермского губернского правления*. В 1898 г. домовладение № 144 было оценено управой для взимания сборов с недвижимого имущества в 13600 руб.; в 1899 г. оценка домовладения увеличилась до 15692 руб. (с домовладения взимались сборы: в пользу города 156 руб. 92 коп., казенных 102 руб. 00 коп., земских уездных 180 руб. 46 коп. и губернских 72 руб. 18 коп., всего 511 руб. 56 коп.)¹⁹.

Муж Аделаиды Ивановны Синакевич²⁰, статский советник Александр Васильевич Синакевич, кавалер орденов Станислава 2-й и 3-й степени и Анны 2-й 3-й степени, Владимира 4-й степени; в 1893 и 1897 гг. занимал должность Городского Головы; в 1895—1901 гг. возглавлял Городскую Театральную дирекцию. Службу оставил в 1903 г., но продолжал занимать выборные должности, был членом Учетного комитета Пермского отделения Государственного банка; комиссии по разбору и призрению нищих в Перми; Пермского Окружного правления Императорского Российского Об-ва спасения на водах²¹.

Синакевичу принадлежало недвижимое имущество: каменный двухэтажный дом в Ирбите, двухэтажный деревянный дом в Перми; на его жену был записан каменный трехэтажный дом в Перми на Сибирской улице, в первом этаже которого располагались лучшие магазины в городе, а на втором находилась частная гимназия Барбатенко. Синакевичу принадлежал кирпичный завод за Сибирской заставой, на котором было занято до 100 человек рабочих. В период с 15 мая по 1 августа 1903 г. кирпичный завод Синакевича выработал около 2 млн. штук кирпича²².

В 1903 г., оценка недвижимого имущества, принадлежащего *Синакевич Алек. Васил.* (проверенная городской управой по возражению домовладельца на раскладку налогов с недвижимого имущества, на основании инструкции утвержденной Городской думой 21-22 мая 1898 г.) была уменьшена с 15690 руб. (1902 г.) до 15320 руб.²³.

В 1904 г., оценка недвижимого имущества, принадлежащего *Синакевич Аделаиде Ивановне*, была увеличена более чем в 2 раза, вследствие вновь возведенных построек и увеличившейся доходности домовладения с 15320 руб. (1903 г.) до 39400 руб.²⁴

В 1910 г. недвижимое имущество в 1-й части г. Перми в 109 квартале на углу улиц Пермской и Сибирской, 62/21 принадлежало *Синакевич Аделаиде Ивановне* и было оценено городской управой для взимания сборов с недвижимого имущества в 1910 г. в 39400 руб., в 1911 г. оценка домовладения была увеличена до 44410 руб.²⁵.

В 1912 г. домовладение в 1-й части Перми на углу улиц Пермской и Сибирской, 62/21 числилось за *Синакевич*; домовладение оценено городской управой в 44410 руб., стоимость вывозки нечистот — 300 руб., стоимость спуска в канализационную сеть — 888 руб.²⁶.

В 1917 гг. домовладение в 109 квартале г. Перми на углу улиц Пермской и Сибирской, № 62/21 принадлежало *Синакевич Александру Васильевичу*, статскому советнику и было оценено городской управой в 44410 руб.; ему же в Перми принадлежали домовладения на углу Кунгурской и Петропавловской улиц, № 15/51 с оценкой 52310 руб. и на углу Екатерининской, Обвинской и Вознесенской, № 51²/26/30 с оценкой в 2780 руб.; общая оценка его домовладений составляла 99500 руб.²⁷

Первый этаж здания на углу улиц Пермской и Сибирской, № 62/21 сдавался внаем под магазины и коммерческие учреждения: в 1907 г. в доме Синакевича снимал помещение под один из первых кинотеатров в Перми «Театр Биоскоп» французского инженера Д'Аго; магазин готового платья и модной мастерской С.М. Бруштейн; граверное заведение и продажа золотых и серебряных изделий М.П. Добрио; в одном из помещений помещался магазин «А.В. Синакевич Магазин

1-й, канцелярские и чертежные принадлежности, материалы для работы цветов, альбомы для фотографий и открытых писем, туалетные вещи, багет, терракотовые изделия, вятские изделия из дерева и Уральские каменные и чугунные изделия»²⁸.

Краткий очерк истории гимназии Барбатенко

В здании на углу улиц Пермской и Сибирской, № 62/21 снимала квартиру частная женская гимназия Л.В. Барбатенко. История этого частного учебного заведения начинается 31 мая 1901 г., когда Л.В. Барбатенко получила от Попечителя Оренбургского учебного округа разрешение на открытие учебного заведения 2-го разряда по курсу пяти первых классов женской гимназии с приготовительным классом и пансионом. 16 августа 1901 г. был объявлен прием детей в это учебное заведение²⁹. 20 августа 1903 г. Л.В. Барбатенко получила разрешение от Попечителя Оренбургского учебного округа на преобразование ее учебного заведения в гимназию с правами гимназии Министерства Народного просвещения. И наконец, 5 ноября 1903 г. частное учебное заведение Барбатенко было преобразовано в гимназию³⁰.

8 ноября 1913 г. Попечительский совет гимназии Барбатенко обратился в городскую управу с просьбой об отводе для строительства здания гимназии участка городской земли: «Постройка собственного здания вызывается необходимостью, т.к. занимаемое ныне помещение в доме г-жи Синакевич, не смотря на высокую арендную плату, далеко не достаточно: классные комнаты малы, коридоры узки, не имеется отдельных помещений для библиотеки, физического кабинета, санитарно-гигиенические условия не удовлетворительны; занимаемое гимназией здание при постройке не предназначалось для учебного заведения, последующие же приспособления его для гимназии не могли устранить всех недостатков»³¹.

В прошении Попечительский Совет указал, что для размещения гимназии «более соответствующего помещения в городе не было, и нет в настоящее время». Попечительский Совет гимназии не неоднократно принимали меры к разрешению вопроса о сооружении особого здания гимназии. Летом 1910 г. Совет гимназии вел переговоры с Попечительством Императрицы Марии Федоровны о постройке здания гимназии на одном из участков, принадлежащих попечительству по ул. Пермской; в том же году велись переговоры и с Городским Управлением о постройке здания на городской земле. При этом предполагалось необходимый для постройки капитал достать в ссуду за небольшой процент с пожертвованием десятой части его городу. К сожалению, эти попытки не дали результатов³².

30 декабря 1913 г. Городская управа представила в думу доклад «Об отводе мест под постройку зданий для средних учебных заведений, содержимых частными лицами». Попечительные Советы существовавших в Перми частных учебных заведений: женской гимназий Л.В. Барбатенко и женской прогимназии А.И. Дрекслер-Голынец, а также мужской гимназии Циммерман, в виду дороговизны и отсутствия в городе для найма удовлетворительных для учебных заведений помещений, обратились в Городскую управу с ходатайством об отводе им усадебных мест для постройки зданий. В отношении отвода усадеб управа указала свободные и подходящие для этого городские места: для гимназии Барбатенко в квартале № 98, на углу Пермской и Биармской улиц, мерой 1180 кв. саж.; для прогимназии Дрекслер-Голынец в квартале 135 по Осинской улице, между усадьбами назначенными под ломбард и коммерческое училище, мерой 999 кв. саж. и для гимназии Циммерман — в квартале № 170 на углу Оханской и Ильинской улиц, мерой 1211 кв. саж.³³ В 1913—1914 гг. по докладу управы и городского землемера об отводе места для частной женской гимназии Л.В. Барбатенко в 3-й части города Перми, около Женского монастыря³⁴ дума постановила выделить под строительство здания гимназии Л.В. Барбатенко усадебное место в 98 квартале на углу Пермской (длиной 41,4 саж.) и Биармской (длиной 28,8 саж.) улиц³⁵.

Однако этот землеотвод не устраивал руководство гимназии. 17 февраля 1914 г. Л.В. Барбатенко заявила, что «место, отведенное для гимназии, находится вне того района, к которому относится контингент учащихся в моей гимназии, а также в виду того, что та часть, в которой отведено место для гимназии, еще очень слабо населена и рассчитывать на достаточный комплект учащихся не возможно». Барбатенко просила управу «дать гимназии участок земли в местности, лежащей не так далеко от центра». 20 февраля 1914 г. дума, повторно рассмотрев ходатайство, Барбатенко постановила: «отвести ... место по Вознесенской улице в квартале № 124, рядом с вновь строящейся Суслинской городской школой, мерой по улице 122 саж. и вглубь 33S саж.»³⁶ и одобрила, составленный городским землемером И. Ткаль «План городского усадебного места, находящийся во 2 части Перми в 124 квартале, назначенный под постройку частной женской гимназии Любовь Васильевны Барбатенко»³⁷.

20 июня 1914 г. Л.В. Барбатенко по поручению Попечительского Совета поблагодарила думу, за произведенный землеотвод и изъявила от себя лично «искреннюю благодарность городскому самоуправлению за всегдашнее его в течение 13-ти летнего существования гимназии благожелательное отношение к учрежденному мною учебному заведению»³⁸.

Место для гимназии было отведено, можно было начинать строительство, но в связи с началом мировой войны, строительство здания осуществить не удалось. Более того, в конце 1917 г., в связи с нарастающим финансовым кризисом «Министерство народного Просвещения отказало частным гимназиям в выдаче военных прибавок». Тяжелое финансовое положение гимназии заставило Л.В. Барбатенко обратиться в Городскую управу с просьбой об ассигновании военной прибавки преподавателям: «Жизнь дорожает с каждым днем, скудного добываемого тяжелым трудом, заработка учителю не хватает. Наша гимназия платит за годовой урок в старших классах 75 руб., что при 30 недельных уроках дает всего 2250 руб. в год, т.е. 187 руб. в месяц. Это максимальный заработок. Обращаюсь с покорнейшей просьбой к Пермской городской думе об ассигновании для выдачи в этом же 1917 году ... хотя такой части, которая городская дума найдет возможным»³⁹. К прошению были приложены «Расчет военных прибавок преподавателям и сотрудникам гимназии всего на 39 человек с общей суммой 11893 руб. 50 коп.⁴⁰ и «Смета прихода и расхода Пермской женской гимназии Л.В. Барбатенко» с указанием суммы получаемого годового дохода 46178 руб., предполагаемых расходов на содержание гимназии 58272 руб. и дефицита, составляющего 12094 руб.⁴¹. 5 декабря 1917 г. в заседании Педагогического Совета группа преподавателей предъявила Начальнице гимназии Л.В. Барбатенко требование об увеличении жалованья⁴².

12 января 1918 г. в культурно-просветительной комиссии Пермской городской думы (в которую входила и г-жа Барбатенко⁴³) обсуждался проект положения «О городском комитете по народному образованию при Пермской городской думе». При Городском общественном управлении был задуман Городской Комитет по Народному образованию. На него возлагалось строительство, общее руководство и заведывание всем делом народного образования: дошкольного, школьного и внешкольного как общего, так и профессионального в городе Перми. Комитет, который задумывался, как широкая общественная организация, в самом начале его создания оказался нежизнеспособным⁴⁴.

В начале 1918 г., в момент захвата всей власти на территории Перми и губернии в руки Советов и ликвидации земских и городских учреждений, Комитет оказался фактически устранен от реальной деятельности. Вся полнота власти в деле реорганизации народного просвещения перешла в руки отделов народного образования Советов.

В опубликованном «Списке муниципализированных домовладений» домовладение на углу улиц Пермской и Сибирской, № 62/21 были муниципализированы у товарищества «Проводник» (у Синакевича) согласно Декрету ВЦИК от 20 августа 1918 г.⁴⁵.

Реально муниципализация домовладений у имущих классов произошла намного раньше. Об этом свидетельствуют документы: 5 августа 1918 г. ГорОНО уведомил Школьный Совет гимназии Барбатенко, что помещение гимназии предоставляется на недельный срок под общежитие делегатов, прибывших из Москвы⁴⁶; 7 августа 1918 г. ГорОНО сообщил, что «помещение гимназии и распоряжение им принадлежит Отделу Народного Образования совместно со школьным Советом гимназии, а потому никаких переговоров относительно помещения с бывшими хозяевами не должно быть»⁴⁷.

Согласно отчетам, ежемесячно предоставляемым в Городской Отдел Народного образования известно, что в 1917/1918 уч. году в подготовительной школьной гимназии Л.В. Барбатенко на трех отделениях было 103 учащихся. Всего в гимназии обучалось на подготовительном отделении — 59, в приготовительных классах — 47, в начальных классах с 1 по 7-й — 454, на педагогических курсах 38 и аттестационных курсах — 144, всего 742 человек⁴⁸.

С захватом в конце декабря 1918 г. Перми войсками Временного Сибирского Правительства России и восстановлением деятельности городского и земского общественного самоуправления, Л.В. Барбатенко обратилась к городской думе с просьбой об ассигновании гимназии субсидии в 40 тыс. руб. В ходатайстве она указала, что «новый закон Сибирского правительства берет уплату по штатам педагогического персонала на средства казны, но действие его распространяется лишь на общественные и правительственные учебные заведения. Гимназия Л.В. Барбатенко отличается от общественных учебных заведений лишь тем, что возникла по инициативе одного лица; во всем остальном она ничем не отличается от общественных учебных заведений, т.к. содержится на совместные средства казны, города, губернского и уездного земств». В прошении указывалось, что «Гимназия Л.В. Барбатенко открылась в 1901 г., существует уже 18 лет. Обстоятельства настоящего времени складываются так, что она должна будет прекратить свое существование, если не получит существенной поддержки со стороны Городской Думы и других общественных учреждений»⁴⁹.

6 марта 1919 г. Попечительский Совет гимназии Л.В. Барбатенко обратились к городской думе с просьбой «признать гимназию содержимой на общественные средства»⁵⁰.

В июле 1919 г., в связи с оставлением Перми войсками Временного Сибирского правительства России адмирала А.В. Колчака и эвакуацией учреждений и частных лиц частная женская гимназия Л.В. Барбатенко перестала существовать — как учебное учреждение.

История использования домовладения в советский период

В 1920-е гг. в здании в 109 квартале г. Перми на углу улиц Пермской и Карла Маркса, № 62/21 располагались следующие учреждения: *Окружной Административный Отдел Окрисполкома* (Окружная милиция и Окружной уголовный розыск)⁵¹ и *Пермский отдел Государственного Политического управления* (ОГПУ) при Совете Народных комиссаров⁵².

Окружной Административный отдел (Милиция), — по выражению автора путеводителя по городу Перми В.Е. Чижова, — осуществлял задачи регулирования социальных взаимоотношений граждан: *«Возникающие в повседневной жизни взаимоотношения граждан требуют или их закрепления или прекращения, защиты интересов одних против нарушения другими, наконец, непосредственной охраны безопасности граждан от социально опасных элементов»*. На органы Государственного Политического управления была возложена *«всемерная охрана существующего социального порядка. Пермский отдел этого управления помещается вместе с административным отделом в высоком и обширном здании центральной части ул. К. Маркса. Опираясь на директивы представителя высшей правительственной власти в округе в лице Окрисполкома, эти органы власти бесстрашно выполняют свою задачу. И не простая случайность, что они помещаются под одной крышей, занимают центральную и притом определенно командную позицию в центральной части города»*.

В 1930-е гг., после ликвидации окружных учреждений, органы правопорядка были разделены территориально: *Пермский Межрайонный сектор РК милиции* расположился в здании по ул. Советская, 51 и *Оперсектор ОГПУ* по адресу ул. Пермская, 58⁵³.

Видимо в 1926/1927 гг. постановлением Президиума Пермского горсовета здание на углу улиц Пермская и Карла Маркса, № 62/21, прежде занятое Адмотделом Пермского Окрисполкома было передано в распоряжение *школы-девятилетки № 21*, ранее занимавшей помещение в здании быв. Александровской женской гимназии (бывший дом Дягилевых) на углу улиц Карла Маркса (ныне ул. Сибирской) и Зиновьева (ныне ул. Пушкина).

Краткий очерк истории средней общеобразовательной школы № 21

Согласно годовому отчету за 1925/26 уч. годы, составленному директором школы Н. Марксом 1 июня 1926 г.⁵⁴: Пермская школа девятилетка № 21 была открыта в 1922 году по инициативе группы лиц, объединившихся для открытия школы в Об-во Просвещения». В момент открытия школы «Об-ву пришлось озаботиться зданием, где можно было бы развернуть работу. ГубОНО дало здание бывшей Александровской женской гимназии, которое в это время находилось в разрушенном состоянии. Об-ву пришлось первые свои средства употребить на необходимый ремонт здания, чтобы привести его в состояние пригодное для открытия в нем школы. Об-во имело небольшие средства, составившиеся из добровольных взносов родителей учащихся, и потому не решилось ремонтировать всего здания, а исправило лишь только часть его. Другая часть здания была уступлена университету под Агрофак. Вероятно, во второй половине 1926 г., в Окрисполкоме был решен вопрос о переезде школы № 21 в здание на углу улиц Пермской и Сибирской, занимаемое ранее Административным отделом Окрисполкома и окружным отделом ОГПУ. По сообщению зав. школой № 21: «Здание Адмотделом было запущено до последней возможности, в нем была сделана масса перегородок, отопление находилось в состоянии полной непригодности»⁵⁵.

В январе 1927 г. Президиум Горсовета ассигновал средства на ремонт здания. Начиная ремонт «школа рассчитывала на ту сумму, которую ассигновал на это дело Президиум Горсовета. Однако Комхоз отпускал деньги на ремонт здания «чрезвычайно туго и за все время ... отпущено было только 4250 руб., остальные 750 руб. школой не получены». 7 января 1928 г. Зав. школой Маркс представил в Президиум Пермского Горсовета докладную записку за № 10 «о выплате 750 рублей, ассигнованных на ремонт школы», в которой он сообщил, что невыплата «уже разрешенных денег» тяжело отразилась на бюджете школы, которая должна была прекратить «всякий расход на учебные нужды для того, чтобы покрыть свою задолженность заводу Мотовилиха, который помогал школе в проведении ремонта». Зав. школой подчеркнул, что «Президиуму Горсовета известно насколько малы ассигнования на нужды школы из местного бюджета». 9-11 января 1928 г. постановлением Президиума Горсовета Комхозу было дано распоряжение о выплате задолженной суммы⁵⁶.

Однако деньги в январе 1928 г. по всей видимости, не поступили, и 25 января 1928 г. зав. школой № 21 вторично ходатайствовал в Президиум Пермского Горсовета «об отпуске задержанных 750 руб.» и представил копии смет на произведенный ремонт в здании школы. Кроме

ремонта, указанного в сметах, школе пришлось произвести и «непредвиденный ремонт»: «Адмоддел разморозил водопровод, питающий одну систему отопления (водяную) и на это пришлось затратить 430 руб.». Весь ремонт обошелся школе в 6500-6700 руб. Школе пришлось дополнительно изыскивать средства в сумме от 1500 до 2000 руб. Таким образом, невыплата ассигнованных 750 руб. ставила школу «в безвыходное положение»⁵⁷. К ходатайству были приложены сметы на ремонт здания школы № 21⁵⁸, на ремонт и установку котла⁵⁹ на переоборудование электрического освещения⁶⁰ и на устройство звонков⁶¹.

8 августа 1928 г. зав. школой Маркс сообщил докладной запиской № 708 в Президиум Пермского Горсовета, что «Программами Наркомпроса в курс начального и среднего обучения вводятся занятия по труду (обязательные для школ 1-й, так и 2-й ступеней). Осуществление в школах трудовых процессов задерживалось отсутствием помещения. 30 декабря 1927 г. Рабочий Президиум Пермского Горсовета по ходатайству школы предоставил ей помещения, ранее занятые Дорожным Отделом для организации мастерских»⁶².

Школа нуждалась в специальной комнате для занятий физкультурой, которые проводились в рекреационном зале — «в душном и пыльном помещении после того, как в нем отдыхали 300-400 человек в течение 20-30 минут»⁶³. В школе, где обучалось около 500 учащихся, а площадь раздевалки составляла 29 кв.м., создалось «совершенно катастрофическое положение с раздевалками»: «Вследствие большой скученности одежда учащихся падает на пол и загрязняется, часто происходят потери вещей из раздевалки. Во время отпуска учащихся домой создаются очереди около раздевалки. Одновременно пустить всех в раздевалку невозможно, вследствие тесноты, потому часть учащихся ждет, пока остальные оденутся»⁶⁴.

Все перечисленные недостатки, по мнению администрации школы, происходили от недостатка площади помещений для размещения учебного заведения. Администрация школы предполагала увеличить площадь помещений за счет части помещений клуба «Лото», занимающего три комнаты в здании, принадлежащем школе⁶⁵. 10 августа 1928 г. Президиум Пермского горсовета по вопросу предоставления помещений в доме по ул. К. Маркса, 62/21 школе № 21 постановил: «Оставить вопрос открытым и поручить Горкомхозу, срочно доставить заключение о порядке использования помещения ЛОТО»⁶⁶.

В 1931 г. часть здания (флигель) на углу К. Маркса и Пермской, № 21/62 занимал Пермский лесной техникум Уральского гос. лесобумажного треста⁶⁷. Согласно смете в полуразрушенном крыле здания школы № 21 предстояло произвести ремонтные работы по приспособлению здания под общежитие техникума на сумму 16 тыс. 178 руб. 27

коп.⁶⁸. Отдельно была представлена смета по устройству водопровода и канализации на усадьбе школы № 21 на углу К. Маркса и Пермской⁶⁹ и составлен «Предварительный список основных материалов для устройства парового отопления в общежитии на усадьбе школы № 21»⁷⁰.

В 1933 г. в здании на углу улиц Пермская и Карла Маркса, № 62/21 располагалась *школа ФЗС № 21 и 1-е Отд-е Машиностроительного Рабфака*⁷¹.

В 1940-е гг., в здании на углу улиц Кирова и Карла Маркса, № 23, располагалась *21-я средняя мужская школа*⁷². Раздельное обучение поставило перед советской школой в тот период вопросы, которые раньше не привлекали к себе особого внимания. В учительских коллективах активно обсуждались формы и методы укрепления внутришкольной дисциплины. По сообщению автора статьи «Казенные планы» в *Молотовской 21-й средней мужской школе* — ученики совершали поступки, граничащие с хулиганством, в начале учебного года не проходило дня без чрезвычайных происшествий: то стекла выбили, то электролампочки послужили мишенью для стрелковых упражнений учеников, то оказались перерезанными провода электросети и т.д. На вопрос, в чем причина неблагополучия с дисциплиной в одной из крупнейших мужских школ города? — автор статьи привел факты, свидетельствующие о том, что руководители Горно и Районо недостаточно ответственно подходят к комплектованию школы учителями: за два с половиной месяца 1943/1944 учебного года здесь сменилось 4 завуча, 3 военрука, немало других учителей. Директор школы Шулькин признавал, что дежурства учителей по школе проходят формально, учителя не верят в их эффективность: «Нет у нас сплоченного коллектива, единого фронта борьбы за порядок и дисциплину в школе».

В 1950—1960-е гг., в здании на углу улиц Кирова и Карла Маркса, № 23, находилась средняя школа № 21 и в первом этаже — магазин «Одежда»⁷³.

В 1960-е гг., в средней школе № 21 г. Перми работал литературно-редакторский кружок под руководством учителя литературы В. Пирогова⁷⁴.

В 1970-е гг., в здании на углу улиц Кирова и Карла Маркса, № 23, располагалась *средняя школа № 21 им. Кирова*. В этот период школа смогла освободиться от всех арендаторов: занимавший помещения в первом этаже здания магазин «Дом одежды» переехал по новому адресу ул. К. Маркса, 53. Школа смогла оборудовать помещения вестибюля, пионерской комнаты и школьного гардероба. Складское помещение, находившееся во дворе здания, переоборудовано в мастерскую. В конце 1970-х гг. помещение подвала в главном здании было отремонтировано и в 1980-е гг. здесь открылась столовая, обо-

рудованная как космический корабль. В 1993—1997 гг. в здании школы был произведен капитальный ремонт. Из-за ремонта некоторые классы занимались в других школах, часть кабинетов поменяли местами — библиотеку перевели в 1-й этаж здания бывшего флигеля (пристрой по ул. Кирова) — в связи с тем, что была угроза обрушения перекрытий. Был проведен ремонт фасада главного здания.

14 апреля 1997 г. МОУ «СОШ № 21» было оформлено охранное обязательство на недвижимый памятник истории и культуры Пермского края «Дом А.В. Синакевича с женской гимназией Барбатенко» по ул. К. Маркса, 23 используемый школой под учебные цели. Позднее к охранному обязательству составлена опись предметов охраны ОКН Пермского края «Дом А.В. Синакевича с женской гимназией Барбатенко» по ул. Сибирской, 23.

В настоящее время в здании располагается МОУ «Средняя Общеобразовательная Школа № 21», которая в следующем 2012 г. будет отмечать двойной юбилей: свое 90-летие и 85-летие своего пребывания в здании на углу улиц Кирова и Сибирской.

¹ Памятники истории архитектуры и градостроительства Пермской области. — Т.2. — Памятники истории, архитектуры и искусства. — Пермь: Арабеск, 1993. — С. 53.

² *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. — Изд. 2-е — Пермь: Пушка, 1994. — С. 94.

³ ГАПК. Ф. 35. Оп.1. Д. 12. Л. 14-14об.

⁴ Там же. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 14об.

⁶ Там же. Л. 15об.

⁷ Там же. Л. 15-15об.

⁸ Там же. Л. 26.

⁹ Журнал Пермской городской думы от 31 декабря 1873 г. (№ 18 п. 8). — С. 7-8.

¹⁰ Там же. — С. 9.

¹¹ Там же. — С. 9-10.

¹² Там же. — С. 10.

¹³ Там же. — С. 10-11.

¹⁴ Там же. (№ 18 п. 8). — С. 11.

¹⁵ Там же

¹⁶ Полный адрес домовладельцев губернского города Перми / сост. Г.И. Минеев. — Пермь, 1886. — С. 28.

¹⁷ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 74. Л. 82, 83-83об.

¹⁸ Там же. Л. 82 об.-83.

¹⁹ Список владельцев недвижимых имуществ в г. Перми. (Составлен по сведениям Городской управы на 1 апреля 1898 г.). — Пермь, 1898. — С. 39; Раскладка налогов с недвижимых имуществ жителей города Перми на 1899 год. — Пермь, 1898. — С. 14-15.

²⁰ Александр Васильевич Синакевич. ГАПК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 331. Л. 1-13об.

²¹ Адрес-календарь «Весь город Пермь на 1904 год». — Пермь, 1903. — С. 227, 235; Справочная книга «Вся Пермь на 1911 год». — Пермь: Изд. Мацкевича, 1911. — С. 70.

²² Адрес-календарь «Весь город Пермь на 1904 год». — Пермь, 1903. — С. 500.

²³ Сведение о недвижимых имуществах жителей города Перми, оцененных в 1903 году. — С. 3; Оценочная ведомость недвижимых имуществ жителей г. Перми. 1900 г. // ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 114.

²⁴ Сведение о недвижимых имуществах жителей города Перми, оцененных в 1904 году. — С. 5.

²⁵ Ведомость о городских недвижимых имуществах гор. Перми, подлежащих обложению в 1911 году, налогом и сборами по генеральной оценке, произведенной особой оценочной комиссией, избранной Думой. — Пермь, 1911. — С. 10.

²⁶ Список домовладений, с которых канализационный сбор предполагается взимать в размере 2% с сумм городской оценки недвижимых имений и находящихся в районе канализации 1-й очереди. — Пермь, 1912. — С. 19.

²⁷ Список лиц и учреждений, имеющих на основании ст. 24 Городового Положения, право участия в Городском избирательном собрании для выбора гласных в Пермскую городскую думу на четырехлетний срок с 1917 г. — Пермь, 1917. — С. 49.

²⁸ Справочная книга «Вся Пермь на 1910 год». — Пермь, Изд. Мацкевича, 1910. — С. 14.

²⁹ *Трапезников В.Н.* Летопись города Перми. — Пермь, 1998. — С. 69.

³⁰ Там же. — С. 74.

³¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 251. Л. 48.

³² Там же. Л. 48-48об.

³³ Там же. Л. 40-40об.

³⁴ Там же. Л. 49.

³⁵ Доклады городской управы и городского землемера в городскую думу о составлении плана усадебного места под строительство здания для гимназии Л.В. Барбатенко и планы усадебного места. 21 декабря 1913 — 20 февраля 1914 гг. (ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 234. Л. 16); Дело об отводе городских усадебных мест под строительство зданий для гимназии Барбатенко, Циммерман, Дрекслер-Голынец. 9 ноября 1913 — 29 августа 1919 гг. (ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 251. Л. 195).

³⁶ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 251. Л. 58.

³⁷ Там же. Д. 234. Л.6-6а.

³⁸ Там же. Д. 251. Л. 89.

³⁹ Там же. Л. 96-96об.

⁴⁰ Там же. Л. 97об.-98.

⁴¹ Там же. Л. 101.

⁴² Там же. Л. 99-99об., 100-100об.

⁴³ Список членов культурно-просветительской комиссии. 15 сентября 1917 г. (ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 335. Л.1).

⁴⁴ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 335. Л. 43-43об., 44.

⁴⁵ Список муниципализированных домов гор. Перми // Жилищный вопрос. — Пермь, Изд. Пермского Коммун. хоз-ва, 1923. — С. 50.

⁴⁶ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 251. Л. 121.

⁴⁷ Там же. Л. 122.

⁴⁸ Там же. Л. 126, 132.

⁴⁹ Там же. Л. 176-179.

⁵⁰ Там же. Л. 180.

⁵¹ Вся Пермь 1925 год: справочное издание: указ. правительствен., государств. учрежд., синдикатов, трестов, кооперативов и фабр.-завод. предприятий. — Пермь: Изд. при Быт. Ком. при Пермск. Окр. ОГПУ, 1925. — С. 79; Адресный указатель справочник по г. Перми на 1926 год: составлен по сведениям, доставленным учреждениями и организациями до 15 августа 1926 г. Прил. к книге «Гор. Пермь». — С. 5.

⁵² Чижов В.Е. Пермь в экскурсиях: опыт изучения города экскурсионным методом: справочник для руководителей приезжих экскурсий, экскурсантов и туристов. — Пермь: Пермская Окр. Экскурсионная станция, 1926. — С. 51, 50-51.

⁵³ Справочник города Перми. — Пермь: Изд. Пермского Межрайон. сектора РК Милиции, 1933. — С. 6.

⁵⁴ ГАПК. Ф. р-118. Оп. 1. Д. 551. Л. 12-55об.

⁵⁵ ГАПК. Ф. р-38. Оп.1. Д. 745. Л. 101-101об.

⁵⁶ Там же. Л. 101.

⁵⁷ Там же. Л. 99.

⁵⁸ Там же. Л. 103, 104-104об., 108.

⁵⁹ Там же. Л. 105.

⁶⁰ Там же. Л. 106.

⁶¹ Там же. Л. 107.

⁶² Там же. Л. 103.

⁶³ Там же. Л. 104-104об.

⁶⁴ Там же. Л. 108.

⁶⁵ Там же. Л. 102, 105.

⁶⁶ Там же. Л. 97-97 об.

⁶⁷ ГАПК. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 71. Л. 16.

⁶⁸ Там же. Л. 25-33.

⁶⁹ Там же. Л. 17-21.

⁷⁰ Там же. Л. 22-23.

⁷¹ Справочник города Перми. — Пермь: Изд. Пермского Межрайон. сектора РК Милиции, 1933. — С. 38, 40.

⁷² Пилиповский Я. Казенные планы: (За культуру и дисциплину в школе. Настойчиво внедрять «Правила для учащихся» в повседневную жизнь школы) // Учительская газета. — 1943. — 1 дек.

⁷³ Пермь: краткий справочник улиц, учреждений, предприятий и транспорта по состоянию на 1 октября 1959 года. — Пермь: Изд. Звезда, 1959. — С. 216, 270

⁷⁴ Пирогов В. Когда все увлечены: (из опыта работы лит.-ред. кружка в средн. шк. № 21 г. Перми) // Учительская газета. — 1960. — 4 дек.

ЗДАНИЕ СУСЛИНСКОГО УЧИЛИЩА (ул. Луначарского, 74)

9 января 1910 г. Пермская городская дума приняла план обеспечения городских начальных училищ, получающих содержание от города, специально построенными школьными зданиями. Согласно этому плану предстояло ежегодно в течение предстоящих пяти лет возводить по одному школьному зданию вчерне и оканчивать возведенное в предыдущем году¹.

Вкратце о предыстории принятия этого грандиозного по меркам губернского города Перми плана школьного строительства.

21 сентября 1908 г. в Перми было заложено каменное двухэтажное здание для городского начального училища за Сибирской заставой. В основании фундамента здания установили памятную табличку о том, что строительство началось «при управлении губернией и.д. пермского губернатора в звании камер-юнкера двора Его Величества коллежского советника А.В. Болотова. при пермском городском голове купце П.А. Рябинине, директоре народных училищ Пермской губернии действительном статском советнике А.П. Раменском. Сооружается Пермским городским общественным управлением по проекту и под наблюдением городского архитектора гражданского инженера, коллежского советника В.В. Попатенко»².

Однако средств на достройку здания не хватало. Городская управа, имея в виду, что в законодательных сферах был уже предрешен вопрос об образовании особого по государственной смете фонда на школьное строительство, возбудила ходатайство о пособии на достройку этого здания. 10 июня 1909 г. городская управа сообщила Попечителю Оренбургского учебного округа о том, что «ввиду отсутствия в Перми зданий, отвечающих требованиям помещения в них начальных народных училищ в частных домах, Городское Управление приняло постройку особого здания для помещения в нем двух начальных училищ по прилагаемому плану. В 1908 г. произведена закладка здания, но к дальнейшей постройке Городская управа приступить не имеет возможности, за положительным отсутствием средств, причем это отсутствие грозит сделаться хроническим».

Городская управа сообщила, что здание по смете будет стоить 41.000 руб., в счет коих на работы и заготовку материалов израсходовано городом 6690 руб. При этом «отсутствие помещений в городе служит существенным препятствием развитию школьного образования, и если количество школ в городе доведено Городским управлением до

нормального, то в отношении качественном они, к сожалению, оставляют желать многого в смысле удовлетворенности их помещений. Проектируя постройку здания городских начальных школ, Городское управление смотрит на это дело лишь как на шаг в дальнейшем пути к постановке школьного дела на надлежащую высоту»³.

17 августа 1909 г. Департамент народного просвещения сообщил для сведения городских и уездных земских управ о Высочайше утвержденном 22 июня 1909 г.⁴: 1) закона об образовании при Министерстве Народного просвещения школьно-строительного фонда и об установлении правил о выдаче пособий из средств государственного казначейства на школьно-строительные надобности начальных училищ ведомства МНП; 2) положение о школьно-строительном фонде МНП и 3) правила о выдаче пособий из казны на школьно-строительные надобности начальных училищ ведомства МНП. Департамент также сообщил, что назначение пособий на дело школьного строительства с настоящего времени будет производиться Министерством в соответствии с новыми законоположениями.

Согласно закону от 22 июня 1909 г. для выдачи ссуд на школьно-строительные надобности при Министерстве народного просвещения создавался школьно-строительный фонд, с причислением его к специальным средствам МНП. В 1909 г. из средств государственного казначейства на школьно-строительные надобности было запланировано к выдаче 1 млн. руб. Размер кредитов, потребных в последующие годы определялся, начиная с 1910 г., в сметном порядке. Ввиду этого появилась необходимость в получении от всех местных учреждений, ходатайствующих о назначении им пособий, дополнительных сведений: 1) о примерных предположениях земства или города о плане школьного строительства в связи с созданием школьной сети всеобщего обучения; 2) сведений о пособиях и 3) сведений о ссудах, испрашиваемых на постройку, расширение или покупку школьных зданий.

Примерные предположения о плане школьного строительства нужны были Министерству для определения предстоящего объема средств на из сумм государственного казначейства для ежегодного внесения кредитов в свою смету. Сведения о пособиях и ссудах на каждый год и по каждой постройке необходимы были для точного определения нужд данного уезда или города и для ежегодного распределения, отпущенного в распоряжение Министерства на удовлетворение школьно-строительных нужд кредита. Сметы, по утверждению их земскими собраниями или городскими думами, должны были быть представлены установленным порядком, в видах своевременного и планомерного распределения кредитов.

8 января 1910 г. Пермская городская дума, ввиду Высочайше утвержденным 22 июня 1909 г. «Положения о школьно-строительном фонде» и «Правил о пособиях на постройку школьных зданий», утвердила выработанный управой при содействии школьной комиссии «План предстоящего школьного строительства в Перми» и уполномочила городскую управу возбудить перед Министерством ходатайство: 1) о назначении городу Перми пособия на постройку школьных зданий на 1910 год в размере 10 тыс. руб. и б) о выдаче городу ссуды в размере 14700 руб., а также уполномочила дать обязательство, что «сооружаемые при содействии Правительства школьные здания будут служить исключительно для надобностей народного просвещения, и будут страховаться и ремонтироваться на местные средства»⁵.

14 января 1910 г. городская управа направила ходатайство в Министерство народного просвещения, сообщив, что: 1) Все начальные училища в г. Перми вошли в городскую школьную сеть, и идея всеобщего обучения признана училищным Советом осуществленной в городе Перми и школьная сеть одобрена Министерством. 2) Требуемое законом обязательство, что освобождающиеся за принятием на счет казны содержания учительского персонала, средства будут обязательно вноситься в смету городских доходов и употребляться исключительно на школьное строительство, выражено городской думой 15 октября 1908 г.

3) Все содержимые на средства города начальные народные училища помещаются ныне в наемных зданиях, по большей части тесных и неудобных, почему постройка специальных школьных зданий есть настоятельная потребность. 4) Пермское городское общественное управление никогда не останавливалось перед расходами на народное образование, о чем свидетельствуют примеры: общая сумма расходов на образование в 1910 г. достигла 79.050 руб. или 16% всех городских расходов. В означенной сумме расходов на народное образование специально на развитие низшего и начального народного образования было предназначено 42.600 руб. и кроме того, с начала учебного года предполагалось открытие еще одного трехкомплектного училища, в виду тесноты и переполненности существующих школ⁶.

До 1910 г. в Перми Городским управлением было построено в 1904 г. двухэтажное каменное здание для шестикомплектного Александровского одноклассного училища № 2 по школьной сети. Препятствием для дальнейшей постройке школьных зданий стало «весьма стесненное и даже безвыходное в последние годы финансовое положение города, вследствие чрезмерного возрастания расходов по некоторым статьям, как напр., на содержание полиции, войск, и др.». С изданием закона от 22 июня 1909 г. у города появилась надежда на

надлежащую постановку в Перми дела начального народного образования и постройку специальных школьных зданий. С этой целью был выработан план школьного строительства при пособии от казны для постройки зданий для всех существующих в городе школ⁷.

10 января 1910 г. план городского школьного строительства и план школьных зданий были рассмотрены Пермским уездным училищным советом.

Городская управа просила Училищный совет представить заключение по строительной смете и о том насколько план построек и избранные для них места отвечают правилам о школьных помещениях? Городская управа сообщила свой план школьного строительства: «если будет дана из казны ссуда и пособие, приступить к производству начатой постройки на площади за Сибирской заставой для Ольгинского VI-го мужского и VIII-го женского училищ; в 1911 г., кроме окончания постройки Ольгинского училища, приступить к постройке нового здания на углу Малой Ямской и Обвинской улиц для V-го и VI-го Нассоновского женских училищ; в 1912 г. приступить к постройке одноэтажного каменного здания на Заимке по Кожевенной улице для Гоголевского училища; в 1913 г. — двухэтажного каменного здания на углу Вознесенской и Далматовской улиц для VIII-го мужского Суслинского и VII-го женского училищ; в 1914 г. — на углу Покровской и Чердынской улиц для IX-го мужского Алексеевского и X-го мужского Стефановского училищ; наконец в 1915-1916 гг. расширить существующее Александровское училище на три комплекта». Все здания предполагалось строить каменными по плану, составленному по указаниям архитектора Оренбургского учебного округа В. Чаплина, а также по эскизу плана Технико-Строительного комитета МВД.

Училищный Совет при экспертизе плана городского школьного строительства опирался на «Руководство по исполнению санитарных требований при составлении проектов на устройство зданий средних учебных заведений Министерства Народного просвещения», одобренное Министром Народного просвещения 26 июля 1907 г. Согласно отчетам инспектора Народных училищ Пермского уезда за последние 5-6 лет и по данным школьной сети города Перми, идея всеобщего обучения в городе «уже давно считается удовлетворенной; но, тем не менее, за последние годы в городе продолжали открываться новые училища, в силу того, что с быстрым ростом города и увеличением народонаселения, увеличивалось и число детей школьного возраста». Поэтому постройка новых просторных зданий и расширение существующих была призвана «служить на более или менее продолжительное время альтернативой открытию новых школ».

Места, назначенные для постройки зданий начальных училищ, были признаны удовлетворительными как находящиеся в «сухих и возвышенных частях города», расположенные поблизости «от местонахождения настоящих школ и притом в районах, населенных преимущественно бедным людом, наиболее нуждающимся в получении начального образования». Пребывание в одном школьном здании двух училищ мужского и женского (в разных этажах) было признано удобным тем, что «помимо экономии в расходовании строительных сумм зараз, в одном и том же районе, удовлетворяет потребность в начальном образовании детей обоего пола. Составителем плана совместных для мужских и женских училищ школьных зданий было предусмотрено, чтобы входы и выходы в то и другое училище были устроены совершенно отдельно. Высоких зданий, затеняющих классные комнаты, а также фабрик, заводов и других заведений, портящих воздух, вблизи сооружаемых школьных зданий не имелось. На каждом из отведенных городом мест, был предусмотрен просторный: двор, где можно устроить площадку для игр и гимнастики и развести сад.

Училищный совет нашел, что все санитарно-технические условия постройки зданий, относительно плана и устройства зданий, классных комнат, отопления, вентиляции, клозетов и размеров других помещений (лестницы, раздевальная комната, рекреационный коридор и квартир учащихся) составителем плана соблюдены. Намерение городской управы строить все школьные здания каменными Совет признал вполне целесообразным, в виду того, что «каменные постройки более прочны и долговечны, и менее нуждаются в ремонте сравнительно с деревянными», а смету, составленную на их постройку, нашел «умеренной».

Сознавая полную необходимость для города Перми постройки «гигиеничных просторных зданий начальных училищ» и поддерживая «благое начинание Пермского городского общественного управления осуществлять в дальнейшем идею всеобщего обучения в городе», Пермский уездный училищный Совет поддержал ходатайство городского общественного управления об отпуске пособия и ссуды на постройку школьных зданий⁸.

Согласно этому плану в городе Перми предполагалось строить в течение 5-ти лет ежегодно, начиная с 1910 по 1915 гг., пять новых двухэтажных каменных зданий, для помещения в них в каждом по два трехкомплектных училища, и расширить здание Александровского училища еще на три комплекта. План школьного здания был принят по указаниям Окружного архитектора Оренбургского Учебного Округа и по эскизу Строительно-Технического комитета МВД. По

плану школы были распределены на всей городской территории, по возможности так чтобы в каждом районе города была своя школа. Строительство школ происходило на городских свободных от застройки территориях, ценность которых была определена до 10 тыс. руб. каждый по существующим продажным ценам. Вокруг каждой школы предполагалось разбить цветник и сад, так чтобы школы служили не только местом обучения, но воспитания детей. Соединение в одном здании мужского и женского училищ, при полном их внутреннем разобщении (в нижнем и верхнем этаже с самостоятельными входами), достигало цели приближения школы данного района к детям обоего пола⁹.

В 1910—1912 гг., согласно этим планам, Пермским городским управлением были построены здания для двух трехкомплектных училищ Ольгинского мужского и VIII-го женского училищ, Алексеевского мужского и Нассоновского женского училищ, начато строительство Стефановского мужского и V-го женского училищ и предполагалось начать строительство здания для VIII-го мужского и VII-го женского училищ на углу улиц Долматовской и Вознесенской¹⁰. 2 ноября 1912 г. Городская управа сообщила Инспектору народных училищ о том, что постройка здания для VIII-го мужского и VII-го женского училищ предполагается на углу улиц Долматовской и Вознесенской. Проект здания нового училища предполагался «по тому же плану, по которому были построены здания для Ольгинского, Нассоновского и Стефановского училищ». Ввиду того, что в здании предполагалось устроить центральное водяное отопление с вентиляцией на сумму 6400 руб., общая сметная стоимость здания была определена в 59310 руб.¹¹ 12 ноября 1912 г. представляя ходатайство на имя Министра Народного Просвещения о назначении городу Перми единовременного пособия в 8 тыс. руб. и ссуды на 20 лет в 40 тыс. руб. на постройку в Перми каменного шестикомплектного училищного здания, Городская управа просила Пермского губернатора о направлении «такового по принадлежности с благоприятным в пользу его заключением»¹².

16 октября 1913 г. городская управа представила на обсуждение думы доклад «О полномочии городской управы на возбуждении ходатайства перед Министром народного просвещения относительно назначения городскому управлению пособия и ссуды на школьное строительство в 1914 году». Согласно утвержденному городской думы 8 января 1910 г. плану школьного строительства городского управления на шесть лет для постройки вновь пяти школьных зданий и расширению, в последующем Александровского училища, с целью обеспечения всех содержимых на средства города начальных училищ специально построенными и удобными школьными по-

мещениями за период с 1911 по 1913 гг. каждый год возводилось по одному двухэтажному зданию для двух трехкомплектных училищ — одного мужского и одного женского, из них были построены и открыты три, а четвертое на углу Вознесенской и Далматовской улиц к осени 1913 г. было построено вчерне и предполагалось к завершению в 1914 г. По общему плану оставалось построить здание для Гоголевского училища на Заимке и расширить здание Александровского училища на Слудской площади.

Однако в 1913 г. «за обеспечением Гоголевского училища помещением, в отведенном Н.В. Мешковым здании бывшего Алафузовского завода, специально приспособленном им под училище, надобность в постройке здания для училища миновала». 14 октября 1913 г. на совещании городской управы совместно с инспектором народных училищ по вопросу о достаточности числа училищ в городе была выяснена потребность в постройке «еще одного здания для помещения еще одного мужского и одного женского училищ в местности около женского монастыря, в целях приближения школы к учащимся, т.к. в этой местности близко нет училищ». Ввиду этого Городская управа предложила на обсуждение думы вопрос о постройке вместо здания Гоголевского училища и вместо расширения еще на три комплекта существующего на Слудской площади шестикомплектного Александровского училища, построить по Покровской улице, на площади около женского монастыря одно двухэтажное здание для двух трехкомплектных училищ — одного мужского и одного женского, по типу уже построенных четырех зданий. Открытие в этой местности мужского и женского училищ по мысли управы должно было более удовлетворить потребности, чем расширение шестикомплектного Александровского училища в девятикомплектное». При этом было заявлено, что «здание следует строить каменное, по тому же плану, как и возводимое ныне на углу Вознесенской и Далматовской улиц под Суслинское училище, с центральным водяным отоплением, стоимостью по смете 60 тыс. руб.»¹³.

19 мая 1913 г. на углу улиц Далматовской и Вознесенской, № 54/74 для помещения двух городских учреждений народного образования VIII-го мужского и VII-го женского училищ было начато строительство кирпичного здания. При закладке здания присутствовали директор Народных училищ Пермской губернии действительный статский советник Алексей Пахомович Раменский и городской голова коллежский советник Павел Александрович Рябинин. Здание сооружалось на средства городского общества под наблюдением и по проекту пермского городского архитектора гражданского инженера Ивана Ивановича Бенды¹⁴.

Согласно докладу Городской управы, VIII-е мужское начальное училище было учреждено в 1903 г., и после смерти Ивана Николаевича Суслина, бывшего городским головой в 1891—1893 и 1898—1905 гг. было названо его именем¹⁵.

К 3 сентября 1914 г., специально для размещения училища было построено здание на городском месте на углу улиц Долматовской и Вознесенской¹⁶. В связи, с началом I-й Мировой войны новое здание Суслинского училища было приспособлено под городскую лазарет для заразных больных на 170 человек¹⁷. В 1925 г. здание бывшего VIII-го мужского начального училища им. Суслина по ул. Луначарского, 50 было занято школой-семилеткой № 7, зав. школой Эльфман А.К.¹⁸ В 1933 г. в школе был открыт 8-й класс, в 1937 г. в школе состоялся выпуск 10-го класса. К началу 1963 г. школу закончили более полутора тысяч человек. Школа стала 11-ти летней, ее здание было расширено пристроем по ул. Попова. Школа получила много новых кабинетов и большой актовый зал¹⁹.

20 мая 1993 г. здание по ул. Луначарского, 74, было принято на государственный учет решением Малого Совета Пермского Облсовета № 683 как памятник истории Пермской области «Здание женского начального училища» (1912—1916 гг., архитектор В.В. Попатенко)²⁰.

В связи с этим предлагается восстановить историческую справедливость и внести изменение в название памятника, даты строительства и имени архитектора, по проекту которого было построено здание по адресу ул. Луначарского, 74: «Здание VIII-го мужского начального училища им. И.Н. Суслина» (1912—1914 гг., арх. И.И. Бенда)».

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 227. Л. 5.

² ГАПК. Ф. 35. Оп.1. Д. 182. Л. 5.

³ Там же. Л. 24-24об.

⁴ Там же. Л. 26-26об., 27; 28-28об., 29-42об., 43-44об.

⁵ Там же. Л. 79.

⁶ Там же. Л. 79-79об.

⁷ Там же. Л. 80.

⁸ Там же. Д. 227. Л. 14-14 об., 15-15об.

⁹ Там же. Д. 182. Л. 80-80об.

¹⁰ Там же. Д. 227. Л. 9.

¹² Там же. Л. 7.

¹³ Там же. Л. 10-10об.

¹⁴ Трапезников В.Н. Летопись города Перми. — Пермь, 1998. — С. 102; Дело о строительстве здания для VIII мужского Суслинского и VII женского училища. 23 октября 1912 — 21 июля 1916 г. (ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 227. Л. 5об.).

¹⁵ Суслин Иван Николаевич // Пермские градоначальники: сб. статей. — Пермь, 2008. — С. 69-70; *Спешилова Е.А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. — Пермь: Курсив, 1999. — С. 462-463.

¹⁶ ГАПК. Ф. 35. Оп.1. Д. 311. л. 2; Д. 227. Л. 73.

¹⁷ Там же. Д. 227. Л. 74-86; Д. 247. Л. 408-408об., 409, 410-411.

¹⁸ Вся Пермь. 1925 год: справочное изд.: указатель правительств., государств. учреждений, синдикатов, трестов, кооперативов и фабр.-завод. предприятий. — Пермь: Изд. быт. ком. при Пермском Окр. ОГПУ. — С. 29.

¹⁹ *Минеева С.* Школе — 50! // Молодая гвардия. — 1963. — 22 марта.

²⁰ Памятники истории и культуры Пермской области. — Т.2: Памятники истории, архитектуры и искусства. — Пермь: Арабеск, 1993. — С. 16; Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. — Пермь: Пушка, 2001. — С. 122.

**ИКОНОПИСНАЯ МАСТЕРСКАЯ МАМАЕВА
(ул. Орджоникидзе, 90)**

В 1799 г. после создания самостоятельной Пермской епархии процесс культового строительства в Перми и связанного с ним иконописания и резного мастерства получил новый импульс. В холодном Спасо-Преображенском кафедральном соборе, начатом строительством в 1797 г. и освященном в 1819 г., был установлен барочный иконостас XVIII века, перевезенный из Пыскорского монастыря и поновленный в Перми. В 1820 г. был освящен теплый храм — во имя Стефана Великопермского, находящийся с восточной стороны холодного храма. В нем был размещен иконостас из разноцветного мрамора, сделанный на Горнощитском заводе Екатеринбургского уезда. Заказчиком иконостаса стал пермский вице-губернатор И.М. Борноволоков, предназначавший его для своей сельской церкви. После того как Борноволоков был отдан под суд «за лихоимство», иконостас был zaseквестирован казной. В 1808 г. император Александр I, по ходатайству графа А.С. Строганова, пожертвовал его для строящегося в Перми кафедрального собора. Строганов, со своей стороны пожертвовал для иконостаса иконы, написанные известными художниками Угрюмовым, Егоровым, Шебуевым, Витбергом, Боровиковским и Бессоновым.

20 ноября 1836 г. был освящен «новоустроенной храм Крестовой церкви во имя Святителя Митрофана Епископа Воронежского». Пермская Крестовая церковь, бывшая домовою церковью Пермских иерархов, украшалась ими «приличной живописью», иконами и прочей церковной утварью, которая жертвовалась, как правило, благотворителями. В фондах ГАПК сохранилась переписка 1838—1839 г. Пермского Архиерейского дома с «Почетным гражданином города Шуйска 1-й гильдии купцом Иваном Диомидовичем и братом его Дмитрием Диомидовичем Киселевыми»¹. Из этой переписки известно, что «Пермская Крестовая Святого новоявленного Чудотворца Митрофана Епископа Воронежского церковь благоуукрашена Архиерейской митрой, архиерейской мантией, полным архиерейским облачением, кою по усердию пожертвовали Архипастырю нашему покойные Ваши дед Василей Максимов и родитель Диомид Васильев сын ... покойные ваши дед и родитель от своего усердия присылали к нему св. иконы, когда он был в городе Уфе: святые иконы были писаны иконописцем Алексеем Ивановичем Прихудайловым жителем села Васильевского».

Далее в письме содержится просьба прислать иконы для украшения крестовой церкви работы именно этого мастера. 20 февраля 1839 г., согласно рапорту Правления Архиерейского дома, были получены от «Почетного гражданина Шуйского 1-й гильдии купца Ивана Диомидовича Киселева в крестовую церковь святые иконы всего 20, а какие именно прилагается реестр...» и 20 октября 1839 г. были получены еще 6 икон².

В конце XIX в. развитие иконописного и резного мастерства в Пермском крае привело к появлению многочисленных иконостасных и иконописных мастерских, среди которых наблюдалась определенная конкуренция, отражение которой нашло на страницах епархиальных периодических изданий³.

В Кунгуре находилась «Иконостасная мастерская резных, позолотных и столярных работ русско-византийской и древнегреческой живописи московского мастера Ивана Гавриловича Налетова». Налетов, по его собственным словам, «был нарочно вызван из Москвы в Пермскую и Екатеринбургскую епархии для произведения художественной живописи и иконостасных работ». За отличное исполнение художественной живописи, резьбы и позолоты Налетов приобрел известность, получил официальные аттестаты и одобрительные отзывы от высокопоставленных отцов гражданского и духовного ведомств.

Мастером Налетовым по заказу кунгуряка Сбоева, были написаны иконы Святого Благоверного князя Александра Невского и Марии Магдалины в память избавления от опасности, угрожавшей при крушении императорского поезда 17 октября 1888 г. и преподнесены последним Императору и Императрице для церкви Гатчинского двора. В Пермской и Екатеринбургской епархиях по сообщению самого Налетова, им было украшено до 30 храмов, в Московской и Ярославской епархиях до 10 храмов.

Для потенциальных заказчиков Налетов сообщал, что у него полная иконостасная мастерская и производятся все иконостасные работы: «Живопись резная, позолотная во всех стилях и видах, по требованию доставляю чертежи на новые иконостасы во всех новейших стилях с рисунков известных иконостасных чертежников. Принимаю промывку и чистку старого золочения иконостасов новым химическим способом без повреждения золота и испытанным практикой... [при мастерской имеются] до тысячи всевозможных рисунков и образцов, произведения самых лучших русских профессоров и художников, признанных полезными для церковной живописи и утвержденными Святейшим Синодом. Для изображения икон имею древнейший исторический подлинник, утвержденный Прави-

тельством. Означенного подлинника ни один здешний мастер не имеет. Заказы принимаю письменно и лично на все церковные работы, как-то: живопись, резьбу, позолоту, орнамент и малярные работы. Исполняю: картины на стенах и иконы на дереве, на простых фонах и по золотому чеканному фону на левкасе, на стекле и вечную живопись на зеркалах, по металлу, бархату и шелку, во всех видах, возобновляю старую живопись и, по требованию настоятелей храмов и церковных старост, для произведения смет по работам выезжаю немедленно».

В Перми на углу улиц Пермской и Камышловской, в доме Михаила Баишова находилась живописная мастерская Ивана Андреевича Иконникова. Мастер принимал заказы на различного рода живопись икон, картин, хоругвей, плащаниц, аналоев на бархате, шелке и атласе, а также заказы стенной живописи и орнаментов в стилях: средневековом, романском, готическом, византийском, возрождения и восточном. Иконников поместил свою рекламу, указав, что он «специалист малярных работ, которые могу брать много дешевле других мастеров. Изящно, прочно и дешево; заменяет масляную окраску и не уступает ей прочностью, окрашенное можно мыть чем угодно».

В 1-й части Перми по ул. Петропавловской, рядом с часовней во имя Святого Стефана Пермского, находилась мастерская Д.Н. Сипягина. Мастер принимал заказы на производство работ: столярных, малярных, кровельных, стекольных для церквей, часовен и школ с рассрочкой платежа.

На Сенной площади, в доме Устиновой, помещалась мастерская церковной живописи братьев Уткиных и С.И. Казымова. Мастерская имела медаль за участие в выставке, прошедшую в 1887 г. в Екатеринбурге. Мастерская принимала заказы на писание икон для иконостасов с золочеными фонами чеканенными и обыкновенными в византийском и итальянском стиле; роспись стен картинами и орнаментом; чистку иконостасов, промывку и возобновление старой живописи, а также всевозможные малярные и кровельные работы; золочение и серебрение церковной утвари. Заказы принимались лично, письменно и по приглашению. В случае необходимости заказы обеспечивались залогом.

Во 2-й части Перми по ул. Пермской, 93, помещалась иконописно-живописная мастерская Василия Фаддеевича Швецова. Иконописный мастер Швецов принимал заказы на устройство новых, позолоту старых иконостасов, писание икон, роспись стен и всякую окраску. 27 февраля 1889 г. Василий Фаддеев Швецов заключил «условие» с правлением Пермского архиерейского дома: «1. во всей Крестовой церкви стены и потолок тщательно промыть и окрасить

масляной краской в какой будет указано цвет. Уборку же всю прописать и вновь обновить на 2 потолках: изображение взятие Божьей Матери на небо и в середине крест, окруженный херувимами и 4 ангела в углах. Крест и звезды перезолотить, а фон перекрыть, ангелов прописать. Средний же потолок, изображающий собор Архистратига Михаила и по углам Евангелистов промыть, и если будет нужно покрыть лаком или маслом»⁴.

Неподалеку от Слудской площади, на углу Монастырской и Ирбитской улиц, проживал известный в Перми иконописец пермский мещанин Алексей Николаевич Мамаев. 21 марта 1884 г. Мамаев подал прошение и проект на строительство каменной одноэтажной мастерской для столярных, живописных и золотарных работ с деревянными службами и баней и брандмауэром во 2-й части города Перми на углу улиц Монастырской и Ирбитской. Длина домовладения по улице Монастырской 14 саж и Ирбитской 28 саж. Согласно плану, место Мамаева находилось в 9 квартале по меже с местом крестьянина Распопова.

На плане были обозначены существующие в 1884 г. постройки: 1) деревянный одноэтажный дом на углу Монастырской и Ирбитской, 2) полукаменный двухэтажный флигель фасадом на улицу Монастырскую и в центре усадьбы под лит «А» деревянные ветхие службы и лит. «Б» деревянная баня, предназначенные к сломке. На их месте Мамаев предполагал построить следующие здания: каменную одноэтажную мастерскую, разделенную капитальной каменной стеной на два помещения, обозначенную на плане лит. «А»; деревянные одноэтажные службы, обозначенные на плане лит. «В»; на краю участка деревянную одноэтажную баню лит. «С» и каменный брандмауэр, отделяющий баню от соседнего участка, обозначенный на плане лит. «Д»⁵.

21 сентября 1895 г. Алексей Николаевич Мамаев подал заявление в городскую управу и план на постройку строений во 2-й части г. Перми, на углу Монастырской и Ирбитской улиц, согласованный в 1884 г. городской управой. По плану на его усадьбе значилась деревянная с каменным брандмауэром баня, пришедшая к 1895 г. в ветхость. Мамаев заявил о своем желании отремонтировать баню, а именно: перекрыть крышу железом и заменить ветхие нижние три ряда бревен сруба на новые. 25 сентября 1895 г. городская управа дала разрешение Мамаеву на производство ремонтных работ: смену ветхих венцов сруба и перекрытие крыши железом⁶.

Пермская городская управа регулярно, начиная с конца XIX века, проводила оценку недвижимого имущества для обложения его сборами. Оценка зависела от доходности, то есть учитывалась не только

полезная площадь, но и степень комфортабельности дома, и престижность местоположения участка, а также размер получаемого с имущества дохода (например, от сдачи его в наем). В 1898—1899 гг. домовладение № 88 [номер указан по окладной книге городской управы] во 2-й части города Перми на углу улиц Монастырской и Ирбитской, № 90/5, принадлежало мещанину Мамаеву Алексею Николаевичу. Домовладение Мамаева было оценено городской оценочной комиссией в 1500 руб. и в 1899 г. оценка увеличена до 1707 руб. С домовладения взимались сборы в пользу города, казны, уездного и губернского земств, всего в сумме 55 руб. 61 коп.⁷

25 сентября 1901 г. городская управа разрешила постройку паровой фабрики иконостасных и столярных изделий на участке мещанина А.Н. Мамаева в его доме на углу Монастырской и Ирбитской улиц⁸.

В 1904 г. Алексей Николаевич Мамаев поместил рекламу своего предприятия в Адрес-календаре «Весь город Пермь на 1904 год». В рекламе отражено название и основной профиль деятельности предприятия: «Иконостасная, паркетная и столярно-строительная паровая фабрика Алексея Николаевича Мамаева в Перми на углу Монастырской и Ирбитской улиц. Принимаются заказы на иконостасы, киоты, паркет и столярно-строительные работы»⁹.

Всего в 1904 г. в Перми было зарегистрировано три иконостасные и иконописные мастерские: Киселева Ивана Федоровича, находившаяся по ул. Петропавловской в доме Марьина; Мамаева Алексея Николаевича в собственном доме по ул. Монастырской, и Швецова в собственном доме по ул. Пермской¹⁰. В 1911 г. домовладение в 3-й части города Перми, на углу улиц Монастырской и Ирбитской, № 90/5, принадлежало Вылежанину Ивану Семеновичу, и оценено городской управой в 1910 г. в 3940 руб. и в 1911 г. в 2400 руб.¹¹ Домовладение на углу улиц Трудовой и Ирбитской, № 90/5, было муниципализировано у Вылежанина на основании декрета СНК от 28 марта 1921 г.¹²

В 1930-е гг. по ул. Трудовая, № 90, размещался кинотеатр «Пролетарий»¹³. В 1950—1970-е гг. по ул. Орджоникидзе, № 90, размещался кинотеатр «Победа»¹⁴. В 1990-е гг. кинотеатр «Победа» был переименован в «Аквариум», директором кинотеатра была Трифонова Вера Леонидовна¹⁵.

В настоящее время в здании бывшей иконописной мастерской Мамаева располагается торговый центр «Победа». Одноэтажное каменное здание сохранило свой первоначальный архитектурный декор фасада и является единственной сохранившейся в Перми иконописной мастерской, свидетелем богатой материальной и ду-

ховной культуры города Перми рубежа XIX — XX веков. А потому здание достойно постановки на учет как ценный памятник истории и культуры Пермского края — «Иконостасная и иконописная мастерская Мамаева».

¹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 206. Л. 322-324об., 330-330об., 331.

² Там же. Л. 330-330об., 331.

³ Памятная книжка для духовенства, изданная по случаю 500-летия блаженной кончины Святителя Стефана Епископа Пермского с приложением Адрес-календаря Пермской епархии на 1896 год. / Составил священник Я. Шестаков. — Пермь: Тип. Н-ков П.Ф. Каменского, 1896.

⁴ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 376. Л. 283-283об.

⁵ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 37. Л. 2-3,4.

⁶ Там же. Д. 84. Л. 94-94об., 95.

⁷ Раскладка налогов с недвижимых имуществ жителей города Перми на 1899 год. — Пермь, 1899. — Ч. 2-я. — С. 10-11.

⁸ ГАПК. Ф. 35. Оп.1. Д. 27. Л. 362.

⁹ Адрес календарь «Весь город Пермь на 1904 год». — Пермь: Типо-литография губ. правления, 1903. — С. 32.

¹⁰ То же. — С. 504.

¹¹ Ведомость о городских недвижимых имуществах гор. Перми, подлежащих обложению в 1911 году налогом и сборами по генеральной оценке, произведенной особой оценочной комиссией, избранной Думой. — Пермь, 1911. — Ч. 3-я. — С. 72.

¹² Список муниципализированных домов гор. Перми, утвержденный Президиумом Пермского губисполкома и Главным Управлением Коммунального хозяйства НКВД // Жилищный вопрос. — Пермь: Изд. Пермского Коммун. хоз-ва, 1923. — С. 31.

¹³ Справочник города Перми. — Пермь. Изд. Пермского межрайон. сектора РК милиции, 1933. — С. 31.

¹⁴ Пермь: краткий справочник улиц, предприятий, учреждений и транспорта по состоянию на 1 октября 1959 года. — Пермь: Изд. «Звезда», 1959. — С. 227; Список абонентов Пермской городской абонентской сети. — Пермь: Изд. «Звезда», 1972. — С. 52.

¹⁵ Вся Пермь 1993 год. — Пермь: РИА «Вся Пермь», 1993. — С. 501.

ПЕРМСКОЕ РЕЧНОЕ УЧИЛИЩЕ (ул. А. Матросова, 13)

Пермское речное училище было создано в 1913 г. и помещалось в 3-й части города Перми, в наемном двухэтажном помещении на Слудской площади, в полукаменном доме, принадлежащем А.В. Попову¹. Оно было создано по инициативе Пермского Биржевого Комитета. Биржевым Комитетом еще в 1904 г. возбуждалось перед Министром Путей сообщения ходатайство об открытии в Перми речного училища. В 1909 г. в Министерстве Путей сообщения возник план перевести в Пермь существовавшее в г. Рыбинске речное училище при условии, если Пермское Городское общество и Губернское земство ассигнуют пособие на содержание этого училища до 8000 руб. в год.

Перевод этого училища вызывался, главным образом, тем, что большинство воспитанников этого училища (до 60%) составляли уроженцы Пермской губернии. 7 января 1910 г. Пермский Биржевой Комитет обратился в Городскую управу с предложением об ассигновании средств на перевод и содержание в Перми Рыбинского речного училища следующего содержания²: «Один из народных русских промыслов — судоходство, получил от древних времен на реке Каме широкое распространение, вследствие благоприятных природных условий. Многочисленные реки, вытекая из гор Урала, как напр., Чусовая, Сылва, Колва, Вишера и другие, впадают в Каму и образуют тот путь, по которому ежегодно сотни миллионов пудов различных грузов перевозятся вовнутрь России и к Петербургскому порту.

Могущественным средством для поднятия падающего промысла камского судостроения и судоходства ... явилось бы устройство на Каме речного училища. Находясь, в центре камского судоходства и судостроительства, город Пермь по многим причинам может служить лучшим пунктом для такого училища. В Перми существуют механические фабрики при пермских пушечных заводах, прекрасно оборудованные механические мастерские Пермской железной дороги, производится судостроение на заводах Любимовой и бр. Каменских, могущих служить весьма ценным практическим подспорьем речному училищу.

Кроме того, Пермь находится в богатых природных условиях, ввиду близости к ней огромных уральских лесов и железоделательных производств.

Нужда в речном училище в Перми тем более ощутительна, что город Пермь, к которому тяготеет огромный край верхней Камы с ее притоками, народная масса которого занята судоходным и судостроительным промыслами, отстоит от Нижнего Новгорода в 1400 верст, а от Казани в 910 верст и пользование речными училищами в этих городах для жителей Пермского края затруднительна. Если принять во внимание, что открытие учебного года в речных училищах происходит по окончании навигации, то такая отдаленность Перми от Нижнего и Казани, благодаря отсутствию прямого железнодорожного сообщения, крайне тяжело ложится на учащихся в материальном отношении».

При этом Биржевой Комитет, присовокупил, что «по статистическим данным МПС число служащих на судах жителей Пермской губернии составляет более 2600 человек, и только один Пермский уезд дает таких служащих 1284 человек»³.

Ввиду последнего замечания, городской голова, счел «вполне уместным и справедливым привлечь к участию в расходах на содержание речного училища, кроме Губернского, также и Пермское уездное земство»⁴.

22 января 1910 г. Пермский Биржевой комитет сообщил, что на содержание речного училища Министерством Путей Сообщения ежегодно отпускается 4956 руб., и пособия со стороны города и земства потребуется до 3500 руб. в год⁵.

10 февраля 1910 г. Пермский Биржевой комитет сообщил Городской управе бюджет Рыбинского речного училища 2-го разряда: «Расход на содержание училища, при крайне экономии, составляет 5956 руб. в год, каковая недостача пополняется частными пожертвованиями и взносом платы за право учения: пожертвования пароходств О-ва «Кавказ и Меркурий», Т-ва Бр. Нобель, Бр. Каменские, Цепного пароходства, Т-ва «Русь» и И.П. Ушкова до 350 руб. и платы за право учения по 10 руб. с человека в год — 650 руб. — являются дополнительными». При условии, что в Перми предполагалось открытие училища 1-го разряда, расход на содержание училища достигал 9620 руб., ввиду того, что наем помещения для училища с квартирами для служащих в Перми составлял 2500 руб. Таким образом, к отпускаемым казной 4956 руб. Попечительскому Совету училища необходимо было доплачивать ежегодно до 4700 руб., какую сумму предполагалось получить со стороны городского управления, губернского и уездного земств, а также от частных пожертвований судовладельцев⁶.

7 апреля 1910 г. собрание Пермской городской думы по вопросу об ассигновании средств на содержание Пермского речного

училища, рассмотрев ходатайство Биржевого комитета и доклад Городской Школьной комиссии, которая сочла ходатайство Биржевого комитета «заслуживающим уважения и поддержки» и сочла необходимым открыть в Перми речное училище 1-го разряда в составе 3-х классов. В прениях Гласный А.П. Гаврилов заявил, что проектируемое речное училище будет удовлетворять нужды не судостроения, а судоходства; питомцы этого училища будут обслуживать существующий судоходный промысел, но город Пермь в этом непосредственно не заинтересован. Оканчивающие городские училища выпускники едва ли пойдут в это училище; контингент учащихся по-прежнему будут составлять окончившие курс сельских училищ Слудской и др. волостей. Поэтому А.П. Гаврилов полагал, что будет справедливым назначить от города ассигнование 1000 руб., а остальную сумму должны ассигновать заинтересованные земства и пароходчики, которые, вероятно, не откажут в поддержке этому начинанию. Городская дума постановила: «Назначить постоянное из средств города пособие на содержание речного училища 1-го разряда, если таковое будет учреждено в Перми, в размере 1000 руб. ежегодно; в случае перевода сюда речного училища 2-го разряда ходатайствовать о преобразовании его в училище 1-го разряда»⁷.

17 февраля 1911 г. Пермский Биржевой комитет уведомил Городскую управу о ходе дела по открытию Пермского речного училища: «В течение 1910 г., Биржевым комитетом были сделаны обращения к большинству земских и городских самоуправлений с просьбой об оказании материальной помощи — путем ежегодных субсидий, или единовременных в пользу училища ассигнований. В окончательном результате этих обращений получились уведомления ... о ежегодных ассигнованиях на содержание речного училища 1-го разряда в Перми — в общей сложности на сумму 4400 руб. По смете же на содержание училища необходимо ежегодные ассигнования 10080 руб., каковой недостаток будет покрыт из средств Государственного казначейства».

В январе 1911 г. Председатель Биржевого комитета И.П. Вилесов лично разговаривал по вопросу об открытии речного училища в Перми с Министром путей сообщения и Управляющим учебного отдела министерства. В личной беседе ему было предложено поспешить с представлением сметы на содержание училища, которая должна пройти утверждение в Государственной Думе, а также предложено обратиться во все местные общественные учреждения с ходатайством о немедленном предоставлении назначенных сумм на содержание училища с тем, чтобы эти суммы в 1911 г. поступили в распо-

ряжение Биржевого комитета в виде воспособления к открытию училища, намеченного на осень 1912 г., и об увеличении назначенного ассигнования города с 1 тыс. до 1500 руб.⁸

24 мая 1911 г. Пермская городская дума по предложению управы о принятии Городским управлением обязательства о ежегодном ассигновании 1500 руб. на содержание речного училища 1-го разряда в Перми, но производить его лишь со дня открытия в Перми речного училища и до тех пор, пока будет существовать это училище в Перми⁹.

1-го июля 1913 г. Пермское речное училище объявило о своем открытии. Начальник Пермского речного училища Богданов (капитан парохода «Фельдмаршал Суворов» О-ва «Кавказ и Меркурий») объявил о начале приемных испытаний и начале занятий в 20-х числах октября 1913 г. Плата за учение предполагалась в размере 25 руб. в год. Прием в училище предполагался лиц всех сословий, состоящих в русском подданстве, не моложе 16-ти лет, с познаниями в объеме курса не ниже 2-х классов сельских училищ (ст. 11-я Высочайше утв. 10 июня 1902 г. положения о речных училищах) и имеющих опыт плавания на речных или морских паровых судах, в качестве служащего не менее 6 месяцев. При этом лица, представившие свидетельства об окончании курса сельских 2-х классов, городских или других соответствующих им училищ, все без исключения подвергались поверочным испытаниям. Приемный экзамен — конкурсный, при этом если число кандидатов превысило бы число свободных вакансий, то при прочих равных условиях, отдавалось преимущество лицам, имеющим более продолжительное практическое плавание. Лица, страдающие ослабленным зрением, дальтонизмом, пороком сердца, заиканием, глухотой и, вообще имеющие какие-либо физические недостатки — в училище не принимались. Все поступающие, независимо от представления свидетельства от врача, подвергались исследованию училищным врачом¹⁰.

Пермское речное училище с 1 июля 1913 г. помещалось в 3-й части города Перми, в наемном двухэтажном помещении на Слудской площади, в полукаменном доме, принадлежащем А.В. Попову. Помещение было снято по договору до 1 июля 1919 г. Классная комната, актовый зал, учительская и др. помещения находились в верхнем этаже, наиболее удобном и сравнительно просторном. Квартира начальника училища находилась в нижнем этаже, квартира помощника в отдельном флигеле во дворе. В арендуемом здании устроено водяное отопление, водопровод и электрическое освещение. В общем, здание как неприспособленное специально под учебное заведение, отчасти не удовлетворяло требованиям¹¹.

Предыстория строительства здания

15 февраля 1895 г. крестьянин Красноуфимского уезда Суксунской волости Василий Федоров Крысанов подал в городскую управу прошение и проект на постройку каменного одноэтажного дома на принадлежащем ему пустопорожном месте во 2-й части города Перми по Ирбитскому проулку, между улицами Монастырской и Торговой. Согласно замечанию городского архитектора Попатенко о том, что «на каменных постройках не дозволяются деревянные карнизы», план был переделан. 13 марта 1895 г. по резолюции управы постройка одноэтажного каменного дома крестьянину Василию Федорову Крысанову была разрешена¹².

13 сентября 1897 г. в городскую управу были поданы прошение и проект на постройку верхнего деревянного этажа над существующим каменным одноэтажным домом, на месте, крестьянина Красноуфимского уезда Суксунской вол. Крысанова, во 2-й части города Перми по Ирбитскому проулку между Монастырской и Торговой улицами. Согласно плану на усадьбе Крысанова находились строения: под № 1 каменный одноэтажный дом фасадом на улицу Ирбитскую и под № 2 баня деревянная и № 3 погреб деревянный. 16 сентября 1897 г. постройка верхнего деревянного этажа управой была разрешена¹³.

9 марта 1900 г. в городскую управу были поданы прошение и проект на постройку деревянного одноэтажного флигеля фасадом на ул. Ирбитскую на усадебном месте крестьянина В.Ф. Крысанова во 2-й части города Перми по ул. Ирбитской. Согласно плану на усадьбе Крысанова этот момент находились: двухэтажный полукаменный дом фасадом на ул. Ирбитскую и деревянные службы. 9 марта 1900 г. городской управой было дано разрешение на строительство по представленному плану одноэтажного деревянного флигеля¹⁴.

15 декабря 1906 г. крестьянин В.Ф. Крысанов подает в городскую управу прошение и проект о переустройстве деревянного одноэтажного флигеля с надстройкой мезонина и пристроя к этому же флигелю на принадлежащем ему участке, находящемся в 3-й части г. Перми по ул. Ирбитской, на Слудской площади. Согласно плану места Крысанова, на его усадьбе обозначены как существующие: двухэтажный полукаменный дом фасадом на ул. Ирбитскую и деревянные службы и баня, а также предполагаемый к переустройству одноэтажный каменный флигель. Над флигелем предполагалось надстроить мезонин, и продолжить его одноэтажной пристройкой до межи соседнего участка, с возведением двух брандмауэрных стенок лит. «Б» и «Д». 15 декабря 1906 г. Пермская городская управа определила: «Разрешить крестьянину Ва-

силию Федорову Крысанову построить по прилагаемому плану, деревянный одноэтажный с каменным брандмауэром пристрой к флигелю, и надстроить флигель мезонином «А» и построить на меже брандмауэр к службам — «Б» и «Д»¹⁵.

Таким образом, на означенном домовладении по ул. Ирбитской было вполне способно разместиться Пермское речное училище. К 1913 г., вероятно, домовладение перешло в руки новых хозяев. В 1916 г. домовладение по ул. Ирбитской, № 11-9, с оценкой 4560 руб. принадлежало Пермскому мещанину Попову Анатолию Васильевичу¹⁶.

Проект строительства собственного здания Пермского речного училища

24 февраля 1914 г. Попечительный Совет Пермского речного училища ходатайством № 74 обратился в городскую управу с просьбой об отводе земельного участка из городских земель для строительства собственного здания училища: «В видах предполагающегося расширения программы Речных училищ и увеличения учебного курса до 4 лет, является необходимость озаботиться заблаговременно приисканием подходящего помещения, каковое потребуется не малых размеров, если принять во внимание еще возможность открытия 5-го специального механического класса. 22 февраля 1914 г. Попечительский Совет училища постановил: «Построить собственное здание для Речного училища». Попечительный Совет Пермского Речного училища обратился в городскую управу с просьбой о бесплатном отводе земельного участка для предполагаемой постройки здания Речного училища¹⁷.

17-22 апреля 1914 г. городская дума по докладу городского землемера Ткаль утвердила место для строительства здания Речного училища в 3-й части г. Перми во вновь запроектированном квартале № 183 на углу улиц Камышловской и Монастырской¹⁸.

22 апреля 1914 г. городская дума по вопросу об отводе места под постройку здания Речного училища на углу улиц Набережной и Камышловской постановила: «Отвести место под постройку Речного училища на углу улиц Набережной и Камышловской, размерами по ул. набережной 19 саж. и по Камышловской — 36 саж., на тех же условиях, какие обусловлены землеотводы под другие учебные заведения, а именно: если в течение трех лет не будет приступлено к постройке училища и не будут изысканы средства, то Городское управление вправе дать месту другое назначение; земля отводится в бесплатное пользование на все время, пока таковая нужна будет учебному заведению; свободная от училищных построек земля отводится под устройство сада и площадок

для игр и гимнастических упражнений и не может быть эксплуатируема под устройство промышленных и торговых предприятий; в случае закрытия училища земля возвращается городскому управлению бесплатно, а за здания если они будут пригодны для надобностей города, может быть выдано из средств города вознаграждение по оценке или таковые могут быть проданы в частные руки с уплатой городу за землю по оценке и по действительным в то время ценам на землю»¹⁹.

23 января 1917 г. Попечительный Совет Пермского речного училища сообщил в городскую управу, что «вследствие сложившихся обстоятельств, предполагавшаяся постройка собственного здания для училища, средствами казны, отложена на неопределенное время». Попечительский Совет на собранные частные средства и средства губ. земства, приобрел в собственность занимаемое училищем по найму здание и усадьбу А.В. Попова, с усадьбой его тестя С.Н. Кириллова, находящиеся по Ирбитской улице. С приобретением указанного имущества, отпала «надобность в отведенной городом для постройки училища земельным участком по Набережной улице, рядом с казенным Винным заводом». Попечительский Совет Речного училища отказался от указанного места, но в то же время просил уступить Речному училищу, взамен прежнего смежный с купленной усадьбой, небольшой принадлежащий городу земельный участок, выходящий на угол Ирбитской и Монастырской улиц»²⁰.

Городская дума признала возможным произвести подобный обмен на тех же условиях, каковые были предусмотрены постановлением дума 22 апреля 1914 г. Что касается просьбы Попечительского совета об ассигновании на выкуп приобретенного имущества — здания, занимаемого училищем и усадьбы А.В. Попова с усадьбой его тестя С.И. Кириллова, находящихся по ул. Ирбитской, в такой было отказано, по причине финансовых затруднений²¹.

Домовладение на углу улиц Монастырской и Ирбитской, № 97/9, было муниципализировано в 1918 г. у Городского Об-ва согласно Декрету ВЦИК от 20 августа 1918 г.²².

С 1 декабря 1924 г. домовладение в 31 квартале г. Перми по ул. Ирбитской, № 9-11, было занято Рабочим Техникумом Водного транспорта. Арендатором являлся VI-й технический участок управления внутренних водных путей Волжского бассейна. Общая площадь домовладения составляла 394,22 кв.саж., из которых 226,04 саж. были заняты строениями и 168,18 находились незастроенными под двором. На усадьбе находились следующие строения: № 1, дом двухэтажный полукаменный под железной крышей, с подвальным этажом, фасадом на улицу, площадью основания 73,02 кв.саж.; № 2,

дом двухэтажный полукаменный под железной крышей, фасадом во двор, площадью основания 18, 16 кв.саж. с таковым же пристроен № 2а площадью 3,43 кв.саж.; № 3, дом двухэтажный каменный под железной крышей, фасадом на улицу, площадью основания 27,60 кв.саж. с таковым же пристроен № 3а площадью 7,33 кв.саж.; во дворе деревянные строения: № 4 дровяник площадью 9,32 кв.саж., № 4а конюшня площадью 10,01 кв.саж., № 5 конюшни площадью 8,46 кв.саж. с навесом № 5а и кладовой № 5б площадью примерно по 6 кв.саж.; № 7 конюшня площадью 6,0 кв.саж. с кладовой № 7а площадью 5,84 и навесом № 7б площадью 8,74 кв.саж.; № 6 погреб площадью 24,78 кв.саж.; № 8 баня одноэтажная деревянная под железной крышей площадью 6,28 кв.саж. с дровяником № 8а площадью 4.26 кв.саж. Кроме того, часть подвального помещения в доме № 1 были заняты частью под жилье и частью под кладовые²³.

В 1925 г. училище именовалось Пермский техникум водного транспорта²⁴.

В 1936—1939 гг. произведено строительство двухэтажного жилого дома Пермского речного училища по ул. Ирбитской, № 9-11²⁵. 21 июня 1936 г. администрация Пермского Речного Техникума оформила «Регистрационную карту» № 90/25 на производство строительства в городе Перми по ул. Ирбитская, 11, «деревянного рубленого дома на каменных столбах, оштукатуренного снаружи и внутри, с печным отоплением, с водопроводом и канализацией, под железной кровлей» согласно титульному списку, утвержденному 26 марта 1936 г. народным комиссаром водного транспорта Розенталь. Отвод земельного участка был произведен согласно постановлению Президиума Пермского Горсовета от 29 февраля 1936 г. Технический проект дома (Пермское Проектно-Планировочное управление) утвержден 8-10 июня 1936 г. в заседании НТС Пермского Горкоммунхоза. Объем 2-х этажного 4-х квартирного деревянно-рубленого дома составил 1323,07 куб.м., жилая площадь 161,5 кв.м., площадь застройки 180,1 кв.м. Общая сметная стоимость 51748 руб. 97 коп.²⁶.

К строительству 2-х этажного деревянно-рубленого жилого дома на 4 квартиры для преподавателей Пермского Речного техникума по адресу г. Пермь, ул. Ирбитская, д. 11 было приступлено в 1936 г. Работы в период с июля 1936 по декабрь 1936 г. производились хозспособом. С декабря 1936 г. по май 1937 г. объект в виду закрытия кредита находился на консервации. 15 мая 1937 г. Речной техникум передал работы по строительству дома строительной конторе КРП. На полное окончание работ по смете составленной

Стройконторой КРП потребовалось 47584 руб. с окончанием работ по договору 1 сентября 1937 г. В виду халатного отношения к своим договорным обязательствам выполнение работ по объекту стройконторой КРП было сорвано. 26 сентября 1937 г. было заключено дополнительное соглашение, согласно которому окончание постройки намечено на 15 декабря 1937 г. Однако и этот срок стройконтора КРП не выдержала. В 1-м квартале 1938 г. были произведены внутренние работы, главным обр., штукатурные на сумму 14318 руб. Затем Стройконтора КРП «беспричинно прекратила работы, а 10 июня 1938 г. письмом за № 558 окончательно отказалась от ведения работ». Вследствие этого Речной Техникум оказался в «чрезвычайно тяжелом положении. Для ведения работ хозяйственным способом он не был подготовлен, не имел и не имеет до сих пор ни рабочих, ни материалов, ни технического руководства». Речной Техникум работы по окончанию строительства дома продолжал вести хозспособом²⁷.

Комиссия, составила список «Наличия дефектов и недоделок, подлежащих устранению до сдачи объекта в эксплуатацию» и сделала вывод, что «большинство из перечисленных дефектов и недоделок (в полах, штукатурке внутренних помещений, печах, крыше, столярных изделиях и пр.) были допущены стройконторой КРП. В соответствии с этим «устранение дефектов» было решено произвести за ее счет. Для уточнения расчетов между заказчиком и подрядчиком было решено пригласить эксперта, которому предстояло на основании составленного комиссией акта, ознакомления с проектом и сметой, бухгалтерскими документами определить правильность произведенных расчетов. Расторжение договора провести в порядке, предусмотренном договорными обязательствами и т.д.²⁸.

16 декабря 1938 г. был составлен Акт о технической приемке 2-х этажного деревянно-рубленого 4-х квартирного жилого здания Пермского Речного техникума по ул. Ирбитской, № 9-11/ угол Орджоникидзе²⁹ и 26 декабря 1938 г. Акт государственной комиссии о приемке здания в эксплуатацию³⁰, а также «перечень недоделок и дефектов»³¹.

24 января 1939 г. решением Президиума Пермского Городского Совета РК и КД (протокол № 4 §21) акт приемочной комиссии от 26 декабря 1938 г. был утвержден, эксплуатация в виду готовности здания разрешена³².

Речное училище помещалось в здании по ул. А. Матросова (быв. Ирбитская), № 13, с 1913 по 1958 г., вплоть до переезда в новое трехэтажное здание по ул. Б. Гагарина, 33. Впоследствии в здании по ул. им. Александра Матросова разместилась вечерняя сменная

школа № 2. 8 февраля 2002 г. постановлением Главы администрации г. Перми № 345 «Об установлении мемориальной доски Селянkinу О.К.», по предложению Комиссии по наименованию улиц, площадей и других городских объектов, и по ходатайству Пермской областной писательской организации Союза писателей России разрешена установка мемориальной доски на здании вечерней сменной школы № 2 по ул. им. Александра Матросова, 13 с текстом: «В этом здании, /бывшем речном училище/ с 1946 по 1953 год заведовал кафедрой военно-морской подготовки писатель-фронтовик Селянkin Олег Константинович /1917—1995 гг.»³³.

Таким образом, бывшее здание Пермского Речного училища по ул. А. Матросова, достойно постановки на учет как региональный памятник истории и культуры Пермского края.

¹ Отчет о состоянии и деятельности Пермского Речного училища Министерства путей сообщения за 1913/1914 учеб. год. — Пермь: Электротипография Н-ков Каменских, 1914. — С. 17; Дело об открытии в Перми речного училища. 7 января 1910 — 24 января 1917 г. (ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 192. 80 л.).

² ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 192. Л. 1-1об., 2.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 5-5об., 6-6об.

⁷ Там же. Л. 11-11об.

⁸ Там же. Л. 13-13об.

⁹ Там же. Л. 18-18об., 20.

¹⁰ Там же. Л. 23-24.

¹¹ Отчет о состоянии и деятельности Пермского Речного училища Министерства путей сообщения за 1913/1914 учеб. год. — Пермь: Электротипография Н-ков Каменских, 1914. — С. 17.

¹² ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 84. Л. 244-244об, 245, 246.

¹³ Там же. Д. 95. Л. 25-27.

¹⁴ Там же. Д. 75. Л. 94-95.

¹⁵ Там же. Д. 164. Л. 430-433, 459.

¹⁶ Список лиц и учреждений, имеющих на основании право участия в Гор. избират. собрании для выбора гласн. Пермской Городской Думы на 4-х летний срок с 1917 г. — Пермь, б.г. — С. 44.

¹⁷ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 192. Л. 30.

¹⁸ Доклад городского землемера о предоставлении городского усадебного места под строительство Речного училища и план усадебного места. 17-22 апреля 1914 г. (ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 269. 4 л.).

¹⁹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 192. Л. 36-36об.

²⁰ Там же. Л. 75-75 об.

²¹ Там же. Л. 76-76об., 77.

²² Список муниципализированных домов гор. Перми // Жилищный вопрос. — Пермь: Изд. Пермск. ком. хоз., 1923. — С. 32.

²³ Материалы по рентному обложению домовладения ул. Ирбитская, Д. 9-11. (ГАПК. Ф. р-38. Оп. 1. Д. 1855. Л. 7-7 об.).

²⁴ Вся Пермь. 1925 год: указатель правит., госуд. учрежд., синдикатов, трестов, кооперативов и фабр. завод. предприятий. — Пермь: Изд. Быт. Ком. при Пермск. Окр. ОГПУ, 1925. — С. 31.

²⁵ Разрешение, регистрационная карта, план, акты, переписка по строительству двухэтажного жилого дома Пермского речного техникума по ул. Ирбитской, № 9-11. 7 мая 1936 — 20 апреля 1939 г. (ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 2. Д. 948. 83 л.).

²⁶ ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 2. Д. 948. Л. 11-8об.

²⁷ Там же. Л. 55-55об.

²⁸ Там же. Л. 55об.-53.

²⁹ Там же. Л. 57-56об.

³⁰ Там же. Л. 79-75.

³¹ Там же. Л. 62-60, 59-59об., 58.

³² Там же. Л. 81.

³³ Архив города Перми. Ф. 500. Оп. 4. Д. 10. Л. 170-179.

ДОМ А.С. ЛЮБИМОВОЙ — ТОРГОВАЯ ШКОЛА — ШКОЛА № 17 (ул. Ленина, 31)

Памятник историко-культурного наследия Пермского края, расположенный в городе Пермь, по ул. Ленина, № 31, является значимым объектом для истории развития народного образования в Пермском крае. Здание было построено, вероятно, в середине XIX века, как жилой дом для семьи пермских купцов и промышленников Любимовых. В октябре 1901 г. в здании разместилась Пермская Торговая школа ведомства Министерства финансов, которая должна была, по замыслу ее создателей, дать *«необходимые знания для ведения торгово-промышленных предприятий, тем самым служила бы интересам торговли и промышленности»*.

История Торговой школы закончилась в июле 1919 г., с эвакуацией большинства учреждений и частных лиц Перми с белой армией вглубь Сибири. С 1922 г. в здании на углу улиц Ленина и Оханской, № 31/15 расположилась школа № 17. В 1990-е гг. школа была преобразована в гимназию № 17. В 1922—1925 гг. в этой школе учился А.А. Коротков, в честь которого в 1969 г. на здании была установлена мраморная мемориальная доска с барельефным портретом ученого, работы пермского скульптора Ю.Ф. Екубенко.

3 апреля 1980 г. решением исполкома Пермского областного совета депутатов трудящихся № 234-р двухэтажное кирпичное здание с подвалом, где в школе учился А.А. Коротков (1922—1925 гг.) взято на учет как памятник истории Пермской области¹. 5 декабря 2000 г. это решение было подтверждено распоряжением губернатора Пермской области № 713-р².

Комплекс зданий усадьбы на углу улиц Покровской и Оханской был построен, вероятно, во 2-й половине XIX века представителями пермской купеческой семьи Любимовых. 19 января 1834 г. в Пермской Палате Гражданского суда, была оформлена купчая на купленное И.Ф. Любимовым в городе Перми «по Покровской улице недвижимое имение с деревянным домом со службами и землей от Губернского секретаря Михайла Лапина»³.

В 1850-е гг. дом по ул. Покровской был взят в залог Казенной палатой, и на него было наложено запрещение. Дом был оценен городской думой в 7800 рублей⁴. 16 февраля 1872 г. в Ковенской Палате Гражданского суда, все имущество, оставшееся после смерти И.Ф. Любимова, в т.ч. каменный двухэтажный дом, расположенный

во 2-й части Перми по ул. Покровская перешел во владение его вдовы А.С. Любимовой⁵. В 1877 г. вдова коммерции советника А.С. Любимова подала в городскую управу прошение и проект «На постройку вновь двух каменных одноэтажных корпусов, на месте, принадлежащем Потомственной Почетной Гражданке Анне Степановне Любимовой, состоящем во 2-й части города Перми на углу улицы Покровской и Оханского переулка»⁶.

В 1886 г., согласно данным адресной книги, составленной Г.И. Минеевым, домовладение на углу улиц Покровской и Оханской, № 31/15, принадлежало пермскому купцу 1-й гильдии и судовладельцу Любимову Ивану Ивановичу⁷, коммерции советнику, потомственному почетному гражданину и купцу 1-й гильдии⁸.

В 1898—1899 г. домовладение во 2-й части города Перми в 71 квартале под № 483 (номер указан по «Окладной книге Городской управы») на углу улиц Покровской и Оханской, № 31/15, принадлежало Любимовой Анне Степановне⁹ и было оценено управой для взимания налогов и сборов в 1898 г. — 12020 руб., и в 1899 г. — 9588 руб.; всех налогов и сборов (городских, казенных и земских) в 1899 г. на недвижимое имущество начислено — 312 руб. 56 коп.¹⁰

Анна Степановна Любимова, потомственная почетная гражданка города Перми, вдова коммерции советника И.Ф. Любимова, после его смерти занималась благотворительской деятельностью: в 1876 г. она пожертвовала в пользу губернского детского приюта, вклад на 5 тыс. рублей, положенный в Пермский Мариинский Общественный банк из 6% годовых, за что получила Высочайшую благодарность; в декабре 1878 г. вновь пожертвовала приюту 2 тыс. рублей на покупку земли и в капитал ремесленных классов приюта¹¹.

28 мая 1899 г. определением Пермского Округного суда, Статский советник Михаил Иванович Любимов, был введен во владение недвижимым имением «в городе Перми 1-й части на углу Покровской и Оханской улиц и заключающегося в каменном двухэтажном доме, с каменными же надворными строениями и усадебной землей мерой по улице Покровской 20 сажень и по Оханской улице 34 сажени», оставшегося после смерти его умершей матери, вдовы Потомственного Почетного гражданина Анны Степановны Любимовой¹².

Любимов Михаил Иванович (1841 — 1909) — сын И.Ф. Любимова и А.С. Любимовой, младший брат И.И. Любимова, известный общественный деятель Перми. После открытия в 1901 г. в доме Любимовых по ул. Покровской Торговой школы общества взаимного вспомоществования приказчиков решением правления Общества был избран членом Правления и попечителем Общества¹³.

История Пермской Торговой школы

С 21 октября 1901 г. в здании располагалось учебное заведение «Торговая школа ведомства Министерства финансов». Мысль о создании в Перми коммерческого учебного заведения, которая должна была дать «необходимые знания для ведения торгово-промышленных предприятий, тем самым служила бы интересам торговли и промышленности» принадлежала члену общества приказчиков И.Н. Велюкосельцеву. 29 марта 1898 г. Правление Общества приказчиков внесло в общее собрание, составленный Велюкосельцевым доклад о необходимости открытия в Перми этой школы. Общество приказчиков одобрило этот проект и поручило Правлению найти материальные средства для открытия школы.

Одно из крупных пожертвований в 25 тыс.руб. Торговая школа получила от Е.И. Любимовой, что создало «прочный фундамент для задуманного дела». Правление общества приказчиков решило обеспечить будущую школу собственным зданием. С этой целью оно обратилось в городскую управу с просьбой «об отводе под школу участка земли и об отпуске из городских кирпичных заводов кирпича по заготовительной цене». 16 июня 1899 г. городская дума вынесла постановление об отводе участка земли на Слудской площади в 750 кв. саж и об отпуске из городских кирпичных запасов 200 тыс. шт. кирпича. Свое содействие в приобретении строительных материалов обещали Правления кн. Е.Х. Абамелек-Лазарева, Н-ков гр. А.П. Шувалова, Торгового Дома Бр. Каменных и др. Архитектор А.Б. Турчевич согласился бесплатно составить проект и смету на строительство здания Торговой школы¹⁴.

Вскоре Правление общества приказчиков, узнав, что «М.И.Любимов продает принадлежащий ему в Перми, в центральной части города, большой каменный дом», и, убедившись в пригодности его для помещения в нем учебного заведения, обратилось с просьбой продать этот дом под школу. М.И. Любимов согласился уступить дом за 40.000 руб., приняв из этой суммы 25.000 руб. на себя в виде пожертвования будущей школе, а остальные 15.000 руб. просил внести в пользу Пермского Алексеевского реального училища и других учебных заведений в Перми. Правление получило для проектируемой Торговой школы «большое двухэтажное здание и капитал в 10 тыс. руб.». Общество приказчиков постановило образовать из своих средств неприкосновенный капитал школы 5 тыс. руб. и ежегодно отчислять в пособие школы 500 руб. Пособия школе были оказаны со стороны городской думы, уездного земства, Пермского общества взаимного кредита, Соликамского уездного земства, Кизеловского общества потребителей и др. Городская дума по хода-

тайству общества приказчиков постановила об обложении 6% сбором на промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов, выбираемых для торгово-промышленных предприятий Перми на содержание школы, и для школы открылся новый источник ежегодного содержания, приносивший до 2.400 руб. в год¹⁵.

24 августа 1900 г. утвержден Устав школы и сформирован Попечительский совет, в состав которого вошли: от общества приказчиков Н.А. Великосельцев, А.П. Гаврилов, В.Д. Кувшинский, Н.Н. Новокрещенных, от Правления общества П.П. Елтышев, П.С. Петухов, от городской думы П.С. Досманов и от министерства финансов Г.А. Жукотынский. 1 января 1901 г. на первом заседании Попечительского совета был избран председателем совета В.Д. Кувшинский; инспектором школы был приглашен А.З. Зотов.

21 октября 1901 г. состоялось торжественное открытие Торговой школы, учрежденной «обществом взаимного вспоможения приказчиков»¹⁶.

Инспектор школы А.З. Зотов сообщил о составе учащихся, принятых в Торговую школу и о системе преподавания в ней. В школу было принято 83 ученика, окончивших курс в народных и двухклассных, в городских и духовных училищах. В 1901 г. было открыто 2 класса: приготовительный — 39 и 1-й класс — 44 учащихся. По словесному составу учащихся: детей крестьян было около 34%, мещан 33%, купцов 14% , остальные 18% — дети дворян, почетных граждан, чиновников и духовных¹⁷.

Дом, приобретенный обществом приказчиков для помещения школы, не был приспособлен для нужд образовательного учреждения, и если «в первый год можно было еще избежать крупных переделок, то уже со второго года выяснилась необходимость в капитальном переустройстве здания, мало отвечавшего в своем первоначальном виде нуждам школы». Перед Попечительским Советом, в связи с открытием второго основного класса, а в последующем еще двух — третьего основного и приготовительного встала задача устройства в здании пяти классов на 200 учащихся, рекреационного зала, кабинетов физического и товарного, учительской, библиотеки, канцелярии, раздевальной и помещения для сторожей. Первоначальный проект переустройства здания был разработан в феврале 1901 г. архитектором А.Б. Турчевичем. Второй проект на переустройство здания был составлен гражданским инженером А.И. Ожеговым, которому и было поручено составить рабочий проект и смету.

29 мая 1902 г. сформирована Строительная комиссия, в состав которой вошел и заведующий постройкой гражданский инженер А.И. Ожегов. В 1902 г. было произведено переустройство верхне-

го этажа, в котором приспособлены помещения для трех классов, учительской, кабинетов, раздевальной и комнаты для сторожей; в этом же году начат строительством пристрой для рекреационного зала, второго входа в школьное здание и квартиры инспектора. В 1903 г. было произведено переустройство нижнего этажа дома, в котором были устроены помещения для двух классов, канцелярии, квартиры инспектора, ученической раздевальной, сторожа и окончен отделкой пристрой.

К началу 1903/1904 учеб. года были закончены работы по переустройству здания: «получилось здание, обладавшее 5 большими классами, рекреационным залом размерами 21 x 10S x 6S куб. арш., помещениями учительской, библиотеки, физического кабинета и кабинета для хранения учебных пособий, канцелярии, двумя ученическими раздевальнями, вестибюлем, квартирой инспектора и тремя помещениями для сторожей. Впоследствии к этим помещениям прибавилась лаборатория, в которой можно было вести с небольшой группой учеников практические работы по химии и товароведению»¹⁸.

В связи с перестройкой здания тяжелое финансовое положение Торговой школы осложнилось тем, что юридическим собственником здания, в котором размещалась школа, было общество приказчиков. Попечительский совет школы обратился к Правлению общества приказчиков с просьбой передать ему здание. 11 марта 1903 г. общее собрание общества передать здание школе по дарственной записи, совершенной 26 июня 1903 г. Затем, Попечительский совет, направил свою энергию на изыскание средств, которые гарантировали бы школе нормальный годовой бюджет — 13.500 руб., и помогли бы покрыть долги школы.

Попечительский совет возбудил ряд ходатайств перед правительственными, земскими и общественными учреждениями: министерство финансов ассигновало в пособие школе на 1903 г. 2 тыс.руб., на 1904 г. 4 тыс.руб., и в последующие годы по 3 тыс.руб. ежегодно; губернское земство в 1904, 1905 и 1906 гг. ассигновало по 200 руб., а в 1907 г. — 500 руб.; Мещанское общество с 1908 г. ежегодно вносило на содержание школы по 300 руб. Пермское общество Взаимного кредита с 1910 г. увеличило свое пособие школы с 300 до 500 руб. Особенно ценным для школы оказалось «содействие со стороны комиссии по распределению пособий из капитала, образованного путем 1% отчисления из чистой прибыли Волжско-Камского коммерческого банка на нужды коммерческого образования в России»: в 1909 г. комиссией было назначено пособие школе 3 тыс.руб., в 1910 и 1911 гг. по 2 тыс.руб.¹⁹

Попечительский совет Торговой школы, несмотря на прекращение пособий от «Общества приказчиков», сумел не только поддержать бюджет школы, но и погасить «значительную часть лежавших на ней обязательств». Немаловажное значение для привлечения средств на содержание школы имело изменение устава школы, определявшему состав Попечительного совета, где к §21 было добавлено примечание, согласно которому «учреждения, сословия и общества, вносящие на содержание школы не менее 300 руб. в год» получали право иметь своего представителя в Попечительном совете²⁰.

В 1906/1907 учеб. году главное здание школы было охарактеризовано как «имеющее весьма удовлетворительные классные помещения, рекреационный зал, помещения для библиотеки, естественноисторического и физического кабинетов, лабораторию с товарным кабинетом и учительские комнаты»; при школе имелись «каменные надворные строения, часть которых использовалась под жилые квартиры Правления общества приказчиков». В будущем эти помещения собирались использовать для расширения школы. При школе имелся обширный двор для отдыха учащихся и небольшой сад. При школе была хорошая фундаментальная и ученическая библиотеки с богатым набором учебных пособий по истории, географии, немецкому языку, коммерческой арифметике и другим предметам. Однако комната, где помещались естественноисторический и физический кабинеты, была крайне мала, — «всего 7 шагов в длину и 3 в ширину». Помещение для практических работ по товароведению также было мало, в нем одновременно могло заниматься не более 9 человек. Образцы товаров, составлявшие основу товарного музея, коллекции минералогическая, по зоологии и ботанике размещались в рекреационном зале, занимая значительную часть его площади. Из-за отсутствия специальных помещений наглядные пособия хранились в разных местах, в отдельных шкафах и прочее. Недостаток помещений предполагалось устранить путем пристроек²¹.

В 1911 г. домовладение во 2-й части г. Перми в 71 квартале под № 221 (по «Окладной книге Городской управы») на углу улиц Покровской и Оханской, № 31/15, принадлежало Торговой школе ведомства Министерства финансов и было оценено в 1910 г. в 750 руб., а в 1911 г., вероятно, вследствие вновь возведенных построек, было переоценено в 3470 руб.²²

В 1911/1912 учеб. году Попечительский совет решил произвести капитальный ремонт и расширение здания школы, потребность в котором стала ощущаться особенно остро в 1909/1910 и 1910/1911 учеб. годах. Попечительским Советом были выработаны план и смета на работы по перестройке здания. По смете на капитальный ремонт и расширение здания с устройством системы водяного отопления было

исчислено 11 тыс. 400 руб.; по второму варианту, при оставлении в здании печного отопления, стоимость работ уменьшена до 9 тыс. 700 руб. Попечительский совет решил остановиться на втором варианте. На торгах между подрядчиками Костаревым и Драгуновым сумма была уменьшена до 8 тыс. руб. Попечительский Совет первоначально решил остановить свой выбор на подрядчике Костареве, но когда Драгунов предложил «выполнить все работы за 6 тыс. руб. с тем условием, чтобы остальные 2 тыс. руб. считались его пожертвованием школе», постановил отдать работы Драгунову.

30 апреля 1912 г. начались работы по расширению здания, в результате которых к сентябрю 1912 г. по окончании строительных работ школа получила «обширную ученическую раздевальню, малый рекреационный зал, расположенный в центре классов, просторную лабораторию, и отдельное помещение для товарного музея. Решенное же одновременно с этим присоединение школы к городскому водопроводу и устройство электрической вентиляции значительно повысило санитарное и гигиеническое состояние школы»²³.

Согласно циркуляру от 6 апреля 1912 г. за № 360 Учебного отдела министерства финансов, всем коммерческим учебным заведениям предложено было озаботиться введением в них физических упражнений и обучения учащихся военному строю. Ввиду этого с перестройкой здания школы появилась возможность в будущем устроить «достаточно приспособленные помещения для занятий физическими упражнениями»²⁴.

С 24 ноября 1900 г., со дня основания Торговой школы, проявляя в течение 15-ти лет самую энергичную и неустанную деятельность, направленную к улучшению благосостояния школы, членом Попечительского Совета Торговой школы, и с 3 июля 1905 г. Председателем Совета, состоял Потомственный почетный гражданин Перми, купец 2-й гильдии Александр Павлович Гаврилов. Именно его энергии школа была обязана назначениям большинства пособий, которые она получала от местных учреждений, ему же школа была обязана преобразованием ее в Пермскую городскую Торговую школу²⁵.

История торговой школы в советский период

Падение монархии в феврале 1917 г. положило начало новому периоду в истории России, который завершился к осени 1921 г. окончательной победой большевизма и установлением однопартийной диктатуры. И если период с февраля по октябрь 1917 г., можно характеризовать как относительно мирный этап политической борьбы за власть, то с захватом власти в октябре 1917 г. большевики спровоцировали гражданскую войну, которая с мая 1918 г. охватила всю страну, все социальные слои и группы населения. Учебный год 1917/

1918 г. в Торговой школе по постановлению Педагогического комитета 16 августа 1917 г. начался, как обычно, с 1 сентября, перед началом занятий 31 августа был отслужен молебен²⁶.

10 октября 1917 г. по вопросу объединения педагогических советов учебных заведений города Перми, Педагогический совет Торговой школы постановил: «признать необходимым существование подобного объединяющего Совещания» и установить число лиц, выбираемых в это совещание, от каждого учебного заведения по 3 человека: начальника учебного заведения, и по 1 представителю от педагогов и родителей²⁷.

В ноябре 1917 г. ввиду «наступившего тревожного настроения в городе, в связи с погромным движением, беспорядочной стрельбы на улицах, разгромом винных складов и т. п.» временно были прекращены учебные занятия во всех учебных заведениях Перми. 7 и 8 ноября 1917 г. в заседании Объединенного Совещания Педсоветов учебных заведений Перми было решено «прекратить занятия во всех учебных заведениях города до 15 ноября»²⁸.

В связи с общим решением Совещания Педагогических Советов Перми было решено вести учебные занятия при дневном свете, с тем, чтобы дать возможность детям уходить из дома и возвращаться домой засветло. В связи с этим постановили временно начинать занятия не с 9 утра, а с 10 часов, и заканчивать не позднее 13 часов дня, так как здание школы во 2-ю смену занималось ученицами женской гимназии Общества Педагогов, где занятия также должны были заканчиваться не позднее 16 часов, пока на улицах светло²⁹.

4 января 1918 г. Педагогический комитет Торговой школы в связи с пересмотром правил для учащихся, предложил пересмотреть также и правила для учащихся. Для решения этого вопроса была избрана комиссия, в состав которой вошли представители от преподавателей (классные наблюдатели И.И. Зиновьев, В.Ф. Богуславский и Д.Т. Еремеев), три представителя от Родительского комитета и 2 представителя от 4-го (выпускного) класса³⁰.

31 января 1918 г. Педагогический комитет школы в связи с пропусками (*манкировкой*) учащимися всех классов занятий постановил обратить на это обстоятельство особое внимание, и о каждом таком пропуске извещать родителей учеников, или, требовать непременно представления записок от родителей. Кроме того, ввиду принятого Советом Народных Комиссаров «Декрета об отмене преподавания в школах Закона Божия», а также во избежание недоразумений со стороны многих родителей, постановил обратиться к родителям учащихся за выяснением вопроса о том, желают ли они, чтобы их дети обучались Закону Божию³¹.

2 марта 1918 г. Педагогический комитет школы в связи с постановлением Отдела Народного образования Исполкома Сов. Раб., Солд. и Кр. деп. № 65 относительного организации «Школьного совета» постановил, «так как данное постановление затрагивает интересы всех организаций, принимающих участие в жизни школы подвергнуть его обсуждению в общем собрании Попечительского Совета, Педагогического и Родительского комитетов»³².

30 марта 1918 г., при обсуждении этого вопроса в общем собрании Попечительского Совета, Педагогического и Родительского комитетов выяснились, три основных мнения:

1) Школьный совет образовать немедленно, дабы тем сохранить школу и положение учащихся; 2) Школьный Совет организовать, но лишь после переговоров с Отделом Народного образования и 3) не стоит спешить, дабы иметь возможность всестороннее ознакомиться с вопросом о необходимости и жизненности этого института. При обсуждении единогласно было принято второе мнение об организации Школьного Совета после переговоров с Отделом Народного образования Пермского Городского Совета Раб. и Солд. Деп.³³.

13 апреля 1918 г., в связи с обсуждением вопроса об управлении учебным заведением в связи с проведением в жизнь школы принципов автономии и выборного начала признано желательным «все управление школой сосредоточить в руках Школьного Совета, состоящего из представителей родителей и педагогов». Школьный Совет предполагалось разделить на 2 секции: учебно-воспитательную, в которую должны были войти все педагоги с правом решающего голоса, и хозяйственную. Должностные лица должны были избираться Советом из кандидатов, обладающих познаниями и опытом, соответствующим занимаемой должности³⁴. 11 мая 1918 г. были проведены выборы в Школьный Совет Пермской Торговой школы: от педагогов были избраны заведующий школой И.Н. Зиновьев³⁵, и преподаватели В.Д. Богословский, Д.Т. Еремеев, П.Е. Ефимов и В.А. Зотин³⁶.

Согласно сведениям, представленным в отдел народного образования Пермского городского Совета весной 1918 г.³⁷ Пермская Торговая школа существовала с 1901 г., находилась в собственном помещении. К 1 января 1918 г. в ней обучалось 174 мальчика. В сентябре 1918 г. домовладение по ул. Ленина, 31 было муниципализировано у Торговой школы на основании Декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г.³⁸ 29 октября 1918 г., из-за занятия всего здания Пермской Торговой школы, «Военно-Агитаторскими курсами 3-й армии Восточного фронта», было решено воспользоваться для продолжения занятий свободными классами в помещении Коммерческого училища³⁹. 29 ноября 1918 г., в связи с привлечением учеников 4-го и 5-го

классов Торговой школы к обучению военному строю, были сокращены часы занятий за счет сокращения занятий по бухгалтерии на 1 час, коммерческой арифметике на 1 час и немецкому языку 2 часа⁴⁰. 24 декабря 1918 г. части Сибирской армии под командованием генерала Пепеляева заняли Пермь. Занятия в Торговой школе были возобновлены 22 января 1919 г., в связи тем, что здание школы после занятия его Военно-агитаторскими курсами, оставалось «в крайне загрязненном состоянии». Ввиду значительного сокращения числа учащихся был открыт прием во все классы по соответствующим свидетельствам или испытаниям⁴¹.

26 января 1919 г. ввиду возможного перехода Торговой школы в ведение Союза Приуральских кооперативов Педагогический комитет постановил «в связи с этим пересмотреть преподавание отдельных предметов в духе кооперативного строительства»⁴². 17 и 23 марта 1919 г. в заседаниях Педагогического комитета Торговой школы по вопросу о взаимоотношениях Родительского и Педагогического комитетов было отмечено, что «ученики ведут себя крайне не позвоительно, чувствуется упадок дисциплины; наблюдается разобщенность между школой и родителями». Решено было поставить родителей в известность о том, что «будет трудно ожидать результатов в настоящем учебном году, если будет продолжаться разобщенность между родителями и преподавателями»⁴³.

30 апреля 1919 г., в связи с тем, что здание Торговой школы было занято Казенной палатой, занятия во всех классах было решено прекратить к 1 мая 1919 г.; в связи «с ненормальностью текущего учебного года», успехи учеников было решено оценить 2-мя способами: удовлетворительно и неудовлетворительно⁴⁴. По вопросу о выборах администрации школы было решено произвести их сразу после окончания занятий, пригласив для этой цели к участию в выборах Городского Голову, представителя земства П.П. Сигова и председателя Попечительского совета школы. Перевыборы было решено произвести 11 мая 1919 г. в здании Коммерческого училища⁴⁵. В апреле 1919 г. началось контрнаступление Красной армии на Восточном фронте. В июле 1919 г., в связи с эвакуацией учреждений и частных лиц с белой армией вглубь Сибири, история Пермской Торговой школы прекращается.

История МОУ гимназия (средняя школа) № 17

С начала 1920-х гг. в здании на углу улиц Ленина и Оханской, 31/15 располагалась школа II ступени № 17, в 1925 г. зав. школой — Старцев В.С.⁴⁵ Пермская школа 2-й ступени № 17 была организована в 1922/1923 уч. году в здании Торговой школы на углу ул. Ленина и Оханской № 31/15⁴⁶.

Первый состав учащихся школы был сборным из разных школ города Перми и в высшей степени разной подготовки и возраста. Пермская школа II-й ступени № 17 находилась в центральном районе Перми и обслуживала население всего города, в школе учились дети, родители которых жили и в центральных кварталах, и пригородных местах: «Заимка», «Слободка», «Данилиха», «Разгуляй», Мотовилихинский завод, ст. Левшино. Ляды, Сылва и ряд деревень. Педагоги во главе с первым зав. школы В.Е. Чижовым в сентябре-октябре 1922/23 уч. г. приступили к организации групп. В 1923/24 уч. г. в школе было образовано 10 групп при общем составе 340 учащихся и 27 педагогов. В таком составе школа № 17 вела свою работу, дав первый выпуск из V-й группы в составе 12 человек. Из них 4 поступили в Пермский университет, 2 из них по командировке школы; 3 человека в Пермский Педтехникум на 3-й курс, 2 человека в Пермский Политехникум на 1-й и 2-й курсы, 1 человек в Пермский Рабфак и 2 поступили на производство — 1 в электротех и 1 землемером. С февраля 1924 г. был назначен новый зав. школой В.С. Старцев.

Управление школой № 17 было организовано по уставу 1923 г. Школьный Совет в 1924/1925 уч. году состоял из 18 педагогов и 18 представителей различных организаций, в т. ч. 9 представителей учащихся, вожатого отряда, представителя ячейки РЛКСМ, Горрайкомла, РКП /б/, Женотдела, Горсовета, Профбюро и т.д.

Учком школы — орган самоуправления учащихся, был составлен из представителей групп 9 человек, представителя ячейки РЛКСМ 1, представителей совета вожатых 2, представителя школьного совета 1. Учком подразделялся на 3 секции: административно-хозяйственную (ведал дисциплиной и порядком, учетом инвентаря и т.п.), культурно-просветительную и 3 санитарно-гигиеническую. Президиум учкома 1 раз в неделю собирал Учком, где заслушивались доклады комиссий и представителей групповых троек, наблюдал за выполнением указаний комиссий, устраивал общие собрания учащихся, разбирал конфликты учащихся с педагогами и т.п. Один раз в месяц Учком отчитывался перед общим собранием учащихся. Учком вел свою работу под лозунгом «Труд, дисциплина и порядок».

В школе № 17 были организованы: ячейка РЛКСМ, Учком, отряд пионеров им. В.И. Ленина, клуб и ячейки: Доброхим, ОДВФ, МОПР, НОТ и др., кружок знания с секциями моделирования, радиоприборным. При активном участии ячейки РЛКСМ и отряда пионеров в школе издавалась стенная школьная газета «На новом пути». При школе была организована «Трудовая Артель», действующая под лозунгом «на помощь школе» и «ни одной копейки на мелкие хозяйственно-операцион-

ные расходы — все специальные средства на учебные нужды». Трудовая Артель поставила своей задачей: уборку снега с тротуаров, крыши, уборку мусора и грязи /весной/ со двора школы.

В 1922—1925 гг. в школе № 17 учился Коротков Алексей Андреевич (1910, Оса — 1967, Москва) — советский ученый в области химии высокомолекулярных соединений, член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии⁴⁷.

Физический институт

В 1920-е гг. в здании лит. «Б» по ул. Оханской, № 15 между улицами Ленина и Коммунистической находился Физический институт. В сентябре 1926 г. Пермское окружное управление об-ва «Долой неграмотность» обратилось в Пермский Окрстройконтроль с заявлением и приложением плана нижнего этажа Физического института, с просьбой дать заключение о возможности открытия в данном помещении кинотеатра, предназначенного для обслуживания учащихся города Перми. 1 ноября 1926 г. управление Окружного инженера выдало справку Об-ву «Долой неграмотность» в том, что в устройстве кинобудки в здании нижнего этажа Физического института по Оханской улице дом № 31/15 препятствий не встречается при условии, что вместимость зрительного зала не должна превышать 150 человек и другие требования, перечисленные управлением пожарной охраны. 13 ноября 1926 г. Пермский Окрстройконтроль выдал удостоверение Правлению Об-ва «Долой Неграмотность», что согласно акту технической комиссии от 22 ноября 1926 г. принято в эксплуатацию помещение кино в доме по ул. Оханской, № 31/15, с условием, что вместимость зрительного зала не может превышать 150 человек. В декабре 1926 г. отношением № 837 Пермский Окрстройконтроль сообщил в Административный отдел Перм. Окрисполкома, что обществу «Долой Неграмотность» был утвержден проект на устройство кинобудки в нижнем этаже дома № 15 по ул. Оханской при обязательном условии вместимости зала не свыше 150 человек. Между тем по заявлениям печати таковое функционирует с явным нарушением, допуская в зал свыше 150 человек при необорудованном помещении». Окрстройконтроль просил Административный отдел Окрисполкома закрыть кинотеатр⁴⁸.

Реконструкция здания школы № 17 в 1950-е гг.

В сентябре 1955 г. отдел по делам архитектуры при Молотовском горисполкоме, на основании решения Молотовского горисполкома от 20 января 1954 г. № 23 о надстройке здания школы № 17, дал архитектурно-планировочное задание на надстройку существую-

щего здания 2-х этажной школы № 17 вместимостью 440 учащихся до 4-х этажей и доведение числа учащихся до 920-960 человек. Участок расположения школы № 17 на углу улиц Ленина и Газеты «Звезда» характеризовался как расположенный «на главной магистрали и в центре города, в районе многоэтажного строительства» и «имеющий равномерный уклон по ул. Газеты «Звезда». Проект реконструкции школы решено было произвести в соответствии с действующими нормами проектирования школ, предусмотрев строительство спортзала и развитие школы по ул. Газеты «Звезда» в сторону Камы. Фасад школы предполагалось решить «в едином стиле, с учетом существующих архитектурных форм первых двух этажей», которые предполагалось «упростить» с отражением общественного характера здания». Учитывая расположение школы в центральном районе города, отделочные работы предусматривались «повышенного качества». Участок школы был охарактеризован как «незначительный» и по проекту при реконструкции застройки квартала должен был быть расширен⁴⁹.

28 сентября 1955 г. в заседании архитектурной комиссии Молотовского Городского совета депутатов трудящихся под председательством городского архитектора В.Г. Чернова был рассмотрен проект реконструкции школы № 17 г. Молотова на углу улиц Ленина и Газеты «Звезда», разработанный Молотовским Горпроектком (автор проекта арх. Плотникова А.И.). Собрание согласовало проект реконструкции школы при условии: 1) Фасад здания принимался с учетом сохранения «старой архитектуры». 2) Площадь раздевалки предлагалось увеличить. 3) Произвести проверку расчетов фундаментов и с учетом нагрузки на грунт⁵⁰.

15 марта 1954 г. после осмотра шурфов, вырытых в подвальной части здания школы: у наружной стены с северо-восточной стороны посередине ее линии, у наружной стены с юго-восточной стороны и у внутренней продольной стены здания, согласно расчету напряжение на грунт в основании подошвы фундаментов при условии надстройки здания двумя этажами «из шлакоблочных камней при толщине стен в полтора камня было принято 2,7 кг/кв.см. Вследствие этого был сделан вывод о допустимости «надстройки здания школы на 2 этажа с применением облегченной кладки стен из пустотелых шлакоблоков толщиной в полтора камня». Архитектурная комиссия также рекомендовала «одновременно с надстройкой здания школы предусмотреть пристрой к школе за счет застройки, имеющегося разрыва между школой и смежно-расположенным зданием по улице Газеты «Звезда»⁵¹.

17 августа 1955 г. проект реконструкции здания школы № 17 с надстройкой существующей части здания школы на 2 этажа, и пристройкой на 4 этажа по ул. Газеты «Звезда», с приспособлением существующего на участке школы здания автогаража под школьные мастерские с надстройкой 2-го и 3-го этажей для размещения физкультурного зала, буфета и др. помещений был согласован УПО УМВД г. Молотова с учетом выполнения необходимых противопожарных мероприятий⁵².

30 августа 1955 г. проект надстройки существующего здания школы № 17 на 2 этажа и строительство 4-х этажного пристроя по улице Газеты «Звезда» с увеличением пропускной способности школы до 920 учащихся был согласован государственной санитарной инспекцией г. Молотова. В заключении было отмечено, что по проекту участок школы не расширяется, но при реконструкции квартала потребность школы в увеличении участка должна быть учтена. В пристраиваемой части здания по проекту было предусмотрено размещение спортзала, при этом освещение его предусматривалось одностороннее, со стороны двора. При согласовании проекта было предложено предусмотреть двухстороннее освещение зала⁵³.

25 сентября 1955 г. главный архитектор Молотовоблпроект Н.А. Шварев дал заключение по проекту реконструкции здания школы № 17. Он отметил отсутствие акта технического состояния здания, с поверочными расчетами существующего и проектируемого фундаментов; расхождение данных, принятого по проекту напряжения на грунт 2,5 кг/кв. см с данными гидрогеолога Батуева, рассчитавшего допустимое напряжение всего 1 кг/кв. см (что подтверждалось произведенными расчетами для фундамента, строящегося в тоже время здания Ленинского райкома партии по ул. Газеты «Звезда», 17 — ныне «Хоровая школа мальчиков»). При этом было отмечено, что принятые по проекту конструкции междуэтажных перекрытий «хотя и не противоречат нормам, но принимая во внимание быстрое разрушение древесины грибами, было бы правильнее решать их в железобетоне». Кроме того, генплан здания школы не удовлетворял санитарным требованиям, а представленный проект не предусматривал хотя бы схематичного планировочного решения квартала.

По планировке здания Н.А. Шварев рекомендовал учесть следующие замечания: гардероб и вестибюль дать отдельными для младших и старших классов; для увеличения площади и большего удобства сохранить существовавший вход со стороны ул. Газеты «Звезда», отказавшись от запроектированного класса; не делать помещения для кипячения воды в первом этаже, т.к. такое было уже при буфете; улучшить размещение дверей в квартире технических работников,

а двери в классах увязать с расстановкой мебели и учетом освещения слева и дополнить план расстановкой оборудования. Кроме того, предложено не закладывать окна на углу улиц Ленина и Газеты «Звезда», которые при необходимости можно было бы просто закрыть ставнями-шторами. Также рекомендовано увеличить внутреннюю высоту перехода до 2,1 м. Из представленных вариантов отделки лицевого фасада рекомендован 2-й вариант с добавлением 2-х окон и отказом от подоконников тяги 4-го этажа. Штукатурка фасада рекомендована цветная. После представления отсутствующих исходных данных и проверке расчетом сечений фундаментов с допустимой нагрузкой на грунт согласно заключению геолога Батуева, а также при внесении изменений в планировку этажей и установлению границ расширения участка проект был рекомендован к согласованию⁵⁴.

20 сентября 1955 г. Управляющий трестом «Молотовстрой» Лысенко сообщил, что представленный проект реконструкции школы № 17 «не дает полного представления о работах и объемах по реконструкции школы № 17, т.к. чертежи выполнены в основном в эскизах ... нет размеров, что не дает возможность проверить подсчет физических объемов работ. Проект ... не дает технические решения по целому ряду конструкций. Все это сказалось и на качестве, составленного сводного сметно-финансового расчета: резкое занижение физических объемов работ...». Вследствие этого руководство треста «Молотовстрой» отказалось дать свое согласие на утверждение представленной проектно-сметной документации⁵⁵.

В 1956—1957 гг. проект реконструкции школы № 17, разработанный Пермгорпроект (автор проекта арх. Плотникова и уполномоченный по архитектурно-авторскому надзору Рудник) был доработан и 31 декабря 1957 г. утвержден. Инспекция Госстройконтроль выдала разрешение на производство строительных, санитарно-технических и специальных работ по строительству здания школы по ул. Ленина и Газеты «Звезда», № 31/15: надстройку каменного здания школы на 960 мест 2 этажами и строительство 2-х пристроев с подвалами с центральным отоплением, газификацией, электрификацией, водопроводом, канализацией и телефонными вводами с благоустройством проезжих дорог, тротуаров и озеленением⁵⁶.

Работы по реконструкции здания школы № 17 было решено провести в срок, начиная весной 1957 г. с окончанием строительно-монтажных работ к 1 сентября 1959 г. с увеличением мощности здания с 800 человек учащихся до 969 учащихся⁵⁷.

В 1958 г. главное здание школы литер «А» было расширено пристроями литер А₁ здание одноэтажное, пристроено к левой лестничной клетке северного фасада литер «А» в направлении одноэтаж-

ного здания литер «В» с одноэтажной хозяйственной постройкой, расположенной севернее, и надстроено двумя этажами с целью размещения спортзала, и в 1960 г. одноэтажное здание литер А₂ соединило проходом здания литер «А₁» и «В». Таким образом, все здания, ранее существовавшие на усадьбе, были соединены переходами, часть зданий была надстроена. Общая кубатура зданий доведена до 20388 куб. м., площадь помещений увеличена: общая 4334 кв. м, в т.ч. жилая — 98,4, полезная 3947,0 и вспомогательная — 387,0 кв. м. Однако полностью проект осуществить не удалось, надстройка углового двухэтажного здания двумя этажами и доведение его высоты до 4-х этажей не была осуществлена, ввиду слабой несущей способности грунтов. В 1959 г. Городским БТИ произведена инвентаризация здания. По данным Городского БТИ на 1 декабря 1959 г. объем здания лит. «А» составил 8228 куб.м. (наружный — 7542 куб.м. и подвальная часть — 686 куб. м.)⁵⁸

Здание литер «В», двухэтажное, прямоугольное в плане, расположенное севернее литер «А» параллельно ул. Ленина и восточным фасадом, выходящее на ул. Газеты «Звезда». Построено в 1877 г., в конце 1950-х гг. здание было надстроено, вероятно, к этому периоду, относится фотография из фотофонда ГАПК, на лицевой стороне которой имеется аннотация: «Здание школы № 17 на углу ул. Ленина/Газеты «Звезда», 31/15, лит. «В». После надстройки здания, полученная площадь составила 493 кв. м., объем — 1972 куб. м.»⁵⁹. По данным Городского БТИ на 1 декабря 1959 г. объем здания лит. «В» составил 4682 куб. м.⁶⁰

В 1960—1961 гг. в здании школы № 17 г. Перми, в связи с курсом на политехнизацию школ и введением в программу обучения обязательных уроков труда, представителями шефствующей организации (Пермский электротехнический завод) был оборудован «школьный завод». До того времени в школе существовала небольшая, плохо оборудованная мастерская, в которой ученики проходили производственную практику. В феврале 1961 г. завод был открыт. На площади 300 кв.м. расположились 2 отделения: токарное и слесарное с необходимым оборудованием 13 токарных, 4 сверлильных и 1 строгальный станок, слесарные тисы⁶¹.

В 1977 г. учащиеся школы № 17 в соревновании школ Ленинского района Перми по сбору металлолома, организованным Ленинским райкомом ВЛКСМ, заняли первое место, собрав 20 тонн лома. В связи с этим, 1 июня в день защиты детей, на улицах города появился троллейбус маршрута № 2 первыми пассажирами, которого стали ученики школы № 17⁶².

В 1984 г. директор школы № 17 Э.Н. Падей в статье посвященной реформе образования, проводимой в СССР в 1980-е гг.⁶³ отметила, что «педагоги обязаны творчески осмыслить наши задачи и возможности, не откладывая включиться в большую, напряженную работу по претворению реформы в жизнь, решительно избавляясь от груза косных традиций...».

В апреле 1985 г., в связи с введением во всех средних учебных заведениях нового курса «основы информатики и вычислительной техники», в средней школе № 17 был оборудован один из первых в нашем городе компьютерный класс — «машинный зал ЭВМ», в котором школьники под руководством выпускника аспирантуры механико-математического факультета Пермского государственного университета Т.А. Поносковой обучались навыкам работы с ЭВМ и составлению компьютерных программ. В середине 1980-х гг. в школе № 17 сделан серьезный шаг по созданию материально-технической базы, обеспечивающей не только теоретическое, но и практическое освоение нового курса⁶⁴.

3 апреля 1980 г. решением исполкома Пермского областного совета депутатов трудящихся № 234-р двухэтажное кирпичное здание с подвалом, взято на учет госоргана охраны памятников как памятник истории Пермской области, как «Здание, где в школе № 17 учился А.А. Коротков (1922—1925 гг.)»⁶⁵. В 1969 г. на южной стене здания лит. А была установлена мраморная мемориальная доска с барельефным портретом ученого работы пермского скульптора Ю.Ф. Екубенко и текстом: «В этом здании учился выдающийся советский ученый, член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии А.А. Коротков»⁶⁶. 5 декабря 2000 г. распоряжением губернатора Пермской области № 713-р памятник истории «Здание, в котором учился А.А. Коротков (1922—1925 гг.)» внесен в государственный список памятников истории Пермской области⁶⁷.

8 июня 1993 г. решением Малого совета Пермского городского Совета народных депутатов № 115 здание школы № 17, по ул. Ленина, 31 было включено в состав муниципальной собственности г. Перми и 21 июня 1996 г. приказом комитета по управлению имуществом № 247 — закреплено на праве оперативного управления за МОУ «Школа-гимназия № 17 естественно-математического и экономического профилей». 26 марта 2001 г. и 18 июня 2002 г. Пермская областная регистрационная палата выдала МОУ «Гимназия № 17» свидетельства на право оперативного управления трехэтажным кирпичным зданием с подвалом по адресу ул. Ленина, 31 лит. «А» площадью 2312,9 кв.м. и двухэтажным кирпичным зданием лит. «В» пло-

щадью 799,8 кв.м. и свидетельство о государственной регистрации права пользования (постоянного и бессрочного) на земельный участок по адресу угол ул. Ленина и Газеты «Звезда», № 31/15 площадью 3338, 2 кв.м.

В 2007—2008 гг. перед городской администрацией был поставлен вопрос о необходимости переезда гимназии № 17 из здания по улице Ленина. В сентябре 2007 учебный год начался с того, что ряд центральных пермских школ не получили лицензии на осуществление своей деятельности. Тогда были приняты срочные меры, все школы открылись в срок, однако часть из них получила лицензии «условно», с обязательством устранить ряд нарушений. Острее других стояла проблема гимназии № 17. Мало того, что школьное здание не соответствовало санитарным и противопожарным нормам до такой степени, что зашла речь о переводе школы, так еще и разгорелся конфликт с компанией «Камтрансстрой плюс», застраивающей соседний участок. Руководство гимназии обвинило строителей в том, что производимые ими работы разрушают здание школы.

Ситуация с гимназией № 17, действительно, очень непростая. В 2007 г. было проведено несколько обследований здания, и результаты однозначны: школе здесь находиться нельзя. Первое обследование за собственный счет провела компания «Камтрансстрой плюс». Подрядчик компания «Регион-подряд» выявила многочисленные трещины в стенах и фундаменте здания. По мнению подрядчиков, деформации были вызваны неравномерным оседанием фундамента. По заданию администрации Перми исследование конструкций здания школы провело и предприятие «Эрон». Оценка состояния стен, перекрытий и фундамента здания: от «ограниченно работоспособное» до «недопустимое». Вывод: для эксплуатации здания необходимо провести «капитальный ремонт». Однако работы в здании, являющемся памятником историко-культурного наследия, по закону может проводить только специализированная компания, обладающая особой лицензией.

Есть еще одно обстоятельство: согласно санитарным нормам и правилам, в существующем здании школы может обучаться 360 детей, а их уже сейчас 840! В гимназии № 17 сумасшедший конкурс. Так что даже если бы здание находилось в идеальном состоянии, все равно зашла бы речь о переезде. Капитальный ремонт школы лишь отсрочит его, но ненадолго. Директор гимназии № 17 Элеонора Падей, которая первоначально категорически возражала против выселения школы из боязни утратить часть традиций, знаменитую «ауру» гимназии, к 2008 г. была готова к переезду гимназии при двух условиях: школа должна быть перемещена

только целиком, без расформирования, и новое здание должно располагаться в пределах центрального планировочного района Перми. В администрации Перми не скрывали, что самый приемлемый вариант для размещения школы это площадка рядом со старым зданием школы. То есть та, на которой ведет строительство «Камтрансстрой плюс».

В 2008 г. руководство компании направило на имя Сити-менеджера администрации Перми Аркадия Кац письмо с предложением участвовать в финансировании строительства новой школы в обмен на возможность отреставрировать старое здание с использованием его в качестве офисного помещения. В ответ пришел отказ за подписью вице-мэра администрации города Перми Надежды Кочуровой: «Гимназия № 17 является культурно-историческим и образовательным центром города Перми, поэтому передачу имущественного комплекса с земельным участком считаю нецелесообразной»⁶⁸.

В 2009 г. был начат капитальный ремонт здания, однако проекты, представленные сначала ООО «ПСНРУ», а затем и ООО «Новация-М» оказались не проработаны. В 2010 г. департамент образования администрации города Перми заключил с ООО «Пермстроймет+» муниципальный контракт на производство проектно-сметных работ по капитальному ремонту и реставрации здания гимназии № 17. В настоящее время согласно проекту выполняются ремонтно-строительные и реставрационные работы на комплексе зданий гимназии № 17.

¹ Памятники истории и культуры Пермской области. — Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. — Пермь: Арабеск, 1993. — С. 14.

² Государственные списки памятников истории и культуры. — Пермь: Пушка, 2000. — С. 121.

³ ГАПК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 188. Л. 1-1об., 4-5об., 13-15об.

⁴ Там же. Л. 4-5об.

⁵ Там же. Л. 13-15об.

⁶ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 22.

⁷ Адрес домовладельцев губернского города Перми с приложением подробного городского плана / сост. Г. Минеев. — Пермь: Тип. губ. земской управы, 1886. — С. 32.

⁸ И.И. Любимов // Пермские градоначальники. — Пермь: Стиль-МГ, 2008. — С. 55-58.

⁹ Трапезников В.Н. Летопись города Перми. — Пермь, 1998. — С. 73-74.

¹⁰ Раскладка налогов с недвижимых имуществ жителей города Перми на 1899 год. — 2-я часть. — Пермь, 1899. — С. 54-55; Список владельцев недвижимых имуществ жителей в г. Перми / составлен по сведениям городской управы на 1 апреля 1898 г. — Пермь, 1898. — С. 31.

¹¹ Пятидесятилетие Пермского губернского детского приюта. 1 мая 1850—1900 гг. — Пермь. 1900. — С. 21, 23, 24.

¹² ГАПК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 188. Л. 20-20об.

¹³ М.И. Любимов // Пермские градоначальники. — Пермь, 2008. — С. 64-66.

¹⁴ Торговая школа общества взаимного вспоможения приказчиков города Перми. 1901—1911 гг. — Пермь, 1912. — С. 3-4; Отчет торговой школы Пермского общества взаимного вспоможения приказчиков за 1901/1902 и 1902/1903 учеб. гг. — Пермь: Тип. А.П. Каменского, 1904. — С. 4.

¹⁵ Торговая школа общества взаимного вспоможения приказчиков города Перми. 1901—1911 гг. — Пермь, 1912. — С. 4-5; Отчет торговой школы Пермского общества взаимного вспоможения приказчиков за 1901/1902 и 1902/1903 учеб. годы. — Пермь: Тип. А.П. Каменского, 1904. — С. 4-5, 11-14.

¹⁶ Отчет торговой школы Пермского об-ва взаимного вспоможения приказчиков за 1901/02 и 1902/03 уч. гг. — Пермь: Тип. А.П. Каменского, 1904. — С. 3.

¹⁷ Там же. С. 7-8

¹⁸ Торговая школа общества взаимного вспоможения приказчиков города Перми. 1901—1911 уч. гг. — Пермь, 1912. — С. 5-6; Отчет торговой школы Пермского общества взаимного вспоможения приказчиков за 1901/1902 и 1902/1903 уч. гг. — Пермь: Тип. А.П. Каменского, 1904. — С. 31-32.

¹⁹ Торговая школа общества взаимного вспоможения приказчиков города Перми. 1901—1911 гг. — Пермь, 1912. — С. 6-7; Отчет торговой школы Пермского общества взаимного вспоможения приказчиков за 1901/02 и 1902/03 уч. гг. — Пермь: Тип. А.П. Каменского, 1904. — С. 36.

²⁰ Торговая школа общества взаимного вспоможения приказчиков города Перми. 1901—1911 гг. — Пермь, 1912. — С. 7.

²¹ Отчет торговой школы Пермского общества взаимного вспоможения приказчиков за 1906/1907 уч. гг. — Пермь: Тип. А.П. Каменского, 1907. — С. 119-120.

²² Ведомость о городских недвижимых имуществах г. Перми, подлежащих обложению в 1911 году, налогом и сборами по генеральной оценке, произведенной особой оценочной комиссией, избранной Думой. — Пермь, 1911. — С. 49.

²³ Отчет торговой школы Пермского общества взаимного вспоможения приказчиков за 1911/1912 уч. гг. — Пермь: Тип. А.П. Каменского, 1912. — С. 22-24.

²⁴ Там же. С. 25.

²⁵ ГАПК. Ф. 210. Оп. 1. Д. 4. Л. 12-45.

²⁶ Протоколы заседаний Педагогического комитета Пермской Торговой школы // ГАПК. Ф. 210. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 6об.

²⁸ Там же. Л. 9об.

²⁹ Там же. Л. 10об.

³⁰ Там же. Л. 15.

³¹ Там же. Л. 16.

³² Там же. Л. 16об.

³³ Там же. Л. 18об.

³⁴ Там же. Л. 20.

³⁵ Заведующим Пермской Торговой школы состоял Зиновьев Иван Николаевич, по окончании курса Московского педагогического института, по специальности — преподаватель специальных предметов в коммерческих учебных заведениях. (ГАПК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 600. Л. 40об.-41).

³⁶ ГАПК. Ф. 210. Оп. 1. Д. 2. Л. 24, 25.

³⁷ ГАПК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 600. Л. 40.

³⁸ Список муниципализированных домов гор. Перми, утвержденный Президиумом Пермского Губисполкома и Главным управлением Коммунального хозяйства НКВД // Жилищный вопрос. — Пермь, 1923. — С. 41.

³⁹ ГАПК. Ф. 210. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

⁴⁰ Там же. Л. 29об.

⁴¹ Там же. Л. 30.

⁴² Там же. Л. 30об.

⁴³ Там же. Л. 34, 35-35об. 36-36об.

⁴⁴ Там же. Л. 41.

⁴⁵ Вся Пермь. 1925 год: справочное издание: указ. правительствен., государствен., учрежден., синдикатов, трестов, кооперативов и фабр., завод. предприятий. — Пермь. Изд. Быт. ком. при Пермск. Окр. ОГПУ, 1925. — С. 29.

⁴⁶ ГАПК. Ф. р-118. Оп. 1. Д. 509. Л. 1-42.

⁴⁷ Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Пермская область. — М., 1978. — С. 122-123.

⁴⁸ Разрешение на снос и возведение новых построек. 1926 г. // ГАПК. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 17. Л. 488-481.

⁴⁹ Решение Горисполкома, регистрационная карта, разрешения и другие материалы по реконструкции школы № 17 Ленинского района г. Перми // ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 550. Л. 9-10.

⁵⁰ ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 550. Л. 11-12.

⁵¹ Там же. Л. 14-14 об., 15-16об.

⁵² Там же. Л. 18-18об.

⁵³ Там же. Л. 17-17об.

⁵⁴ Там же. Л. 19-20.

⁵⁵ Там же. Л. 21.

⁵⁶ Там же. Л. 1-1об.

⁵⁷ Там же. Л. 3-3 об., 4, 5-6.

⁵⁸ Архив ФГУП «ЦТИ». Надзорное дело по домовладению ул. Ленина, 31 № 6312. Л. 101.

⁵⁹ ГАПК. Ф/ф. 61. Оп. 61П. Д. 3639. Л. 1.

⁶⁰ Архив ФГУП «ЦТИ». Надзорное дело по домовладению ул. Ленина, 31 № 6312. Л. 101.

⁶¹ Белов Г. Школьный завод: (Об открытии шк. з-да в шк. № 17 г. Перми) // Звезда. — 1961. — 19 февр.

⁶² Шишкина Т. Наш троллейбус! // Молодая гвардия. — 1977. — 3 июня.

⁶³ Падей Э. Школа шагает в завтра: слово учителя // Звезда. — 1984. — 1 мая.

⁶⁴ Колущинская И. ЭВМ в школьные классы // Звезда. — 1985. — 7 апр., фот.

⁶⁵ Памятники истории и культуры Пермской области. — Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. — Пермь: Арабеск, 1993. — С. 14.

⁶⁶ Шатров Л. Памяти ученого // Вечерняя Пермь. — 1969. — 22 мая; Памятники истории и культуры Пермской области. — Пермь, 1976. — С. 190; Мемориальные доски Перми. — Пермь: Арабеск, 2008. — С. 50.

⁶⁷ Государственные списки памятников истории и культуры. — Пермь. Пушка, 2000. — С. 121.

⁶⁸ Где быть элитной школе // Новый компаньон. — 2008. — 27 мая; Когда уйдем со школьного двора // Пермские новости. — 2008. — 27 июня; Бездомная гимназия // Новый компаньон. — 2008. — 5 авг.

ИСТОРИЯ ЗДАНИЯ НА УЛИЦЕ СОВЕТСКОЙ, 96 ПОИСК КРАЕВЕДА

Александровское училище — Лицей № 2 при ПГУ — Дворец детского (юношеского) творчества

Будучи заведующей библиотекой Лицея № 2 при Пермском государственном университете, и не однажды столкнувшись с вопросом, что было раньше в этом старинном здании, я отправилась в Государственный архив Пермского края. С 2010 г. в здании располагается Дворец детского (юношеского) творчества г. Перми, лицей переехал по адресу: ул. Самаркандская, 102. А что же было раньше в красивом доме на углу улиц Советской и Свердловской?

Дом этот двухэтажный, с центральным подъездом, большими закругленными окнами и объемными украшениями. Место, где он сегодня стоит, в дни его строительства можно было назвать бойким. Улица Торговая (Советская) была одной из самых оживленных. Здесь находилось много хороших магазинов. Слудская площадь известна Свято-Троицкой церковью, был здесь дом призрения для вдов с детьми, выстроенный на средства известной благотворительницы Любимовой; зимой горожане справляли здесь масленицу, катались с горы, строили снежные городки. Здесь же, как писал краевед В.С. Верхоланцев в книге «Город Пермь, его прошлое и настоящее», в 1910 г. состоялось «освящение нового прекрасного каменного здания ремесленной учебной мастерской... на углу Торговой и Екатеринбургской улиц» (1).

Казалось, точка отсчета в истории здания найдена! 1910 год, ремесленные мастерские. Четко обозначенный краеведом адрес сомнений не оставлял. Но на этом же самом месте, т.е. на углу означенных улиц, приблизительно в то же время, стояло Александровское мужское училище. Открытие его было связано с именем императора Александра II. Вот что писал историк А.А. Дмитриев в «Пермских губернских ведомостях»: «В воскресенье, 15 октября 1900 г. в Перми свершилось радостное, светлое, важное по исторической значимости событие. В этот день в присутствии властей, состава гласных Пермской городской Думы и многих сторонних лиц последовало торжественное открытие нового народного мужского начального училища на Слудской площади в память незабвенного ревнителя народного образования в России Государя императора Алек-

сандра II. Прекрасное училищное здание, в своем роде одно из лучших в целой губернии стоимостью до 35 000 руб., всецело устроено иждивением Пермского городского общества и вполне достойно своего высоко-патриотического назначения» (2).

Это здание и еще многие известные постройки в городе, сохранившиеся до сегодняшнего дня, — творения известного Пермского губернского архитектора В.В. Попатенко. Ремесленные мастерские, упомянутые Верховланцевым, тоже детище Попатенко.

Итак, два прекрасных двухэтажных здания, выстроенных по проекту одного архитектора, одновременно находились, по разным источникам, на одном земельном участке. Оказавшись перед дилеммой, я скрупулезно изучила дела обоих учебных заведений. Снова на помощь пришли «Пермские губернские ведомости», описавшие открытое на Слудке здание училища: «Вновь открытое здание занимает угол Слудской площади и главным фасадом выходит на Торговую улицу. Большое двухэтажное каменное здание выглядит очень красиво, и резко выделяется своим видом среди окружающих его построек» (3). Оставалось лишь внимательно следовать за летописцем: «Входя через двери главного подъезда, посетитель попадает в прихожую, из которой — направо и налево — вход в шинельные... Светлый коридор, большие и светлые классные комнаты... снабжены высокими большими окнами, дающими большое обилие света. Для полной циркуляции воздуха в этих комнатах и коридорах совершенно изгнаны карнизы, а все углы комнат закруглены. Словом, во всем, в каждой мелочи, мы замечаем стремление сделать новое здание вполне отвечающим современным запросам удобства, практичности и гигиены. Достаточно указать на такую мелочь, кажущуюся на первый взгляд несущественной, как такое устройство перил, которое не дает детям возможности кататься по ним. Все это, вместе взятое, делает честь строителю здания В. Попатенко» (4). Все описанное совпадало с интерьером здания университетского лицея № 2. Хотелось поставить точку в этом месте и теперь уже углубиться в историю Александровского училища, но точка была поставлена позже, когда не осталось никаких сомнений.

В «Деле об открытии ремесленных учебных мастерских» есть сведения, относящиеся к 1907 году: «...Отведенный за городом для здания ремесленных мастерских участок на Слудской площади, рядом с Александровским училищем, загородить забором...» (5). Стало ясно, что здание детской больницы на ул. Свердловской, 4, того же архитектора, это и есть те самые бывшие мастерские, что были построены на углу улиц Екатеринбургской и Монастырской, а не Торговой, как

ошибочно указал краевед Верховланцев в своей книге. Как я благодарна этой неточности, ибо она вовлекла меня в настоящее расследование и подарила радость первооткрывателя!

За первыми сведениями об Александровском училище придется вернуться в 1899 год на заседание Городской Думы по вопросу об открытии училища, где обсуждались наиболее важные вопросы, касающиеся предстоящего открытия учебного заведения. Немало внимания было уделено вопросу о размере содержания учителя. И век тому назад учителю приходилось отстаивать свое право на достойную зарплату. Вот выдержка из выступления члена комиссии:

«Учителю, стоящему во главе огромного учебного заведения с 250 воспитанниками, при заведывании им всею хозяйственной частью училища и библиотекою, назначается 360 руб. в год. По моему мнению, это масштаб очень микроскопический. Ведь это по 1 руб. в день за руководство 250 детей к жизни культурной и интеллектуальной. Мне кажется, что с такою оценкой интеллектуального труда русского учителя нам, русским людям, действительно нелегко будет подняться от того места европейской цивилизации, на котором мы сейчас пребываем, к месту более возвышенному. Нам, горожанам, нужен хорошо образованный и опытный руководитель образцовой школы, а такого надо вознаграждать не 360 руб., платою среднего мебельного обойщика..., а по крайней мере, самое меньшее 600 руб... И если вы желаете, чтобы ваше училище имени благороднейшего ЦАРЯ освободителя было действительно образцовым и продуктивным, тогда и помощникам учителя дайте ...по крайней мере 360 руб. При таком жаловании у вас действительно будут опытные преподаватели, дорожащие своим местом, а следовательно, и действительно образцовая народная школа».

В результате жалование учителю было увеличено, и так же разрешены были другие вопросы. Конечно, то обстоятельство, что училище учреждалось в память об императоре, решало многое. Построено оно было стремительно, не было отсрочек с финансами, материалами. Все шло как по маслу. В пермскую городскую управу поступило несколько прошений о приеме на должность заведующего училищем. Из всех выбран был г-н Кукулевский, окончивший Киевскую учительскую семинарию.

Нельзя сказать, чтоб будни училища отличались от будней любого другого учебного заведения. В штате было семь учителей, периодически сменявшихся, включая заведующего и законоучителя, а также обслуживающий персонал. Сами того не ожидая, те люди оставили потомкам память о повседневных своих делах. В архивных документах запечатлены хлопоты руководителя об улучшении жилищных условий подчиненных; забота заведующего училищем о саде, возвращенном лично им вокруг здания училища; здесь же — донос смотрителя здания на сторожа, промышлявшего хлебопече-

нием за казенный счет; перечень книг для училищной библиотеки; наконец, обращение учащихся, содержащее отказ от традиционной рождественской елки, как несоответствующей «душевному настроению в тяжкую годину народных испытаний», датированное военным 1914-м годом, и просьбу приобрести на эти средства теплую одежду для учащихся.

В целом, жизнь училища складывалась вполне благополучно. Благодаря наличию большого и красивого помещения, Александровское училище приглашало горожан на лекции, концерты, театральные представления, благотворительные мероприятия. Но первая мировая война нарушила размеренную жизнь училища. Вот, например, заявление заведующего в Городскую управу о том, что «...устроенная загородь в саду Александровского городского училища останавливает порчу этого сада скотом, но не останавливает в этом направлении солдат учебного ... полка, которые ходят не через калитку, спят в саду после обеда и ночью, выскакивают туда прямо из окон, портя при этом карнизы, а кроме того, содержат при себе каких-то женщин», за что он, заведующий, снимает с себя всякую ответственность. Тогда сопротивление солдатам оказал родительский комитет.

А в 1918 году последовала жалоба в управу на бесчинства рабочих и служащих пароходства братьев Каменских, проводивших в училище свое собрание.

Собственно, этими смутными страницами и заканчивается архивное дело, а также «дореволюционный этап» истории Александровского училища и занимаемого им здания, в котором впоследствии много лет работал Лицей № 2 Пермского государственного университета.

1. *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. — Пермь, 1913. — С. 104.

2. ПГВ. — 1900. — 25 окт.

3. ПГВ. — 1911. — 17 окт.

4. Там же.

5. Дело об открытии в Перми ремесленно-учебных мастерских. ГАПК. Ф. 35. Т. 1-2.

ДОМ КУПЦА Д.С. ЖИРНОВА

(ул. Пермская-Кирова, 57)

По материалам исторической записки Л.С. Кашихина

Леон Сергеевич Кашихин (1932—1997), известный пермский историк-архивист и искусствовед¹, оставил нам богатое творческое и значительное документальное наследие. Личный архив Л.С. Кашихина был передан им на хранение автору этой статьи. В архиве до настоящего времени много интереснейших, никогда не публиковавшихся документов. К их числу относятся исторические записки, которые Л.С. Кашихин, работая в Пермском специальном научно-реставрационном управлении, составлял на памятные места и отдельные памятники градостроительства и архитектуры, истории и культуры Пермской области.

В частности, сохранились материалы по истории здания на улице Пермской (до недавнего времени — Кирова), 57, известного как дом купца Д.С. Жирнова². В папке — двадцать восемь листов. Это рукопись исторической записки, рукописные копии архивных документов (в частности, формулярные списки братьев П.С. и Д.С. Жирновых, и др.), и копии чертежей домов, принадлежавших Д.С. Жирнову (шесть листов кальки), которые были выявлены исследователем в Государственном архиве Пермской области (ГАПО, ныне ГАПК).

Историческую записку Л.С. Кашихин начинает с биографических сведений о Дмитрие Степановиче Жирнове, который числился купцом второй гильдии. Вместе с братом, Павлом Степановичем, они были известными и уважаемыми людьми, видными фигурами в мире торгово-промышленного капитала в Перми и на Урале. Происходили братья из зажиточных крестьян; занявшись торговлей, вышли в купцы, получили привилегированное для этого сословия звание потомственных почётных граждан. В 1903 г. Д.С. Жирнову было 45 лет, следовательно, родился он в 1858 году. Получил домашнее образование. Отбыв воинскую повинность, был уволен в запас батальонным писарем 94-го резервного пехотного батальона.

Первое упоминание о торговой деятельности Жирнова Л.С. Кашихин встретил в адрес-календаре «Весь город Пермь» на 1904 год: в этом издании Жирнов значится лесоторговцем, имеющим свои лесные торговые склады на берегу реки Камы³. Из отчёта за 1912 год о деятельности Пермского биржевого комитета, в состав которого Д.С. Жирнов входил по первому разряду, известно, что он владел крупной лесной дачей (1500 десятин) в Глазовском уезде Вятской губернии⁴.

Главное дело своей жизни — лесной промысел и торговлю — Д.С. Жирнов успешно сочетал с общественной и благотворительной деятельностью, как это делали многие известные представители пермского и российского купечества. Так, в 1901 г. за пожертвование в пользу церкви в Рыбной слободе Лаптевского уезда Казанской губернии Жирнову была вручена серебряная медаль на аннинской ленте для ношения на груди; в 1902 г. пермское уездное земское собрание избрало его попечителем Копалинского начального училища; в этом же году его ввели членом строительного комитета по возведению в Осинском уезде на Белой горе соборного храма в память чудесного спасения будущего императора Николая II в 1891 г., во время покушения на него в японском городке Оцу.

Кроме этого, Д.С. Жирнов являлся членом совета Пермского комитета Православного миссионерского общества, известного своей широкой благотворительностью среди бедного населения Перми; он входил в совет церковно-приходского попечительства при Рождество-Богородицкой церкви. На средства членов этого попечительства было построено здание церковно-приходской Богородицкой школы, соседствующее с домом Д.С. Жирнова.

Сведения о доме Жирнова Л.С. Кашихин обнаружил в ГАПО, в делах оценочного бюро Пермского уездного земства, занимавшегося в 1910 г. составлением описаний недвижимых городских (подлежащих обложению) имуществ.

Усадьба Д.С. Жирнова включала двухэтажный каменный дом, каменный одноэтажный флигель, каменные службы, куда входили два каретника и пять конюшен, погреб, баня и навес для дров. Все эти постройки, за исключением навеса для дров, Жирнов приобрёл с общественных торгов в 1897 г.⁵, заплатив 25 000 рублей; покупка было оформлена 12 декабря 1897 г. пермским нотариусом А.К. Золотавиным. В приписке к основному тексту Кашихин приводит мнение кандидата архитектуры А.С. Терёхина, который считал автором проекта дома известного пермского архитектора Василия Васильевича Попатенко⁶.

После приобретения усадьбы Д.С. Жирнов к моменту описи 1910 года внёс в её постройки ряд изменений. В 1898 г. был выстроен новый навес для дров, на что было израсходовано 715 рублей; в 1910 г. из старой каменной бани с прачечной был устроен жилой флигель, вместо старой бани была выстроена новая — деревянная в каменных стенах.

Как отмечает Л.С. Кашихин, дом Д.С. Жирнова отвечал тогдашнему уровню комфорта и удобств. В доме имелся водопровод для снабжения водой кухни и тёплых ватерклозетов. Правда, для приготовления пищи водопроводная вода не применялась, она использовалась исключительно для мытья посуды, а для пищевых целей доставляли колодезную воду. Дом был снабжён калорифер-

ным отоплением, входившим в то время в обиход богатых пермских домовладельцев. В кабинете Жирнова стоял телефон, который, по мнению исследователя, должен был подчеркнуть деловую солидность хозяина.

Важно отметить, что Жирнов со всем своим семейством занимал не весь дом, а только часть нижнего этажа (семь комнат)⁷; остальная часть нижнего и весь верхний этажи, и флигель во дворе, сдавались под квартиры.

По сведениям, составленным квартальным наблюдателем в июле 1919 года, вскоре после освобождения Перми от белогвардейских войск, домовладелец и все его жильцы «самовольно бежали с колчаковцами, оставив на произвол судьбы свои квартиры со всей их обстановкой».

При советской власти дом Д.С. Жирнова национализировали. Со временем все хозяйственные подсобные строения на усадьбе были снесены. В самом купеческом доме находились различные городские советские учреждения, в том числе райисполком, который в 1993 году, согласно Указу Президента РФ Б.Н. Ельцина «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации», был преобразован в администрацию Ленинского района города Перми.

¹ Краеведы и краеведческие организации Перми: биобиблиогр. справочник. — Пермь, 2000. — С. 145-146.

² Вопреки архивным документам, выявленным Л.С. Кашихиным, кандидат исторических наук Н.П. Баяндина владельцем дома по ул. Пермской, 57, почему-то считает старшего брата Д.С. Жирнова — П.С. Жирнова. (См.: *Баяндина Н.П.* Пермь купеческая. — Пермь, 1997. — С. 69, 154). По приписке, сделанной Л.С. Кашихиным к формулярному списку П.С. Жирнова, он владел каменным двухэтажным домом на ул. Пермской, 80.

³ Весь город Пермь: адрес-календарь на 1904 год. — Пермь, 1903. — С. 480.

⁴ Отчёт о деятельности Пермского биржевого комитета за 1912 год. — Пермь, 1913. — С. 2.

⁵ В основном тексте исторической записки Л.С. Кашихин допустил явную опечатку, указав, что Д.С. Жирнов приобрёл дом в 1887 г., а покупку оформил в 1897 г.

⁶ *Терёхин А.С.* Пермь: очерк архитектуры. — Пермь, 1980. — С. 109.

⁷ По данным формулярного списка о службе купца 2-й гильдии Д.С. Жирнова от 15 апреля 1903 г., он был «женат первым браком на крестьянской девице Александре Ивановне, имеющей сестру 34 года. Детей не имеют». Брат его — купец 2-й гильдии П.С. Жирнов — был, по сведениям из его формулярного списка от 17 июля 1902 г., «женат 1-м браком на девице Татьяне Николаевне, имеют сына Александра, родившегося 5 августа 1879 года. Жена и сын находятся при нём». См. также: *Баяндина Н.П.* Пермь купеческая. — Пермь, 1997. — С. 69.

Автор приносит благодарность за помощь в уточнении некоторых фактов и фамилий Е.П. Субботину.

СОЗВЕЗДИЕ «СТРЕЛЬЦА» (Бульвар Гагарина, 74)

Внешне эта позднебрежневская пятиэтажка на Авторadio мало чем отличается от других, созданных с целью использовать под «конторы» зданий. Пристроили. Подчеркивающая безликость и усредненность облицовка из серых плит. Стандартный адресный указатель: «Бульвар Гагарина, 74».

Поначалу большую его часть занимал региональный учебный центр ДОСААФ. При реорганизации 1990-х гг. возникла Объединенная техническая школа РОСТО. Из экономии ужались, часть площадей сдали под коммерческие организации. Так рядом с кузницей резервов для Вооруженных сил появились страховая компания и диспетчерская такси «Быстрофф», салоны мягкой мебели и штор, несколько офисов, кафе «Регион». Информацию о них можно найти в любом рекламном справочнике, не говоря уж о вывесках и плакатах по фасаду. Но есть у них «соседи за стенкой», далекие от того, чтобы рекламировать себя. У них и вывеска-то отсутствует. Случайному человеку, даже живущему поблизости или работающему здесь вряд ли придет в голову: крепкие парни, в любое время суток входящие-выходящие через второй подъезд и их машины во дворе относятся не к какой либо ЧОПовской охранной структуре, а элите элит стражей правопорядка — Спецназу.

В начале «лихих 90-х», когда потребовалось противостоять разгулу бандитизма, в милиции Прикамья, как и в других регионах, создали СОБР специальный отряд быстрого реагирования «Стрелец».

Укомплектовали офицерами-профессионалами экстра-класса, прошедшими многоступенчатый отбор, как правило, уже проявившими себя на боевом поприще. «Десантурой», вроде Сергея Яшкина и Константина Ширинкина. Ветеранами «горячих точек». Взять «афганца» Андрея Борисова, или Артура Авлиярова, еще в 1989 году понохавшего порошу в Нагорном Карабахе, или Андрея Патокина, служившего в миротворческом батальоне на территории, охваченной войной Югославии...

Что называется, до зубов оснастили новейшими образцами оружия и спецтехники. Натренировали выживать и действовать в любой обстановке. Почти все имеют разряды по парашютному спорту, могут свалиться с вертолета на голову врагу «зависающе-лестничным» способом, каждый способен добыть воду в пустыне, в лесу приготовить вполне сносную еду — из дикорастущей зелени, какой ни есть живности...

Тут человека оценивают не по количеству звездочек на погонах, не по должности — по тому, что он в действительности стоит, насколько надежен и смел. Оттого не устраивают «спортивно-кулачных» испытаний «на соискание крапового берета». Мол, ты, новичок, себя в настоящем деле покажи.

С 2002 года СОБРы переименовали в ОМСНы — отряды милиции специального назначения. Но как-то не зазвучало, не привилось и даже в прессе их чаще величают по-прежнему. Впереди — новое переименование.

Основная задача полицейского спецназа борьба с организованной преступностью — почти сразу раздвинулась до участия в широкомасштабных боевых операциях. Практически ни одна из таковых, проводимых на Северном Кавказе, не обходится без пермяков. «Среагируют», нанеся выверено-точный смертоносный удар и мгновенно переместятся-перенацелятся...

Особо памятен им март 1996-го. Бои в Грозном. Взаимодействуя с коллегами из Кургана, Оренбурга, Ижевска, Нижнего Новгорода и Липецка, они сражались с многократно превосходящими их количественно скоплениями боевиков, выявляли и уничтожали засады... Ожесточенные бои разгорелись у нефтеперегонных заводов, затем перед храмом Михаила Архангела и на подступах к «Президентскому дворцу». Почти в упор — выстрелы из гранатометов, снайперы гвоздят — не высунешься... Вскоре вышли из строя, сгорев подобно спичечным коробкам два бэтээра, стали подходить к концу боеприпасы. Таки прорвались, и заблокированных товарищей прикрыли-выручили. Вот только своих потеряли — девять золотых парней. Лаконичны, лишены ложного пафоса строки рапорта: «Младший лейтенант Кузьмин Ф.В. ...продолжал вести огонь до тех пор, пока не сгорел заживо вместе с машиной, до конца выполнив свой служебный долг». Чтоб не остались тела павших ни дудаевцам на поругание, ни одичавшим грозненским псам на обглод, бойцы вступали в новые схватки...

Кузьмину посмертно присвоено звание Героя России. Остальным — и мертвым и живым — ордена мужества.

Сергей Черепанов вполне мог стать десятым. Всего израненного доставили его в ростовский госпиталь. Оттуда позвонил домой, поздравил жену с 8 марта. О себе: да прихворнул малость, скоро на поправку... Даже будучи давно дружен с ним, я едва-едва «разговорил» его на подробности. И то не о нем самом. О «СОБРатьях».

...Вспоминая другие боевые эпизоды, парни склонны придавать им своеобразную трагикомичную окраску. «Метнул я в оконный проем «лимонку», а она, словно в полете развернувшись, — тут же об-

ратно. Едва успел залечь. Осколки так над головой — веером... Оказалось, «моджахед» напротив окна большой чайник подвесил, тот и «спружинил»... «Рухнул я с третьего этажа, да на кирпичи. Только порадовался, что ещё легко отделался, как следом парочка шумовых гранат прилетела...

И ведь не ожесточились, не очерствели душой. Сам не раз наблюдал, мальцы целятся в «урусов» из игрушечных автоматов, вопят: «Аллах Акбар». А те только добродушно отшучиваются: «Двоечник, небось?» Иному конфету протянут... Знают местные обычаи и формулы вежливого обращения, подчеркнута почтительно обращаются к женщинам и старикам. В свою очередь горцы проявляют к нашим не показное уважение, одергивают задиристую мелкоту.

Находясь в Перми, святое — навещать семьи погибших — не только по праздникам и памятным датам. Для помощи и поддержки. Каких ни есть денег собрать, ремонт-переезд, паренька в кадетскую школу устроить...

Беспокойно живут и «в тылу». Постоянно — в боевой готовности. Именно им довелось поставить точку в карьере горе-грабителя Шурмана (хотя и совершенно иным образом, чем расписывали падкие на сенсации СМИ). Именно они в числе первых напали на «суксунский след», приведший к логову террористов на территории Башкортостана. Примерно два раза в месяц — учебно-тактические выезды на полигоны. Выложатся по-полной, вечером у костра посидят, сухпай прикончат, «за жизнь перетрут» (последнее, говоря по ученому, составная часть психологической релаксации и профилактики профессиональной деформации личности).

Многие стремятся получить второе высшее образование. Одни — для расширения карьерных горизонтов, другие — для старта «на гражданке». Поэтому обычная картина: улучивший свободный часок сидящий за учебником боец. Тот же майор Сергей Шистеров — студент-заочник «Политеха».

Я далек от идеализации. В «повседневке» они отнюдь не супермены типа Рэмбо. Хватает житейских забот-хлопот. Тот же Володя Бояршинов, получив «шурмановскую премию», не на Канары отправился, не в кураж впал, «поляну накрыл» — погасил висевший на семье кредит. Одно без сомнения — жизни умеют радоваться, как никто другой.

Я неоднократно бывал с парнями в «горячих точках». Как своего принимают меня и «на хате» по Гагарина, 74.

КПП с решетчатой дверью и хитрыми сигнальными «наворотами». «Дежурка» Он же пункт управления. Едят здесь за общим столом — основательно и не суетно, как их прадеды — пахари, мастеровые,

воины. Без вопросов о том, сыт ли голоден ли — молча подвинутся; подсаживайся, бери ложку, ешь. Сыт? Ну как хочешь? Табельные продукты обязательно дополняют домашними разносолами. Поэтому очень к месту оказываются мои собственноручно приготовленные кавказско-балканские приправы и закуски. Алкоголь уважают. Но если и пьют, то только по особо значимым случаям и чисто символически — «сто грамм наркомовских». Для находящихся на суточном дежурстве — телевизор, компьютер, книги, настольные игры. Специальная комната отведена под спальню — с простыми солдатскими, застланными серыми шерстяными одеялами кроватями. Отдых в любую минуту может прервать сигнал тревоги. И тогда через три минуты будет готова к выезду — хоть на соседнюю улицу, хоть за тридевять земель, хоть к черту на рога — боевая группа.

«Оружейка» — арсенал в миниатюре. Новейшие стрелковые системы и снаряжение. А рядом выдавшая виды мосинская трехлинейка с оптическим прицелом. Надежная, *убоистая*.

Тренажерные залы. Регулярный «кач» обязателен для всех. Тренировки проходят и на улице. Благо развалины Пермской фармацевтики да заброшенные, буйно разросшиеся сады — полоса препятствий — лучше не придумаешь. А вот учебно-тренировочные стрельбы проводить здесь негде. Выезжают на полигон ПВИ МВД РФ.

Святая святых — мемориальная стена с портретами павших товарищей. Вот и в 2011 году добавились — Андрей Тунев, Андрей Лузин, Алексей Пищальников. Здесь всегда горит лампада.

Могилы за забором — на Аллее славы Южного кладбища. Живые и мертвые — рядом.

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР
ПЕРМСКОГО КРАЕВОГО СОВЕТА ПРОФСОЮЗОВ
(ул. 9 мая, 21)**

Свой дом, своё собственное здание региональный учебный центр (РУЦ) обрёл в 1966 г., до этого центр располагался на разных съёмных площадках. А началась история РУЦа с постановления президиума Пермского облсовпрофа от 28 августа 1961 г. «Об организации профсоюзных курсов»¹.

В том памятном году мне было всего 26 лет, меня переполняла энергия, и я с энтузиазмом взялся за работу. У меня был месяц для подготовки к приёму слушателей. Чтобы набраться кое-какого опыта, я съездил в Свердловск, где ознакомился с работой первых на Урале профкурсов, созданных в 1955 г. Затем мы совместно с работниками аппарата облсовпрофа и ряда отраслевых обкомов профсоюзов составили календарный план обучения, разработали (на основе рекомендаций ВЦСПС) учебные планы, выбрали базовые предприятия, где слушатели (с выездом на место) могли ознакомиться с практикой профсоюзной работы, определились с преподавателями по направлениям профсоюзной деятельности. Все вопросы рассматривались на заседании методического совета под руководством секретаря облсовпрофа З.П. Семёновой.

В октябре во Дворце культуры им. Свердлова (теперь — им. Солдатова) приступили к занятиям. Здесь нам предоставили две аудитории и лекционный зал на 120 человек; администрация курсов в проходе между лестничной площадкой и фойе соорудила себе рабочий кабинет, расставив вокруг шкафы. Если с учебными аудиториями дело обстояло более-менее прилично, то с общежитием спортивной базы «Летающий лыжник» завода им. Дзержинского, находившемся по адресу ул. Тихая, 22 (в Егошихинском логу), вышел полный конфуз: слушателей курсов, командированных из области, разместили в двух комнатах по 20 человек. Санитарное состояние общежития оказалось отвратительным: мыши, клопы, тараканы; удобства на улице, комнаты плохо отапливались. Пошли жалобы, пришлось принять срочные меры. Договорились с городскими гостиницами, но в них не всегда были свободные места, к тому же в гостиницах разрешалось жить не более одного месяца; и если курсы трёхмесячные, то приходилось идти к руководству облисполкома за разрешением продлить срок проживания.

Ситуация была нелёгкая: я не успевал одновременно заниматься учебными и хозяйственными проблемами. Оценив обстановку, облсовпроф пошёл нам навстречу: в ноябре выделил ставку заведующего учебной частью. На эту должность была принята Н.Н. Стрелкова.

Положение с устройством иногородних слушателей несколько облегчилось в конце 1962 г., когда на первом этаже жилого дома облсовпрофа на ул. Студенческой, 25 (на Городских Горках), выделили под общежитие комнаты, где можно было разместить 30 человек. Несмотря на трудности, обучение профактива шло полным ходом. Только за четыре месяца — с октября 1961 по январь 1962 гг. — переподготовку на курсах прошли более 900 человек; для их обучения было привлечено 130 внештатных преподавателей из числа работников профсоюзных и хозяйственных органов, высших учебных заведений. При зачислении на курсы каждому слушателю вручалась общая тетрадь с логотипом «Пермский областной совет профсоюзов. Профсоюзные курсы». Тетради были изготовлены по нашему заказу на пермской печатной фабрике «Гознак».

Опытом работы мне предложили поделиться на Всесоюзном семинаре-совещании руководителей курсов советов профсоюзов, который проходил в Москве 25 февраля — 2 марта 1962 г. После моего выступления работой наших курсов заинтересовался сектор подготовки кадров оргинструкторского отдела ВЦСПС². В Пермь была командирована представительница ВЦСПС Н.И. Конькова. Она изучила и обобщила опыт профкурсов, написав подробную справку, где дала высокую оценку деятельности курсов. Решением Секретариата ВЦСПС от 16 июля 1963 г. справка была направлена в республиканские, краевые, областные советы профсоюзов³.

Постановление ВЦСПС добавило нам новые, хотя и приятные, заботы. Опыт наш оказался востребованным. Профсоюзные курсы Вологды, Грозного, Калининграда обратились с просьбой прислать учебные планы по всем учебным группам, планы работы методического совета и его секций. Кроме общения через почту, представители ряда курсов сами приезжали в Пермь, чтобы на месте ознакомиться с опытом пермяков. Так, в бытность моей работы на курсах побывали сотрудники 18 профсоюзных курсов страны — из Ашхабада, Владимира, Иванова, Ижевска, Кемерово, Костромы, Кургана, Минска, Омска, Пензы, Свердловска, Сыктывкара, Тюмени, Улан-Удэ, Чебоксар, Челябинска, Читы и Ярославля. Такой интерес к Пермскому опыту подвиг руководство облсовпрофа обратиться в ВЦСПС с просьбой выделить средства на строительство собственного здания профсоюзных курсов. И деньги были выделены.

Весь 1964 год ушел на проектные работы. Их выполнял институт «Пермгражданпроект». Первоначально проект предусматривал трехэтажное здание по типовому проекту вечерней (сменной) средней общеобразовательной школы на 720 учащихся. Но я (на всякий случай) попросил главного инженера проекта Н.Д. Дудко заложить фундамент с расчетом на четыре этажа, что и было сделано.

Все шло нормально. Но без неприятностей все же не обошлось: из Дворца нас выселили. Случилось это так: в один из дней 1964 года к нам явился представитель Пермского горкома КПСС и бесцеремонно потребовал освободить помещение, так как принято решение здесь разместить кабинет пропаганды передового опыта. И тут же начали ввозить стенды. Это было похоже на рейдерский захват. Положение усугублялось тем, что в облсовпрофе в 1964 г. произошла смена власти: к руководству пришел новый председатель А.М. Денисов. Он еще не успел войти в курс дел, а тут возникла проблема, куда переселить курсы. Выход нашли — разместили нас в Доме культуры строителей (ул. Куйбышева, 66), где выделили одну аудиторию, а другую мы соорудили сами в фойе первого этажа. В таких условиях пришлось работать вплоть до получения своего здания.

Строительство началось в 1965 г. В ходе работ удалось добиться надстройки четвертого этажа, благо на это фундамент был рассчитан. Проектирование и строительство здания потребовали больших усилий. Это было связано, прежде всего, с хождением для согласования проекта в органы власти, как в Перми, так и Москве (Госстрой РСФСР, отдел строительства ВЦСПС). В нашем облсовпрофе тогда еще не было отдела капитального строительства, его создали только в начале 1970-х годов, поэтому вся тяжесть забот легла на плечи заведующего курсами. Шла огромная переписка по вопросам проектирования и строительства: за два года было написано около 400 писем.

Строительство осуществлялось за счет нецентрализованных источников, по так называемому прямому договору между заказчиком (облсовпроф) и подрядчиком (трест «Пермжилстрой»). Заказчик должен был поставить подрядчику материалов и оборудования около 70 наименований (трансформаторы, стальные и чугунные теплового газонагревательные трубы, задвижки, кабельную продукцию, светильники, выключатели, сантехническое оборудование и т.д.), а подрядчик — обеспечить строительство кирпичом, раствором, пиломатериалом, железобетоном и рабочей силой.

Чтобы достать необходимые строительные материалы, пришлось использовать различные каналы — в основном, конечно, через профсоюзные организации предприятий. Так, благодаря профсоюзам Юго-

Камского машзавода (председатель И.В. Багаев) и пермского завода «Камкабель» (председатель В.П. Буров) удалось получить без бюрократических проволочек задвижки и кабельную продукцию. Строительство здания курсов было окружено заботой и вниманием всех, кто трудился в профсоюзных органах. Например, в субботниках в дни подготовки строения к сдаче в эксплуатацию приняли участие работники облсовпрофа во главе с его председателем, сотрудники обкомов профсоюзов — всего 130 человек.

И вот настал день приема здания в эксплуатацию. Собралась комиссия. Неожиданно председатель горисполкома А.И. Лукьянченко без объяснения причины заявляет: «От приема объекта временно воздержаться». Я был обескуражен. Кто-то из присутствующих мне шепнул, что обком партии обязал горисполком найти помещение под инфекционную больницу (летом 1966 г. в Перми случилась эпидемия дизентерии). Мне стало понятно: горисполком хочет решить свой вопрос за счет нас, и временно устроить в здании лечебное отделение для больных дизентерией. Но ведь всем известно: нет ничего более постоянного, чем временное. Трудно представить тогдашнее мое состояние: это был шок. Я поехал в облсовпроф. Председатель оказался в отпуске. Я уговорил секретаря облсовпрофа Н.А. Сычкина и секретаря парторганизации В.Н. Каменева пойти вместе в обком КПСС. Нас принял второй секретарь обкома партии М.А. Смирнов. Хочу заметить: я с ним и раньше встречался, когда он работал председателем сельского облисполкома: приходили к нему, чтобы продлить сроки проживания слушателей трёхмесячных курсов в гостиницах; и запомнил его как справедливого, сопереживающего человека. Михаил Анатольевич внимательно нас выслушал и, позвонив председателю горисполкома, попросил его не трогать профсоюзные курсы.

Через несколько дней, в конце августа 1966 г., здание официально приняли в эксплуатацию, и курсы въехали в четырехэтажный корпус, где региональный учебный центр профсоюзов размещается по сей день.

Строительство здания курсов обошлось в 203 тыс. руб. (Цены тогда были другие: булка хлеба, например, стоила 20 копеек, коробок спичек — копейку, проезд в троллейбусе — четыре, в трамвае — три копейки). Полезная площадь здания составляла 1850 кв.м. Два верхних этажа были отведены под общежитие, рассчитанное на 110 человек. На первом и втором этажах расположились пять аудиторий на 150 человек, лекционный зал на 100 мест с киноустановкой, библиотека с книжным фондом в 12 тысяч экземпляров и читальным залом, буфет и гардеробная.

В оборудовании курсов мебелью и другими аксессуарами большую помощь оказали областной совет по управлению курортами профсоюзом (председатель З.П. Семёнова), судостроительный завод «Кама» (председатель профкома С.Я. Лифшиц), завод им. Свердлова (председатель профкома П.И. Мельцин), велосипедный завод (председатель профкома И.М. Макаров).

Профсоюзные курсы, заимев своё здание, перестроили всю свою работу. Это коснулось, прежде всего, учебно-методической работы. Здесь большая заслуга завуча курсов Н.Н. Стрелковой (в 1971 г. за успехи в деле обучения профсоюзных кадров и актива она была награждена орденом «Знак Почета»). На курсах начали создаваться методические кабинеты. Первым в 1967 г., благодаря стараниям заведующего лекторской группой облсовпрофа Е.Н. Климова, был открыт кабинет лектора. Здесь слушатели курсов могли ознакомиться с методическими пособиями, текстами лекций по профсоюзной тематике.

В октябре 1968 г. я расстался с профсоюзными курсами, решил попробовать свои силы на другой стезе — научно-педагогической. Отпустили меня с сожалением. На прощание председатель облсовпрофа вручил Почетную грамоту с записью: «За долголетнюю и активную работу по обучению и воспитанию профсоюзных кадров».

Годы работы на профсоюзных курсах я вспоминаю с благодарностью. Именно здесь я прошел школу жизни, приобрел опыт административно-хозяйственной работы, что пригодилось в дальнейшем, когда я в течение 25 лет заведовал кафедрами исторических дисциплин в фарминституте и университете им. А.М. Горького. Все эти годы связи с учебным центром не терял: читал лекции, участвовал в заседаниях методсовета, разрабатывал учебно-методические пособия в помощь слушателям курсов. За работу по обучению актива первичных профсоюзных организаций был награжден в 1975 г. Почетной грамотой Президиума ВЦСПС. В 1979 г. курсы издали плакат тиражом 1,5 тыс. экземпляров, где обобщался опыт моей работы по обучению профсоюзных кадров и актива⁴.

Профсоюзные курсы, не останавливаясь на достигнутом, продолжали совершенствовать свою работу, добиваясь новых успехов. Немалая заслуга в этом директоров курсов: Е.Н. Климова (1968—1970 гг.), В.А. Черкасовой (1970—1980 гг.), М.М. Вачегина (1980—1988 гг.), Г.И. Конькова (1988—1991 гг.), В.М. Аликина (1992—1995 гг.), М.И. Силкина (1995—2000 гг.), В.Г. Петухова (2000—2003 гг.), В.А. Киселева (2003—2007 гг.), А.Е. Мансветова (2007—2010 гг.).

В начале 1970-х гг. аудитории курсов были закреплены за отделами облсовпрофа. Соответственно, появилось пять методических кабинетов (организационно-массовой, производственно-массовой и культурно-массовой работы, социального страхования, охраны труда.

Профсоюзные курсы расширили поле своей деятельности. К действующему в Березниках филиалу добавились новые: в Кудымкаре (1969 г.), Чернушке (1970 г.), Лысьве (1974 г.), Кизеле (1975 г.), Кунгуре (1976 г.), Добрянке и Чайковском (1985 г.).

5 мая 1972 г. Секретариат ВЦСПС принимает постановление: «Создать на базе курсов Пермского областного совета профсоюзов межобластные профсоюзные курсы для обучения по месячным учебным планам профсоюзных работников Кировской и Пермской областей, Коми, Марийской, Удмуртской и Чувашской АССР»⁵.

Центральной фигурой на профсоюзных курсах был методист — специалист по методике обучения. Он изучал и обобщал методический опыт преподавателей и на этой основе помогал им правильно организовать учебный процесс, применять наиболее эффективные методы обучения. Если в 1966 г. на курсах работало два методиста, то с 1972 г. — пять. О роли методиста в обучении профсоюзных кадров и актива подробно рассказывается в брошюре методиста Пермских межобластных профкурсов М.П. Субботиной, изданной способом офсетной печати Московской высшей школой профсоюзного движения ВЦСПС тиражом 350 экземпляров⁶.

Методисты межобластных профсоюзных курсов периодически посещали предприятия, помогали ФЗМК в планировании работы школ профактива, в подборе лекторов, оформлении методических кабинетов и уголков. На самих курсах имелась постоянная выставка материалов в помощь школам профактива⁷.

За большую работу по обучению профсоюзных кадров и актива коллектив межобластных профсоюзных курсов в 1981 г. был награжден Президиумом ВЦСПС Почетной грамотой.

Организация обучения, введение новых его форм, сама кабинетная система требовали дополнительных площадей. И вскоре третий этаж здания курсов пришлось переоборудовать под учебные аудитории, общежитию же остался лишь четвертый этаж. В комнатах сразу стало очень тесно: в них одновременно жили по 5-6 человек. Понятно, что, когда сроки обучения достигали месяца, такие условия проживания руководство курсов не могло считать приемлемыми. И директор профкурсов В.А. Черкасова начала энергично добиваться и добилась разрешения на строительство общежития. Его сооружение даже было включено в государственный план. А это значило, что поставка материалов и оборудования осуществлялась со всех уголков страны. В 1981 г. общежитие гостиничного типа (пристроенное к учебному корпусу) с двухместными номерами, столовой, конференц-залом, вступило в строй. Это позволило значительно увеличить число обучающихся, создать комфортные условия для проживания иногородних слушателей.

Очень сложным для профсоюзных курсов был рубеж 1980-х — 1990-х гг. — разгар перестройки, ломка складывавшейся десятилетиями социально-экономической системы, новые методы хозяйствования были в зачаточном состоянии, страна погружалась в хаос. Предприятия и организации, чтобы выжить, начали вести самостоятельную хозяйственную деятельность, но профсоюзные курсы этого сделать не могли — юридически они считались подразделением облсовпрофа, и сами зарабатывать не имели права. В условиях полнейшей правовой неопределенности, царившей в стране, изменить что-то кардинально не было никакой возможности.

В феврале 1988 г. постановлением облсовпрофа курсы преобразуются в региональный учебный центр, в декабре 1989 г. — в зональный учебный центр, а в сентябре 1993 г. — снова в региональный учебный центр. К тому времени российская экономика окончательно встала на рыночный путь, правила игры более-менее определились, и руководство курсов стало приспосабливаться к жизни в новых условиях.

В соответствии с новыми законами был разработан Устав учебного центра, что дало ему право на финансовую независимость. А это, в свою очередь, позволило начать зарабатывать собственные деньги. Часть площадей пришлось сдать в аренду, в столовой был оборудован банкетный зал, бар и сауна. В труднейших условиях, когда советы профсоюзов в соседних регионах потеряли свою образовательную базу, наш центр сумел не только сохраниться, но и вписаться в рынок, найти свою нишу в нем.

Появившиеся, на конец, финансовые средства были направлены на создание службы компьютерного обеспечения, на разработку программ информационного обслуживания обкомов отраслевых профсоюзов и профкомов предприятий и учреждений, на компьютерное обслуживание библиотеки.

На базе РУЦа стали проводиться семинары по проекту Международной организации труда (МОТ) по подготовке преподавателей. Был создан постоянно действующий лекторий для председателей обкомов и профкомов, их заместителей.

В центре ежегодно обучалось до девяти тысяч человек. По числу слушателей Пермский РУЦ уступал только учебно-методическому центру в Москве. В прочем, сравнение это, наверное, не совсем уместное — столичный центр финансировался из средств Московской федерации профсоюзов, в то время как наш зарабатывал деньги сам.

В 2003 г. директор РУЦа В.А. Киселев (он же руководитель фонда профсоюзного имущества), сохраняя и приумножая все важное и полезное, наработанное ранее, внес в работу центра ряд новшеств.

В частности, учитывая, что в стране практически каждый день что-либо меняется, и знания, приобретенные слушателями, становятся неполными, а то и устаревшими, он ввел систему переподготовки профсоюзных кадров.

15 января 2004 г. департамент образования и науки администрации Пермской области выдал РУЦу лицензию на право учебной деятельности. А свидетельства управления труда, выданные 4 февраля 2004 г. и 25 февраля 2005 г., предоставили ему право оказывать услуги по следующим направлениям: обучение и проверка знаний по охране труда, электробезопасности; аттестация рабочих мест по условиям труда; разработка методических пособий по охране и условиям труда; обеспечение организаций необходимыми законодательными, нормативными, правовыми документами по охране труда и электробезопасности по их заявкам; организация и проведение конференций, дней охраны труда, выставок по средствам безопасности труда, семинаров, совещаний по вопросам охраны труда, средствами индивидуальной защиты, спецодежды, спецобуви, и т.д.

Так, в 2009 г. в центре охраны труда РУЦа обучение проводилось по 25 направлениям, включая промышленную, электро- и пожарную безопасность. Центр приобрёл компьютерную программу обучения и тестирования по пожарной безопасности, которая позволяет одновременно обучать 10-12 человек. Это особенно удобно для небольших организаций. Важно и то, что после такого обучения выдается удостоверение о прохождении курса по пожарной безопасности.

Региональный учебный центр Пермского облсовпрофа в 2005 г. был признан лучшим в стране по итогам конкурса «Активное обучение — эффективный профсоюз», посвященного 100-летию профсоюзного движения в России. Эта победа стала итогом упорной работы трудившихся с полной самоотдачей руководителей РУЦа и его сотрудников.

За время существования учебного центра в нем проучилось более 250 тыс. человек. Сегодня РУЦ является «кузницей» профсоюзных кадров. Ежегодно здесь проходят обучение и повышают свою квалификацию тысячи профсоюзных работников и активистов.

Учебный центр владеет самой современной технической и методической базами. В его аудиториях одновременно могут заниматься до 500 человек. В центре имеются конференц-зал на 240 мест, актовый зал на 100 мест. Он располагает гостиницей для иногородних слушателей, в которой могут разместиться 200 человек.

Известно, что чем активнее человек участвует в учебном процессе, тем лучше он усваивает знания. Если после обычной лекции он запоминает менее половины информации, то после обсуждения, да

еще если он сам найдет верное решение проблемы, можно говорить о полном овладении материалом. В региональном учебном центре применяются такие методы активного обучения, как «круглые столы», дискуссии, разборы конкретных ситуаций, деловые игры⁸.

С 1 января 2010 г. РУЦ перешел на новую форму организации обучения профсоюзных кадров и актива, которая включает в себя доленое финансирование учебных программ и семинаров, входящих в так называемый «социальный заказ». В его рамках обучение осуществляется по одиннадцати программам: «Организационная работа в профсоюзе», «Делопроизводство в профсоюзной организации», «Информационная работа в профсоюзной организации», «Мотивация профчленства и профактивности», «Правозащитная функция профсоюзов» и т.д.

Финансирование данных программ, согласно постановлению президиума крайсовпрофа от 15 октября 2009 г., осуществляется из следующего расчета: 35% — за счет средств заказчика и 65% — за счет средств крайсовпрофа. Новая форма финансирования позволяет профсоюзным организациям увеличить количество часов обучения, сделав подготовку своих профсоюзных кадров более целенаправленной, системной.

Кроме обучения по программам доленого финансирования, проводятся, как и в предыдущие годы, семинары для вновь избранных председателей профсоюзных организаций и молодежного профактива. Программы рассчитаны на 48 и 72 часа и оплачиваются полностью за счет средств крайсовпрофа⁹.

К сожалению, в последние годы в региональном учебном центре не все благополучно. Причина тому — вопросы финансовые, вызванные нарушением взаимоотношений с фондом профсоюзного имущества крайсовпрофа. До недавнего времени у учебного центра была выстроена эффективная система взаимоотношений с фондом, который являлся его спонсором. Это позволяло центру заниматься исключительно профильной деятельностью — обучением профсоюзного актива. В начале каждого года составлялся договор, где прописывался размер дотации, который фонд имущества брал на себя. В среднем объем финансирования составлял более двух миллионов рублей ежегодно. За счет этого снижалась стоимость обучения в учебном центре.

Теперь положение изменилось: с ведома крайсовпрофа фонд имущества перестал оказывать помощь РУЦу, что привело к росту цен за учебу в центре. Из-за этого профсоюзные организации начали отказываться от услуг учебного центра. Как пойдут дела дальше — покажет время.

¹ Региональный учебный центр профсоюзов: буклет. — Пермь 2006. — С. 3.

² Из личного архива Г.С. Мурсалимова.

³ Об опыте профсоюзных курсов Пермского промышленного областного совета профсоюзов: Пост. Секретариата ВЦСПС от 16 июля 1963 г., протокол № 17, п. 5. // Сб. постановлений ВЦСПС. Июль — сент. 1963 г. — М.: Профиздат, 1963. — С. 27-32.

⁴ Из личного архива Г.С. Мурсалимова.

⁵ О межобластных профсоюзных курсах в г. Перми: Пост. Секретариата ВЦСПС от 5 мая 1972 г., протокол № 11, п. 17. // Сб. действующих постановлений ВЦСПС. — Т. 1. — М.: Профиздат, 1980. — С. 366-367.

⁶ Опыт работы методиста профсоюзных курсов (г. Пермь). — М.: Высшая школа профдвижения ВЦСПС. Отдел методики и программ, 1978. — 22 с.

⁷ О работе Пермского областного совета профсоюзов по организации обучения актива первичных профсоюзных организаций: Пост. Секретариата ВЦСПС от 29 нояб. 1974 г., протокол № 34, п. 13. // Сб. постановлений ВЦСПС. Окт.-дек. 1974 г. — М.: Профиздат, 1975. — С. 53-57.

⁸ Региональный учебный центр профсоюзов: буклет. — Пермь, 2006. — С. 7-13; Профсоюзный курьер. — 2006. — 21 дек.; 2007. — 13 сент.; 2008. — 24 янв., 27 нояб.; 2009. — 28 янв., 18 марта, 27 мая; 2010. — 8 сент.

⁹ Звезда. — 2011. — 9 июня.

Э.Е. МАГАРАМ В ПЕРМИ
(ул. Закамская, 21 / Ласьвинская, 9)

Шлакоблочный трехэтажный дом на углу улиц Закамская, 21, и Ласьвинская, 9, в Закамске построен в 1953 г. Он известен тем, что в нем было «Кафе встреч» — любимое место свиданий молодежи в 1960-е годы, где были «доступные цены, культурная обстановка, приличная публика» (1). Кроме того, на здании в августе 2007 г. установили мемориальную доску в честь поэта, певца и композитора Сергея Наговицына, который жил в этом доме в 1968—1999 годах (2).

Но оказывается, с этим домом связано еще одно имя — редактора литературно-художественных альманахов «Желтый лик» и «Китай», члена Всероссийского общества Союза писателей Э.Е. Магарама.

«Поистине подвижнической стала работа создателей и участников литературно-художественных альманахов, посвященных изучению нашими исследователями, писателями и художниками истории и культуры Китая и приближению их к читателю-соотечественнику», — пишут исследователи русской эмиграции (3). Среди этих подвижников был и Элий Евельевич Магарам. Его биографию удалось обнаружить в одном из решений исполкома Кировского Райсовета депутатов трудящихся. Решение № 124 от 23 апреля 1958 г. — это ходатайство по персональной пенсии для Э.Е. Магарама (4), проживающего в Кировском районе с 1948 года. Приведем сведения, имеющиеся в Государственном архиве Пермского края.

Элий Евельевич родился в 1889 г.

В 1906—1910 гг. — политический ссыльный в Нарымском крае.

В 1910—1917 гг. — политический эмигрант во Франции, Италии, Швейцарии. Работает слесарем, механиком. Написал ряд статей из жизни политзаключенных.

1917—1918 гг. — военнотрудовой в Одессе. В марте 1918 г. эвакуирован в Сибирь.

В марте и мае 1918 г. — секретарь газеты «Знамя революции» (орган Совета депутатов трудящихся г. Томска). Написал ряд политических статей. Эвакуируется из Томска в глубь Сибири в связи с захватом города чехословаками.

1918—1920 гг. — эмигрант в г. Харбине (Маньчжурия). Занимается литературной работой. Эмигрировал в Китай.

1920—1922 гг. — эмигрант в г. Шанхае. Редактор русской газеты «Новости Шанхая» и литературно-художественного альманаха. И газета, и альманах освещали жизнь китайского народа на русском языке.

1923—1924 гг. — в г. Шанхае, редактор альманаха «Китай». Лоялен по отношению к СССР.

1924—1925 гг. — работал в СССР: сотрудник газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Труд» в Москве. Член Всероссийского общества Союза писателей, напечатал ряд литературных статей.

1925—1927 гг. — Шанхай, специальный корреспондент советской газеты «Гудок». Одновременно является редактором газеты «Новая Шанхайская жизнь».

1927—1928 гг. — сотрудник советских газет в Москве. Напечатал ряд статей в газетах о жизни Китая.

1928—1941 гг. — официальный корреспондент советских газет в Шанхае. Литературная работа, писательская и журналистская.

1941—1947 гг. — сотрудник советской радиостанции «Голос родины» и газеты «Новая жизнь», г. Шанхай. В газетах напечатано много рассказов и статей (более 100), и через радиостанции — много литературно-политических докладов (более 300), отражающих жизнь в СССР. Радиостанция закрыта китайскими войсками. Работал в этот период под руководством сотрудников отделения ТАСС. Репатриирован на родину (5).

Жаль, что мы не располагаем данными о том, было ли принято решение о персональной пенсии Э.Е. Магараму, и сколько лет он прожил в Закамске после 1958 года.

Единственное упоминание о литераторе в местных источниках есть в книге «Закамск. 1941—1991»: «В районе жил человек интересной судьбы, литератор, направленный А.В. Луначарским по просьбе Сунь Ятсена и по рекомендации В.И. Ленина в Китай для оказания литературной и журналистской помощи, Эли Эвилевич Магарам» (6). Здесь, как мы видим, имя и отчество написаны неправильно, но есть некоторые дополнительные сведения.

И в заключении хотелось бы вновь вернуться к статье Светланы Якимовой, опубликованной в журнале Тихоокеанского государственного университета. В своем исследовании, упоминая имя редактора литературно-художественных альманахов «Желтый лик» и «Китай» Э.Е. Магарама, она пишет, что он «открыл их публикацией своих обширных, внимательных и поучительных наблюдений за жизнью и

бытом китайцев под названием, аналогичным названию второго альманаха, «Желтый лик (очерки одного странника)». В одном из своих очерков, «Смеющийся Будда», автор знакомит читателей с этой скульптурой, символизирующей благоволение ко всем людям без различия, и добрым, и злым» (7).

1. *Первушина Т.* Улица Ласьвинская // Кировец. — 2001. — 28 дек.

2. *Субботин Е., Семянников В., Серов М.* Мемориальные доски Перми. — Пермь. 2008. — С. 69.

3. *Якимова С.* У истоков диалога двух цивилизаций: литература и журналистика русской эмиграции в Китае: 2030-е годы XX века // Мой университет (журнал Тихоокеанского гос. ун-та). — 2011. — № 1.

4. ГАПК. Ф. р-1081. Оп. 1. Д. 39. Л. 93.

5. Там же Л. 94.

6. Закамск: 19411991. — Пермь, 1991. — С. 97.

7. *Якимова С.* У истоков диалога двух цивилизаций....

ФАБРИКА-КУХНЯ ПЕРМСКИХ МОТОРОСТРОИТЕЛЕЙ (Комсомольский проспект, 98)

История общественного питания Пермского моторостроительного завода началась задолго до появления самого гиганта отечественной авиапромышленности. Среди первоочередных объектов на его стройплощадке были: будка сторожа, конюшня для лошадей и столовая-клуб, возведенная из срубленного здесь же леса всего за месяц (15 декабря 1930 г. начали — 15 января 1931 г. закончили). Таким образом, повара появились на 4-м км. Сибирского тракта даже раньше, чем сюда ступила нога строителей завода.

В 1931 г. на строительстве завода «М» трудилось 230 человек, и деревянное здание столовой не справлялось с таким количеством едоков. Многие строители по крестьянской привычке по-прежнему ходили на работу с узелком, в котором был нехитрый завтрак: вареная картофелина, головка лука, да горбушка хлеба.

Стройка разворачивалась, началось возведение корпусов первых цехов, ежедневно увеличивался коллектив строителей, и руководство стройкой в лице П.И. Чубукова озаботилось возведением уже капитального здания столовой. По проекту Гипроавиа это должна быть настоящая фабрика по приготовлению завтраков, обедов и ужинов. Проектировщики заложили большие объемы: 30 тыс. блюд в день. Отметим при этом, что фабрика-кухня должна была обеспечить питанием не только рабочих завода, но и членов их семей, вот почему она расположена между заводом и жилым поселком. В соответствии с лозунгом тех лет «Долой кухонное рабство!» в 4-х этажных домах, что возводились на проспекте, идущем от проходных завода в сторону города, не предусматривались кухни. Новая власть решила освободить женщину от кухонного труда для занятий спортом, искусством, учебной работой.

Возведение крупнейшей на востоке страны фабрики-кухни началось 1 мая 1932 г. Прибывший в Пермь 17 мая, глава советского правительства В.М. Молотов присутствовал на закладке ее фундамента. Здание фабрики-кухни, напоминающее букву «Н», возводилось в два этапа. В первую очередь строили производственную часть, она сдана строителями в эксплуатацию 7 ноября 1933 г. Это позволило на первом этаже готовить обеды и в термосах развозить их в цеха. На втором этаже производственной части обширного здания была открыта «лечебная столовая». За первые два месяца ее

работы поправили свое здоровье около 400 человек. Врач-диетолог Берт-Шитова и заведующий диетстоловой Шляхтин делали все, чтобы вернуть трудоспособность людям, трудившимся в тяжелых условиях, жившим в большой скученности в бараках и страдавшим от недоедания.

Карточная система, нехватка хлеба и других продуктов питания приводили к заболеваниям. Но и лечебное питание было лимитированным. Нарпит выделял на стройку 100 пайков, но рабочих, нуждающихся в питании, было гораздо больше, и, чтобы обеспечить максимально возможное их количество, пайки делили на 150 человек.

«Для успешного выполнения промфинплана, — писала газета «За мотор», — требуется хорошее снабжение, налаженное питание». Организацией этого занимался директор нарпита на заводе Иван Иванович Желнин. Ему удалось за сравнительно короткий срок создать систему снабжения строительства и завода продуктами, используя как централизованные фонды, так и закупки мяса, молока, овощей у населения, заключая договора с пригородными коллективными хозяйствами. Им создается в 1933 г. отдел рабочего снабжения (ОРС), в который впоследствии вошли и столовые завода, а основой стало собственное хозяйство, занимавшееся откормом свиней, разведением кроликов и птицы, выращиванием зелени и огурцов. Благодаря этому калорийность блюд постепенно начала расти. Если в 1933 г. она составляла 1040 калорий, в 1934 г. 1140 калорий, то в 1935 г. равнялась уже 1400 калориям.

По повышенным нормам калорийности обслуживалось лишь руководство строительства и завода, а также инженерно-технические работники. Для этого они были прикреплены к литерным столовым № 1 и 2, где питание было на 30 % более калорийным. Кроме того, прикрепление к литерной столовой могло быть и наградой для ударников: они получали право ее посещать, как правило, в течение месяца.

И сегодня труд кондитеров и поваров не легок, а в 1930-е гг. доля ручного труда достигала 90%. Вручную месили тесто, чистили и резали тонны овощей, крутили мясо для котлет и пр.; к этому нужно прибавить топку печей дровами. Вот почему женщин на фабрике-кухне было немного — в основном, официантки, кассиры, продавцы. Повара же, кондитеры, пекари — были мужчины; среди них выделялся своим мастерством А.М. Буторин — повар-бригадир столовой № 2, работавший с начала ее организации.

На прошедшей весной 1935 г. культурно-бытовой конференции, ее участники подчеркивали: отставание бытовой сферы негативно сказывается на производстве. Потери рабочего времени — огромный резерв для роста производительности труда. «Нужно сделать так,

чтобы работник завода не думал о доме, а думал только о производстве». Фабрике-кухне в этой борьбе отводилась ключевая роль. Конференция отметила недопустимую затяжку с пуском торговых помещений фабрики-кухни; на ее главный корпус, фасадом обращенный на проспект, были направлены строители с других объектов. Результатом аврала стало открытие к празднику — 1 мая 1935 г. — трехэтажного здания с рабочей столовой и кафе, которые отпускали стандартные обеды в рабочие и в выходные дни.

Представшая перед первыми посетителями фабрика-кухня поражала своим великолепием и размерами: красивый подъезд, светлый вестибюль, просторный гардероб, где встречали швейцар и гардеробщицы, одетые в специальную форму. Широкая лестница, отделанная под мрамор, вела в светлый, с бирюзового цвета стенами обеденный зал. Аккуратно расставленные столики, покрытые белоснежными с узором скатертями, удобные стулья, культурно работающий моторостроитель и питаться должен был культурно. В том числе, и в ресторане, который открылся на втором этаже. С восьми вечера до двух часов ночи здесь радовал публику своей игрой джаз-оркестр, предлагавший танцевальную программу. В буфете радовали глаз разнообразные напитки, закуски и кондитерские изделия.

Но были и проблемы. Труд поваров не был механизирован, конвейер для посуды, картофелечистки, машины для мытья и резки овощей, так и не появились. Не было вентиляции, из-за чего отсыревавшие перекрытия очень быстро были поражены грибком; и уже вскоре фабрике-кухне потребовался капитальный ремонт. Не было лифта — и официанткам приходилось проходить десятки километров вверх и вниз, таская тяжелые подносы.

Но несмотря на все трудности, фабрика постепенно выходила на проектную мощность. Особенно оживленно в торговых залах фабрики-кухни стало в октябре 1935 г., после отмены карточек, с переходом к торговле по единым государственным ценам. Работая на хозрасчете, коллектив фабрики-кухни стремился максимально расширить количество услуг. Фабрика-кухня стала отпускать обеды на дом из двух блюд: суп и каша обходились в 65 коп., с мясной котлетой в 95 коп. Для инженера, получающего 500-600 руб. в месяц, это было вполне доступно. Жены ИТР и простых рабочих брали обеды охотно. Фабрика ежедневно реализовывала до 300 стандартных комплектов в день.

Расширяя сферу своей деятельности, фабрика-кухня вскоре начала снабжать полуфабрикатами, продуктами и готовыми обедами ближайшие школы, открыла при детской поликлинике молочную кухню.

Но работникам фабрики-кухни приходилось ежедневно сталкиваться с плановым дефицитом. Составленное с вечера меню, утром приходилось менять из-за отсутствия продуктов: масла, риса, картофеля. Поварам приходилось выходить на дорогу и смотреть, не везут ли молочницы молоко на рынок, чтобы перекупить его.

Чтобы обедать в отведенное время, рабочие вынуждены были заранее занимать очередь задолго до обеденного гудка. Приходилось стоять в очередь к кассиру, которая выдавала взамен денег талон на выбранные в меню блюда, затем занимать место за столом и ждать официантку, которая брала талоны и приносила (если оно еще не закончилось) заказанное блюдо. Посетители, пообедавшие первыми, часто прихватывали с собой стулья, чтобы отдохнуть после обеда, и остальным приходилось съедать свой суп, переминаясь с ноги на ногу.

Возглавивший в апреле 1934 г. завод И.П. Побережский поставил перед собой задачу добиться передачи столовых в ведение завода. Только в этом случае можно было наладить нормальное качественное питание рабочих, и осуществлять оперативный контроль над работой персонала. Побережский поставил перед руководством ОРСа задачу расширения, во-первых, собственной продовольственной базы (в частности, развития мясомолочного направления), во-вторых, строительства складских помещений для создания запаса продуктов длительного срока хранения — круп, муки, овощей. Еще более сложной была ситуация со скоропортящимися продуктами, т.к. имевшиеся холодильные помещения не обеспечивали заморозку продуктов. Мясо, например, приходилось засаливать в бочках, а масло хранить на льду, которым запасались зимой.

Самым слабым местом фабрики-кухни была санитария. Настоящим бичом были мухи и тараканы, их наличие в тарелках и хлебе — повод для постоянных жалоб трудящихся и требований навести порядок. Вторым раздражающим явлением 1930-х гг. были очереди и грубость официанток. С последним злом удалось справиться только с помощью введения самообслуживания в 1970-е годы.

Низкое качество блюд, малый ассортимент, нарушение санитарных норм и «дутые» сводки отчетов — позволили обвинить в 1937 г. руководителей фабрики-кухни Чайковского и Желудева во вредительстве и саботаже общественного питания. Впрочем, обвинить во вредительстве и отдать под суд, было гораздо проще, чем выполнить те просьбы, с которыми директор Чайковский и его заместители многократно обращались к руководству завода, района. Многочисленные недоделки строителей, механиков, электриков — последствия штурмовщины ради победного рапорта к празднику, толь-

ко благодаря самоотверженному труду работников фабрики-кухни не привели к тяжелым последствиям — массовым отравлениям, инфекционным заболеваниями. Единственным способом успокоить общественность было «найти виновников, привлечь к ответственности». Но ежегодная смена директоров не помогала, а текучесть кадров поваров не позволяла наладить их обучение. Не способствовали улучшению работы и традиционно низкая зарплата, и тяжелый физический труд (рабочий день начинался в 4 ч. утра, с остановкой печей, сушки дров). Все эти проблемы были общими для общественного питания в наркомате.

В конце 1938 г. нарком авиационной промышленности Каганович вынужден был в специальном письме, направленном директорам заводов, призвать улучшить общественное питание, создать комиссии или организации, контролирующей деятельность общепита.

Общественность же, изучив постановку дела на фабрике-кухне, пришла к выводу: предприятию нужна не одна большая столовая, а несколько небольших, но находящихся рядом с местом работы людей. Это позволяло не только уменьшить очереди, но и решить вопросы санитарии.

Создание сети цеховых буфетов началось в 1939 г. Меняться стало и сознание самих работников общепита. На фабрике-кухне появились первые стахановцы, среди них такие опытные мастера, как главный кондитер Г.А. Шарипов, заведующий производством Н.А. Нечаев. Итогом организаторской, воспитательной работы стало завоевание коллективом фабрики-кухни в феврале 1940 г. переходящего Красного Знамени Наркомторга РСФСР и ЦК союза работников общественного питания.

Война стала серьезным испытанием для коллектива фабрики-кухни.

С настоящим голодом моторостроителям пришлось столкнуться уже осенью 1941 г., потому что коллектив завода вырос из-за количества эвакуированных за несколько месяцев вдвое. Огромные очереди за хлебом, который привозился в магазины нерегулярно, стали привычной картиной для города. Ситуация на заводе была ненамного лучше. Обычной едой в столовых стала баланда — мука, заваренная кипятком. Суровая зима 1941/42 гг. показала абсолютную неподготовленность общепита, ОРСа к работе в условиях войны. Небольшое подсобное хозяйство не справлялось с обеспечением завода продуктами. В отчете о работе цеха 34 за ноябрь 1943 г. указывалось: «в цехе очень большая заболеваемость из-за упадка сил, опухания рук и ног, ежедневно не работает по 25-28 человек». Для профилактики и лечения цинги в 1943 г. вводится обязательная витаминизация. На фабрике-кухне был организован витаминный цех, в

котором приготавливался напиток из хвои. Бутылы с ним на лошадях развозили по цехам. Для рабочих, перевыполнивших нормы, вводилось дополнительное горячее питание.

Но кардинально изменить ситуацию могли только решительные и быстрые действия по присоединению к предприятию дополнительных подсобных хозяйств и внедрение самозаготовок. Решение этой задачи взял на себя назначенный в 1942 г. директором завода А.Г. Солдатов. В состав завода вошел Краснокамский совхоз (с января 1941 г. в составе завода были совхоз «Мулянка» и «Зеленое хозяйство»).

В апреле 1942 г. здание фабрики-кухни, пришедшее в аварийное состояние, было капитально отремонтировано. Солдатов взял на себя ответственность за предоставление рабочим и служащим завода права заниматься самообеспечением. В напряженном графике работы завода были выделены специальные выходные дни для посадки рабочими картофеля и овощей весной и их уборки осенью, выделена земля для таких посадок.

Поиски дополнительных источников питания привели снабженцев ОРСа к привлечению нетрадиционных ресурсов. Весной 1942 г. на Каме было организовано рыболовецкое хозяйство (в нем работало 30 человек), и на столе моторостроителей появилась рыба в количестве до 350 центнеров в год. Бригады охотников во главе с охотоведом Гуляевым отстреливали лосей, зайцев, оленей. В 1945 г. завод получил баржу грузоподъемностью 340 т., которая стала доставлять из Астрахани рыбу и овощи.

В цехах для обмена на продукты стали выпускать дополнительную продукцию, нужную сельским жителям — гвозди, сельхозинвентарь, запчасти для тракторов. Подобная предприимчивость поощрялась, т.к. от питания рабочих напрямую зависело выполнение заданий Государственного Комитета Обороны. Вопросы питания, снабжения встали в ряд важнейших и рассматривались руководителями завода наравне с освоением новых моторов и улучшением их качества.

Окончание войны и переход к мирной жизни имели свои особенности. В столовых появились электроплиты, пароводяные устройства. Подводя итоги работы столовых и фабрики-кухни в 1946 г., директор Розенфельд констатировал о положительных изменениях в работе: увеличился ассортимент блюд, много внимания уделялось подготовке кадров и повышению их квалификации. Приметой перемен стали капитально отремонтированный второй зал фабрики-кухни, открывшееся кафе-закусочная с широким ассортиментом, работавшее до двух часов ночи. Алюминиевая, грубо штампованная посуда была заменена фарфоровой, стеклянной, появились чайные приборы и другой инвентарь. Для получения оперативной информации о работе столо-

вых, ларьков, магазинов в 1948 г. повсеместно вводились жалобные книги, в которых трудящиеся могли высказать пожелания по улучшению обслуживания. Фабрика-кухня возобновила прием заказов на изготовление тортов, пирожных и пирогов к празднику, продажу полуфабрикатов: мясного и рыбного фарша,пельменей. Появилась услуга — обслуживание домашних и общественных вечеров и банкетов, доставка заказов на дом.

В 1950-е гг. все более настойчивыми становились требования к работникам фабрики-кухни — «30 минут на обед и ни минутой больше». Именно столько должен был тратить рабочий или служащий, остальное время на отдых и восстановление сил, а не на утомительное стояние в очереди. К концу 50-х гг. коллектив моторостроителей значительно вырос, достигнув почти 30 тыс. работающих. Строились новые цеха, а в них открывались столовые, отвечающие уже более высоким требованиям. Светлые, благоустроенные, они оснащались электрическими плитами, титаном, электромьясорубкой. В залах столы, накрытые светлой клеенкой, ваза с хлебом и стаканчики с бумажными салфетками стали непременным атрибутом оформления интерьера.

Вместе с тем у фабрики-кухни отсутствовали капитальные хранилища, заквасочные, что приводило к порче с трудом заготовленного урожая. Одним словом, как сказано, было в тезисах XX съезду КПСС Н.С. Хрущевым «работникам общественного питания была нужна помощь». Перелом наступил, когда в помощь кулинарам начала выпускаться специальная техника, которая значительно облегчала труд на кухне, в обслуживании и позволила снизить себестоимость продукции. Снижение стоимости обедов и улучшение обслуживания, в свою очередь, привлекали людей в столовые.

Под руководством Давида Исаевича Халатникова на фабрике-кухне начался переход на новую систему обслуживания. 20 февраля 1959 г. в столовой, обслуживающей цеха № 8, 36, 42 и 45, (заведующая Л. Голдырева) был смонтирован первый, специально приспособленный прилавок «Арфа», который позволил перейти на раздачу блюд с последующей их оплатой. Последняя новинка «кухонной техники» сразу пришлась по душе посетителям, ведь на обед уходило всего 10-15 минут. Новая система сделала открытым труд работников кухни. Теперь посетитель мог выбрать себе обед не только по названию блюд в меню, но и по их внешнему виду, так они выставлялись на прилавке. Кроме «Арфы», на помощь работникам общепита пришли такие новинки техники, освоенные отечественной промышленностью, как отжарочные шкафы, большие холодильные камеры, новые подносы и посуда.

В 1960-е гг. услуги, предлагавшиеся фабрикой-кухней, стали столь обширны, что появилась потребность в открытии современного, хорошо оснащенного магазина полуфабрикатов. В канун дня авиации в 1976 г. магазин «Кулинария», о котором так давно мечтали, открыл свои двери для труженников завода и горожан. Способный обслужить несколько тысяч покупателей в день, он был отлично оборудован и располагался рядом с фабрикой-кухней.

В 1970 г. третий этаж фабрики-кухни пережил очередную реконструкцию, окончательно уничтожившую следы бывшего ресторанного великолепия. Появилось больше столиков, было введено самообслуживание, завершило реконструкцию простое и лаконичное оформление зала, выполненное по эскизам заводского отдела эстетики.

В 1970-е гг. коллектив моторостроителей достиг 45 тыс. человек, работало более 40 самых разных столовых, входивших вместе с фабрикой-кухней в состав комбината питания моторостроителей. Бывшая в 1930-е годы крупнейшим в Перми предприятием общественного питания, фабрика-кухня стала слишком мала для выросшего коллектива моторостроителей, зданию требовалась большая реконструкция.

Максимальную нагрузку по обеспечению заводчан полноценным питанием с 1977 г. взяла на себя одна из крупнейших столовых России (№ 56), построенная на территории предприятия. За обеденные столы здесь одновременно могли сесть 700 человек. Современное оборудование: 4 подъемника, подвесная монорельсовая дорога для транспортировки продуктов, обеденные залы с линиями комплексных обедов, транспортерами, с помощью которых грязная посуда «уплывала» в 5 моечных машин, помогала сотне поваров и кондитеров за час накормить более 5 тысяч человек.

В тяжелые 1990-е настоящим оазисом в городе выглядел лишь магазин «Кулинария», предлагавший молочные продукты, овощи, 12 видов выпечки. Сюда съезжались пенсионеры со всего района, зная об умеренной цене и отменном качестве продукции.

Ухудшавшееся год от года финансовое положение предприятия, привело к сокращению коллектива моторостроителей (с 45 тыс. до 15 тыс. человек), к многомесячному отставанию в выдаче зарплаты и поставило большинство рабочих на грань выживания. Оживить предприятие призвана была реструктуризация, выделение производств в самостоятельные предприятия.

Образовавшаяся на месте комбината питания в 1995 г. производственно-торговая фирма «Спардж» столкнулась с массой проблем. «Спардж» продал часть площадей здания фабрики-кухни коммерческим фирмам. На полученные средства в здании был прове-

ден капитальный ремонт, заменены перекрытия, сделана новая кровля. И в залах, где почти семь десятилетий витали запахи борщей и каш, теперь обитают торговые, страховые и туристические фирмы. После того, как здание было обшито сайдингом, и на его фасаде появилась надпись «Бизнес-центр «Метеор», уже ничто не напоминает о бывшей здесь когда-то крупнейшей рабочей столовой города. В соседнем здании, бывшего магазина «Кулинария» разместилось ЗАО «Искра-Авигаз».

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО УНИВЕРМАГА

В дореволюционной Перми участок, ограниченный, с одной стороны, улицами Кунгурской (в настоящее время — Комсомольский проспект) и Красноуфимской (ул. Куйбышева), и, с другой стороны, улицами Екатерининской (ул. Большевистская) и Вознесенской (ул. Луначарского), — занимали Сенной рынок и площадь с одноименным названием. В средней части этого участка располагалось здание единоверческой церкви. Между церковью и Красноуфимской улицей находилась основная часть рыночных «балаганов» — деревянных павильонов, где производилось торговля разными товарами, в первую очередь, продуктами питания.

В советское время здание церкви было демонтировано, и до начала 1950-х гг. всю территорию бывшей Сенной площади и Сенного рынка занимал центральный колхозный рынок.

К середине 1930-х гг. Пермь начала превращаться в крупный промышленный центр, однако развитие городской инфраструктуры заметно отставало от потребностей быстро растущего населения. Торговля была сосредоточена в архаичного типа рынках, павильонах и ларьках, а также маленьких магазинах. Поэтом в 1936 г. стройконтрой Свердловпрома на углу ул. Большевистской и ул. Куйбышева было начато строительство трехэтажного здания универсального магазина — «универмага». Проект был разработан Архитектурно-проектной мастерской №1 Свердловского горсовета¹.

Сфера торговли и услуг населению не входила в число приоритетов сталинских властей, поэтому в следующем 1937 году строительство было законсервировано. Продолжилось оно в 1939—1941 гг., когда Пермь стала областным центром, и областным начальством была осознана необходимость привести архитектурный облик города в соответствие с его новым статусом.

Великая Отечественная война привела к новому перерыву в строительстве универмага. К этому времени уже были полностью возведены стены служебно-бытовой части здания, а стены в торговой части — до подоконников третьего этажа; сделана часть перекрытий. В 1941—1945 гг. недостроенное здание универмага было передано Мотовилихинскому заводу. На первом этаже разместился механический цех, там были установлены различные станки и оборудование. Над вторым этажом сделали временную деревянную перегородку и приспособили его под жилье рабочих. Таким образом, будущее здание универмага внесло свой вклад в Победу.

После окончания войны здание использовалось под складские помещения, а в подвале устроили овощехранилище. В конце 1948 г. снова встал вопрос о достройке универмага. По заключению специалистов, за 12 лет не возникло никаких деформаций стен, фундаментов и колонн. За этот период произошло основное уплотнение грунта в основании фундаментов стен и колонн здания; с учетом того, что выполненные конструкции составляли уже 70-75% от полной расчетной нагрузки, достройка здания была признана возможной.

Работы по достройке здания поручили созданному в августе 1949 г. специальному тресту по строительству торговых предприятий в г. Молотове (так в 1940—1957 гг. называлась Пермь). В связи с тем, что вновь созданный трест долгое время не имел квалифицированных инженеров и руководителей (в тресте не было ни одного строителя даже со средним образованием) в ходе работ был допущен ряд нарушений технологии и дефектов. Отделка фасада здания была сделана неудовлетворительно: несимметрично установлены оконные проемы в северной части главного фасада, наклонен венчающий карниз фронтона, пилястры главного фасада сделаны криво, так же как и их базы, окраска фасадов вместо казеиновой выполнена известковой неудовлетворительного качества. Множество нарушений было допущено при внутренних работах: штукатурка потолков и колонн отслаивалась, кривые подоконные доски были сделаны на разной высоте от пола, главные входные лестницы, выполненные с нарушением проекта и неудовлетворительным качеством бетона, угрожали обвалиться. Конструкции крыши и кровли также были выполнены с нарушением проекта и технических условий².

Комиссия во главе с главным архитектором города В.Г. Черновым после неоднократного обследования здания в октябре-ноябре 1952 г. приняла решение, что качество работ по строительству универмага не соответствует техническим условиям и нормам, и необходимо, обеспечив строительство технически грамотным производителем работ, произвести их переделку.

31 декабря 1953 г. государственная комиссия приняла здание универмага на пересечении улиц Куйбышева и Большевистской с общей оценкой «удовлетворительно». Универмаг стал первым большим универсальным торговым центром в Перми, быстро завоевавшим популярность у пермяков и жителей области.

К началу 1960-х гг. в структуру областного универмага «Пермь», кроме центрального магазина на ул. Куйбышева, входили семь филиалов в Перми имевшие номера, начиная с 1-го и до 7-го, а два специализированных магазина «Подарки» и «Детский мир», а также филиалы № 8 — в Кизеле и № 9 — в Губахе, и павильон в Усть-

Качке. Годовой план товарооборота у центрального магазина составлял 3,5 млн. рублей, у филиалов — от 1,5 (филиал № 3) до 6 млн. (филиал № 6) рублей. План товарооборота для павильона в Усть-Качке составлял 110 тыс. рублей. Все вместе магазины облунивермага в 1962 г. должны были обеспечить товарооборот на сумму более 40 млн. рублей³.

В 1962 г. к филиалам универмага добавился магазин «Синтетика», план товарооборота которого на 1963 год составлял 1,357 млн. рублей⁴.

По штату 1963 года в административно-управленческий персонал универмага входило 47 единиц, включая заведующих и бухгалтеров всех филиалов. Заработная плата директора универмага, с надбавками за выслугу лет и высшее образование, составляла 235 руб. 62 коп., коммерческого директора — 219 руб. 80 коп. Зарплаты рядовых сотрудников были значительно меньше: юриста — 88 руб., инженера по технадзору — 70 руб., секретаря-машинистки — 55 руб., зав. складом — 57 руб. и т.д. Для большинства из них никаких надбавок не полагалось. Зарплата бухгалтеров колебалась в пределах от 57 до 97 рублей⁵.

К началу 1960-х гг. трёхэтажное здание универмага уже не соответствовало потребностям города и представлениям новой эпохи. К этому моменту советские горожане в массе своей получили возможность приобретать промышленные товары, выходящие за рамки предметов первой необходимости. Советская промышленность значительно увеличила выпуск товаров народного потребления, а на руках у населения уже имелось достаточно денег, которые теперь не изымались принудительными займами, как в предшествующий период. Возник вопрос о строительстве новых рационально организованных торговых центров, по типу давно распространившихся на Западе «больших универсальных магазинов». К началу 1960-х гг. в СССР началось массовое строительство таких магазинов, которые ранее были характерны только для главных столичных городов.

На заседании технического совета отдела по делам строительства и архитектуры Пермского горисполкома 18 января 1961 г. было постановлено, что проект типового здания универмага нуждается в переделке, поскольку не учитывается размещение его на угловом участке. Предложено разработать повышение дворовых одноэтажных объемов (дебаркадеров) до высоты основного здания и увеличения протяженности одного из объемов. Архитектуру основного фасада предложено распространить по фасаду со стороны Комсомольского проспекта. Отделку постановили выполнить в облицовке керамической плиткой⁶.

Облисполком решением от 7 апреля 1961 г. утвердил смету строительства здания в размере 911 тыс. рублей. Железобетонное пятиэтажное здание универмага трест № 14 предполагал закончить в 1964 году. Здание на 200 рабочих мест общей кубатурой 49500 кв. м строилось по типовому проекту № 2-07-24, доработанному с учетом расположения универмага на углу центральных улиц Ленина и Комсомольского проспекта⁷.

Однако работы велись медленно. Начатое во второй половине 1961 г. рытье котлована и укладка щебня в конце года были приостановлены и в декабре не велись совсем. В письме, направленном 10 января 1962 г. руководителям треста № 14 начальником УКСа Пермского горисполкома А. Ройхманом, указывалось, что заброшенный строителями котлован площадью 1600 кв.м. стоит открытый при температуре — 28°C, и его основание, очевидно, уже промерзло. Предлагалось срочно утеплить котлован шлаком или опилом⁸.

Задержки происходили по разным причинам. В июле 1962 г. финансирование работ на объекте было приостановлено в связи с тем, что строители, несмотря на неоднократные предупреждения, не удосужились оформить разрешение на право строительства в инспекции ГАСК⁹.

Только 20 декабря 1962 г. был подписан акт работ по устройству свайного основания универмага¹⁰. С ноября этого же года начались работы по кирпичной кладке цоколя и внутренних стен. Монтаж колонн и железобетонных конструкций проходил в январе 1963 г. при температуре достигавшей — 30°C¹¹. В конце декабря 1963 г. было сдано чердачное перекрытие¹², а в июле 1964 г. — закончены работы по устройству мягкой кровли¹³.

Отделка здания и оборудование его всеми необходимыми системами и коммуникациями также проходила не совсем гладко. В сентябре 1964 г. заказчик жаловался в госархстройконтроль на то, что СМУ №3 треста «Пермжилстрой» ведет штукатурные работы на фасадах универмага с очень низким качеством: «Намет на торцевой стене со стороны Комсомольского проспекта настолько тонкий, что просматривается кирпичная кладка. Разный состав компонентов и неравномерность слоя делают поверхность оштукатуренных фасадов неоднородной, разной по цвету». Директор Пермского облунивермага В. Кондрашин сообщал, что, несмотря на неоднократные обращения, подрядчик не улучшает качество отделочных работ. Он просил госархстройконтроль и главного архитектора города вмешаться, учитывая, что универмаг расположен в центре города¹⁴.

Однако многочисленные обращения руководства универсама не всегда приводили к улучшению качества работы строителей. В архивном деле о строительстве универсама сохранились многочисленные «ведомости замечаний и дефектов», составленные представителем заказчика совместно с институтом «Пермпромпроект». Руководитель универсама неоднократно направлял в адрес руководителя треста «Пермжилстрой» Ф.К. Почтарева и начальника СМУ № 3 А.А. Москвина письма с указанием на нарушения технологии и отступления от проекта, допущенные строителями. В письме от 24 апреля 1965 г. перечислены основные претензии заказчика:

«Нами неоднократно сообщалось Вам о низком качестве отдельных видов работ на строительстве универсама в городе Перми.

7 октября 1964 г. сообщалось о низком качестве оконных переплетов и наружных витрин, о штукатурке фасада с нарушением проекта по цвету, о низком качестве кровли;

14 октября 1964 г. о некачественной отделке фасада, о грубом нарушении проекта сообщил Вам институт «Пермпромпроект»;

14 декабря 1964 г. нами, совместно с институтом «Пермпромпроект» ставился перед Вами вопрос о том, что каркас выносных витрин выполнен с грубым нарушением проекта;

5 марта 1965 г. вновь сообщалось о неудовлетворительном исполнении работы по остеклению, о плохих ступенях главных лестничных маршей, что приборы отопления в торговых залах установлены на разных отметках, при этом отдельные ниже уровня чистого пола;

3 апреля 1965 г. совместно с представителем института «Гипроторг» мы дали Вам серьезные замечания и предложения по устройству подвесных потолков, мозаичных полов и отделки торговых залов;

Однако по большинству наших замечаний и предложений ничего не делается, выявленные недостатки не устраняются, вновь выполняемые работы ведутся часто некачественно, с нарушением проекта и технических условий»¹⁵.

Далее в письме перечислялись новые недостатки, выявленные при проверке: по сантехническим работам, монтажу грузоподъемных лифтов и др. Заканчивалось оно угрозой «обратиться в органы Госстройконтроля и поставить вопрос перед Стройбанком о снятии стоимости некачественных работ»¹⁶.

20 августа 1965 г. был подписан акт приемки металлических внешних витрин, а 24 августа — акт приемки мозаичных полов 1-го этажа. Качество материалов и работ в актах оценено как «хорошее» 29 сентября также с хорошей оценкой была принята мягкая кровля¹⁷.

Постепенно были исправлены и недостатки в системах электрообеспечения и коммуникаций. 11 и 13 ноября была принята в эксплуа-

тацию телефонная станция УАТС-49 на 100 номеров с внутренними и внешними кабельными сетями¹⁸. Предварительная приемка здания ведомственной комиссией 17 ноября 1965 г. выявила ряд недоделок, связанных с остеклением, покраской, изоляцией, вентиляцией, благоустройством двора и проч. — всего 57 пунктов¹⁹.

В перечень работ по универсаму «Пермь» на 1966 год вошли:

1. Благоустройство двора.
2. Ремонт и устранение недоделок по фасадам.
3. Опрессовка системы отопления.
4. Доделка кровли над помещением бойлерной.
5. Постройка склада для тары и упаковочных материалов.
6. Доделка полов тамбуров главных входов.
7. Очистка от краски и грязи наружных стекол проемов всех этажей²⁰.

Проверка, проведенная 17 декабря представителем архитектурного надзора С.А. Карпинским, выявила два десятка значительных недоделок, в связи с чем, акт приемки здания госкомиссией был подписан только 27 декабря 1965 г. с общей оценкой «хорошо»²¹.

Построенный трестом «Пермжилстрой» на пересечении двух главных улиц города — ул. Ленина и Комсомольского проспекта — универсам выглядел очень современно, и еще до открытия привлекал внимание пермяков. Торговая площадь нового магазина превышала 4 тыс. кв. метров, покупателей обслуживали 250 человек, в основном, молодежь, из персонала сто человек были подготовлены на специальных курсах.

Универсам стал местом внедрения новейших по меркам СССР методов торговли: свободный доступ покупателей к любому товару, внутреннее деление на специализированные секции, хранение на складе основной массы товаров, по мере спроса оперативно поступающих в секции, предоставление широкого набора услуг, включая доставку на дом, демонстрационный зал для рекламы новой продукции и др.

Работу универсама предполагалось организовать на новых для того времени принципах: главными показателями ее стали товарооборот и прибыль, во всем остальном дирекции предоставлялась полная самостоятельность.

¹ ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 533. Регистрационная карта, разрешение, план, переписка, акты по строительству и приемке 3-х этажного здания универсама на 75 рабочих мест Горпромторга по ул. Большевикской и Куйбышева, 77б/36а.

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСКУССТВЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ

В.М. Бубнов

ДОМ И СУДЬБА

Гармония души и дела

Вести речь об этом человеке, о мире, который он олицетворяет, можно только в эпическом ключе. Именно так и начнем наш рассказ.

Вячеслав Михайлович Субботин — человек особой стати. Такие самостоятельные мужики еще встречаются на Руси, как бы ни старались их в разные времена уничтожить или сломать. Наш герой — воплощенное спокойствие, уверенность, разумность. Разносторонне эрудированный собеседник с живой и приветливой манерой общения, он еще и рукастый мастер. Такие за что ни возьмутся — все у них получается. Им не надо рвать горло на площади или рубаху на груди, чтобы окружающие оценили их достоинства. Признают таких людей не по словам, а по делам.

Вячеслав Михайлович — врач, каких мало. Он и торакальный хирург (оперирует все, что в грудной клетке), и выполняет практически все операции на органах брюшной полости — профессиональный универсализм сделал его известным по всей России. Субботин — доктор наук, профессор Пермской медицинской академии, заведующий кафедрой факультетской хирургии. Многие его сверстники уже ограничили поле своей деятельности заваляшкой на даче, а он, кажется, не замечает возраста и остается активным и деловитым, как десять и двадцать лет назад.

В охотничьих кругах известен Вячеслав Михайлович как умелый и удачливый добытчик. Все и всегда делает по уму. Друзья-охотники, оценивая личные качества коллеги, говорят коротко: верный товарищ, надежен в любой ситуации. А ведь драматических неожиданностей в охотничьей практике предостаточно.

В среде искусствоведов зарекомендовал он себя квалифицированным ценителем живописи, ориентирующимся в необъятном море полотен художественных музеев. Был даже составителем каталога — а это говорит о многом!

² Там же.

³ ГАПК. Ф. р-426. Оп. 2. Д. 549. Л. 13. План товарооборота по филиалам Пермского универмага Областного управления торговли на 1962 год.

⁴ Там же. Л. 20. План товарооборота по филиалам Пермского универмага Областного управления торговли на 1963 год.

⁵ Там же. Л. 21. Штатное расписание административно-управленческого персонала Пермского универмага областного управления торговли на 1963 год.

⁶ ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 1152. Л. 6. Протокол заседания технического совета отдела по делам строительства и архитектуры Пермского горисполкома 18.01.1961. плиткой⁶

⁷ Там же. Л. 9об. Регистрационная карта № 1.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 12.

¹⁰ Там же. Л. 69.

¹¹ Там же. Д. 1153. Л. 14-15. Журнал производства работ по строительству здания универмага на 200 раб. мест по типовому проекту 55-02 разработанный институтом Гипроторга и № 2-07-24 (института типовых проектов) по ул. Ленина, 45 Ленинского района г. Перми.

¹² Там же. Д. 1152. Л. 272. Акт от 29.12.1963.

¹³ Там же. Л. 276. Акт от 26.07.1964 № 69.

¹⁴ Там же. Л. 286.

¹⁵ Там же. Л. 301.

¹⁶ Там же. Л. 304.

¹⁷ Там же. Л. 315, 322.

¹⁸ Там же. Л. 339-341.

¹⁹ Там же. Л. 347.

²⁰ Там же. Л. 357.

²¹ Там же. Л. 365-366об.

Недавно увидела свет замечательная книга «Хозяин уральской тайги», вышедшая из-под талантливой пера Вячеслава Михайловича. Этот труд — об охоте на медведя. Но если бы автор остановил свое внимание только на сугубо охотничьей теме, мы, как читатели, многое потеряли бы. Книга же получилась еще и о любви к природе, к своей Родине, о богатых народных традициях. Честно говоря, охотничья страсть, так или иначе связанная с насилием, вызывает у меня противоречивые чувства. Вот если бы у медведя имелся штуцер с оптическим прицелом и патроны девятимиллиметровых калибров, тогда можно было говорить хотя бы о некоем паритете сил в противостоянии человека и сильного зверя. Тем не менее я на одном дыхании «проглотил» двести страниц текста — умного как у Арсеньева, занимательного как у Бианки, точного в деталях как у Пришвина, да еще написанного ясным, энергичным, настоящим русским языком. На таком языке создана дивная проза Аксакова.

Вот лишь небольшая выдержка из интереснейшей книги Субботина: «...Охотник наблюдает, как кормятся на поле тетерева. Вот ястреб нападает на рябчиков, вышедших на кромку поля, глухари с шумом поедают листья осины, отрывая их от веток, или бесшумно выходят из леса, и их длинные шеи видны на большом расстоянии. Нередко приходится видеть, как мышекуют лисы, как кормятся зайцы или кабаны, как пересекают поле грациозные на желтом фоне спелого овса лоси. После захода солнца хищные птицы облетают кромку поля в поисках добычи — совсем как охотники. Трудяги-муравьи снуют по стволу дерева вверх и вниз, выполняя только им известные обязанности. Один раз куница забралась на стоящую рядом с лабазом сосну и внимательно смотрела на меня целую минуту. После того, как я не выдержал и моргнул, она молнией спрыгнула с четырехметровой высоты на землю... А как легко дышится! Только тут начинаешь понимать, что такое разнотравье и что такое подлинно пьянящий медовый запах».

Несомненный литературный дар, не так ли? Дар посерьезнее, чем у иных профессиональных писателей, которые кроме как сочинять больше и делать-то ничего не умеют.

Казалось бы, перечисленного более чем достаточно для комплиментарной характеристики человека. Человека, сумевшего соткать из нитей будничной круговерти золотую гармонию души и дела. Но Субботин продолжает радостно удивлять, подавая пример для подражания тем, кто хотел бы реализовать заветную мечту. А у него мечта была — иметь собственный дом.

И вот узнаю новость: Вячеслав Михайлович дом построил. Свой дом в одном из тихих районов Перми, откуда легко и быстро можно добраться до центра города. Дом уютный, добротный. Я побывал в

этом доме. Два его этажа замечательным образом приспособлены для комфортной жизни большой семьи. Под красивой черепичной высокой крышей — просторное жилье: три комнаты на первом этаже. Рядом — кухня и холл, в котором не теснясь размещаются Субботины и их гости на праздничных вечеринках. Глаз радуется, глядя на старинный резной дубовый шкаф немецкой работы, купленный по случаю и тщательно отреставрированный. На шкафу — старые самовары, охотничьи статуэтки. Этакое, по словам хозяина, приятное мещанство, создающее уют. Второй этаж занимает мансарда. Из дома выход в гараж — очень удобно. На приусадебном участке — огород, в углу — банька, которая уж раз-то в неделю топится обязательно.

— В силу возраста париться, как раньше, уже не получается, но без собственной бани жизни теперь не представляю, — признается Вячеслав Михайлович.

Здесь же на усадьбе, в просторном вольере, поселились охотничьи собаки.

За разговорами я с удовольствием провел в этом доме несколько часов, любясь продуманностью интерьеров, разумностью всего уклада большого дома, сочетающего здоровый покой деревенского жилища со всеми современными удобствами работы и быта, к которым приучил людей город. Не погрешу против истины, если скажу: это не просто дом, это — символ. Символ личной свободы, толковой рачительности, патриархальной упорядоченности. Этот дом словно говорит прохожему: смотри-ка, пока в России есть такие мужики, она не пропадет.

Детство в хоромах

Дом — это ведь не просто архитектурное сооружение, это не только жилище. Дом, если копнуть глубже, — явление метафизическое, сущность высшего измерения. Дом — это судьба его обитателей, которая, прежде чем совершиться, начинается в родных стенах. И вот ее-то, судьбы, беспечным баловнем мог стать по логике жизненных обстоятельств герой нашего рассказа.

Открою секрет: отцом будущего хирурга Вячеслава Субботина был знаменитый генерал авиастроительной промышленности Михаил Субботин — директор авиационного завода в Рыбинске, а затем и пермского завода имени Свердлова. Если кто-то не знал или забыл, то напомним, что пермский гигант авиапромышленности снабжал двигателями почти весь советский самолетный и вертолетный отечественный парк. (Мы многое тогда умели, знали, могли. Наша страна гордо именовалась державой. Она и была державой, а не депрессивной кляксой на карте мира, как сейчас. Но кто сегодня рассказом об этом

сможет зажечь нынешнее «поколение next» — вялых, анемичных, равнодушных к добру и злу детей электронной паутины, зараженных упадочничеством либеральной культуры и однополрой любовью! И это твое будущее, демократическая Россия?)

Михаил Иванович Субботин гордился тем, что прошел замечательную управленческую школу у легендарного руководителя «сталинского», а позже «свердловского» завода — у Анатолия Григорьевича Солдатова.

На улице Сибирской между роскошным офисом администрации Свердловского района и школой № 22 стоит двухэтажный особняк. Его построил в 1943 году Солдатов, за что получил строгий выговор по партийной линии. Но Анатолий Григорьевич пользовался таким авторитетом умного, умелого и решительного руководителя, что в Москве не поднялась рука убрать его с работы и подвергнуть еще более суровому наказанию за строительное самоуправство в тяжелые военные годы.

Солдатов во всем был масштабной личностью. Вот и особняк на бывшей улице Карла Маркса оставлял сильное впечатление у посетителей. Восемнадцать комнат, зал для приемов на сто персон, миллиардная, четыре туалета и две ванных, широкая дубовая лестница с дубовыми же перилами, ведущая на второй этаж, — все это великолепие может вызвать завистливую икоту и у сегодняшних нуворишей. Тогда же особняк за высокой литой узорчатой оградой с тяжелыми железными воротами, с ухоженным зеленым двором и огромной клумбой выглядел замком какого-нибудь маркиза де Карабаса из волшебной сказки. Поначалу здесь проживали две семьи: директора Солдатова и главного конструктора Колосова. Субботины же, поселившиеся в особняке в конце 1950-х годов, жили в хоромах одни.

— Помню массивную дубовую мебель американского производства, огромный дубовый стол, затянутый зеленым сукном, помню американский хитроумный автомат: кнопку нажмешь, и льется музыка — редкая по тем временам забава, — погружаясь в далекие годы счастливого детства, говорит мой собеседник. — Балкон вокруг второго этажа нашего дома был настолько велик и просторен, что зимой мы с сестрой заливали там каток. Клумба во дворе в зимнее время тоже превращалась в каток.

В то время, о котором рассказывает Субботин, я сам учился в двадцать второй школе, и мы нередко на переменках заглядывали через забор в соседний директорский двор и всякий раз удивлялись отсутствию каких-либо признаков жизни за металлической оградой — словно это был не жилой дом, а декорации к «Спящей красавице». Порой, правда, перед входом дождался кого-то черныи служебный «ЗИМ».

— Да, все именно так и было, и иначе быть не могло, — объясняет Вячеслав Михайлович. — Мать и отец работали, я приходил из школы и садился за уроки. У нас не приветствовалось, чтобы ко мне в гости приходили друзья-одноклассники и играли во дворе в футбол или другие игры. Быт несмотря на роскошный антураж был довольно скромным, если не сказать спартанским. Занимали мы, кажется, всего три комнаты. Никакой прислуги. Пыль тем не менее во время уборки приходилось вытирать во всех помещениях — занятие не из легких. Мы сами — мать и дети — ухаживали за деревьями, посаженными во дворе, а также за кустами смородины, крыжовника, малины. Кстати сказать, в «солдатовском доме» мне впервые разрешили завести собаку. Сначала была овчарка, а затем — ирландский сеттер.

Конечно, в особняке на Карла Маркса бывали и праздники — да еще какие! По случаю рождения дочери директор завода закатил прием, на котором, как говорится, не считали ни гостей, ни выпитого-съеденного. Школьника Славу это обстоятельство сильно задело: надо же, не успела сестренка родиться, а уже столько шума. Тогда он, естественно, не в состоянии был понять ту радость, которую приносит новорожденный, укрепляя своим появлением дом. И праздник — как дань уважения любимой женщине, родившей дитя, — им был оценен совсем по-своему, по-мальчишечьи. Но что-то зацепило душу, что-то осталось в голове. То, что потом само прорастет в идею крепкого дома, крепкой семьи. Через годы сам Вячеслав Михайлович учредит необычный семейный праздник — это станет своеобразным эхом отцовского понимания, каким должен быть настоящий дом. Но об этом мы расскажем чуть позже.

Судьбу и менталитет Вячеслава Михайловича Субботина формировали несколько домов. Первый, памятный в его сознательной жизни, стоял на пересечении улиц Газеты «Звезда» и Революции. До сих пор сохранился на этом месте уже ни на что не похожий куст то ли черемухи, то ли сирени, который мог бы рассказать любознательному прохожему о тихой жизни на патриархальной улочке семидесятилетней давности, с ее милыми деревянными домишками, в одном из которых поселилась семья заводского инженера Субботина.

Рядом было много интересного. Время от времени по пыльной дороге топала лошадка; если возница разрешал, можно было прокатиться до угла на тряской телеге, вдыхая запах колесного дегтя.

Спортивные соревнования, футбольные матчи словно магнитом тянули через дорогу — на стадион «Центральный», позже получивший имя Юных пионеров. По соседству с домом — на территории нынешнего Пермэнерго — действовала Пермская метеостан-

ция, ее сотрудники запускали в небо зонды с приборами, фиксирующими состояние нижних слоев атмосферы. Через дыру в деревянном заборе мальчишки проникали в университетский ботанический питомник.

Невозможно передать словами, как тешило душу вечернее соловьиное пение во всех окрестных садах и палисадниках, как вкусен был чай с сахаром вприкуску за дощатым, выскобленным до блеска столом во дворе под сенью зеленых крон, где бесконечно текли разговоры, освященные покойным сиянием ярких августовских звезд.

Свой второй дом — в Рыбинске, куда был направлен на работу Субботин-старший, — Вячеслав Михайлович вспоминает с не меньшей нежностью. И хотя это была обычная казенная квартира в многоэтажке, все, что окружало дом, что было связано с домом, что происходило на соседних улицах замечательного волжского городка, наполняло душу особым, до сих пор памятным очарованием. Незабываем, например, стойкий аромат яблок из всех рыбинских подвалов, куда осенью закладывали хозяйственные горожане богатейший урожай своих садов.

Третьим домом стал солдатский особняк. Отдав его через некоторое время под детский сад, Субботины переехали на Комсомольский проспект, 83, в четырехкомнатную квартиру — слишком хлопотно было содержать в идеальном порядке (а другого порядка в семье Субботиных не признавали) бесконечные квадратные метры роскошных хором на улице Карла Маркса.

Каждый дом становился краеугольным камнем в фундаменте начинавшейся судьбы. А встречи с яркими, талантливыми, легендарными людьми способствовали формированию мировоззрения, исподволь складывалось представление о мире как о сложнейшем механизме человеческих взаимодействий, в котором главной деталью является твердый характер.

Маршал Ворошилов, академик Челомей, министр Устинов

— У нас нередко бывали самые разные знаменитости, — рассказывает Вячеслав Михайлович. — Например, академики Академии Наук СССР Берг и Челомей, космонавты. Их визиты в Пермь были связаны с развитием в нашем городе уже сложившейся аэрокосмической отрасли, встречи носили как деловой, так и дружеский характер. Бывал в нашем доме Дмитрий Федорович Устинов — будущий министр обороны. Отлично помню конструктора авиационных моторов Швецова. Аркадий Дмитриевич был не только техническим гением, природа наградила его разносторонними талантами. Он, например, прекрасно играл на рояле и рисовал чудесные пейзажи. В

охотничьих угодьях мне довелось видеть, как палил по уткам родоначальник «ворошиловских стрелков» — маршал Климентий Ефремович Ворошилов. Ни одна утка не ушла от его выстрелов, попадал он только в «десятку». Слава снайпера не была случайной. А ведь Ворошилов к тому времени находился уже, мягко говоря, в очень зрелом возрасте. В Рыбинске я слушал рассказы не менее легендарного человека, полярника Ивана Дмитриевича Папанина — он попал за что-то в опалу и из Москвы был выслан на Волгу, в деревне Борки директорствовал в Дарвиновском заповеднике. В моей памяти сохранился устойчивый его образ: коренастая фигура на носу белоснежного катера «Академик Морозов», бороздившего просторы Рыбинского водохранилища. Небольшого роста, с бритой головой, с развевающейся по ветру бородой, он сразу запоминался необычностью, неординарностью облика. Папанин был отличным рассказчиком, слушать его воспоминания о Севере, о приключениях и испытаниях во время экспедиций составляло непередаваемое наслаждение. Он умел рассказывать так, что я сам видел и белых медведей, и тюленей, и птичьи базары.

Среди таких людей и рос сын директора Субботина. Все были знамениты на свой лад. Да и сам директор Субботин был глыбой, величиной. Известно, что его отношения с партийной властью имели очень непростой характер. Он не стеснялся поставить на место некомпетентного обкомовца, когда тот пытался вмешаться в заводские дела. Вполне возможно, что именно независимый характер директора был причиной того, что звание «Герой Социалистического Труда» он получил лишь с третьего представления. Хотя, возможно, совсем другие обстоятельства были тому причиной. Дело в том, что его брат Александр — один из первых комсомольцев на Урале, бухаринец — еще в двадцатых годах поплатился за свои убеждения ссылкой и тридцать лет жизни отдал счастливой зековской планете под Совгаванью на Дальнем Востоке.

...Сегодня, вспоминая о жизни советской знати, принято использовать исключительно черную краску. Особенно она густа при изображении отпрысков партийных, советских или хозяйственных вельмож — папенькиных сынков, мажористых балбесов, пресыщенных удовольствиями беспечной жизни плеббеев. Конечно, были и такие. Но были и совсем другие. Вот почему считаю, что отвлекать публику советскими страшилками, как бы обеляя тем самым срам поведенческой вахханалии нынешних ничем и никем не ограниченных хозяев жизни, — дело малопочтенное. Оставим его тем, кому есть до этого занятия охота.

Однако, чтобы читатели не заподозрили автора этих строк в идеологической ангажированности, сразу оговорюсь: я не являюсь певцом бывшей партийной элиты. Более того, не был я никогда ни ком-

сомольцем, ни членом КПСС, хотя упорная аполитичность и нежелание слиться с партийными массами мешали мне жить хорошо: пришлось отказаться от весьма лестных карьерных предложений работать в престижных столичных изданиях, ибо платой должно было стать обязательное вступление в партию. Меня такая цена не устраивала. Как видите, дорогие читатели, автор ни апологет, ни оппортунист — для него истина дорога. Узнать же правду о домашнем воспитании детей советской знати в некоторых семьях — интересно и поучительно.

— Отец был властным человеком и требовал неукоснительного соблюдения такого порядка в доме, каким он его понимал, — говорит хирург Субботин. — Воспитывал он по-своему. Порой весьма своеобразно. Впервые я выпил в достаточно нежном возрасте — в награду «за героизм». В пять лет, отдыхая с родителями и их друзьями на казенной даче, я переплыл широкую в том месте речку Мулянку вместе с Мишкой Солдатовым — сыном Анатолия Григорьевича Солдато-ва. Анатолий Григорьевич, похвалив нашу мальчишескую удачу, откупорил бутылку шампанского, и мы под присмотром родителей выпили за удачный заплыв. Отец это не порицал. Он даже считал это нормальным. Личная храбрость, бесстрашие, спортивные и житейские навыки ценились в то время в кругу родительских друзей высоко. Но нельзя забыть и другое. Когда я в студенческие годы дружил с будущей женой (взрослый, можно сказать, человек), и она предлагала: «Давай еще полчаса погуляем», я отвечал: нет, нельзя, потому что обещал быть дома в 21.00. Я не представлял, как можно не сдерживать слово, данное отцу — обещание возвращаться с вечерних прогулок домой не позднее девяти часов.

Жил Слава Субботин, как все обычные мальчишки. Только, пожалуй, чуть более напряженной жизнью: учеба в общеобразовательной и музыкальной школах, обязательный спорт — легкая атлетика и стендовая стрельба. В 14 лет Слава становится чемпионом области по стендовой стрельбе. Только вот в комсомол из-за вспыльчивого, остро реагирующего на несправедливость характера приняли не сразу. Кстати сказать, позднее, несмотря на советы отца, герой нашего рассказа так и не вступил в КПСС.

— Вместо пионерского лагеря, куда уезжали отдыхать мои товарищи, отец, когда я подросток, на все лето отдавал меня в заводскую инструменталку работать шабровщиком (кто знает, что это такое, поймет меня), — вспоминает «отпрыск советского вельможи». — Мои родители очень хотели, чтобы я стал потомственным инженером-авиастроителем. Но с шабровкой отец, конечно, переборщил. Впрочем, независимо от этого у меня появились мечты, путь к достижению

которых шел не через заводскую проходную. Из двух для отца зол — моим желанием стать либо охотоведом, либо врачом — он кисло согласился на второе, причем с потаенной надеждой заметил: «Ладно, завалишь экзамены в медицинском, сынок, поедешь в Уфу, в авиастроительный...»

Домашнее воспитание есть нравственная колея на всю жизнь. Эта сентенция банальна, но вместе с тем и справедлива. Слушая Вячеслава Михайловича, я вспомнил другой пример «домостроя в высших сферах».

Когда я учился в девятом классе — а это значит, что шел 1962 год — наша школьная компания пестрого, но в основном демократического состава пополнилась дочерью первого секретаря обкома КПСС и будущего министра нефтегазовой промышленности Ириной Галаншиной. Она ходила в обычную школу, ничем не выделяясь среди сверстниц. Ее клетчатое пальтишко, самовязанные шапочка и шарф были победней нарядов иных школьниц-щеголих. Уверен, ей хотелось надеть что-либо покрасивей, чтобы выделиться — причины тому были весьма и весьма основательные: я помню ее влюбленные глаза, которыми она, как говорится, поедала моего друга — высокого, худого, бедно одетого, как все мы тогда, красавца Юрку Попова, сына высланного из Москвы и низвергнутого в Ныроб капитана сталинской охраны. Она была влюблена в Юрку (царствие ему небесное!), страдала от его упорного невнимания к ней и покорно бродила с нами по Комсомольскому, по улице Осипенко, по заснеженным скверам на Карла Маркса — была самой серой мышкой среди подруг. Ее строгие родители считали неприличным, невозможным одеваться школьнице модно, выделяться в общей массе одеждой — а вот умом или знаниями выделяться было можно, это приветствовалось. Однако эти безусловно замечательные качества, к сожалению, так и не помогли Ирине добиться взаимности чувств. Возвращаясь с прогулок домой (особняк первого секретаря обкома находился за высоким забором всего в квартале от «солдатовского дома», — там, где сейчас раскинулся городок Института сердца), Ирина просила не провожать ее до ворот. Мол, папа этого не любит. Слово родителей было законом для детей.

Сегодня утрачено представление о социальной этике и ответственности в кругу даже региональных вельмож. Называя себя элитой, они забывают, что атрибутом этого высокого звания являются совсем не деньги, а рвение о родном отечестве, забота о будущем нашего большого дома. Забота, включающая в себя в том числе и строгое домашнее воспитание своих отпрысков, которым изначально дано неизмеримо больше всех остальных. Увы, многие из них сегодня учатся и воспитываются за рубежом, Россия для них является даже не территории-

ей, а среднесрочным бизнес-проектом. Идея общенационального дома для сынков новой знати — это пустой звук. Вирус высокомерного пренебрежения по отношению ко всему русскому, российскому распространяется в другие слои населения. А это означает начало разрушительного процесса — фундамент нашего общего дома может не выдержать презрительного отношения к родным пенатам.

О трудах праведных и палатах каменных

— Как-то подошла ко мне в больнице пожилая женщина, бедно, но чисто одетая, — рассказывает Субботин. — Говорит: «Мил человек, пенсию задерживают. Есть очень хочется. Может быть, попросишь, чтобы меня покормили». Поела она больничной похлебки, поблагодарила и спрашивает робко: «Может, мне дадут домой несколько кусочков хлеба?» Всю жизнь женщина работала — и что получила? Дошла до такого состояния. Ужасно. И ведь никто не застрахован от подобного.

Это точно. В России сегодня все подтверждает горькую правду поговорки насчет трудов праведных, которыми не построишь палат каменных. Честно работающий специалист зачастую не может обеспечить себе достаток, не унижающий его человеческое достоинство. Значит, умный, образованный, работающий человек не имеет финансовой возможности создать семью, ибо даже высокая квалификация не дает гарантии высоких доходов. К сожалению, «работать» и «зарабатывать» — это принципиально разные явления, с несоответствующими нравственными посылами и деловыми навыками.

Надо понимать, что нынешний «статус кво» таит в себе опасность нежелательной редукции развития социально-демографических процессов. Кто себя успешно воспроизводит и умножает? Вопрос риторический. Ведь ни для кого не секрет, что в неблагополучных семьях или в семьях мигрантов с чуждой русскому населению культурой прирост происходит вполне активно. Люди же высокой культуры, обширных знаний, мастера своего дела все чаще вообще не имеют детей, прекращая жизнь своего рода.

Впрочем, на этой печальной ноте все-таки пора завершить отступление и вернуться к герою нашего повествования.

Вячеслав Михайлович Субботин после института успешно отучился в аспирантуре столичного Научного центра хирургии России, защитил кандидатскую диссертацию. Богатый жизненный опыт, мастерство хирурга-практика он приобрел в экстремальных условиях — на войне в Афганистане. Там хирург отработал три года в госпитале. Отправились в Афганистан всей семьей — муж, жена и двое маленьких сыновей — еще в мирное время. Поехали поработать за границей, посмотреть мир

(советские врачи в то время во всех зонах нашего влияния ценились высоко), а попали на войну. Детям Субботиных довелось увидеть все ужасы военного противостояния: бомбардировки, аресты, смерть, постоянно гулявшую рядом. В конце концов удалось отправить семью на родину, а сам Вячеслав Михайлович работал, спасая жизни советских солдат и офицеров, еще восемь месяцев сверх контракта — армейское начальство не отпускало хирурга, прекрасно зарекомендовавшего себя в условиях военного госпиталя. Кстати сказать, на войне Субботин освоил разговорный фарси, свободно общался с афганцами. В операционной, между прочим, без переводчика работал. Он и сейчас способен достаточно бойко объясниться на «базарном» фарси.

А потом была докторская диссертация, интересная во всех отношениях работа под началом академика Вагнера, сумевшего собрать крепкий коллектив талантливых врачей. Он-то и назначил Субботина заведующим кафедрой факультетской хирургии. Руководит ею Вячеслав Михайлович уже почти два десятка лет. Ему под семьдесят. Несколько дней в неделю он оперирует — на его долю приходится самые тяжелые случаи.

— Я что-то знаю, что-то умею, а пенсию получаю, как говорят воспитанные люди, весьма скромную, — усмехается хирург. — Оба мои сына — тоже квалифицированные врачи. Володя — сосудистый хирург, врач высшей категории. Михаил — торакальный хирург, кандидат медицинских наук. Их мама, а моя жена Ирина Николаевна — известный профессор-офтальмолог, доктор медицинских наук. С нашей квалификацией на Западе мы были бы состоятельными или даже богатыми людьми. Я не понаслышке знаю, как у них ценят труд. В США врач средней руки получает в год 120-150 тысяч долларов, профессор — более 300 тысяч. Если американец получает меньше 10 тысяч долларов в год, ему положено пособие. И это при том, что американские и российские цены на большинство продуктов и услуг сопоставимы. У нас же, сами знаете, жалование врача происходит от слова «жалость». Если врач не дежурит по десять-двенадцать ночей в месяц, то зарабатывает сущий мизер. Еще недавно даже профессор имел всего семь-восемь тысяч рублей — меньше, чем получает менеджер-приказчик в магазине или уборщица. Сегодня трудовому человеку вне дома, в одиночку выжить почти невозможно.

— Нескромный вопрос: на какие же средства построен ваш дом?

— Никакого секрета. В семье действует закон экономии и бережливости. Живем не на широкую ногу, но и без скупости. Не ограничиваем себя в еде. А одежда... — вот я вас встретил в шапке (замшевый такой треух-унисекс. — *Авт.*), которую много лет носила

жена. Теперь я ношу и не считаю зазорным... А для начала строительства был первичный капитал — несколько лет я копил на машину. Продал гараж. Занял у товарищей. Конечно, я сначала не понимал, во что влезаю. Но потихоньку, так сказать, методом народной стройки за четыре года дом выстроили. Я держал в своих руках каждый кирпич, каждый пеноблок. Можно сказать, дом выстрадан мной. Я знаю, что такое нулевой цикл, что такое мауэрлат, знаю, как монтируется проводка, как правильно класть кровлю. Сказать, что я мастак в строительных делах или ином рукоделии, не могу. Конечно, что-то я делал собственными руками, но старший сын Володя делал больше, например, ставил навесы, обустроив баню. Зато из меня получился незаменимый подсобный рабочий.

...Впервые автор этих строк побывал в новом доме Субботиных, когда они только что заехали в него. Помню, как Вячеслав Михайлович, извиняясь за некоторый беспорядок, традиционно сопровождающий любой переезд, говорил:

— Сейчас обживаемся. Люстр вот пока даже нет, и не на чем сидеть, но посмотрите, какой хороший туалет. Можно сказать, наша гордость.

Цитадель домостроя

Неторопливо текла в день первой встречи наша беседа в просторной и пока действительно не очень-то обжитой гостиной. На столе — маринованные и соленые грибочки разных видов, холодец из лося, на плите жарится мясо. Хозяин достает из холодильника водочку: завтра у него нет операций, можно принять по стопке.

— Вячеслав Михайлович, похоже, вы поклонник домостроя? — спрашиваю я уважаемого профессора.

— А его ведь для нормальных людей никто не отменял. Прекрасный свод житейских правил. Это же не только ветхозаветное «жена да убьется мужа своего». Хотя порядок в доме должен быть. Должно быть начало, вокруг которого все крутится. Но это совсем не значит, что я деспот. Я, бывают такие моменты в жизни, могу вспылить, а жена этого старается не допустить. Она — тепло в доме. Она у нас источник и хранительница мира. Я считаю, это правильная политика.

— Когда мы поженились, — вступает в разговор профессор Ирина Николаевна Субботина, — муж мне сказал: «Ирина, мы не сможем быть вместе в праздники и выходные, потому что праздник у охотника на охоте». Медовый месяц мы провели в палатке среди озер. Это одно из лучших воспоминаний нашей молодости. Кстати, я и невесток своих так учила: вы вышли замуж за охотников, поэтому не делайте проблему из их увлечения.

А Вячеслав Михайлович добавляет:

— В свое время я, как и всякий начинающий охотник, радовался каждой добытой утке, зайцу, белке. А потом загорелся желанием поучаствовать в охоте на медведя, всегда сопряженной с долей риска. Я искал любую возможность, чтобы моя мечта осуществилась. И это произошло — я наконец-то добыл первого медведя. С тех пор не знаю, что такое отдых в санатории, на курорте, за границей. Все мои отпуска прошли на охоте, в общении с природой и, конечно же, по большей части на медвежьей охоте.

— Охота — это что? Решение продовольственной проблемы или образ жизни?

— Конечно, образ жизни, — утверждает глава семьи. — Добыча — это приз. Это хорошо, но не самое главное. Главная награда для человека — это общение с природой в лесу. Слушать журчание ручья, пение птиц, видеть закаты и восходы солнца — что может быть прекраснее... Мы — врачи — постоянно сталкиваемся с человеческой болью. От этого можно было сойти с ума, если бы не общение с природой. Кроме того, охота — не только стрельба. Это элементы туризма, школа выживания в лесу, сбор ягод и грибов — радостные моменты бытия. Даже наши охотничьи собаки — мы их считаем полноправными членами большой семьи — счастливы показать на охоте все свое умение.

Я доволен тем, что сумел передать свою страсть к охоте сыновьям: один с трех, другой с пяти лет познакомились с жизнью в палатке, с этикой и культурой охоты, научились бережно относиться к природе.

Не скрою, важно и другое — мясо есть всегда. Это медведь, лось, кабан, гусь, утка, заяц, тетерев, глухарь, — да все, что водится в таежном нашем краю, на Урале.

— А огород-то кормит?

— Еще бы! Я не понимаю, как может пустовать земля, — признается Ирина Николаевна. — Лук, морковь, свекла, кабачки, картошка — как без этого.

— Она у нас вообще женщина щедрая, но экономная, — улыбается Вячеслав Михайлович. — Хозяйствовать старается так, как некогда советовала в своей знаменитой книге Елена Молоховец: «Если неожиданно нагрянут гости, а у вас нет ничего готового, спуститесь в погреб...»

— И что появится на столе, Ирина Николаевна?

— Я не фанат заготовок, но в погребе только маринованных грибов шестьдесят банок. А также консервированные помидоры, огурцы, овощное ассорти...

— Все, как в хорошей патриархальной семье, — соглашается хозяин дома. — Наш погреб — это закрома нашей малой родины. Так и должно быть. А гляньте-ка, какая корзина для сбора грибов. Из Кирова привезли. Она сделана из корня сосны: легкая, удобная. При случае на ней и посидеть можно — вес нормального человека выдерживает. В нее входит два ведра грибов. Мы грибы по давней традиции в Кунгурском районе собираем.

— А что, Володя, не тяготит молодое поколение заведенный в доме порядок? — спрашиваю старшего сына Субботиных. — Есть ведь, наверное, своя жизнь, свои увлечения?

— Нет, не тяготит нисколько. Организованный человек для всего время найдет. Я вот, например, люблю с удочкой посидеть. Кому это может помешать? Никому из домашних. В то же время и польза от моего занятия есть. Смотрите, какую я щучку сегодня к общему столу привез. С детства отец с мамой воспитывали в нас самостоятельность суждений и поступков, стремление к независимости, но прежде всего воспитывали ответственность и трудолюбие. Есть у нас с братом хобби — горные лыжи, увлечение дорогостоящее. Когда мы начали заниматься этим видом спорта, понадобилась, естественно, экипировка: лыжи, ботинки, крепления, комбинезоны и прочая амуниция. Все стоит недешево. Родители, думаю, в состоянии были нас с братом экипировать. Но отец нам — тогда студентам — сказал: желаете кататься — заработайте сами. Мы с Мишей дворниками работали и самостоятельно купили все снаряжение. Думаю, это правильно.

Самостоятельна, независима и целеустремленна в этом доме даже кошка Элис, купленная для невестки Вячеслава Михайловича Леночки.

Несколько лет назад Субботиных постигло страшное горе — жена старшего сына умерла от неизлечимой болезни, перед которой бесстрашной оказалась вся семья врачей. Незадолго до ее кончины появилась в доме Элис, маленький пушистый комочек, своей игривой непосредственностью скрашивавший отведенные Богом дни заболевшей Леночки, отвлекавший ее от горьких размышлений. Элис — это живая память о невестке Вячеслава Михайловича, любимица всей семьи.

Вот уж действительно: Элис — кошка, которая гуляет сама по себе. Когда пришло время прощаться мне с хозяевами, Элис решила, что именно сейчас настала пора для кошачьих прогулок. Сколько ни убеждали мы ее сообщая, что на улицу нельзя, что уже поздно, что за дверью холодно и темно, а дома тепло и уютно, — Элис была упорна и настойчива. Своего она все-таки добилась — вышла проводить нас до ворот и послушать, как ворчат в вольере Валдай и Айкэ (сейчас лайку сменила русская гончая Веста).

Мужчина и женщина

Как точно подметил гений Льва Толстого: все счастливые семьи похожи друг на друга... И счастливы, и похожи, думаю, потому, что интуитивная мудрость таких семей точно установила в доме справедливые отношения между мужчиной и женщиной.

Ирина Николаевна и Вячеслав Михайлович еще в молодости сумели найти ту золотую середину в личных взаимоотношениях, которая ежедневный быт не превращает в семейный гнет. Понятно, что быт с его неотвратимыми обязанностями не отменишь, однако в доме Субботиных все поставлено так умно, расчетливо и деликатно, что роль каждого ясна, а личность окружена теплой атмосферой искреннего уважения и благодарности, отчего легче становится исполнение любой домашней работы. Отношение к женщине — к жене и матери — здесь особо чуткое. И это лишний раз подчеркивает мужественность домочадцев — представителей сильного пола.

— Я помню все подробности нашей долгой семейной жизни, начиная с первого поцелуя, после которого, как порядочный человек, должен был (и очень хотел этого) жениться на Ирине, — говорит Вячеслав Михайлович. — Это случилось 12 апреля 1962 года — в День космонавтики. Праздник первого поцелуя стал в нашей семье традиционным, мы отмечаем его в кругу друзей каждый год.

Вячеслав Михайлович рассказывает о своей жене с такой теплотой, что, кажется, даже тембр голоса становится иным. Когда встречаешься с подобным изумительным отношением к женщинам, понимаешь, почему они иногда по небу летают.

— Она большая умница с великолепным характером в отличие от нас — Субботиных всегда были несколько жестковаты, — объясняет глава дома. — Прекрасный специалист в своей области, профессор, она и дом содержит в образцовом порядке, а ее умение вести хозяйство у меня вызывает искреннее восхищение. Недаром в жизни мы ни разу не заняли ни копейки, если исключить период строительства дома. Она сумела основать наш домашний финансовый базис, можно сказать, из ничего, из разумной экономности, которая у Ирины была воспитана нелегкой жизнью в детстве и юности.

Отец Ирины Николаевны — тоже известный в свое время врач Николай Михайлович Липин, владевший, между прочим, в совершенстве тремя иностранными языками и помнивший все великие оперные арии, — погиб весной 1945-го в Польше, всего за два месяца до окончания войны. Не удалось майору медицинской службы, главному врачу полевого госпиталя увидеть близкий уже салют долгожданной победы. Осиротели дети — Ирина была седьмым ре-

бенком. Какой подвиг совершила оставшаяся без мужа мать Ирины Николаевны, могут оценить только те, кто жил в тяжелейшие послевоенные годы: с продуктами и одеждой тогда было хуже, чем даже в военную пору. И впоследствии было немногим слаще в многодетной семье без мужчины-кормильца. Ирина Николаевна всегда донашивала одежду старших детей, а когда настал час идти замуж, она надела подвенечное платье одной из сестер. Несмотря на бедность, близкую к состоянию нищеты, от которой спасало умение пользоваться дарами огорода, мать сумела в одиночку вырастить детей и всем дать высшее образование. От родителей Ирине Николаевне досталось неоценимое наследство: ум, логика, материнская мудрость и терпеливая доброта.

Вячеслав Михайлович всегда много работал, чтобы семья не нуждалась, чтобы совершенствовать профессиональное мастерство. Где бы он ни находился — в операционной, в заграничной командировке, на охоте в тайге — он знал, что тылы защищены, что дома остался человек, на которого во всем можно положиться.

— Я работал, защищался, ездил за границу, а жена помогала мне, освобождая от докучных будничных забот и поддерживая морально, — говорит Субботин. — Потом я помогал ей — будущему профессору.

И сегодня, несмотря на большую занятость в медицинской академии и в клинике, Вячеслав Михайлович не чурается никакой работы по дому: на нем мытье посуды и полов, протирание пыли, топка бани, походы в магазин за продуктами — жена, естественно, составляет список, что купить. Ирина Николаевна занимается готовкой, старается, чтобы семья обедала дома. У Субботиных-охотников проблем с мясом не бывает: сегодня — лось, завтра — тетерев, послезавтра — заяц или утка.

Когда появился собственный дом, на семейном совете решили: не будем распахивать все сотки, отведем под огород несколько грядок, а на поляне пусть гости шашлык кушают или внуки резвятся да в футбол играют. Во-первых, большой огород держать хлопотно, времени не хватает на уход. Во-вторых, еще памятна Субботину молодые годы, когда он, имея единственный выходной, приезжал на дачу отдохнуть от тягот трудной рабочей недели, мечтая посидеть с удочками на берегу, а мама с теткой, выросшие в многодетной крестьянской семье и привыкшие обихаживать каждый клочок земли, говорили: «а вот Коля уже весь огород перекопал, а у Кости уже все прибрано, а Ваня навоз привез» — и приходилось, забыв об отдыхе, брать в руки лопату или грабли. Это было, мягко говоря, тягостно. Повторять опыт не хотелось.

— Осенью на оптовом рынке покупаем для консервирования два ящика помидоров, два узла лука, а остальное — морковь, свеклу, другие овощи и зелень — в достаточном количестве собираем со своих небольших плантаций, — делится хозяйственным опытом Вячеслав Михайлович. — Жена вот превратилась в истинного цветовода. А я люблю наблюдать трогательную картину, когда, ухаживая за своими нежными питомцами, она разговаривает с ними, как с малыми детьми. Яблони на участке посадили. Между нами говоря, не думал, что до яблочка доживу. Дожил! Какой у них вкус, запах, какая красота...

Сколько народу за вашим столом?

— Увы, сегодня происходит повсеместное разрушение семьи, семейных устоев и ценностей, исчезает сама идея дома, уступая место сомнительной философии богомности бытия, и следствие не заставило себя долго ждать: появились беспризорные даже при живых родителях дети, стадами слоняются недоросли-бездельники, привычным явлением становится атрофия родственных связей — а ведь это, возможно, только верхняя часть айсберга; глубинные процессы, можно предположить, более разрушительны и более коварны, — вздыхает профессор Субботин. — А вот моя бабушка по маме — крепостная князей Волконских — рассказывала, что в их семье за стол садились обедать тридцать два человека — братья бабушки и их дети, Вот это сила! Что с такой силой сделаешь? Я и сам люблю, когда вся семья дома, когда шумно и весело.

Вячеслав Михайлович вспоминает:

— Меня воспитывали мама с бабушкой: отец для этого был слишком занят, времени мне уделял немного. Бабушка была неграмотная, но поразительно душевная, по народному мудрая женщина со спокойным характером. Она умела и любила управлять домашним хозяйством, многое делала своими руками. А что умеют сегодняшние горожане?

Тысячу раз прав Вячеслав Михайлович: в погоне за заемными образцами красивой жизни, скроенной по западным лекалам, мы теряем свое глубинное, корневое, краеугольное. Теряем то, о чем Пушкин писал: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Теряем вместе с этим и уважение к себе. Хозяин дома на Руси ведь не к каждому чиху чиновника прислушивался. И если что, мог, как говорится, послать всех подальше, запереться в своей крепости и пересидеть лихо. Вспомним, что настоящему хозяину от государства только соль, сахар да спички нужны. А этим добром заранее запастись можно.

Мы же в своих многоэтажках-муравейниках, в которых можно, конечно, укрыться от непогоды или переночевать, но жить в полном смысле этого слова невозможно, во всем зависим от государства, от прихотей власти или управляющей компании. Словно подростки, которым работать позволяют, но денег на руки не дают. Привыкнув к подчиненному состоянию, мы так и не вырастаем из подростковой зависимости до самой своей кончины, не становимся взрослыми и самостоятельными. Впрочем, быть может, в этом и есть тайная цель государства: легче вить веревки из податливого материала, из того, что не имеет корней, как перекасти-поле, и не ерепенится?

Вот и теряем связи. Становимся слабее. Живем без памяти. Без любви к отеческим гробам и родному пепелищу. Пример же Субботиных убеждает: возрождение еще возможно.

– Жаль только, помощи трудовой человек в государстве нашем никак не дождется, — вздыхает Вячеслав Михайлович. — За рубежом дают строительный заем с рассрочкой на много лет. У нас — на короткий срок с сумасшедшими процентами. Так мы никогда не найдем дорогу к дому. Как говорится, ежу ясно, что государство, если оно заботится о будущем Отчизны, просто обязано вкладывать в трудового человека. В того, который не собирается менять родину на Америку, Швейцарию или Германию, а остается жить на этой земле. Не будет собственное государство вкладывать в свой народ — люди в конце концов побегут туда, где лучше.

Не могу не согласиться со своим собеседником. Эта тревожная мысль беспокоит чрезвычайно. Все более кажется вероятным, что мы вскоре станем свидетелями драматического для России процесса: вот откроют границы в Евросоюз, и хлынет поток россиян за лучшей долей в Польшу, Чехию, Италию, Австрию. Наглядный урок массового поиска лучшей доли уже преподали нам Украина и Молдавия — многочисленные выходцы из этих стран наполнили ряды европейских гастарбайтеров, они вместе с вьетнамцами и китайцами трудятся на заводах, куда местные жители работать не идут. Рванет за бугор не только рабочая сила. Соберет чемоданы все лучшее, молодое, способное на творческую дерзость. Что останется от России? Кому нужны будут российские школы, больницы, вузы? Кого учить и лечить собирается нынешняя Россия, если ее дети ощущают себя пасынками в собственном доме и мечтают прибиться к чужому порогу? А добывать наши нефть и газ, вырубать наши леса можно вахтовым методом, присылая рабочих из-за рубежа.

Как видите, дорогой читатель, вопрос «сколько человек сидит за вашим обеденным столом?» — совсем не праздный.

Фамильное гнездо

Много лет назад, в советские годы, когда Субботин был не доктором и профессором, а кандидатом и доцентом, побывал он на научной конференции в Дании. Возвратившись в Пермь и рассказывая коллегам о своих наблюдениях во время заграничной поездки, он обронил фразу, которой не придал какого-либо значения. Подытоживая свои приятные воспоминания о Дании, он сказал с юмором: «Если бежать, то в эту страну». Кто-то из коллег значение словам, в отличие от Субботина, придал и юмор оценил по достоинству. Через несколько дней знакомый товарищ из органов пожурил хирурга: «Слава, ты вслух-то не болтай, чего не надо. Все в «контору» пролилось. Есть мнение, что Субботин собирается бежать за границу».

Шли годы. Сменились в России общественные и экономические формации. «Контора» поменяла название. Были раскрыты и снова засекречены имена стукачей — корыстных и добровольных помощников ловцов человеческих душ. Субботин за минувшие десятилетия объездил полмира, побывал в США и Японии, в Германии и Чехии, в Италии и Португалии, в Турции и Словакии, а его жена — в еще большем количестве стран. Ездили Субботины на симпозиумы, куда собирается весь цвет мировой хирургии. Ездили на Запад и на Восток в качестве туристов. Могли бы остаться в более благополучных, чем сегодняшняя Россия, странах? Да запросто — квалификация и имя позволили бы жить безбедно на чужбине. Но такие мысли не только не обсуждались — в голову не приходили.

Зато совершенствовался собственный быт. Вольтеровская максима «Cultivez votre jardin» («Возделывайте свой сад») претворилась в судьбе Субботиных, можно сказать, буквально.

– Частный дом — это совсем другая, чем в многоэтажке, жизнь, — уверен Вячеслав Михайлович. — Она возвратила меня в тишину и покой дома моего детства на улице Газеты «Звезда». А ведь еще не так давно приходилось каждый день, уходя на работу и возвращаясь домой, шагать по загаженной лестнице подъезда, в котором вечно что-то поджигали, ломали, портили, в котором царили нескончаемые склоки между жильцами — и ты вольно или невольно был вовлечен в скандалы и распри.

Недавно какой-то аферист купил подвал в доме с директорской квартирой отца Вячеслава Михайловича, что на Комсомольском проспекте. Новый владелец подвала решил выселить жильцов и построить высотку на месте памятника сталинской архитектуры — дома, построенного в 1937 году для работников моторостроительного завода. Конечно, начался очередной скандал, возмущению жильцов не было предела.

— Этот эпизод стал последней каплей, переполнившей чашу терпения, — говорит профессор Субботин. — Как не жалко было расставаться с отцовской квартирой, как не жалко было воспоминаний, с ней связанных, пришлось прощаться с наследством в центре города. Я продал квартиру, два гаража, «тряхнул» всеми накоплениями и купил рядом со своим еще один, недостроенный, дом — сосед решил продать свое «имение». Теперь это дом младшего сына Миши, наши внуки бегают с его десяти соток на мои десять соток. В общем, получилось семейное гнездо, о котором я всегда мечтал. У русских принято сколь возможно долго помогать детям. Мы помогаем Михаилу поднять дом. Без этой помощи врач свой дом обустроить не сможет, даже если станет дежурить до изнеможения. А мой дом по наследству перейдет старшему сыну.

Вот, пожалуй, и вся история, о которой мне хотелось рассказать. Жалею об одном — не хочется расставаться с героем моего повествования. Много еще можно рассказать о нем — о человеке с ярко выраженным истинно русским характером — умном, образованном, справедливом, умелом, настойчивом, но, увы, не снискавшем своими многолетними замечательными трудами ни одной награды. Кстати, это становится дурной традицией по отношению к людям, действительно достойным всяческих наград. Слава Богу, что настоящие русские люди еще есть, что не растворились они в пошлой обыденности нового времени и уже самим своим существованием противостоят идеологии бакалейщиков и «успешных» делегов, присосавшихся к бюджетным финансовым потокам.

Только на таких людей остается надеяться, думая о спасении и возрождении Отчизны. На тех, кто умеет строить дом.

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА КОММУНАЛЬНАЯ СТРАНА (Дом специалистов, ул. Уральская, 87)

Где это милое детство? Где этот дом-пароход? Куда подевались друзья из того полуголодного, но ДОБРОГО времени?

Чем дальше откатываются года, тем желанней прорастают в памяти эпизоды из тех далеких лет. Воспоминания проецируются, как в немом кинематографе, — в убыстренном темпе, скрашенные дымкой романтики. Это тем более странно, что времена-то были нелегкими для страны, но детство на то и детство, чтобы запоминать больше светлого, чем темного.

Старая Мотовилиха — место лихое и даже мистическое. Еще не город, но уже и не деревня. Нечто среднее, а потому не совсем понятное. Народ жил по гудку. Хриплый его голос ранним утром будил работяг, и огромная толпа стекалась к проходным, в корпуса цехов. В разбросанных по косогорам, оврагам и вдоль речки деревянных домишках возвращения отцов и сыновей ждали только к вечеру. На Висиме и Вышке в Костарево и Збпруде — у каждого дома палисадник с рябинкой и крытый двор со скотиной. За каждым забором — своя жизнь.

Зато новый поселок, с трех-четырёхэтажными «хоромами» вырос по сторонам дороги, бегущей в город. Появившийся в тридцатые годы по плану индустриализации страны, этот соцгородок имел «полный набор»: магазины и гостиницу («Металлург»), две новых школы и водокачку, больничный городок и диспансер (теперь поликлиника), фабрику-кухню (ныне развлекательный комплекс «Горный хрусталь» и стадион (теперь спортклуб «Молот»). Каменные дома-ячейки и зона обслуживания создали свой микроклимат, где все жили на одной территории, общими интересами, как одна большая семья... Все вокруг — мое и твое, все наше. Одна судьба на всех.

Крайние точки нового поселка — Дом техники (теперь колледж им. Славянова) и пятиэтажная громада, вставшая боком и напоминающая огромный пароход, готовый отправиться в плавание, — Дом специалистов.

Издавна в рабочем лексиконе «спецами» называли толковых людей, мастеров в своем профессиональном деле. Вот и в нашем доме-пароходе жили такие «спецы» — ведущие инженеры завода, руководители цехов и отделов, конструкторы, а также врачи и учителя, люди уважаемые не меньше производственников. Рядом стояло еще здание школы, а дальше — пустырь, за которым шли бараки для рабочих по найму.

Дом специалистов по адресу Уральская, 87, — стал вроде «визитной карточки «новой» Мотовилихи, а параллельно дому шла главная дорога в Пермь (в те годы — Молотов). На трамвае до центра можно было доехать минут за двадцать, пешим ходом от нашего дома через Разгуляй топать больше сорока минут. Но мы были ближе старой Мотовилихи к цивилизации не территориально, а по сути.

Дом выделялся конструкцией — в центре четырехэтажного здания был надстроен еще один этаж — и эта «рубка» создавала эффект корабля. Красивый сквер с фонтаном завершал ансамбль. Квартиры в доме, даже по сегодняшним меркам, были прекрасные — четырехкомнатные с высокими потолками, большой кухней и ванной комнатой, но без ванны... (как всегда в России — не все удается выполнить из намеченного). Редко одна семья занимала квартиру целиком, как правило, хозяев было несколько. Только в нашем третьем подъезде на пяти этажах жило-проживало около пятидесяти человек. Отдельные квартиры занимали, как правило, руководящие работники, в том числе — председатель облисполкома П.М. Горюнов с женой — учительницей, и дочкой-студенткой; главный врач диспансера Гурвич с молодой женой и дочкой. Большинство жителей коммунальных квартир — это люди разных профессий: инженер Ильин с семьей (между прочим, Лауреат госпремии), учительница Кузовникова с дочкой Ингой, семья Перебатовых (учительница Фелицата Ефимовна, дочь Октябрина и сын Владимир), семейная пара Дворсонов с сыном Левого. В нашей семнадцатой квартире на первом этаже проживало три женщины-медработника с дочками. Всего с родственниками набралось восемь душ — от семи до семидесяти годочков.

Ритм жизни и здесь диктовал завод — все крутилось вокруг Мотовилихи. Взрослые уходили на службу (на завод, в поликлинику, в школу). Дети — в школу. Главным развлечением в ту предвоенную пору был цирк (позже в войну деревянное здание сгорело). Наши одинокие мамы надевали свои лучшие платья и шли смотреть выступления силачей и акробатов. За вечерним чаем — он проходил в общей большой столовой — обсуждали мужчин-артистов... Иногда мы и дома устраивали нечто вроде представления. На меня надевали пальто мехом наружу и выводили на поводке в гостиную. Народ хотел, а я гордилась успехом. Это была моя первая роль...

Хотя квартир в доме было больше пятидесяти, все друг друга знали и прекрасно общались. Помню, в соседнем подъезде жила семья Сабанаевых, их бабушка (судя по всему, из «бывших») была модницей и обшивала всех соседей. Первое «взрослое» платье с воланом сшила мне бабушка Сабанаева. Она же учила детей мастерить елочные украшения из яичной скорлупы и орехов. Под ее руководством мы сочиняли новогодние поздравления.

В последнем, шестом подъезде жила семья Корчмарских. Отца семейства мы не знали, его арестовали где-то в тридцать седьмом, а с детьми — Ириной, Натальей и Игорем — дружили. Таких «неполных» семей, в которых кормилец канул в неизвестность, в те годы было много, но об этом не говорили вслух. Чтобы выжить и получить рабочую карточку, бабушке Корчмарской пришлось в войну пойти в дворники. Мы все старались ей помогать, чем могли. В одном из подъездов жили бездетные супруги Иоффе — люди интеллигентные и начитанные. Они частенько беседовали с нами, рассказывая какие-то интересные истории или устраивая игры в вопросы и ответы. Надо сказать, что и без телевизора общество было хорошо информировано — в каждой квартире имелось радио, все выписывали газеты, появились и телефоны. К тому же действовала система «глухого телефона», когда новости передавались из уст в уста. То, что утром говорилось на планерках или на парткоме, вечером знал весь поселок.

Это только на первый взгляд казалось, что все живут по своим «углам» — на самом деле незримые нити связывали людей разных профессий и возрастов в одно целое. Тогда не принято было говорить слово «народ», но бытовало такое понятие как коллектив — заводской, школьный, дворовый... И это не пустые слова. Нас всех воспитывали именно в коллективе — субботники, демонстрации, собрания, — все это формы воспитания. Я лично ничего дурного в этом не вижу — главное не переборщить. Сегодняшнее разобщение общества ни к чему хорошему не приведет. Но вернемся в прошлое.

Люди жили не только своей семьей, своей квартирой, своим большим домом, — вся страна была огромной коммунальной квартирой. В этом огромный плюс, позволивший выиграть страшную войну, но и огромный минус, тормозивший развитие человеческой личности, индивидуальности, наделенной особыми качествами. В России до сих пор не любят людей неординарных, талантливых, а все эти корпорации, офисы и ООО — ни что иное, как пародии на климат коллективов тех далеких лет.

Мирная жизнь кончилось 22 июня 1941 года. Праздник в честь окончания учебного года, который проходил в Городском саду, прервался неожиданно сообщением по радио о НАПАДЕНИИ ГЕРМАНИИ. Буквально на другой день на фронт из Мотовилихи, в том числе и из нашего дома, отправились первые добровольцы. Одну из школ передали под госпиталь, а нам объявили, что будем учиться в две смены. Через три месяца к соседке Вере Сергеевне приехали из блокадного Ленинграда родственники, и население квартиры увеличилось до тринадцати человек. Познавшие бомбежки и голод, наши сверстники, Юрий и Марина, деловито делили хлебный паек и прятали под подушку вкусные кусочки. К маме в больницу тоже поступили дети из Ленинграда, и она рассказывала, как они все время просят кушать...

В тылу детям тоже не сладко, в столовой фабрики-кухни по талонам давали суп- урду и кашу размазную, а еще отвар шиповника всем детям. Начался режим экономии электричества — и мы делали уроки под коптилку: в бутылочку с керосином опускали фитилек, он-то и давал свет.

Не только в нашем «доме специалистов» — во всем Рабочем поселке народу прибавилось. Эвакуированных можно было отличить сразу от местных и поговору, и по манере поведения, но нам это не помешало сдружиться. В ванную комнату (где не было ванной) набивалось человек по десять. Мы рассказывали друг другу прочитанные книги. Это была такая живая библиотека... Не помню, чтобы где-то в семьях жили попугайчики или рыбки. А вот собака была: рыжая, с белыми пятнами дворняга, которую подкармливал весь дом. Нас, детей, она не трогала, но была у той собаки одна неприятная привычка — как увидит человека в военной форме — лает без умолку. И представьте — за такое «поведение» стали звать этого кобеля Гитлером. Кто первый из ребят такое придумал, не помню, но кончил этот злой пес по кличке Гитлер плохо — попал под трамвай...

Приятная новость — на пустыре возле дома разрешили сажать картошку. У нас появилась своя грядка. Вот только не помню — был ли урожай?! А еще школьников посылали в Мотовилихинский совхоз на сбор гороха, при этом разрешали есть, сколько хочешь...

Вскоре мою маму, как врача, забрали работать в госпиталь, а наша комсомольская школьная «ячейка» организовала агитбригаду для выступлений в госпиталях. Я выучила стихотворение Константина Симонова «Жди меня» (его напечатали в «Правде») и исполняла в концертах. Мальчишка по имени Фирс, из соседнего дома, играл раненым на баяне вальс «На сопках Маньчжурии», а моя одноклассница Валя-Валентина танцевала татарский танец. Гостинцы воинам собирали со всего дома: конфеты, пряники, шарфы, перчатки — все с любовью.

«Все для фронта, все для Победы!» — этим жила вся страна, и взрослые, и дети. Мимо нашего дома по ночам со скрежетом везли с завода огромные пушки. За этим кортежем из окон следили те, кто эти пушки отливал и собирал, молчаливо благословляя нашу армию на успех в ратных делах.

Возле стадиона, рядом с домом, появился «дикий» рыночек, где можно было купить и хлеб, и конфетки. Было страшно смотреть на вчерашних фронтовиков без ног на деревянных каталках. Мы тайком из дома носили им еду, впрочем, мама, как мне кажется, знала про это и молчала. Среди моих школьных подруг помню Нину Полетаеву из дома номер шесть Рабочего поселка. Мы с ней сиде-

ли за одной партией и ели на перемене мамины бутерброды — хлеб с вареньем или с маслом. Другая подруга — дочь директора завода Вера Быховская — жила в отдельном доме. Охраны там никакой не было, и я свободно приходила к ней в гости. Случалось сидеть у них за столом; помню, как потряс меня вид свежего зелено-го огурца в зимний январский день.

Главной ценностью в те годы были рабочие продуктовые карточки — на них полагалось больше хлеба и других продуктов. В нашей семье была одна рабочая карточка и паек военврача. А у моих подруг из семей учителей ничего такого не было. Нам не хватало сладостей, и мы варили из сахара конфеты-тянучки. Вкуснота!!! В конце войны появились американские консервы. В кинотеатре «Горн» шли трофейные фильмы с Марикой Рок, мы смотрели их не одному разу.

В день Победы весь дом от мала до велика высыпал из подъездов на улицу. Обнимались. Пели. Танцевали. И, конечно, плакали — потери были почти в каждой семье. Но главной «ареной» праздника стал центр района — в сквере стояли пушки, и состоялся праздничный салют. Двери всех квартир были открыты настежь — гуляли все. Взрослые плакали от счастья, а мы строили планы на будущее.

Через два года я окончила школу и поступила в университет, начиналась новая полоса жизни.

Шли годы. Родители старели. Мы выросли. В доме менялись соседи — кто-то уезжал из города, кто-то менял коммунальное жилье на отдельную квартиру. Мотовилиха разрасталась, растекаясь кварталами новых домов, двигаясь ближе к городу. Окраина меняла свой облик, стараясь быть похожей на центр. Переехали и мы с мамой на улицу Крупской.

Но вот что интересно: не стало прежнего единения соседей, ушло, куда-то пропало коммунальное братство. Хорошо это или плохо, сразу не скажешь. С одной стороны, губернский город более строгих «правил» — тут не до сантиментов. С другой — подобное разобщение не приносит пользы, а скорее мешает созданию доброго микроклимата.

Может быть, от тоски по тому прежнему человечьему житью-бытью, мы с радостью бросаемся навстречу людям из прошлого. Среди нас, тех мальчишек и девчонок, — директор школы и ведущий тележурналист, хороший юрист и великолепный повар, экономист и театральный деятель... Но встречаясь, мы возвращаемся в свое детство и, по братски обнимаясь, спрашиваем друг друга: «А помнишь нашу Мотовилиху, нашу школу и наш Дом специалистов?!

Нет, прошлое не уходит. Оно живет в нас...

НАБРОСКИ ПО ПАМЯТИ

Бесследно исчезла табличка с названием улицы Большевистской, намного ранее не стало на ней дома под номером 86. Вместо него построен жилой дом № 88, на первом этаже которого размещается аптека № 1, а во дворе находится городской радиотрансляционный центр. Легкий трепет и волнение охватывают меня, когда я прохожу или проезжаю по родной улице Большевистской, она для меня всегда останется таковой, а возвращенное ей недавно «историческое» название — Екатерининская — совершенно отвлеченное понятие. Детская память не отпускает, и с годами все больше мучает яркими воспоминаниями. То, что было заложено в детском возрасте, определило многое в моей жизни.

Пермь середины XX столетия: коммунальные квартиры, общие кухни (без водопровода и газа) и двор, обитатели которого знали не только каждого соседа, но и всех его друзей и родственников до «десятого колена». Все вместе радовались новым приобретениям, своим и соседей: мебели или появлявшимся уже в обиходе холодильникам, телевизорам; а также поездкам на отдых — к морю, в Москву или Ленинград.

Нас, детей послевоенного периода, во дворе было девять человек — целая детсадовская группа, но в детсад мы не ходили, под присмотром двух бабушек играли во дворе, а ключи от квартир и комнат висели на гвоздике, на стене, или лежали на пороге у дверей.

«Наши университеты» были наполнены не просто бесцельным беганьем — это было познание окружающего мира. Нам повезло — мы жили в центре города, в окружении кинотеатров: «Звезда», «Художественный», «Комсомолец», позднее «Октябрь» и панорамный «Кристалл». Летом с понедельника, когда в прокате появлялись новые фильмы, мы распределяли все дни недели, чтобы посмотреть кинокартины. В «Комсомолец» ходили смотреть хроникально-документальные фильмы, и этими походами «управляли» взрослые. Нам было тогда по 8-10 лет, но запомнились фильмы о поездках Хрущева с Булганиным в Индию, Бирму и другие страны Азии; хроника визитов в США, Францию; фильмы о животном и растительном мире Земли. Телевизоров еще не было, и достать билеты на документальные фильмы в «Комсомолец» было непросто. С ранних лет мы посещали спектакли в театре оперы и балета, в драмтеатре, оба они были недалеко от дома. И, конечно, в этом ряду зрелищного, эстетического и образовательного развития стояли у нас галерея, краеведческий музей и зоопарк.

В центре двора стоял двухэтажный деревянный дом, на втором этаже которого жила семья Николая Николаевича Серебренникова, известного собирателя деревянной скульптуры Прикамья и одного из основателей Пермской художественной галереи. В течение трех десятилетий наши семьи были связаны этим соседством, вплоть до его кончины в 1966 году.

Дети и взрослые с большим уважением относились к Николаю Николаевичу. Утром он уходил на службу, вечером хозяйничал на кухне, готовил ужин. Газ появился только в конце 1950-х, поэтому все готовили на примусах или керогазах, тратя немало времени. В общей кухне каждой квартиры размещалась русская печь, и по праздникам по всему двору «гулял» восхитительный аромат пирогов, булочек, шанежек, а в пасхальные дни и куличей. Поочередно каждая хозяйка хлопотала у печи, искусно готовя по своим испытанным рецептам. Это была пора великого объедания, так как каждый норвил удивить и угостить соседей своим домашним творением.

У Николая Николаевича было одно правило: после ужина он молча отдыхал в плетеном кресле-качалке, о чем-то размышляя; а после вечернего «моциона» садился за письменный стол, и настольная лампа под зеленым абажуром не гасла до глубокой ночи. Письменный стол, покрытый зеленым сукном, стоял у окна, которое редко зашторивалось, и его прямой профиль вырисовывался в темноте.

Работал он увлеченно, и ничто не могло отвлечь его. Однажды летом в нашем дворе случился сильный пожар, и Наталья Васильевна, его жена, положив в нагрудный карман партбилет, сказала: «Будь что будет, партбилет со мной». Николай Николаевич невозмутимо продолжал работать. Хорошо помню, как он сказал, что не встанет из-за стола, пока не будет прямой угрозы для жизни.

Присутствие Николая Николаевича подспудно влияло на окружающих, и может быть неосознанно, но осталось на всю жизнь. В его квартире появился первый в доме телевизор, и когда в 1958 году открылась Пермская студия телевидения, Николай Николаевич раз в месяц вел беседы по истории искусства. Летом перед началом передачи Наталья Васильевна приглашала нас к телевизору; мы смотрели и слушали выступление Н.Н. (тогда еще не было записей передач, и они шли «живьем»), а по окончании пили чай. Потом приходил Николай Николаевич и уже беседовал с нами, и разъяснял все, что нам было непонятно, демонстрируя репродукции из многочисленных альбомов и книг. Такие беседы не прошли бесследно, тем более что мы учились в школе № 2, и очень часто уроки и классные часы проходили в галерее или краеведческом музее. Сейчас я с благодарностью вспоминаю эту бесценную возможность получить

азы художественного воспитания. К тому же оперный театр был рядом со школой, и случалось иногда всем классом помогать в уборке помещений театра, а затем на галерке слушать и смотреть спектакли. Так побывали мы на премьерах оперы «Демон» А. Рубинштейна, балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро», оперы М. Глинки «Руслан и Людмила».

Привить любовь к прекрасному, и понимать искусство живописи нам, детям, стремилась и жена Н.Н. Серебренникова, Наталья Васильевна. До войны, знаю, она работала в галерее, а после войны — библиотекарем в научной библиотеке Пермского научно-исследовательского института вакцин и сывороток, который был расположен в то время на одной территории с областной психиатрической больницей.

Выйдя на пенсию, она организовала для ребят нашего двора занятия, где мы рисовали, лепили, учились понимать, что такое композиция, жанр рисунка; как правильно показать свет. А затем все вместе выбирали победителя, пили чай за общим столом во дворе и получали подарки. С нею мы гуляли по тихим улицам центра, в пору цветения сирени в театральном сквере, яблонь по ул. Коммунистической (Петропавловской). Вообще, постоянным прогулочным маршрутом был путь от нашего дома до улицы Сибирской, набережной Камы, по Комсомольскому проспекту, по улице Газеты «Звезда», как летом, так и зимой. Вдоль сквера на Комсомольском проспекте проходила зимой лыжная трасса по коллектору для сточных вод: она была излюбленным местом катания на лыжах для многих горожан, и мы научились кататься, благодаря этой лыжне.

Жизнь в нашем дворе шла своим чередом: дети играли, хозяйки стирали белье и вывешивали его на веревках так, что и не обойти. Это очень сердило и возмущало Николая Николаевича, когда он, приходя с работы, обнаруживал ряды веревок с бельем, особенно нижним. Это категорически не допускалось, если к нему должны были прийти гости, приехавшие из других городов, чаще из Москвы и Ленинграда. Тогда Николай Николаевич сообщал сердобольным тетушкам тоном, не требующим возражения, что завтра будут у него гости, и никакого белья, никаких посяделок, всё только на задней части двора.

Несмотря на его строгий нрав, некоторую замкнутость и закрытость, все жители относились к нему с глубоким уважением. Мария Ивановна, соседка по квартире и кухне, вспоминала, как Николай Николаевич строго отчитывал ее за трату денег на непродуманные покупки. Он, как и большинство людей того времени, знал цену копейке, и был строг, суров и прижимист, да и в личной жизни скром и нетребователен. Это знали все обитатели двора.

Как только вечером появлялся Николай Николаевич с работы, все ребята уходили на задний двор играть в прятки или лапту. Словоохотливые бабушки ретировались посудачить в более укромные места. Все воспринимали это как неписаное правило. В памяти остался особый аромат, который царил в вечернем воздухе, когда теплыми летними вечерами после трудового дня по двору лились удивительные звуки музыки Чайковского, Рахманинова, Шопена. В это время воцарялась тишина, и все слушали музыку. Играл Николай Николаевич.

Моя старшая сестра была ровесницей старшей дочери Николая Николаевича — Валентины, а наш брат — одноклассник двух его дочерей, Надежды и Ирины. Так случилось, что детство их прошло в трудные и голодные дни войны. Брат рассказывал, что они «бегали» в галерею, где были размещены эвакуированные художественные ценности из Ленинграда.

Старшая дочь, Валя, окончив геолого-разведочный техникум, успешно работала в Альметьевске, в Татарии, на нефтяных месторождениях «второго Баку». Почти каждое лето она приезжала в гости с мужем и двумя очаровательными дочками. Дочь Николая Николаевича Надя, его любимица, после окончания геологического факультета Пермского государственного университета жила и работала в Екатеринбурге. Ирина, которую все звали Лялей, окончила Пермский государственный педагогический институт и стала преподавателем немецкого языка в школе. После обязательной отработки по направлению в одной из школ области, она появилась, неожиданно для нас с сестрой (мы двойняшки), в нашем десятом классе школы № 2. Было очень забавно. После уроков, во дворе, мы договорились, что в школе общаемся официально, а дома — как всегда. Я ей благодарна за то, что с нею мы стали изучать разговорный немецкий язык, что было в новинку, а не просто заучивать слова и читать тексты, в этом мы уже неплохо преуспели. Не без влияния дочерей Н.Н., я после одиннадцатого класса поступила на геологический факультет ПГУ, о чем совсем не жалею. Это позволило поближе узнать жизнь, и не только в геологии, но и в других направлениях трудовой деятельности.

К нашей маме все относились с уважением, но с особым вниманием и почтением относился к ней Николай Николаевич, ценя ее природную мудрость, скромность и добродетель. Возможно, поэтому нам с сестрой повезло больше других, и мы часто домовничали в их квартире, когда они надолго уезжали на отдых или жили на даче.

УГЛОВЫЕ ДОМА НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

По материалам пермской периодики 1990-х — 2011 гг.

Многие вещи в их квартире казались сказочными: например, ночник из серпентинита и гипса — маленькая избушка, занесенная снежными сугробами. Вечером, когда включали ночник, стоявший на столике трюмо, он отражался в зеркале, и это была удивительная сказка наяву. Маленький «кабинет» Николая Николаевича, отделенный буфетом и шифоньером от другой части комнаты, был наполнен книгами, которые располагались в шкафу и на полках. Здесь же размещался письменный стол, кровать и массивный фарфоровый умывальник, как будто сошедший со страниц «Мойдодыра» Корнея Чуковского.

Высокий, полный, но не грузный, Николай Николаевич летом ходил в белом льняном костюме, а зимой — в пальто, папаче и калошах «прощай молодость», и в его облике просматривался толстовско-шаляпинский образ. В нем чувствовалась скрытая душевная сила, которая заставляла, робея, с интересом наблюдать за ним в домашнем интерьере: задумчиво отдыхающим в кресле-качалке, мечтательным и вдохновенным за фортепиано, сосредоточенным за письменным столом, требовательным и принципиальным в споре.

Он запомнился человеком, погруженным в себя, с острым и глубоким взглядом внимательных глаз; строгим, требовательным и рачительным хозяином. Я помню день прощания с Николаем Николаевичем в нашем дворе в мае 1966 года — было очень грустно...

PS: В конце 1966 года весть о переезде в новые квартиры, в связи со сломом дома, стала почти трагедией для обитателей двора: уходила целая эпоха. Разъезжались по новым адресам, в квартиры со всеми удобствами, но радости не чувствовалось. Район улиц Ушинского и Крупской, куда переезжали мы, казался тогда Тмутараканью. Страх, неизвестность и потеря отлаженного и привычного быта, своих «товарок» (соседей по коммуналке), остались в памяти безрадостным событием, только по истечении некоторого времени все встало на свои места. Но душевность, человеческое участие, взаимопомощь и умение радоваться за другого, — все эти качества, что существовали в нашем дворе, сегодня сошли на нет. Пришла полная автономия быта в пределах своих квадратных метров, как антипод русской души.

В названиях городских улиц отражаются умонастроения людей, события истории, общей и региональной. Современный краевед пишет, что в старой Перми главными считались улицы, идущие вдоль Камы, в их числе и Покровская (Ленина). Поперечные, идущие от Камы, назывались некогда проулками, среди них — Оханский (Газеты «Звезда»). «Дома поначалу на них не ставили, только флигели да хозяйственные постройки, в лучшем случае дом, возведенный на главной улице, выходил в проулок углом»[1]. В названии улицы Ленина — имя вождя, которое почти в каждом советском городе было в свое время дано главной магистрали. Улица Ленина пересекается с улицей Газеты «Звезда», издания местного (областного, краевого — все равно — пермского). Соотношение такое же, как и раньше, до переименования, когда вдоль Камы шла главная, Покровская (великий христианский праздник и посвященный ему храм), перпендикулярно ей — «местная» Оханская, по названию одного из уездов Пермской губернии. Так и получилось, что дома, стоящие на их углах, уже с момента постройки наделены известной символической мистикой, которая иногда реализуется в их долгой судьбе.

Четыре здания на пересечении улиц по адресам: улица Газеты «Звезда», 15, 17, 18, 20. В жизни этих зданий соединяются судьба страны, перипетии региональной истории, главное и, казалось бы, малозначимое. В их истории есть немало увлекательных, романтических и даже страшных страниц: церковь, выстроенная по обету купцом, спасшимся в кораблекрушении на далеком южном море; подвал, заполненный трупами расстрелянных в белогвардейской контрразведке; вклады знаменитых благотворителей; подарки европейских богатеев дальней обедневшей родне. Торговля, церковное служение, просвещение — все было на перекрестке более чем за полтора столетия.

Рубеж века двадцать первого. В стране очередной социальный слом: перемена форм собственности, агрессивное противостояние одних другим. Судьбы старинных домов в эти годы постоянно и последовательно описывались местной прессой. В публикациях отражались и общественные процессы, и сюжеты провинциальной жизни, и меняющийся тон пермских периодических изданий.

1997 год. Не так давно распался Советский Союз, перспективы общества, города еще не ясны, но в целом оптимистичны. Отмечая юбилей газеты «Звезда», тогда еще областной, по улице ее имени путешествует, заходя в каждый дом, известный журналист, популярный поэт, жизнелюб и любимец пермяков Михаил Смородинов. Вид тихой улицы радикально отличается от сегодняшнего: разрушенная мостовая, старые деревья, дома по большей части деревянные... Неторопливо беседуя с народонаселением, доходит корреспондент до перекрестка Газеты «Звезда» – Ленина.

Четыре статьи Михаила Смородинова в номерах за конец сентября — начало октября могут быть названы, пользуясь штампом, штрихами к портрету времени. В фармакадемии сданы в аренду торговцам помещения первого этажа, появились первые платные студенты-иностранцы (приводится цена обучения): вуз пытается пополнить небогатую казну. За помощью к состоятельным выпускникам обращается руководство института искусств и культуры. Из-за нехватки денег не получилась реставрация дома номер двадцать, организация в нем коми-пермяцкого представительства и ресторана национальной кухни. Кооператоры-хозяева здания боятся бандитов.

На углах повторяющаяся в разные годы ситуация: разрушение здания и драматические обстоятельства ремонта. В 1997-ом катастрофа в институте искусств и культуры. М. Смородинов говорит, что «в этом доме проблема нищеты российского образования выпирает «рѣбрами» в прямом и переносном смысле слова и, можно сказать, вопиет» [2]. Этими словами открывается в «Звезде» серия публикаций, в названиях и общем тоне которых нарастают трагические интонации (отражающие реальное состояние дел). Наталья Земскова через несколько дней после Смородинова в заметке «Без помощи Москвы поедет крыша» уточняет: «Каждый день, приходя в здание института искусств и культуры, студенты и преподаватели этого учебного заведения рискуют своей жизнью ... в некоторых местах крыша может рухнуть в любой момент» [3]. Год спустя центральное «Музыкальное обозрение» в статье «Студентам – новую крышу» [4] сообщает о благотворительном марафоне «Спаси и сохрани», посвященном сбору средств на ремонт здания. Средств недостаточно, и в 1999-м ректор вуза публикует в «Звезде» интервью обобщающего характера: «Капитальный ремонт нужен всей культуре» [5].

Прошло десять лет. 2007 год, очередной юбилей «Звезды». Журналист Василий Бубнов добирается до означенного перекрестка мимо каменных многоэтажных построек, сменивших прежние коммуналки с зелеными дворами и сараями-дровяниками. «Лихие девяностые» позади, хозяева жизни определились, в том числе и на улице, нося-

щей имя газеты. Иным стал тираж, меньше постоянных читателей. Михаила Смородинова после нескольких публикаций ждут в следующих домах для душевных разговоров, Василий Бубнов говорит лишь о письмах единомышленников. Отсюда общая меланхолическая интонация его цикла «прогулок».

В статьях 1997 года рассказывалось о временах постройки каждого дома, его давних обитателей. Василию Бубнову в этом особой необходимости, казалось бы, уже нет. Но журналист сообщает читателям новые увлекательные сюжеты, обращаясь к трудам специалистов. За прошедшее десятилетие региональное самосознание сделало большой шаг, и прошлое стало не только предметом изучения энтузиастов, но и материалом их публикаций. Истории старинных пермских зданий подробно, с привлечением документов, архивов описаны пермскими краеведами, в частности, Еленой Александровной Спешиловой [6]. Изучение домов, о которых идет речь, как объектов архитектурного наследия продолжается и сегодня [7].

На углу Ленина и Звезды за прошедшие с девяносто седьмого годы снесен и восстановлен «новоделом» дом наследников Демидова, не спас его паспорт памятника архитектуры, приведенный когда-то в статье М. Смородинова «Древняя реликвия». Здание занял банк, который в ближайшие годы поменяет название. Дом № 20 журналисту сегодня не интересен, о нем и не пишется.

На перекрестке, как и прежде, разруха, но уже в другом месте. Воссоздано здание института культуры, названного «вузом под сенью муз»; состоялось, о чем писали не раз, торжественное открытие в нем колонного зала [8], но срочного ремонта требует гимназия № 17. Статья девяносто седьмого о ней оптимистически называется «Энергия поколений и знаний», в две тысячи седьмом заголовком звучит как вопрос, ответ на который неизвестен: «Где учиться детям мэра и министра?»

Начатая размышлениями журналиста «Звезды»: «...уж не мешает ли кому-то гимназия, занимающая участок в центре города?» [9] – тема развивается в пермском приложении к «Аргументам и фактам» статьями Татьяны Мучкиной 2011 года. В названиях просматривается общее для ряда современных изданий нагнетание драматизма, выстраивание почти детективного сюжета: «Директор саботирует ремонт?» (№ 19); «Затянувшийся ремонт. Чем закончится противостояние?» (№ 32); «Гимназистов вытеснят ... унитазы? Для лучшей школы у города не нашлось ни земли, ни тепла» (№ 17); «Праздник со слезами на глазах. Когда в гимназии № 17 новоселье?» (№ 36); «Сколько еще ждать? Линейка гимназистов прошла на эспланаде» (№ 36) [10].

Публикации разных авторов, разделенные временем, объединяет общность материала и актуализируемых приемов письма. Это интервью с администратором, главным человеком дома, диалог с ним о достижениях и перспективах, с неизменным обращением в первые статьи к истории, в том числе истории здания.

Судьбы названных домов зависят от большой политики, решений на государственном уровне. В них принимают участие сменяющиеся министры культуры России, полпред президента в Приволжском округе. Дома, можно сказать, задействованы в предвыборной агитации: в публикациях появляются депутаты Государственной Думы. Компания одного из них помогает при ремонте вуза, он же ведет в первый класс гимназии племянника (плюс фото на фоне здания). Активными персонажами являются пермские губернаторы. Г.В. Игумнов обращается с письмом к министру культуры, имя Ю.П. Трутнева увековечено в табличках при входе в отремонтированные аудитории ПГИИКа в благодарность за помощь. О.А. Чиркунов – арбитр в спорах хозяйствующих субъектов, принимает принципиальные решения по вопросам строительства и даже выступает в роли детектива, обнаруживая преступный сговор заказчика и подрядчика-участника конкурса на реставрацию здания.

Публицистический характер большинства статей выражается в прямом обращении журналиста к читателям. Авторы, как правило, стремятся выйти за пределы конкретного материала, связать его с общими вопросами культуры, нравственности: «Неужели клочок земли, отданный под застройку, дороже тех ценностей, которые за 110 лет своего существования создала гимназия?» [11]; «Вот таков сегодня яркий, энергичный, современный облик вуза, ставшего надежным приютом трепетных муз, под строгим присмотром которых готовят себя служению различным искусствам девочки и мальчики, не потерявшие в смутное время веру в силу и справедливость прекрасного» [12].

Публикации последнего времени сохраняют уже привычное соотношение тем. «Пермский институт искусства и культуры готовится к презентации приобретенного к новому учебному году органа итальянской компании Viscount. Орган будет установлен в колонном зале вуза». Показательно, что в заметке под рубрикой «Хорошая новость!» звучит характерный для прессы последних лет мотив обиженности, обделённости: «Между прочим, первоначально для органа, установленного в Пермской филармонии, присматривался именно колонный зал института искусств и культуры. Здесь прекрасная акустика» [13].

В ужасном состоянии здание фармакадемии, возвращенное церкви, и в этом снова просматривается преступный умысел, попросту воровство: «Последние обитатели фармакадемии покинули свою

бывшую вотчину, забрав всё, что смогли унести, и оставив всё, что уже никому не нужно и лень выкинуть. ...Света нет: люстры и лампы исчезли, розетки вырваны. Даже двери сняты с петель и куда-то унесены. Со стен на всё это безобразие укоризненно глядят портреты знаменитых химиков и фармацевтов — их, видимо, не прихватили просто за ненадобностью» [14].

Предсказуемы некоторые из ближайших публикаций: возвращение коллектива гимназии № 17 в родные стены, ход и завершение реставрации церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Наверняка откроются также и новые страницы большой истории, сегодняшнего бытования знаменитых угловых домов.

Литература.

1. *Спешилова Е.А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди: 1723—1917. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — Пермь: Курсив, 2003 — С. 5.
2. *Смородинов М.* Спаси и сохрани // Звезда. — 1997. — 2 окт.
3. *Земскова Н.* Без помощи Москвы поедет крыша: [о состоянии здания Пермского гос. ин-та искусств и культуры] // Звезда. — 1997. — 25 окт.
4. Студентам — новую крышу: [о благотворит. марафоне «Спаси и сохрани», посвящ. сбору средств на ремонт Пермского гос. ин-та искусств и культуры] // Музыкальное обозрение. «1998. — № 2. — С. 7.
5. *Малянов Е.А.* Капитальный ремонт нужен всей культуре // Звезда. — 1999. — 12 нояб.
6. *Спешилова Е.А.* Старая Пермь.
7. Полюби свой город: Духовное училище: [из истории здания] // Мегаполис. — 2009. — № 14. — С. 6; *Бушмаков А.В.* Строитель-богослов: (из истории здания главного корпуса Пермского ин-та искусства и культуры) // Пермский дом в истории и культуре края: материалы науч.-практ. конф. / Центр гор. б-ка им. А.С. Пушкина; сост. и ред. Т.И. Быстрых. — Пермь, 2008. — С. 72-77; *Семянников В.В.* Микрорайоны города Перми. — Пермь: Пушка, 2008. — С. 185-189; и др.
8. *Дементьева Н.* Колонный зал будет и в Перми [в ПГИИК] // Местное время. — 2002. — 13 нояб. — С. 14.
9. *Бубнов В.* Где учиться детям мэра и министра? // Звезда. — 2007. — 1 июня.
10. Прикамье: Регион. прилож. к газ. «Аргументы и факты». — 2011. — № 17, 19, 32, 36.
11. *Мучкина Т.* Гимназистов вытеснят... унитаза? // Прикамье. — 2011. — № 17. — С. 22.
12. *Бубнов В.* Вуз под сенью муз // Звезда. — 2007. — 8 июля.
13. *Семенова Н.* В Перми еще один орган // Звезда. — 2010. — 27 авг.
14. *Луканина О.* Поруганный храм: В ужасающем состоянии вернули верующим церковное здание в центре Перми // Звезда. — 2010. — 10 сент.

ГРИБУШИНЫ. ЛЯ ФИНИТА
(Пермь — Москва — Ницца — Монте-Карло —
Буссолей — Пермь)

Тайна судьбы владельцев самого красивого пермского дома раскрыта!

Найдены потомки купеческой династии!

Ни на что не претендуем — заявляют потомки Грибушиных!

Такими сенсационными заголовками можно было бы снабдить мой материал в каком-нибудь желтом издании.

Да вот тема явно ушла из горячих... Так что свершившееся в ноябре 2007 года останется всего лишь моей личной победой.

Показалось, наконец, я смогу закрыть тему, которую открыла в 1999 году. Тогда началась работа над фильмом «Грибушина наследники», по гранту Фонда Сороса и АНО «Интерньюс». Придется заметить, что ни первой организации, ни второй не существует больше в российском пространстве. А коли так, то и тема, которую они поддерживали — «История благотворительности в России» — вышла из сферы общественных интересов...

Но зерна были кинуты. И через пять лет принесли свои плоды.

Первоначально мой интерес вызвал дом в Перми на улице Лени-на (Покровской), 13. Его называли особняком Грибушиных. Помню, как стоял он чудовищным привидением... обшарпанный... с черными подтеками на ныне прекрасных женских лицах на фасаде... Помню, как он расцвел, восстановленный пермскими специалистами Института технической химии.

Тогда мне казалось, что стоит только обратиться к историкам или краеведам, и мне все расскажут. Однако пришлось провести собственное расследование, нырнуть в глубины российской истории, и только после этого понять, что означают эти лица (маскароны) на фронтоне здания, и какими были люди, которые здесь жили...

Интрига фильма заключалась в поисках живых потомков знаменитой пермской семьи — по их следам мы с телекамерой и ездили. Были и в Праге, где в далеких 1970-х видели благообразную даму, представившуюся «Грибушиной» — ее встретили тогда члены одной из многочисленных в те времена пермской делегации, что само по себе — удивительное совпадение.

Купеческая династия Грибушиных составляла цвет «пермского общества» — именно так тогда говорили. А уважения удостоивались не только те, кто был богат, но и те, кто приносил этому самому обществу «пользу». Было такое понятие.

Грибушины прославились в Пермской губернии, да и в России, как чаеоторговцы — одними из первых стали они завозить элитный в те времена напиток через Китай и Сибирь на Урал и в центр России. А еще династия отличилась своей благотворительностью — их вклады были признаны самыми крупными в XIX веке в Пермской губернии.

Не буду отвлекаться на историю их бизнеса и на семейные тайны, однако, остался от них дом в Перми. По мнению пермяков — самый красивый, что подтверждает и факт его упоминания в архитектурных энциклопедиях. Осталось еще несколько домов в Кунгуре, и — память о добрых делах — чего уж более?

Фильм вышел на экран в 2000 году.

А через четыре года меня нашла девушка Катя, которая написала в письме, что ее мама, Петухова Ирина Сергеевна, проживающая в Москве, имеет отношение к семье купцов Грибушиных. Еще через полгода меня, тоже благодаря Интернету, отыскал Бенджамен Дюпал — нефтепромышленник из Сингапура, тоже выразивший желание увидеть фильм про своих предков.

А потом московские потомки Грибушиных попросили разрешения познакомиться с сингапурской ветвью. Оказалось, обе семьи происходят от двух сестер Грибушиных: Ирины и Людмилы — дочерей Сергея Михайловича, построившего дом с маскаронами на улице Покровской, 13, в Перми.

Фильм заканчивался авторской сентенцией: «И ни в Праге, ни в Белграде; ни в Сан-Франциско, ни в Харбине, ни в Перми, ни в Кунгуре не осталось никого с простой, ласковой русской фамилией — Грибушины». И как это ни странно, слова оказались пророческими: все отыскивавшиеся потомки носят другие фамилии.

Но что же случилось в ноябре 2007 года — спросите вы?

Нашелся конец «пражского следа»: удалось встретиться с дочерью той таинственной дамы из Праги, о которой мне когда-то рассказали.

Та дама, как я и предполагала, оказалась старшей дочерью Сергея Михайловича, Людмилой Грибушиной (в замужестве Виттерновой), следы которой я, роюсь в архивах, нашла в штабе Колчака, в Омске, где она работала журналисткой, а до того окончила Смольный Институт.

После гражданской войны она вышла замуж за генерала Виттерна, начальника эшелона чешских легионеров. «Чехи, вступавшие в империалистическую армию для того, чтобы воевать за свою незави-

симось оказались в центре гражданской войны чужого государства. Сквозь всю вздыбленную Россию протянулись составы с чешскими войсками. Их мятежом началась война — их выходом из игры она и закончилась» (цитата из фильма «Грибушина наследники»).

Уже в Чехии у Людмилы Сергеевны Виттерновой родилось двое детей — дочь Ирина и сын Владимир (своих детей все Грибушины, видимо, в память о счастливых днях детства всегда называли по именам своих братьев и сестер — Ирина, Владимир, Людмила; вот и у оказавшейся в Москве Ирины Сергеевны Вержиковской-Грибушиной также было две дочери: Ирина и Людмила).

Людмила Сергеевна Виттернова умерла в Чехии в 1986 году, а ее дочь вышла замуж за тренера футбольного клуба «Монако» и оказалась в местечке Буссолей в Монте-Карло, столице Монако.

Будучи в Ницце в ноябре 2007 года, я навестила 74-летнюю Ирину Дюпал. Милейшая особа, почти не говорит по-русски, живет в маленькой вилле на холме, откуда видна вся её, теперь уже родная, хоть и очень маленькая страна. Ирина Дюпал никогда не была в России. Ирина Дюпал не напоила меня фирменным чаем по грибушинскому этикету. Ирина Дюпал плохо говорит по-русски, хотя все понимает. Ирина Дюпал боится снега и холода, и лелеет свой крохотный садик.

Мы перебирали ее прошлое, она рассказывала мне о маме, которая всегда помнила о далекой России и о Перми, где стоит их дом. Я подарила ей диск с фильмом «Грибушина наследники» с английскими субтитрами...

А на прощанье, у ворот своего дома, крохотная синеглазая старушка обняла меня с такой недюжинной силой, что я поняла, как долго ей приходилось сдерживать свои чувства и скрывать свои русские корни, которые все-таки есть у нее и, по-видимому, передаются по наследству ее детям и внукам. И, несмотря на разные национальности и разные места проживания, все они все-таки — Грибушины.

И вот, в 2011 году я возвращаюсь к своей теме — ГРИБУШИНА НАСЛЕДНИКИ. Потому что в далеком Сингапуре, в той самой стране, через которую когда-то добирались в Европу чешский генерал и русская журналистка, бизнесмен Бенджамен Дюпал, сын Ирины Дюпал, открыл свой фонд, который так и называется «GRIBUSHIN».

УЧИТЕЛЬ В РОЛИ ЖИВОПИСЦА

Отношение человека к Богу определяет и отношение человека к миру, которое он реализует в культурном творчестве. Очень ценно, когда человек максимально искренен в проявлении чувств, находя при этом свои средства выражения. Творчество Антонины Петровны Семейкиной — редчайшей вышивальщицы, удивительного художника-примитивиста — подтверждение этому. К сожалению, в июле 1999 г. эта женщина ушла из жизни, но осталось множество талантливых работ, в которых она пыталась воссоздать историю России, возродить духовность, донести до нас божественные лики.

Антонина Петровна прошла сложный жизненный путь от учителя естествознания к художнику, таким же трудным был и ее путь в религию. Обладая редким, самобытным талантом, она вложила весь богатый опыт зрелого человека и учителя в творчество, обращаясь в нем не только к современности, но и возрождая былые ценности, утерянные во времени.

Родилась Антонина Петровна в Нижнем Новгороде 11 марта 1923 г. в семье Анастасии Никитичны и Петра Павловича Масальских. Первые уроки рукоделия получила в семье, учителями ее были мама и две тетушки. Любовь к прикладному искусству она пронесла через всю жизнь. В 1947 г., уже будучи замужней женщиной, Антонина Петровна переехала с семьей в Пермь. С 1949 г. она преподавала химию в школах города. «Полтора миллионов цветов разноцветным морем волновалось вокруг школы осенью, когда Антонина Петровна заведовала пришкольным участком» [6]. Тридцать пять лет отдала она педагогике. Ей были присвоены звания «Отличник народного образования», «Ветеран труда». Любимым делом — вышиванием — занималась вечерами, после работы.

Тематика и форма вышивок у А. Семейкиной самые разнообразные — от шалей и полотенец — до панно, портретов, икон. Интересен и стиль выполненных работ: реальные образы переплетаются в них с вымышленными. Зрителю предоставляется полное право интерпретировать изображенное в соответствии со своим мировоззрением, чувствами, мыслями.

«Творчество Антонины Петровны Семейкиной — явление любопытное, самобытное, яркое, — говорила хранительница коллекции Пермского краеведческого музея М. Г. Морозова, — оно не укладывается в рамки привычных представлений. Ему невозможно дать ка-

тегорическую, однозначную оценку. Характер его формировался стихийно, непредсказуемо. Кто-то его понимает, кто-то нет. Но и такое, какое оно есть, это художественное явление имеет право на существование...» [3]. Музей приобрел у мастерицы несколько работ. Они стали началом коллекции образцов современного народного городского творчества.

Всего было создано около 600 работ. А. Семейкина участвовала в 113 выставках, из них 21 — областные. В 1998—1999 гг. пять выставок прошли в стенах школы-гимназии № 92 (ныне гимназия № 4). Замечательная рассказчица, она не раз выступала перед учащимися и учителями с беседами, приобщая их к миру своего творчества, щедро делилась секретами мастерства, обучая их технике вышивания. Завязалась тесная дружба, в книге отзывов школьного этнографического музея сохранилась личная запись Антонины Петровны со словами благодарности:

«Уважаемые коллектив учителей и учащиеся школы № 92, мне очень понравилось в вашей школе оформление кабинетов «мировой художественной культуры», где проходила и моя выставка в ноябре, декабре 1997 года, и кабинет — «музей краеведческий». В них работают учителя-энтузиасты. Они изобретательны и обладают хорошим вкусом. Таких учителей надо беречь (Купкель А.К. и Ткаченко В.А.). Из-за правильного отношения к учащимся и дети очень приветливые и отзывчивые. Я пожелаю коллективу учителей и учащихся дальнейших успехов и в учебе, и в творчестве. Доброго вам здоровья и счастья.

С уважением А. Семейкина 25/XII 97 г.»

Сейчас в гимназии находится редчайшая в городе коллекция работ мастерицы, одна из самых полных и интересных: великолепная скатерть «Ретро», несколько вышивок («Алые паруса», «Лирический пейзаж», «Успенский собор» — реконструкция утерянного храма), монументальная работа «Царские врата» с изображениями пермских соборов, полотенца и живописные работы из серии «Времена года», аллегоричные полотна «Лошади», «Год собаки», «Храм», автопортрет и икона «Пермская». Преодолевая тяжелую болезнь, Антонина Петровна создавала свои работы до последних месяцев своей жизни. Как она говорила, «работа дает неиссякаемый источник радости и вдохновения, желания жить».

Вышивки Семейкиной можно разделить на две группы: ажурные, выполненные по разреженному полотну или сетке (гипюр, филе) и вышивка художественной гладью.

Сотрудница Пермской художественной галереи Т.Л. Сысоева отмечает, что «работы, выполненные в традиционных техниках гипюр и филе, отличаются наибольшей художественной выразительностью» [4]. Однако большинство работ Антонины Петровны выполнено техникой художественной глади, которая позволяет не считаться со структурой ткани.

Поражает мастерство, с которым вышивальщица изображает архитектуру православных храмов своей малой Родины — Перми. Образы пермских православных храмов мы встречаем в работах «Царские врата» и «Успенский собор». Антонина Петровна выполнила их специально для школьного музея школы-гимназии № 92 (ныне гимназия № 4).

Здание школы находится на территории Успенского женского монастыря, основанного купцами и меценатами Федором и Григорием Козмичами Каменскими. Учителя и учащиеся ведут серьезную краеведческую работу, около 20 лет изучают историю купеческого рода Каменских. Благодаря их усилиям создана экспозиция музея «История женского Успенского монастыря. Прошлое, настоящее и будущее». Эта исследовательская работа заинтересовала Антонину Петровну, мастерица решает внести в нее свой творческий вклад. Она решила возродить Успенский собор для потомков на своей вышивке. На голубом полотне сверкает солнечный каменный храм с тремя приделами в честь Успения Божией Матери. А. Семейкиной со старых фотографий в точности перенесены все архитектурные особенности постройки. Глядя на вышивку мастерицы, мы можем узнать старинные традиции русского зодчества. Трехнефный храм со встроенной колокольней венчают пять золотых куполов и православные кресты. Примечательно, что изначально Успенский собор был белокаменным, но А. Семейкина намеренно изменила цвет. Дело в том, что солнечные лучи, отражаясь от стен храма, создавали золотистое свечение. Зеленые перекрытия были перенесены на полотно без изменений. К сожалению, утрачено внутреннее убранство собора: ковры, дорогие иконы, алтарная часть.

Для школьного мемориального музея Каменских была вышита еще одна работа — «Царские врата». Монументальности работы можно только удивиться, размер вышивки 195x100 см. В храме Царские врата — это центральные двухстворчатые двери иконостаса, ведущие в алтарь. Они служат только для богослужения. Обычно на них изображается Благовещение Богородицы и четыре евангелиста (Матвей, Марк, Лука, Иоанн), над ними — «Тайная вечеря».

Мастерица отошла от канона, и на створках врат изобразила шесть православных храмов Перми: Кафедральный собор (1819 г.), Петропавловский собор (1725 г.), Свято-Троицкую Слудскую цер-

ковь (1845 г.), Церковь св. Феодосия (1903 г.); и еще две, предположительно по силуэту: Воскресенскую церковь (1869 г.) и Церковь св. Кирилла и Мефодия (1885 г.). Венчает композицию изображение «Троицы» Андрея Рублева. В верхних углах виднеются колокольчики. Антонина Петровна не случайно вставила их в свою работу: развеиваясь на ветру, колокольчики создают образ звонницы.

С большой точностью и достоверностью Семейкина воспроизводит все архитектурные особенности храмов. Работа украшена богатой орнаментальной вышивкой, а также бисером и камнями, жемчугами и перламутровыми пуговицами.

Личная духовная чистота Антонины Петровны Семейкиной позволила ей создать произведения, которые являются носителями глубоко нравственных идей и понятий. Свой путь к храму она проложила через художественное познание России, через своеобразное отражение архитектурных образов, божественных ликов, икон.

Антонина Петровна оставила богатейшее творческое наследие. Около 20 работ находится сейчас в Государственном Российском Доме народного творчества в Москве, много работ в частных коллекциях, несколько полотен приобретены в частную галерею наивного искусства, которая находится в бывшем доме Сальвадора Дали в Испании.

Антонина Петровна не случайно передала многие свои работы в школу-гимназию № 92 (ныне гимназия № 4). Учитель в роли живописца, продолжавший свой путь к храму, остался в школе, чтобы учить нас вечным истинам. Богатая душа художницы через ее произведения сделает достойнее и добрее не одно поколение учеников.

[Научный руководитель работы: заслуженный учитель РФ А.К. Купель, преподаватель истории, МХК пермской гимназии № 4].

Список литературы.

1. Барская Н. А. Сюжеты и образцы древнерусской живописи. — М., 1993.
2. В круге жизни: семейные праздники, обычаи, обряды. — Пермь, Пермская книга, 1993.
3. Вечерняя Пермь. — 1982. — 23 янв.
4. Вечерняя Пермь. — 1990. — 6 авг.
5. Досуг. — 1993. — 26 марта.
6. За коммунистический труд. — 1980. — 13 июня.
7. Записи интервью с художницей от 29 сентября и 13 октября 1998 г.
8. Звезда. — 1980. — 20 июня.
9. Звезда. — 1983. — 18 янв.
10. Харитоновна Е. Храмы Мотовилихи. — Пермь, Пушкин, 1998.

ЦЕРКОВЬ КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ (УСЫПАЛЬНИЦА КАМЕНСКИХ) В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕРМСКИХ ХУДОЖНИКОВ. Из истории школьной коллекции

В 1997 г. в пермской школе № 92 состоялась выставка работ художницы Татьяна Коромысловой, на которую были приглашены ее родители. Они встретились с учениками школы (ныне гимназия № 4 им. братьев Каменских), рассказали о своей дочери, отвечали на вопросы, а позже передали в дар школе офорт, посвященный церкви Казанской Иконы Божьей Матери (Усыпальница Каменских).

Рассказ о жизни и творчестве Татьяны Коромысловой — это повесть о настоящем человеке, одержавшем победу над болезнью. Она родилась 13 июля 1953 г. С раннего возраста мать Татьяны, Маргарита Ивановна, пыталась заинтересовать детей рисованием, и это ей удалось: дочь увлеклась творчеством всерьез. Училась Татьяна в общеобразовательной школе № 10, после восьмого класса поступила в Пермское художественно-графическое педагогическое училище № 4, а затем в Пермскую художественную школу.

Татьяна притягивала к себе людей, была центром, душой любой компании. Ей все было интересно в жизни: и будничные хлопоты, и творчество. Она любила вязать, вышивать, писать стихи, шить, выжигать, создавать картины. «Она все попробовала, даже такие техники, которые были ей противопоказаны по здоровью: делала офорты (сама травила рисунок кислотой)» (6). Жажда жизни, познания, творчества с одной стороны, и неотступная болезнь с другой, вот два берега, ограничивающих течение жизни Татьяны. Многие ее работы остались незаконченными: она начинала одну работу, но чувствуя, что силы уходят, бралась за другую, не завершив первую.

В своем творчестве Татьяна Коромыслова была целеустремленным, вполне самостоятельным художником, не нуждающимся в чьем-либо руководстве или опеке. Творчество было для нее настоящей жизнью: оно давало силы и отбирало их, но вряд ли без него ей удалось бы прожить такую жизнь. Татьяна пробовала себя в разных техниках и материалах, позже выбрав графику, офорт. Возможно, эта манера письма стала формироваться в годы учебы в Харькове, а может быть, Татьяна просто хотела разделить мир на черное и белое, на Тьму и Свет. Сама судьба разделила ее мир на жизнь, свет, с одной стороны, и боль, небытие, мрак с другой. Вот эти две крайности, два цвета Татьяна и смешивала в своих картинах в разных пропорциях. В зависимости от своего состояния она писала беспробудную ночь или день в самом

разгаре, или какое-то среднее состояние, нечто серое: не то утро, не то вечер. В картинах Татьяна размышляет над своей жизнью: звенящие и светлые работы соседствуют с тяжелыми и мрачными.

Особое место в творчестве Татьяны занимает тема вечного, святого, возвышенного, которую она воплощает в многочисленных изображениях храмов. Например, эскиз к картине «Собор» (Усыпальница Каменских): величавый, старинный храм возвышается над окружающими деревьями, словно расступающимися перед ним. Смысловой центр картины — изображение Девы Марии с Христом на руках, которое не может не приковывать к себе взгляд.

Усыпальница была сделана Татьяной в трех цветовых решениях: сине-голубом, фиолетово-сиреневом и красно-оранжевом. Последнее хранится в архиве гимназии. На офорте передано впечатление от зимнего пейзажа. Сквозь тяжелые облака падают ленивые солнечные лучи красно-малиновых, желто-оранжевых тонов. На обнаженных деревьях одиноко повисли застывшие от стужи и мороза листья. Вокруг здания церкви склонился старый деревянный забор. Само здание еще коричневого цвета (сейчас оно белое). На картине изображен период восстановления изображения Богоматери, поскольку на выступающей апсиде мы видим деревянное сооружение, напоминающее лестницу, а внутри нее образ Богоматери, которая больше похожа на современную женщину, а может и на саму Татьяну.

Надо сказать, что на другой картине Усыпальницы Татьяна изображает Богоматерь по-другому, — дело в том, что к моменту написания работы ее еще не восстановили, об этом свидетельствуют этюды (натуральное письмо), посвященные Усыпальнице до ее восстановления. Это работы 1991—1992 гг., хранящиеся в школьной коллекции, группы студентов ППУ № 4: Татьяны Тороповой, Наташи Кирпичевой, Ирины Коминой, Светланы Двиняниновой. Этюды выполнены в технике акварели. На них церковь показана с разных точек зрения и в разное время суток, поэтому одни студенты использовали светлые тона, а другие — темные, насыщенные. Ни в одном из этюдов нет изображения Богоматери, значит, Татьяна сама создала ее образ и трансформировала его в своих работах.

Кроме Татьяны Коромысловой свои работы посвящали церкви Казанской Иконы Божьей Матери и другие художники.

В школьном архиве есть подаренная самим автором, Николаем Сергеевичем Флаассом, картина Усыпальницы 1991 года. Николай Сергеевич родился 6 июля 1937 г. в поселке Юг Пермского района. Первые навыки изобразительной грамоты он получил в Детском доме культуры г. Краснокамска в 1951—1955 годах у преподавателя Галины Афанасьевны Штейнберг. Далее в 1955—1960 годах Николай Флаасс учился на геологическом факультете ПГУ, занимался живописью в студиях В.Ф. Кузина и Б.А. Печетжского. С 1960 по 1980 гг. работал геологом

на севере Иркутской области, а в 1980 г. возвратился в Пермь. До 1990 г. Н.С. Флаасс занимался в художественной студии ДК имени Ю.А. Гагарина у Г.А. Коноплева и А.А. Френкеля. Будучи с 1981 г. членом объединения художников-любителей «Прикамье», принимал участие во всех выставках объединения. Николай Сергеевич является лауреатом II и III Всесоюзных фестивалей народного творчества (3).

Техника работы этого художника — акварель и живопись маслом, а основные сюжеты — пейзаж, в том числе городской. Особое пристрастие Николая Сергеевича — это изображение храмовой архитектуры. На работе, посвященной Усыпальнице Каменских, мы ощущаем состояние поздней осени, это одно из любимых времен года художника. Вокруг церкви — трава, бурьян. Сейчас территория церкви расширена, по сравнению с тем, как она показана на картине. Николай Сергеевич изображает такой же старый обветшалый забор и те же деревья, что и на офорте Татьяны Коромысловой. «Говоря о цветовом своеобразии Флаасса, важно отметить богатую палитру «не кричащих», пастельных тонов» (3). Такой набор красок весьма точно передает состояние природы.

Рассматривая школьную галерею, нельзя не отметить еще одной работы, посвященной Церкви Казанской Иконы Божьей Матери. Это пастель художника Городилова. Картина подписана мартом 1995 г. Художник использует мягкие, нежные тона, в основном голубых, синих, фиолетовых оттенков: сквозь нависшие облака виднеется сине-голубое чистое небо, снег отражает его в фиолетовом и синем цвете. Таким образом, Городилов создал зимнее настроение. Здесь мы также найдем подтверждение деталей, изображенных на картинах вышеупомянутых художников: старый забор, высокие обнаженные деревья.

Имея в руках эти художественные работы, мы можем вернуться в прошлое церкви и увидеть, что здание представляло собой до своего полного восстановления. Образ Усыпальницы передан в разное время года и различное время дня: то небо дышит синевой, то оно отягощено мрачными тучами. Как на киноленте, мы можем любоваться зданием с разных сторон, разглядывать мелкие детали и чувствовать красоту линий этой Жемчужины Прикамья.

[Научный руководитель работы: заслуженный учитель РФ А.К. Купель, преподаватель истории, МХК пермской гимназии № 4].

Литература.

1. *Алехин А.Д.* Когда начинается художник. — М., 1994.
2. *Алпатов М.В., Расторгуев Н.Н.* Искусство: книга для чтения по истории живописи, скульптуры, архитектуры. — М., 1958.
3. *Ельшина А.* Николай Сергеевич Флаасс: буклет. — Пермь, 2001.
4. *Жоэль Л.Е.* Декоративное искусство в современном интерьере. — Киев, 1986.
5. *Коромылова Т.И.* Пермский стиль. — СПб., 1996.
6. *Любовь и память // Звезда.* — 1997. — 14 марта.

ПЕРМСКИЕ АДРЕСА ПИСАТЕЛЯ Ф.М. РЕШЕТНИКОВА

В 2011 г. исполнилось 170 лет со дня рождения нашего знаменитого земляка, писателя-уральца Федора Михайловича Решетникова, и 140 лет со дня его смерти. «Родился человек для горе-горькой жизни, весь век тащил на себе это горе, оно и сразило его. Вся жизнь его была в том, что он старался найти себе что-то лучшее...» Этот отрывок из повести Решетникова «Подлиповцы», наверное, можно было бы поставить эпитафией ко всей жизни писателя. Оставшись сиротой в раннем детстве, Федор Решетников не дожил и до тридцати лет, но сумел оставить потомкам богатое творческое наследие. П.С. Богословский к 75-летию со дня смерти писателя вспоминал: «Произведения Решетникова вызвали дискуссию об его творчестве. «Петербургские Ведомости» писали, что из-за Решетникова «вся русская литература провоняла мужиком». Замечательно, что даже Тургенев в письме к Анненкову говорил о Решетникове: «...я его ценю очень высоко». Любопытно, что еще в XIX в. во Франции появляются переводы Ф.М. Решетникова (быть может, при содействии Тургенева?)»¹. Известный критик А.М. Скабичевский дал такую оценку значению Решетникова в русской литературе: «Среди писателей, изображающих быт простого народа, немало найдете вы таких, которые значительно превосходили Решетникова и силою своих художественных талантов, и проникновением во многие существенные стороны народной жизни, но едва ли найдется равный Решетникову по бесхитростной правдивости своих рассказов, чуждой малейшей фальши, битья на эффекты, идеализации и сентиментальности»².

Детство и юность Федора Михайловича Решетникова прошли в Перми. В нашем городе много адресов, связанных с его именем. Попробуем вспомнить их.

Первая деревянная церковь в Мотовилихинском казенном заводе была освящена 20 декабря 1790 г. во имя Святой Троицы³. Жизнь семьи мастерового Мотовилихинского завода Никиты Алексеевича Панкратова, прапрадеда Федора Михайловича Решетникова, можно проследить по метрическим книгам этой церкви. В его семье росли сыновья - Лев, Иван, Максим, и дочери - Матрона [Матрёна] и Устинья. Прапрабабушка писателя, Евдокия Ивановна, умерла в 1824 г. в возрасте 95 лет⁴. В этой церкви 12 октября 1791 г.

венчался прадед писателя по материнской линии, заводской служитель Лев Никитич Панкратов с дочерью заводского служителя Дарьей Андреевной Сопегиной⁵. 18 февраля 1796 г. священник Филипп (Сапожников) "молитвовал и крестил" деда писателя, Тимофея Львовича⁶. Кроме Тимофея, у Льва Никитича Панкратова были дети: Параскева, Артемий, Татьяна, Флор, Мария, Яков, Семен, Фока, Евдокия и Дмитрий. В этой церкви 23 июля 1816 г. венчались дед писателя, Тимофей Львович Панкратов, с дочерью умершего канцеляриста Пермского горного правления Беднягиной Феклой Илларионовной. В Свято-Троицком соборе, выстроенном вместо деревянной церкви в 1828 г, отпевали умершего 6 мая 1834 г. прадеда Федора Михайловича, Льва Никитича Панкратова.

Рождество-Богородицкий каменный храм на углу Покровской (Ленина) и Оханской (Газеты «Звезда») улиц 23 декабря 1789 г. был освящен в честь Владимирской Божией Матери. В 1816 г. этот храм был увеличен вторым этажом и освящен во славу Рождества Богородицы⁷. В нем нарекли Екатериной мать писателя, родившуюся 25 ноября 1819 г. в нашем городе, в семье унтер-шихтмейстера Пермского горного правления Тимофея Львовича Панкратова. Здесь крестили старшую дочь Тимофея Панкратова, Анну, родившуюся 2 января 1817 г.⁸

История **пермского Петро-Павловского собора** уходит корнями далеко в прошлое. В 1724 году, почти одновременно с основанием Ягошихинского завода, было «приступлено к сооружению деревянной церкви во имя святых апостолов Петра и Павла, в честь тезоименитства Императора Петра I, которая освящена 12 ноября 1726 г.». Через 30 лет, в 1757 г., рядом с деревянной была заложена каменная церковь, освященная 23 ноября 1764 г. В Петро-Павловском соборе 18 января 1835 г. венчались почтальон Василий Васильевич Решетников и Мария Алексеевна Алалыкина, заменившие Феде Решетникову родителей. Здесь крестили первую любовь писателя — Ольгу Семеновну Матвееву, родившуюся 10 июля 1845 г.⁹ Ее отец, отставной штабс-капитан Семен Семенович Матвеев, умер 3 января 1845 г., до рождения дочери¹⁰. В этом храме крестили единственного брата матери писателя Симеона¹¹ (он умер в возрасте пяти месяцев) и сестер: Стефаниду¹², Наталию¹³, Марию¹⁴ и Веру¹⁵. Когда в 1856 г. Федор Решетников за провинность был доставлен в Соликамский монастырь, он жил в семье Петра Алексеевича Алалыкина, родившегося в Перми и крещеного в Петро-Павловском соборе¹⁶. Предполагают, что только благодаря «личным знакомствам» Петра Алексеевича, Федору Решетникову удалось найти место службы в Пермской казенной палате.

В последние годы своей жизни Петр Алексеевич служил почтмейстером в г. Чердыни. Там 14 июня 1863 г. он похоронил свою жену, Екатерину Алексеевну¹⁷. 6 апреля 1865 г. в г. Чердыни же умерла мама Петра, Марфа Петровна Алалыкина¹⁸. Та самая бабушка Марфа, так любившая и баловавшая «Феденьку». 14 апреля т.г. (на девятый день после своей бабушки) умерла дочь Петра Алексеевича Филицата¹⁹. Все они похоронены в ограде Богоявленской церкви.

В здание пермской **Александровской больницы** будущий писатель приходил к своей умирающей матери. Протоиерей Иаков Пономарев записал: «29,31 марта 1843 г. умерла находившаяся в Александровской больнице отставного почтальона жена Екатерина Тимофеева Решетникова от лихорадочных припадков и горячки. Похоронена на общем кладбище». Позднее в больничной Александровской церкви отпевали воспитавших мальчика дядю, Василия Васильевича Решетникова, умершего 20 апреля 1876 г., и тетю, Марию Алексеевну Решетникову (Алалыкину), умершую 6 сентября 1882 г.²⁰

Свято-Троицкая Слудская церковь. Профессор Уральского государственного университета И.А. Дергачев, много лет изучавший жизнь и творчество Решетникова, писал: «Семья Решетниковых с августа 1843 г. жила в Перми и даже владела домом, не то купленным, не то наследственным, который был продан только в 1853 г.»²¹ По воспоминаниям самого Решетникова, семья дяди жила рядом с семьей штабс-капитана Семена Матвеева. Позже Федор, будучи уже служащим Казенной палаты, часто приходил в гости к бывшим соседям и даже хотел жениться на подруге своего детства Ольге. Однако в последний момент невеста изменила свое решение и 7 октября 1862 г. вышла замуж за фельдшера Александровской больницы Петра Абрамовича Тринитатова. Их венчание проходило в Свято-Троицкой (Слудской) церкви²². Это стало еще одной причиной, по которой Решетников стремился покинуть наш город. Счастье Ольги Семеновны не было долгим. Через полтора года, 22 апреля 1864 г., ее муж умер от чахотки²³. 2 июня того же года умерла ее мать, вдова штабс-капитана Анна Васильевна Матвеева²⁴.

Детство Решетникова тесно связано с Камой. На высоком берегу реки, на углу улиц Монастырской (Орджоникидзе), 15, и Обвинской (25-го Октября), 1²⁵, стоял **дом почтовой конторы**. Во дворе этого дома, в казенной квартире старшего сортировщика, прошло детство мальчика²⁶. Двор был открытым. Отсюда все дороги вели на берег Камы. Почтовая контора и Кама были первыми народными университетами Решетникова. П.Н. Серебренников писал: «Часто со своими думами Федор Михайлович уходил на берег Камы около Консис-

тории, у так называемого Архиерейского ключика (теперь уничтожен)»²⁷. Из письма Ф.М. Решетникова в августе 1863 г.: «...любил я твою природу, Кама!»²⁸

Сохранилось здание Пермского уездного училища по адресу ул. Горького, 28, в котором учился Федор Решетников. Пермское народное училище было открыто 17 октября 1811 г.²⁹ Вероятно, дом сгорел при пожаре 1842 года. В 1843 г. было выстроено другое здание. Из отчета о состоянии училищ Перми за 1846/47 учебный год: «Уездное училище получает на свое содержание 1524 рубля 98 копеек серебром из Государственного Казначейства. В фундаментальной библиотеке уездного училища находятся книг 138 названий в 436 томах. Инспектор казенных училищ Казанского учебного округа статский советник Антропов нашел «сие заведение в очень удовлетворительном состоянии»³⁰. Однако не все было так замечательно. В июле 1847 г. штатный смотритель Александр Пономарев обращается к директору училищ Пермской губернии И.Ф. Грацинскому с рапортом о том, что «дом уездного училища, в котором помещаются и само училище, и квартира штатного смотрителя оказывается для этих двух помещений совершенно тесным по числу учащихся, которых теперь налицо 100 человек. Так что площади классных комнат приходится на каждого ученика 7 кв. футов, между тем, как полагается по руководству 9 кв. футов. ...При таком множестве учащихся и таком тесном помещении воздух в классе делается душным, жарким, особенно в зимнее и осеннее время». Пономарев предложил построить для квартиры смотрителя «особый флигель», а учебные комнаты по площади за этот счет увеличить³¹. К рапорту прилагался план и фасад уездного училища и предполагаемого флигеля. Попечитель Казанского округа ответил отказом, ссылаясь на отсутствие у училища собственных денежных средств. Улучшить условия обучения помог кунгурский купец 1-й гильдии Василий Григорьевич Юхнев, пожертвовавший для этих целей 3000 рублей серебром. 1 декабря 1849 г. сам Государь Император утвердил представленный проект постройки нового здания. Находящаяся при училище «сторожевая изба», мешавшая строительству, 12 апреля 1850 г. была разобрана. Присяжные оценщики Степан Гашев и Яков Лепешкин оценили ее в семь рублей. Уже 30 сентября 1850 г. новый выстроенный дом уездного училища был освидетельствован «господином не переменным членом общего присутствия Пермской губернской строительной и дорожной комиссии майором Шамардиным, который уведомил, ...что постройка произведена прочно и правильно». Нашлось подробное описание построенного дома: «Дом деревянный, на каменном фундаменте, длиною по улице 8S саж., шириной — 5S и 6 саж. 10 четвертей. Окон во всем доме одиннадцать.

Печей кирпичных «голландских» шесть, печь кирпичная русская одна. При доме два крыльца: парадное с четырьмя круглыми колоннами и пятью ступенями, покрытое крышей с фронтоном, и заднее крыльцо в семь ступеней». По описи штатному смотрителю дом сдал доверенный купца Юхнева, купеческий сын Петр Егоров Шавкунов. Согласно смете, на работу и материалы было истрачено 2984 руб. 79S коп. серебром³². Старое здание было передано под квартиру смотрителя училища.

С 1854 г. Федор Решетников — ученик Пермского уездного училища. Для библиотеки училища выписывали газеты: «Санкт-Петербургские ведомости», «Пермские губернские ведомости», «Пермские епархиальные ведомости», «Московские ведомости», «Современное слово» и другие³³. В 1859 г. Федор Решетников окончил Пермское уездное училище. Годовые оценки при окончании курса следующие: Закон Божий — 5; русский язык — 4; арифметика и геометрия — 3; история и география — 5; чистописание, черчение и рисование — 4; поведение — 5³⁴.

П.Н. Серебренников писал в 1913 г.: «...благодаря стараниям недавно погибшего Михаила Петровича Ширкалина, при 1 городском (бывшем уездном училище, где учился Ф.М. — Н.К.), по случаю 100-летия его был собран небольшой фонд около 1500 рублей имени Решетникова, %% которого будут вноситься за право учения бедных учеников»³⁵

По ходатайству общества краеведения президиум Пермского горсовета 23 апреля 1928 г. постановил «отпустить 100 рублей на приобретение мраморных досок в увековечение памяти писателей Решетникова, Мамина-Сибиряка и Короленко»³⁶.

Здание Пермского уездного училища является памятником истории. Оно было реставрировано в 1974 г.³⁷, и на нем вторично установлена мемориальная доска из серого мрамора³⁸.

Окончив Пермское уездное училище, Решетников работал в Екатеринбургском уездном суде. В мае 1861 г. он добился перевода на должность регистратора **Казенной палаты в Перми**, исполнял обязанности помощника библиотекаря при пермской Казенной палате. Все свое свободное время Ф.М. Решетников проводил за книгами. П.Н. Серебренников писал: «Если бы можно было жить и спать в библиотеке, он бы, вероятно, совсем не выходил из нее»³⁹. Располагалась казенная палата на углу улиц Покровской (Ленина) и Сибирской в двухэтажном кирпичном здании, построенном в 1820 г., предположительно, по проекту архитектора И.И. Свиязева. В 1851—1874 гг. здание было перестроено архитектором Р.О. Карвовским. В 1930—1931 гг. по проекту архитектора В.А. Саломатова были надстроены два этажа и из-

менена внутренняя планировка⁴⁰. В настоящее время здание занимает администрация города Перми. В 1920 г. здесь установлена мемориальная доска⁴¹.

Выйдя в октябре 1865 г. в отставку, титулярный советник Василий Решетников снимал вместе с женой **квартиру по улице Малой Ямской** в доме «мещанина Токтуева». Токтуев Гавриил Яковлевич имел в Перми собственный дом по адресу Малая Ямская, 2⁴².

В июле 1875 г. дядя писателя приобрел у вдовы А.И. Питкевич за 163 рубля серебром усадебное место «с выстроенным на нем деревянным флигелем и надворными постройками» во 2 части города на углу улицы Екатерининской и Шадринского проулка. Позже дом по адресу Шадринская, 37, был продан Кувалдиной Анне Сергеевне⁴³. Сейчас на этом месте, находящемся через дорогу от Феодосиевской церкви (**угол Екатерининской, 170 и Борчанинова (Шадринской), 33**), построен универсальный магазин фирмы «Семья».

29 декабря 1927 г. Пермское общество краеведов обратилось в горсовет с предложением «присвоить **Набережному саду** между улицами Карла Маркса (Сибирской) и 25 Октября имя писателя-пермяка Федора Михайловича Решетникова, как места, тесно связанного с пребыванием его в Перми». Тем же общим собранием краеведов было выражено «горячее пожелание... вывесить мемориальную доску на здании бывшего уездного училища, в котором он учился, и установить бюст писателю в указанном саду»⁴⁴. Подписали обращение заместитель председателя правления общества И.Г. Остроумов и ученый секретарь В.А. Весновский. На заседании рабочего президиума горсовета 20 января 1928 г. было принято решение о переименовании Набережного сада в **сад имени Ф.М. Решетникова**. Президиум горсовета утвердил решение «*Набережный сад назвать именем писателя Решетникова*» 30 января 1928 г.⁴⁵ В части установки бюста и мемориальной доски решение отложили до расчета полной стоимости. Любопытно, что еще в 1913 г. П.Н. Серебренников вспоминал: «Не могу умолчать, что еще лет 20 тому назад (в 1893 г. — Н.К.) возник проект поставить памятник Ф.М. Решетникову в виде бюста, но дело заглохло»⁴⁶. Сад огородили деревянным забором, посадили липы и акации, разбили клумбы. Павильон, находившийся на территории сада, городской отдел коммунального хозяйства сдал на пять лет в аренду центральному рабочему кооперативу. Над входом в сад установили вывеску «по черному фону золотыми буквами», стоимостью в 25 рублей. В саду Решетникова (равно, как и в других общественных садах) воспрещалось мять газоны, рвать цветы, ломать деревья и ограждения, водить в сад собак, мусорить. По первому звонку, даваемому сторожем сада в 23S часа, гуляющие должны были оставить территорию сада⁴⁷.

В выделении денег на памятник писателю краеведам отказали. 3 апреля 1928 г. правление Пермского общества краеведения постановило: «Средства на памятник Решетникову начать собирать путем добровольных пожертвований и устройства вечеров»⁴⁸. В начале 1950-х годов бюст писателя был установлен. К 80-летию со дня смерти писателя, 22 марта 1951 г., Клавдия Рождественская писала: «И кажется, что памятник Решетникову, стоящий на берегу Камы, с удовлетворением присматривается к бурлящей вокруг него новой жизни»⁴⁹.

В 1961 г. начались работы по реконструкции и расширению сада, и скульптурный портрет Ф.М. Решетникова убрали. Общественность была взволнована этим фактом. В Государственном архиве Пермского края сохранился ответ, направленный из отдела культуры Пермского горисполкома в редакцию газеты «Звезда» и заведующему кафедрой музыковедения Московского института усовершенствования учителей Луканину: «Памятник Ф.М. Решетникову убран в начале июня 1961 г. по причине низкого уровня художественного исполнения»⁵⁰. Главный архитектор города Н.И. Бойченко уведомлял горожан: «Планируется на его месте поставить созданный квалифицированным скульптором бюст писателя-уральца»⁵¹. Но прошли годы, и планы властей изменились: в 1985 г. на этом месте был открыт памятник Героям гражданской войны (авторы: скульптор Ю.Ф. Екубенко, архитектор М.И. Футлик).

Три города — Екатеринбург, Пермь, Петербург — связаны с жизнью Ф.М. Решетникова. Самым любимым из них была Пермь — город его детства и юности (из литературной энциклопедии Екатеринбурга).

¹ ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.

² Там же. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 3443. Л. 23об.

³ Харитонова Е. Храмы Мотовилихи. — Пермь, 1998. — С. 12-16.

⁴ ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 49. Л. 151об.

⁵ Красноперова Н.В. Пермские родственники Ф.М. Решетникова // XXII-е Смышляевские чтения. — Пермь, 2011. — С. 121-125.

⁶ ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2а. Л. 51.

⁷ ПЕВ. — 1912. — № 34. — С. 749-752.

⁸ ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 37. Л. 44.

⁹ Там же. Д. 111. Л. 44об.-45.

¹⁰ Там же. Л. 112.

¹¹ Там же. Д. 50. Л. 4об.

¹² Там же. Д. 51. Л. 8.

¹³ Там же. Д. 52. Л. 10.

¹⁴ Там же. Д. 65. Л. 6об.

¹⁵ Там же. Д. 54. Л. 10.

¹⁶ Там же. Д. 35. Л. 8об.

¹⁷ Там же. Ф. 719. Оп. 11. Д. 77. Л. 145об.-146.

¹⁸ Там же. Л. 199об.-200.

¹⁹ Там же. Л. 200об.-201.

²⁰ Там же. Ф. 37. Оп. 6. Д. 327. Л. 686об.-687.

²¹ Дергачев И.А. Семья и род // Известия Уральского государственного университета. — 2001. — № 21. — С. 139.

²² ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 301. Л. 262об.-264.

²³ Там же. Д. 303. Л. 381об.-382.

²⁴ Там же. Л. 385об.-386.

²⁵ Спешилова Е. Старая Пермь. — Пермь, 1999. — С. 45.

²⁶ Векслер И.И. Федор Михайлович Решетников: Критико-биограф. очерк. // Решетников Ф.М. Полное собрание сочинений. — Свердловск, 1948. — Т. 6. — С. 8.

²⁷ ГАПК. Ф. 598. Оп. 1. Д. 142. Л. 6.

²⁸ Решетников Ф.М. Юношеские произведения. Отрывки из дневника. Письма // Полное собрание сочинений. — Свердловск, 1948. — Т. 6. — С. 271.

²⁹ Трапезников В.Н. Летопись города Перми. — Пермь, 1998. — С. 24.

³⁰ ГАПК. Ф. 458. Оп. 1. Д. 31. Л. 30об.-31.

³¹ Там же. Д. 41. Л. 2-3.

³² Там же. Д. 90. Л. 8-23.

³³ Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.

³⁴ Десятов Г.С. К биографии Ф.М. Решетникова // Литературный сборник в память женщины-врача Е.П. Серебренниковой. — СПб., 1900. — С. 340.

³⁵ ГАПК. Ф. 598. Оп. 1. Д. 142. Л. 11об.

³⁶ Там же. Ф. р-176. Оп. 1. Д. 53. Л. 1079.

³⁷ Там же. Оп. 5. Д. 2126. Л. 133.

³⁸ Там же. Ф. р-3. Оп. 6. Д. 389. Л. 3об.

³⁹ Там же. Ф. 598. Оп. 1. Д. 142. Л. 7.

⁴⁰ Терехин А.С. Жизнь и творчество архитектора И.И. Свизева. — Пермь, 2002. — С. 148.

⁴¹ Субботин Е., Семянников В., Серов М. Мемориальные доски Перми. — Пермь, 2008. — С. 90.

⁴² Минеев Г.И. Полный адрес домовладельцев губернского города Перми. — Пермь, 1886. — С. 37.

⁴³ Там же. С. 54.

⁴⁴ ГАПК. Ф. р-176. Оп. 1. Д. 53. Л. 384.

⁴⁵ Там же. Ф. р-38. Оп. 1. Д. 665. Л. 45.

⁴⁶ Там же. Ф. 598. Оп. 1. Д. 142. Л. 12.

⁴⁷ Там же. Ф. р-38. Оп. 1. Д. 665. Л. 69об.

⁴⁸ Там же. Ф. р-484. Оп. 1. Д. 38. Л. 12.

⁴⁹ Рождественская К. Писатель-реалист // Звезда. — 1951. — 22 марта.

⁵⁰ ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1260. Л. 1-2.

⁵¹ Бойченко Н.И. Здесь будет сад // Звезда. — 1961. — 21 июля (№ 171).

СВЯТКИ В ПЕРМИ

Статья первая

«Слава Богу», говорит русский народ накануне Рождества Христова: — «слава Богу, дожили мы до рождества, и новый год на дворе!» — То же самое говорят и пермские жители. Бедные из них, в особенности мещане, ждут этот праздник особенно с какою-то радостью, торгом, и не могут нарадоваться тому, что вот завтра и праздник. Да и кто не рад празднику, святкам? Это редкое исключение. В этот день редкому разве есть время заняться воспоминанием о прошедшем... Куда! Войдите вы в любой дом мещанский в сочельник (день перед праздниками рождества христового, крещения и пасхи — постные дни) — везде вы видите суету, хлопоты, беготню; всякий куда-то спешит, торопится, и как будто всё готовится встретить что-то необыкновенное, как будто ждет какого-то гостя, боясь не опоздать приготовлением. Даже по улицам больше людей, чем когда-нибудь в простую пору или назад тому неделю; больше едут на лошадях; пешие идут скорее; больше толпится пермских жителей около лавок, гостиного двора, магазинов, и почти в каждой лавке теснота: кто покупает вещи, безделки от роскоши, кто так себе перебирает, или кто от простой поры зашел с приятелем. Всякому хочется что-нибудь купить, даже бедный, как говорится, ставит свою последнюю копейку ребром: один хоть ситцу да купит на рубаху, другой, немного посостоятельнее, чайку четвертушку, фунтик сахару, мелких орехов, пряников; иной, пожалуй, возьмет копеечных коньков пряничных своей любимой дочке, сынку или внучку-пострелёнку. «Как же! на что и праздник дан?» говорят они, улыбаясь и смотря на конька с золотыми глазками.

О рынке и говорить не стоит: там всякий берет к празднику больше, выторговывая какую-нибудь утку или сычуг целые полчаса и перебраниваясь с прасолками из-за ската ног и головы.

А в домах? О, там с утра до вечера ужасная хлопотня: моют посуду, горшки, кринки, вытирают тряпками стекла в рамах окон, чистят полгода нечищенный самовар, моют полы, и во все продолжение дня перебраниваются старушки и женщины из-за какого-нибудь горшка или вехотки мочальной. Мужчины (я говорю вообще только о мещанах) стараются еще как-нибудь собрать гривну, рубль на праздник: «ведь праздник! ну как без водки обойтись! Да!» Старушки хлопотливо вынимают из сундуков лучшие платья, шубейки, существующие уже лет двадцать, которые они надевают только в престольные праздники, перед причастьем и на именинах; девушки вынимают косынки, сетки; покупают у татарина помады банку Рале за 15, пожалуй — 30 коп. сер. за четверть, покупают

ленточки у Ноговицина и Матвеева, платки, или дошивают платьице, примеривают маменькину шаль или ее шелковый платок, надевают новые башмаки... Нужды нет, что сегодня было воскресенье: иные справились вчера, а иные доканчивают сегодня. «Вдруг все не исправишь, а к празднику все надо получше, почище да по-людски». У всех видна радость, все кажется сообщительнее. Молодые люди (говоря о не занимающих классных мест служащих и кончая взрослым сыном бедного мещанина), — молодые люди посвистывают, чистят сюртуки, сапоги, любуются новым сюртуком, жилеткой, манишкой, накрахмаленной вчера. И надев все это на себя, с новым, купленным за 50 коп. сер. галстуком, рисуются перед зеркалом и охорашивают свои долгие волосы. Девушки кажутся то веселыми, то задумчивыми; вздыхают иные, зарубляя новый купленный платочек и надевая весело новое платьице с живыми нитками;* потом сядут на стул или лавку к столу, да и задумаются: «рождество... новый год! святки... вечорки!..» Советуются с своими подружками-соседками: «где-то, кто-то из соседней сделает первую вечорку? да скоро ли? что-то будет там?» Не мудрено не задуматься. Они никогда так не повеселятся, не попоют, не попляшут, как теперь... Шутка ли — ведь год целый ждали рождества!

Святки для мещанских девушек истинное утешение. В это время они, замаскированные (в этом еще нет греха), ходят из дома в дом на вечорки, где так много их подружек, много мужчин, знакомых и незнакомых, с которыми они играют, целуются. Ах, как весело! Как не задуматься над тем: кто-то из мужчин будет красивее других, кто-то будет один из всех ей милее, да и кого-то выберет сердце!.. Ах, как хорошо и страшно! Ведь тут-то почти высматривание и выбор женихов. А невесты, которым назначена свадьба после рождества, не знают, как и кончить свои тревожные мысли: «Свадьба... жизнь... Эта загадка!.. Да как долго идет это время! так бы и кончил его разом!..»

На это же самое рассчитывают и старые девы: и они ждут святок, глядя уютгом поношенное платье: авось, и мне будет польза на святках. Одни только портные да сапожники, кажется, не разделяют этой предстоящей всеобщей радости: они всю ночь, до самого утра, шьют и поют песни. Такой уж веселый народ! Да и что же прикажете делать? Шить в молчанку — не пером писать, хоть кому наскучит.

Вечером накануне рождества обыкновенно все стихает, только слышно кое-где, что сегодня были поросёнки дороги, а вчера дешевле по случаю субботы; говядина ничего; нужно бы рыбки прикупить на праздник, ну да уж и без нее можно обойтись; кажется, довольно и

* Так обыкновенно везде называют белые или синие нитки, которыми наперед, на скорую руку, сшивают то, что нужно сшить. По ним как по графкам они безошибочно оканчивают свою работу. Примечание автора.

того, если завтра к обеду будут щи, булка, жаркое из поросенка, сычуг, пожалуй, манная или просовая каша с маслом, молоко с сладким пирогом — с изюмом, ну, и водка на поддачу, для веселья!

К полночи уже все почти смолкает, только разве кое-где кто-нибудь сидит-сидит в своем кабинете, да мелькают огоньки в фонарях на главных местах.

Так начинается сочельник пред рождеством христовым и так готовится мещанский класс в Перми к празднику и святкам.

Не буду говорить о каких-нибудь гаданьях на рождество, потому что их почти не делают, а если и бывают они, то разве на новый год или крещение, о чем скажу в свое время, — а скажу вообще о святках и вечерках, увеличивающихся весельях пермских горожан к празднику крещения.

На святках везде весело; но веселье имеет разницу.

В первый день рождества обыкновенно богомольные люди, особенно девушки, сходят к обедне в какую-нибудь церковь; а ленивые да дряхлые, особенно старушки да матери их, простряпают это время, переворачивая раз пять на латке поджарого поросенка с торчащими в печке ушами, чтоб услышать, как шипят в печи щи в трех горшках и как потешается над ним хозяйка: «экой, миленькой, разбух — поджаристой какой! Погоди!..» Обедают обыкновенно сыто; мужчины успеют к 2-м часам выпить порядочное количество водки; девушки, если не лягут спать после обеда на печку, на полати и [в] кроватку, успеют к вечеру раз десять остаться мельниками, десять раз королевами и тридцать раз *чиканашками*; успеют смозолить язык от мелких орехов и поиграть в жмурки в сумерки — игру, в которой одной завязывают глаза, и она ловит десятерых с растопыренными руками. Эта игра ныне почти уже выходит из моды. Вечером сидят домохозяева и постояльцы в кружку за чаем (а постояльцев у каждого хозяина очень много, об этом даже писал и г. Мухачев в Губернских Ведомостях); шутят, рассуждают, в чем бы замаскироваться, а после чаю до ужина играют или в свои козыри, в короли, в мельники, или преферанс, в который разве редкие не умеют играть, потому что из постояльцев-семинаристов и служащих разных ведомств почти все игроки на *шереметьевский* да на *демидовский* счет!..

Ночью уже слышно где-то поухиванье; в разных местах поют несвязные песни, и где-нибудь на дороге лежит пьяный, храпя на всю *ивановскую*. Во второй день рождества с утра начинают серьезнее подумывать о масках и маскарадных платьях. После обеда некоторые идут в лавки Хребтова, Юхнева или Сыропятова и берут маски за 30 или 35 коп. сер., — бумажные маски, с долгими, широкими, толстыми носами, с вырезками для узких, широких и кошачьих глаз и рта; покупают красные и белые позументы, а побогаче — и костюмы у Юхнева,

за рубль, два или три серебром. Вечером попадают и самые замаскированные. Под тулупом точно скрывается выходец с другого света, в белой как алебастр, с кривым ртом, узкими, косыми или широкими глазами маске, в каком-то чёрном кафтане, обшито позументом, со шпагой; или татарка, или какой-нибудь разбойник с деревянными ножами, пистолетами и саблями. В домах слышатся кое-где песни.

Обыкновенный разгар святок начинается с третьего или четвёртого дня розговенья, т.е. рождества же христового. В третий день лавки почти набиты людьми. Во всех краях города с утра собираются делать вечерку, с утра собираются в гости, принаряженные ходят до обеда; а после обеда опять играют девушки в жмурки и карты с кем попало, лишь было бы веселее. В сумерках наряжаются как можно лучше и бегут на вечер, а мужчины их догоняют, в масках, одетые в костюмы, взятые напрокат у Юхнева или сшитые самими ими.

С этого дня до 5 числа января во многих домах до 3-х часов утра видно в доме множество девушек и мужчин, танцующих и поющих; сквозь ставни нескольких домов слышны песни; по улицам идут по пяти, по два — и постольку же шатающихся замаскированных. Попадает шайка разбойников Чёрного Ворона; попадают какие-то старухи в вывороченных шерстью вверх шубах с горбом назади, с бандурою в одной руке и палкою в другой, с которыми она разыгрывает роль странствующего и нищего; встречаются татарки, цыгане, солдаты с отвратительными рожами. По улицам шум и крик: где-нибудь слышится драка; кого-то ведут в часть. Один из домохозяев выбежал из дому и кричит: «держите вора! шубу стянули!» Двое пьяных у Медведки лежат, обнявшись, целуются, о чем-то философствуют и вспоминают вечерку. До 2-х часов ночи шум, говоры, езда — похожи на плеск воды реки в бурную погоду в осеннюю полночь. В некоторых местах почти вплоть до крещения не нужно заходить на вечерку в другой квартал.

На новый год сидят некоторые до часу; — если кто не на вечерке, то или за карточной игрой, или говорят про свою жизнь и разные сказки и похождения какого-нибудь Ивана Семеновича или Пелагеи Степановны; другие же (большая часть), особенно старики, старухи и *немутальящие* хозяева с *смирной* дочкой, ложатся спать в 8 или 9 часов. Сидевшие до полночи справляются у постояльцев по часам о времени, или, задремав уже от игры, поздравляют друг друга с новым годом, с новым счастьем, желают всех благ, благополучия, многая лета — и чего только хочешь; пьют водку, а за неимением — отправляются спать. Ровно в полночь сидит какая-нибудь девушка перед зеркалом, перед которым по обеим сторонам горят две свечи, а позади стоит тоже зеркало. Говорят, что если в полночь девушка будет сидеть перед зеркалом и смотреть только в него, то ей непременно покажется в другом зеркале то, о чем и о ком она задумала. Иногда приходится слышать,

как одной показался красивый мужчина в сюртуке, а другой тоже мужчина — в полушубке, а третьей — какая-то бычья голова, такая огромная, что смех берет. А как кому покажется мертвец в белом саване, так и усидеть на месте трудно, и она непременно или упадет в обморок, или схватит горячку. Из них некоторые верят во всю жизнь тому, что видели, и ждут красивого мужчину, а другие и вовсе не верят видению, если будет в жизни их наперекор ему, и говорят о нем только для того, чтобы посмеяться да сказать, что они обманулись в судьбине своей. Но таких мало. Подобные гаданья нередки в Перми; по крайней мере, на пятидесяти вечерках говорят о них только пятеро и им мало верят; но чтобы дать более понятия о наших пермских вечерках, я приведу здесь одну, бывшую после нового года.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ Вечорка

Не назову той части, той улицы города, где была вечерка. Она устроилась двумя постояльцами, женатыми людьми, жены которых жили где-то далеко, своими домами и детьми. Оба молодые, хочется поселиться, вчера были на вечерке у соседей; понравилась она им... Ничего, хорошо! отчего же и им не сделать? Они попросили у хозяйна дозволения, тот дозволил и даже разрешил принимать гостей и играть в другой комнате, занимаемой другими постояльцами, не участвовавшими в этом деле. Прекрасно; ну, а постояльцам какое дело!.. С утра начались высчитыванья: много ли нужно денег на то, чтобы купить что-нибудь, соображения — что купить, кого звать. Положили купить для девушек 4 фунта мелких орехов, 2 фунта пряников, а для мужчин, и то достойнейших, штоф хорошей водки; созвать соседних девушек, двух-трех приятелей, а за остальными дело не станет, сами наберутся, — и конец. Прибрали хлам в комнате, вымели ее; а как половину ее заставляла собою кровать, то последнюю убрали; накурили в ней порошками — и к вечеру все было готово.

Часу в 7-м начали собираться девушки, разряженные в ситцевые и шелковые с клеточками платья, с заплетенными вокруг головы волосами и косами или с сетками на головах. Пришло трое мужчин, из коих один, одетый кучером, с безобразной маской, другой — в каком-то надетом навыворот халате, в теплой плисовой шапке, какие носят причетники, с лицом, закрытым какой-то тряпкой вместо вуали. Эти двое начали плясать. Как старуха ни играла хорошо свою роль, подпрыгивая, говоря пискливым голосом и подплясывая, сколь ни походило лицо ее на женщину, однако ее скоро узнали почти все — по усам. Оказался мужчина. После чаю девушкам подносили оре-

хов и пряников. Некоторые курили папиросы и, кушая орехи и пряники, дожидались прихода других мужчин, рассказывая о бывших вечерках и высказывая свои впечатления.

Пришло еще трое мужчин, за ними еще двое — все служащие разных присутственных мест. Девушки, наскучив вероятно сидеть без танцев, сами вызвали одного молодого человека, запели песни, и игра началась. Приглашали и тех, которые играли в карты, но они отговаривались тем, что заняты, тогда как у одних было то убеждение, что подобные игры ныне не в моде, а другие вовсе не любили играть. Этот отказ девушки умели переговорить в худую сторону. «Вот далась им какая-то игра! Не хочется с нами поиграть! неучи какие!» Песни пели большею частью заученные из песельников; пели тихо, а хороших певиц вовсе не было. Мужчины не пели. Сперва ходили по комнате парами — девушка с молодым человеком, державшим своєю левою рукою ее правую руку, а при окончании песни целовались. После этого кавалер уходил в другую комнату. При начатии новой песни девушки сами выбирали себе кавалера, беря его за руку: «пожалуйста!» Кавалер на это не конфузился, а даже был рад выбору. Должно быть, это в моде на пермских вечерках.

Танцевали какой-то самодельный танец, обняв кавалера правой рукой и как-то неловко подпрыгивая, кружились парами по тесной комнате. Несколько раз приходили замаскированные, одетые в какие-то пальто с позументом, с шпагой на боку, в испанской шляпе с пером, то в сюртуке с светлыми пуговицами и кучерской шапке, то каким-то почтальоном, накинувшем на себя белую простыню и пальто вниз рукавами; являлись татарки с нитками, туесками (бураками) и кололи руки булавкой; какие-то турчанки, над коими бы посмеялась любая турчанка; приходили старик со старухой в вывороченных шубах и с огромными назади горбами. Старик играл на бандуре *барыню*, или просто *тренти-бренти*, а старуха выкидывала разные штуки ногами, пускаясь в пляску, нещадно стуча огромными сапогами и поминутно кашляя. Все эти замаскированные переменяли настоящий свой голос на пискливый и бас, но их все-таки узнавали. Из них большею частью мужчины были уже знакомы с девушками, жали им руки, плясали с ними и целовали их. *Понавеселее* из них плясали русского искаженного трепака, делая ногами какое-то па. Из всех их отличался пляской мальчик лет 15, одетый кукольным. Из маскированных были и служащие разных присутственных мест, явившиеся сюда совсем случайно и непрошенные. Часу в 1-м пришли 6 человек из шайки Черного Ворона, в красных и зеленых кафтанах, с пистолетами и саблями. Они играли на скрипке, гитаре и пели «*Вниз по матушке, по Волге*» так, что лихой бурлак им посмеялся бы и махнул рукой. Некоторые из маскированных уходили скоро, другие оставались здесь и играли под звуки гитары и бандуры.

Игра продолжалась до 3-х часов, песни, танцы и пляска не умолкали. Некоторым из молодых людей, получившим сотни поцелуев, давно уже наскучили пляски и песни. Они несколько раз хотели идти домой, но девушки их не отпускали: «куда вы? что вы? стойте! ведь рано еще спать». Делать нечего, рад или не рад, а должен уважить и остаться.

Играли в соседи и другие святочные игры. Ну согласитесь, не веселье ли это? Не забьется ли тут сердце?.. При этом и после вечорок девушки ужасно смеются над выходками или ошибками молодых людей.

Пели и самодельные, свои, народные песни, или заимствованные из ближних деревень, в которых много есть у каждого родственников. Песни эти следующие:

1

Когда ходят парами:

*За двором, за двором
За дворянским;
Там вода, там вода
Да разливается;
Здесь трава, здесь трава
Да расстиляется!
Выпущу, выпущу
Бела лебедя с лебедкою!
Бел лебедь, бел лебедь
Добрый молодец!
Свет М.Е. (или кого хотят)
Лебедка, лебедка
Красна девица А.К. (или кого выберет
себе мужчина)
Та ровня, та ровня
Да сравнялася!
Молоды, молоды они
Да доженилися.
Все люди да сдизовалися...
Не-люди да рассмеялися!..*

*О, остров мой, зеленый мой!
Там четыре паньи пляшут!
Возыгрывают, остров мой,
Зелен мой!
Панья у паньи выпрашивает:*

*«Еще ты, панья,
Да за кого замуж пойдешь?»
«Еще я, панья,
Да я за писаря пойду:
Еще писарек писать,
Я черниленку держать!..»*

И пары целуются.

2

Когда ходят венчиком:

*Нынче годик не таков —
Весь он просветился!
Этот мальчик не дурак —
Лет семи все знает:
Пьет вино, курит табак,
В карточки играет.
А девицы — о-ёё, поступаем чисто:
Посмотрите, у иной
Есть записок триста!
Все они рядком лежат
В ящиках секретных,
И девицы говорят
О друзьях заветных!
Тут девицы говорят,
Просто провещают:
Как Иванов день пройдет,
Машу обвенчают.*

Есть также плясовая, взятая из какого-то завода:

*Уж ты, шутиха, маршрутиха моя?
Ты зачем любишь лоскутника меня!
Круг подола шалоболы у меня!
Опоясочка шелковая,
Рукавищики барановые!..*

Игру заканчивают тем, что попеременно садят мужчину на стул, и все девушки, ходя вокруг него, поют:

*Сидит дрема, сидит дрема
Сама дремлет!
Полно, дремушка, дремати,*

*Пора-время выбирать!
Бери, дрема, кого хочешь;
Сади, дрема, сади, дрема,
На колени!
Целуй, дрема, сколь угодно,
Тридцать, двадцать раз...
Пятнадцать!..*

И дрема выбирает одну из девушек, садит на колени и целует!..

Как ни скучны и ни наивны подобные песни, поцелуи и выходки девушек, их терпение, неодолимая охота петь и плясать, а уж попади в кружок их красивый молодой человек, ему не выйти до конца вечерки из комнаты. Замучат бедного! Грустно и тяжело передавать и рассказывать эти вечерки, а видеть их еще грустнее и тяжелее. Но это один из наших пермских обычаев — старина, которую долго-долго не вывести из народа. Несмотря на песни, пляски и поцелуи в продолжение 8 часов, они, пожалуй, не прекратились бы целый месяц: такая охота! «Были бы люди, да воля, так пляши до упаду!» Да и что делать в праздник, на святках, человеку бедному, даже служащему; книги наскучили, и вот каждый рад, что на вечерке. Хорошо то, что русское в танцах и песнях, но безобразно то, что если все русское смешано с польским и в нем какая-то смесь с иностранным, заимствованная с наглядки игр приезжих фокусников и балаганных диллетантов.

В заключение скажу, что от нового года до крещения, особенно в крещенский сочельник, при свете луны можно видеть девушек, выходящих на *ростань*, т.е. на середину дороги между двумя улицами и переулками, разделяющими 4 квартала. На земле они чертят крест, загадывая, с которой стороны придет их суженый. Видно, как из дворов, поверх ворот или в ворота, вылетают на дорогу башмаки; как какая-нибудь девушка-мещанка, нянюшка, ключница, даже стряпка (господских домов или купцов) — спрашивает первого проходящего по дороге: «Как вас зовут?» — и какое тот соврет имя, так, значит, и муж будет называться. Как слушаются под окнами, стучат в рамы или ставни — и потом бегут со смехом. В домах льют олово, загадывая и отгадывая по вылившимся фигурам, которые для них имеют большое значение и влияние на целый год. Накануне крещенья приносят в дом святую воду из церквей в туюсках или графинчиках, пьют и чертят мелом или известкой косые кресты на дверях, окнах, печках и полатях — и не стирают их целый год. Это для того, чтобы бес не зашел!

Таковы-то в Перми святки и вечерки, о коих без умолку говорят целый месяц служащие, — кончающиеся крещеньем, когда, как говорят старушки, все нечистое от окропления водой бежит без оглядки под землю или тонет в воде, а белые кресты на дверях и окнах долго их не впускают в дома. Некоторые набожные люди говорят о святках и вечерках, что в это время люди уподобляются бесам, потому что они надевают бесовские костюмы и маски, — так же, как говорят и о театре, величая его дьявольским наваждением.

В крещенье еще как-нибудь повеселятся и, ложась спать, все любители вечорки чувствуют какую-то скуку, пустоту, им чего-то досадно, им кажется, что они еще не навеселились! Они долго не могут заснуть, а утром им еще хуже. Шутка ли, целый год ждать такого веселья, которое разве проявится только у кого-нибудь на свадьбе! А сколько было хорошего для них на святках, которое едва ли забудется! Они познакомились со многими, знают, как зовут такую-то, знают и как величают такого-то, таких-то, — чуть ли не десять, — и по котором-нибудь бьется сердце... Тяжело им расставаться со святками, где так были легки танцы с мужчиной, объятья, поцелуи, так трудные во весь год, и которые для них, бог знает, когда повторятся.

Статья подготовлена к публикации Т.И. Быстрых.

Печатается по изданию:

Решетников Ф.М. Святки в Перми // Решетников Ф.М. Полное собрание сочинений / под ред. И.И. Векслера. — Свердловск: Обл. изд-во, 1936. — Т. 1. — С. 381-388.

Краснопёров Д.А.: «Святки в Перми» — это первый литературный опыт начинающего писателя. Статья написана по просьбе редактора «Пермских губернских ведомостей» С.С. Пенна и была напечатана в номерах газеты 3-м и 4-м за 1862 г.

О некоторых подробностях появления статьи сообщил первый биограф писателя Г.И. Успенский: «Пенн смотрел с недоумением на Ф.М., когда тот принес ему для прочтения свои драмы, но все-таки был полезен ему... Он задал ему работу этнографическую: описать город Пермь, ее нравы, и обычаи, начиная со святков».

Начинающий литератор успешно справился с этим заданием. Опубликованная в пермской газете статья сыграла важную роль в становлении его как писателя: он поверил в свои силы и начал обдумывать план большой и серьезной этнографической работы — повести «Подлиповцы».

Святки — 12 дней с 25 декабря (7 января) по 6(19) января.

Гостиный двор находился на месте нынешнего Комсомольского сквера в Перми, возле оперного театра.

Мухачев Егор Петрович (1822—1869) — учитель пермской гимназии, активный корреспондент «Пермских губернских ведомостей».

ПЕРМЬ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ А.И. ГЕРЦЕНА

Известный российский мыслитель и общественный деятель А.И. Герцен в 1835 году был сослан в Пермь и оставил яркие воспоминания о нашем городе той поры.

Автор известного сочинения «Былое и думы» признается, что он оказался «... в маленьком городке на сибирской границе, ... не имея понятия о среде, в которой ... надобно было жить»¹. Герцену показались провинциальными не только здания города, но и нравы его жителей. Александр Иванович был поражен тем, что хозяйка дешево снятого им большого одноэтажного дома поинтересовалась, не станет ли он держать корову. «До оскорбления пораженный ее вопросом» автор «пошел домой, думая с ужасом, где я и что я, что меня заподозрили в возможности держать свою коровку»².

Герцену нравилось подолгу гулять «по пустынному бульвару, которым оканчивается в одну сторону Пермь»³. Думается, что речь идет о загородной в то время аллее, часть которой сегодня является центральным парком Перми — «Парком Горького». Автора поразила красота загородного весеннего пейзажа: «... это было во вторую половину мая, молодой лист развертывался, березы цвели (помнится, вся аллея была березовая), — и нигде никого. Провинциалы наши не любят платонических гуляний»⁴.

За короткий период пребывания в Перми Герцен встречался как с представителями власти, в частности, с губернатором Гавриилом Корнеевичем Селастенником, так и со ссыльными поляками, которым искренне сочувствовал.

Характеризуя нравы современников, Александр Иванович приводит забавный эпизод, связанный с пребыванием в Перми «аристократического повесы» князя Долгорукова, сосланного сюда за дурное поведение в быту. Язык автора настолько колоритен, что следующая пространная цитата представляется нам вполне оправданной: «Он приехал в двух каретах: в одной он сам с собакой, в другой — его повар-француз с попугаями. В Перми обрадовались богатому гостю, и вскоре весь город толкся в его столовой. Долгоруков завел шашни с пермской барыней; барыня, заподозрив какие-то неверности, явилась невзначай утром к князю и застала его с горничной. Из этого вышла сцена, кончившаяся тем, что неверный любовник снял со стены арапник; советница, видя его намерение, пусти-

лась бежать; он — за ней, небрежно одетый в один халат; нагнав ее на небольшой площади, где учили обыкновенно батальон, он вытянул раза три ревнивую советницу арапником и спокойно отправился домой, как будто сделал дело.

Подобные милые шутки навлекли на него гонение пермских друзей, и начальство решилось сорокалетнего шалуна отослать в Верхотурье. Он дал накануне отъезда богатый обед, и чиновники, несмотря на разлад, все-таки поехали: Долгорукий обещал их накормить каким-то неслыханным пирогом.

Пирог был действительно превосходен и исчезал с невероятной быстротой. Когда остались одни корки, Долгорукий патетически обратился к гостям и сказал: «Не будет же сказано, что я, расставаясь с вами, что-нибудь пожалел. Я велел вчера убить моего Гарди для пирога». Чиновники с ужасом взглянули друг на друга и искали глазами знакомую всем датскую собаку: ее не было. Князь догадался и велел слуге принести бранные остатки Гарди, его шкуру; внутренность была в пермских желудках. Полгорода занемогло от ужаса»⁵.

На наш взгляд, на месте упомянутой небольшой площади, на которой князь расправлялся со своей возлюбленной, сегодня располагаются сквер и здание Пермского академического театра оперы и балета имени П.И. Чайковского.

Завершая описание княжеских проделок в Перми, Герцен делает следующий вывод: «Удушливая пустота и немота русской жизни, странным образом соединенная с живостью и даже бурностью характера, особенно развивает в нас всякие юродства»⁶.

¹ Герцен А.И. Былое и думы. — Т. 1. — М., 1967. — С. 203.

² Там же. С. 204.

³ Там же. С. 206.

⁴ Там же. С. 206.

⁵ Там же. С. 215-216.

⁶ Там же. С. 216.

Александр Иванович Герцен

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА
(посвящено барону Упсальскому)

*Wer nie sein Brot mit Tränen ab,
Wer nie die kummervollen Nächte
Auf seinem Bette weinend sab,
Der kennt euch nicht, ihr himmlischen Mächte.*
Goethe, «Wilhelm Meister Lehrjahr». ¹

Холодный, ледяной ветер дул из-за Камы — так дышит Уральский хребет вечным льдом своих вершин, так дышит холодная грудь Сибири на Европу. Кама, широкая и быстрая, мчала с невероятной скоростью множество тяжело нагруженных судов; кое-где двигались запоздалые льдины, поворачиваясь и как бы нехотя следуя течению реки. Порывами ветер наносил *membra disjesta*² песен бурлаков и их громкие возгласы. Было грустно — я сидел, закутавшись в плащ, на высоком берегу; с противоположной стороны садилось солнце, красное, но холодное. Раны моего сердца были свежи. Недавно оставил я родимый город, хотя давно уже был оторван от всех близких душе моей. Все подробности 9 апреля явились в моем воображении; день свидания после мрачной разлуки, день разлуки после мрачного свидания. В этот день переломилось мое существование... Прощальный поцелуй, облитый слезами, запечатлел небесной печатью воспоминания, за которым пустота и мрак. Было грустно — мне занудились люди, чтоб рассеяться, — люди, которые мелким песком своих слов могут засыпать раны сердца — доколе порыв ветра не снесет его. На дворе становилось холоднее, Кама почернела, барки превратились в каких-то ракообразных животных с огромными ребрами; огонь, разложенный на них, казался огненной пастью чудовищ... Я пошел с тем, чтобы зайти к кому-нибудь из знакомых на скорую руку, и зашел к *кому-то*. Не обращая ни малейшего внимания на двух человек, бывших в горнице, я бросился на турецкий диван и курил сигару.

¹ Кто никогда не ел со слезами свой хлеб,
Кто не просиживал, плача, горестные ночи на своей постели,
Тот не знает вас, силы небесные.

Гёте, «Годы учения Вильгельма Мейстера» (нем.).

² *membra disjesta* - обрывки (лат.).

Разговор шел бесцветный и холодный, как всегда между людьми, которых не связывает ни общая идея, ни симпатия души, ни даже привычка. Меня расспрашивали о столице, мне рассказывали о провинции; незаметно я развлекся. Хозяин-грузин тешил меня своею ненавистью к морозу, которая у него б-л' oriental³ доходила до личной вражды. Вдруг ему вздумалось переменить тему и вместо своей термометрической антипатии рассказывать о том, как он покидал отцовский дом. Душа моя встрепенулась! Холодная маска упала, и я в пламенных и горячих словах описывал им моё 9 апреля. Чувства бушевали во мне и, радостные, что нашли отверстие, лились потоком слов. Я встал с своего места, и вдруг взор мой встретился со взором одного из тех лиц, которых я едва заметил, входя. Глаза наши столкнулись, и речь моя, как бы скошенная, остановилась. Мужчина лет сорока, в черной венгерке, обшитой шнурками, склонив голову на руку, опершуюся на диван, и крутя другою длинные русые усы, со всеми знаками самого усиленного внимания смотрел этим взором на меня. Грудь его подымалась, ноздри раздувались, и крупная слеза тихо катилась по щеке. Но глаза — теперь вижу их — издавали какой-то свет, в них было что-то от пламени молний. Я остановился, и он, как бы обиженный, грубо обращаясь ко мне, сказал: «Продолжайте». Мы поменялись взором, и я, чувствуя, что понят, продолжал еще с большим одушевлением. Когда кончил я, он встал, прошел раза два по горнице, приблизился ко мне и, прямо смотря в глаза, сказал: «Мы друзья!» — «Друзья!» — отвечал невольный голос из моей груди, как эхо на его вызов, как инструмент, невольно издающий звук, взятый на другом. Потом он сел на старое место и принял неподвижную фигуру статуи; лицо его сделалось мрачно — длинные волосы падали в глаза, и он не поправлял их, молчал и, может, в мыслях перебирал своё 9 апреля. Пора было идти домой. Он проводил меня с хозяином до дверей, сжал мне руку и сказал: «Первый луч солнца после долгой зимы!» — «Да, — подхватил грузин, не понимая его слов. — Нынче первый ясный день с августа месяца, ужасно! И морозы доходили до 45°».

Я ушел. Незнакомец занимал меня непрерывно; я не знал ни кто он, ни что он, — но многое понял, догадался. История его сердца должна быть ужасна, но его сердце должно быть высоко. Приготовления к дороге, мелочи, хлопоты заставили на время забыть незнакомца. На другой день к ночи надобно было ехать.

В самый день отъезда меня пригласили на большой обед к одному богачу, и я пошел, чтобы взглянуть на *beau monde*⁴ того края. Провинция запечатлела весь этот дом; и хозяин в яхонтового цве-

³ б-л' oriental - по-восточному (франц.).

⁴ *beau monde* - высшее общество (фр.).

та фраке, с непомерно величины Анною на шее и с волосами, вглядь вычесанными, так же не годился в модную гостиную, как его кресла из цельного красного дерева, тяжелее 10-фунтового орудия и украшенные позолоченною резьбою в виде раковин и выгнутых листьев. — Попарно и с каким-то благоговением шли в столовую, где дожидался стол, длинный, узкий и загнутый глаголем. Поскорее подал я руку какой-то барышне, которой никто не дает руки ни к венцу, ни к обеду, и замкнул процессию. Толпа лакеев в сертуках, с часами, на бисерных шнурках, в пестрых галстуках, суетились под предводительством дворецкого, который своей дебелостью доказывал, что ему идет на пользу дозволение есть с барского стола остатки. Толпа мальчишек, все в разных костюмах, но не все в сапогах, мешали им и дрались из чести, кому за кем стоять, не имея понятия, что местничество уничтожено. Но оно и не уничтожено в провинции. Провинция смело может похвастать порядком распределения мест за обедом, это — статья из адрес-календаря.

Тут-то вполне узнал я, что значит председатель уголовной палаты, которому губернатор *предлагает*, и советник губернского правления, которому губернатор *председательствует*, и земский исправник, которому губернатор *повелевает*; наконец, что такое прокурор — партизан, никому не подчиненный, кроме бога и министра юстиции, о котором губернатор даже не *амтестует*, и который губернатору говорит «вы». Так все в провинции отнесено к губернатору, понятно через него; он — центр, остальное — периферия; он — солнце, остальное — созвездия; словом, он — необходимая координата, без которой нельзя составить уравнения этих бесконечно малых величин.

Главное действующее лицо за обедом был доктор, сорок лет тому назад забывший медицину, который учился пятьдесят лет тому назад в Геттингене, но твердо помнящий все филистерские затеи. Он поехал в Россию с твердым убеждением, что в Москве по улицам ходят медведи, и, занесенный сюда немецкой страстью пытаться счастье по всему белому свету, остался дожидаться, пока расстройство животной экономии и засорение *vasorum absorbentium*⁵ превратят его самого в сор. Этот старичок, весьма веселый и очень маленький ростом, плешивый и с быстрыми глазами, острил надо всеми, шутил, отпускал вольтеровские замечания, дивил своим материализмом, смешил своими двусмысленностями. Его все любили, и он всех любил. Да и как было ему не любить всех? Это поко-

ление родилось, выросло, занемогло, выздоровело при нем, от него; он не только знал их наружности, но знал их внутренности, и *l' amour de la science*⁶ заставило любить их. Второе лицо был какой-то флотский капитан, который — по несчастю — сидел возле меня и, поймав нового человека, тем голосом, которым кричат с палубы на мачту, рассказывал мне весь обед, продолжавшийся три добрых часа, как он минут двадцать тонул у Алеутских островов, со всеми техническими выражениями, которые живут на корабле и приплывают к материку только в романах Сю и в повестях Бестужева. Он душевно желал, чтобы путь мой был в Березов, где живет отставной мичман Филипп Васильевич, который был свидетель этого происшествия и мог мне прибавить то, чего он не помнит, ибо был без памяти несколько времени.

Я с иронической улыбкой поблагодарил его за желание.

Еще кто был за столом? Наливки из всех растений, оканчивающих ягодою свой цвет, *старое французское* и — *place au grand 'homme*⁷ — шампанское, которое лилось не по-столичному в узенькие бокалы, а в стаканы, и пребольшие.

Наконец, *пережил* я обед. Все торопливо бросились за карты, кроме доктора, который свято исполнял однажды возложенные на себя гигиенические правила: должен был после обеда 25 минут ходить по горнице для пищеварения.

Я обнял хозяина, который с искреннею добротою пожелал мне счастливого пути, и вышел на улицу, улыбаясь и приводя на память все пустые разговоры, которых был свидетель. Время было хорошо; хотелось походить, и я отправился на бульвар, идущий от Московской заставы до Сибирской. Бульвар этот превосходен; обхватывая полгорода с наружной стороны, он простирается версты три; огромные толстые березы, прямые и ветвистые, отделяют его с одной стороны от города, с другой — от обширного поля, и чугунные заставы, как черные, колоссальные латники, стерегут его с обеих сторон. Скупа природа того края: зелень едва виднелась и кой-где вешние цветы — бледные, слабые недоноски, должныствующие умереть от холодных утренников. Несмотря на это, какой-то человек гербаризировал. Тотчас узнал я вчерашнего незнакомца и пошел к нему. Он так был занят своей работой, что долго не замечал меня. Я взял его за руку, и он с видом сильной радости, сказал, оборачиваясь:

⁵ *vasorum absorbentium* - всасывающих сосудов (лат.)

⁶ *l' amour de la science* - любовь к науке (франц.).

⁷ *place au grand 'homme* - расступитесь перед знаменитостью (франц.).

– Итак, мне еще суждено видеть вас! Благословляю нашу вчерашнюю встречу. Вот уже два года не слышал я человеческого голоса, а вчера ваши слова, как симфония Бетховена, как песнь родины, пробудили мою душу. Вы помирили меня с людьми, высказывая чувства, которые бились и в моей груди... Два года... много времени... и все чужое, кроме природы; мы с нею вдвоем и понимаем друг друга. Как звучен язык ее и как утешителен! Я всякий день бываю на этом поле, я люблю его. Мы старые знакомые; вот этот монтодон уже третьего дня распустился, и два раза виделись мы; люблю природу; говоря с нею, я отвык от человеческого языка... а вы мне напомнили его. Прелестен и он, когда выходит из самого сердца, когда не запылен...

Он приостановился.

– Вы, верно, много страдали, — сказал я, — верно, очень несчастны?

– Да, я много страдал, но не несчастен. Несчастны они в своем счастье, а мы счастливы! С гордостью смотрю я на душу мою, всю в рубцах от гонений и бедствий, — ибо совесть моя чиста, ибо я, как воин, ни разу не бежал с поля несчастья. И вот я заброшен сюда и без куска хлеба, и все тот же, как был. Они ничего не отняли у меня — душа осталась. Да неужели вы не чувствовали особой сладости страданий высоких, страданий за истину? Правда, иные минуты доводят до отчаяния. Я помню, когда меня оторвали от моей жены во время ее родов, и как она одна, без помощи служанки, покинутая всеми, мучилась смертельною болезнью. Холодный пот выступает, когда вздумаю... Но бог печется об несчастных — она выздоровела. Теперь я без куска хлеба, а был богат; бедность гнетет иногда, но душа стала выше этих предрассудков. И можно ли за одно чистое, святое наслаждение созерцательной минуты взять целую жизнь, спокойную и безмятежную, этой толпы, которую ничто не греет, ничто не влечет?

Часто сажусь я вот на этой горе и перебираю жизнь мою. Как ярко напечатлены в памяти минуты поэтических восторгов, когда душа, вырываясь из цепей, парила; эти минуты светят, подобно фаросу, по болотистому пути жизни. А мгновения, когда я услышал первое слово любви — это мощное слово, которое одно может пересоздать человека... не выкупили ли они вперед все несчастья?..

Б 16 лет схватила меня волна, и умчала, крутя, в какой-то *bufera infernale*⁸ и я, подобно моряку, приставшему на бесплодный утес, вспоминаю все бури, все волны, бившие о мой корабль, и благодарю провидение, что спасло меня, забывая потери. «Счастье» — слово без смысла в нечистых устах толпы. Для чего счастье человеку, одарен-

ному душою высокою, которая внутри себя найдет блаженство? И когда же были счастливы становившиеся выше узких рам, которыми сковались ничтожные люди? Птицы небесные имеют гнезда, и лиса взвела убежище, но Сыну человеческому негде главы преклонить. И разве он счастьем манил учеников, разве счастье оставил им в наследство? Нет, крест! И с радостью взяли они это наследство и понесли крест его. Никогда человек в счастье не узнает всей глубины поэзии, в его душе лежащей, но страдания, вливая силы, разверзнут целый океан ощущений и мыслей. Когда Дант был в раю — торжествуя ли в своей *Firenze*⁹ или будучи в ссылке, «испытывая горечь чужого хлеба и крутизну чужих лестниц»? Иной всю жизнь провел бы, не зная сокровенных областей души своей, и она не вышла бы из своей кризалиды, — так искусно толпа умеет подавить, задушить чувство даже в другом. Но его поражает несчастье, и душа вспорхнет, отрясет прах земной, взлетит к небу.

Одна мысль: *я перенес это* — исполняет гордостью и наслаждением. Человек, не согнувший выю свою перед обстоятельствами, выдержавший твердую борьбу с ними, может сознать свое достоинство и посмотреть на людей тем взором, которым смотрел Марий с развалин Карфагена на Рим и Наполеон из Лонгвуда на вселенную. Да, одна мысль эта достаточна, чтоб вознестись над толпою, которая так боится всяких ощущений и лучше соглашается жить жизнью животного, нежели терпеть несчастья, сопряженные с жизнью человека...

Слова незнакомца нашли отзывный звук в моем сердце. Долго говорили мы. Наконец, пора мне было собираться в дорогу.

Вам не нужно советов, душа ваша не померкнет, — сказал он.

– И если она изнеможет, — возразил я, — под ударами судьбы, придет в отчаяние, я вспомню вас и покраснею своей слабости.

Он плакал.

– Зачем вы едете? Я останусь опять в моем одиночестве, здесь сердца холодны, как руды их Уральского хребта, и так же жестки. Но сладостно будет мне воспоминание нашей встречи.

Я бросился в его объятия и не мог вымолвить слово благодарности. Он снял чугунное кольцо с руки и, подавая мне, сказал:

– Не бросай его, ты молод, твоя судьба еще переменится, страдания не подавят твоей души. Но ты, может, будешь счастлив... Тогда береги свою душу, тогда, взглянув нечаянно на это кольцо, вспомни наш разговор.

⁸ *bufera infernale* - адский вихрь (итал.).

⁹ *Firenze* - Флоренция (итал.).

Я был тронут до крайности, взял его кольцо, отстегнул запонку с своей груди и молча подал ему.

– Со мной до гроба, — сказал он.

Мы расстались, и более я никогда не видал его.

Через час кто-нибудь из гуляющих по тому же бульвару мог видеть быстро промчавшуюся коляску на почтовых, с лихим усачом в военной шинели на козлах, который, беспрерывно поправляя пальцем в своей трубке, погонял ямщика.

Вероятно, прохожий остановился; но когда затих колокольчик, улеглась пыль, — спокойно продолжал свою прогулку.

Вятка.

1836, марта 10.

Статья подготовлена к публикации Т.И. Быстрых.

Печатается по изданию:

Герцен А.И. Вторая встреча. (Посвящено барону Упсальскому) // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30-ти т. — Т. 1: Произведения 1829—1841 годов. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 123-130.

Впервые очерк был опубликован Е.С. Некрасовой в журнале «Русская мысль», 1882, № 12, с. 145-152, под названием «Человек в венгерке».

В очерке идет речь о встрече А.И. Герцена в мае 1835 г. в Перми с участником польского освободительного движения Петром Цехановичем, сосланным в Пермскую губернию по обвинению в попытке организовать вооруженное выступление против царского правительства.

Для пермяков представляет несомненный интерес описанный в очерке обед, на котором присутствовал юный Герцен, обстановка в доме, характеристика гостей и пр. Обед в пермском доме запомнился Герцену, описание его было использовано им позднее в «Записках одного молодого человека».

Барон, Упсальский барон — шуточные прозвища друга юности А.И. Герцена, Николая Христофоровича Кетчера (1806—1886), врача и переводчика, в связи с его шведским происхождением. Упсала — старинный город в Швеции.

9 апреля 1835 года состоялась последняя встреча Герцена перед ссылкой с Натальей Александровной Захарьиной (1822—1852), двоюродной сестрой, ставшей впоследствии его женой. Встреча состоялась в Крутицких казармах. На следующий день Герцен выехал из Москвы в Пермь. В письмах А.И. Герцена упоминание о «9 апреля» как о «величайшем дне» встречается неоднократно.

ЭКСКУРСИИ И ПУТЕВОДИТЕЛИ

А.А. Сидякина, Н.С. Горбунова

ПРОГУЛКА ПО КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРМИ

В последние годы Пермь становится все более «кинематографическим» городом. Благодаря социокультурной и образовательной деятельности МКФ «Флаэртиана» в Перми расширилась аудитория документального кино, формируется собственная школа кинодокументалистики. Популяризации качественного умного кино способствует также Пермская Синематека. Активная работа отдела медиаобразования Госкиноцентра «Пермкино» выдвинула Пермь в состав ведущих центров медиаобразования России. В городе активизировалась и кинопроизводственная деятельность: на территории Перми и края происходят съемки фильмов местной киностудии «Новый курс» и российских телекомпаний. Несомненным достижением в этом плане стал выпуск на Первом канале четырехсерийного фильма «Хребет России» (2010 г., проект А. Иванова и Л. Парфенова). Но, пожалуй, самым актуальным событием, привлечшим к Перми внимание зрительской аудитории всей страны, стал сериал канала ТНТ «Реальные пацаны», действие и съемки которого происходят в Перми.

В целом надо заметить, что участие в популярном телесериале резко повышает имиджевый статус города за его пределами. Так произошло с Петербургом после выхода на экраны сериалов «Бандитский Петербург», «Преступление и наказание», с Одессой после культовой «Ликвидации». Можно по-разному оценивать качество ситкомов «Счастливы вместе» и «Наша Раша», но очевидно, что они привлекли внимание к Екатеринбург и Челябинску — городам, заявленным, как места действия в этих сериалах. Кроме того, телесериальная персонификация города в массовой аудитории способствует консолидации внутригородского сообщества: киносъемки на улицах становятся обсуждаемым событием, задействованные в съемках актеры — народными героями, возникает новая волна городского мифотворчества. Поэтому выход на российские телеэкраны сериала «Реальные пацаны», который был полностью снят в Перми (задействовано более сотни мест и реалий городского пространства) и с участием пермских актеров, можно назвать выдающимся событием в культурной и общественной жизни города.

Одним словом, кинопространство Перми оживает, насыщается, образует ритмичные процессы. Между тем его реалии и очертания еще не обрели в общественном сознании более-менее устойчивых форм, как это произошло в исторической или литературной топографии города. О недостаточном внимании к теме говорит и то, что в корпусе разнообразных и востребованных пермскими турагентствами «прогулок по городу» до сих пор практически отсутствуют маршруты кинематографические. Предлагаемый текст является первой попыткой освоения кинематографического опыта Перми в художественно-публицистическом жанре «прогулка».

СЕРИАЛ ПЕРЕВОСПИТАНИЯ

(прогулка по местам телесериала «Реальные пацаны»)

Помните, какой фурор произвел в 1966 году фильм Константина Алексеевича Березовского «Три с половиной дня из жизни Ивана Семенова, второклассника и второгодника»? «Буксир» Аделаида и ее «баржа» Иван Семенов составили, наверное, самый замечательный детский кинодуэт. С тех пор несколько поколений пермских школьников замечательно осведомлены о том, что такое «УО». «Умственно отсталый!» — внушает Аделаида своему подопечному. Но не так давно один остряк придумал новую расшифровку этой аббревиатуры. Теперь каждый ее адресат может гордо парировать: я «уральский отличник»!

Перевоспитание, конечно, вещь серьезная, и на каждое время свои методы и средства. Кто-то пишет «Педагогическую поэму» и «Роман воспитания», кто-то ремнем, по старинке, кто-то шефством, а кто-то, как Колян из пермского сериала «Реальные пацаны», — с помощью искусства телевидения. Снять про себя фильм, причем не просто фильм, а про исправление, с новым «Я» в качестве главного героя — настоящий подвиг.

Мир Коляна — это мир дворов и гаражей, мир «настоящий парней», повидавших жизнь. Его тайны хранит пермская улица с посоветски твердым и звучным названием Орджоникидзе. Именно здесь, по адресу **ул. Орджоникидзе, 171** живут Коля Наумов и его мама, и здесь же по соседству работают его друзья из автосервиса — Антоха и Вован. Где-то рядом находится их любимый клуб «Красная страсть» — место беззаботного и продуктивного в плане знакомства с девушками времяпрепровождения. В этом же районе — реальная «Засада», место сериальных дискотек. А если продлить маргинально-пацанскую линию по Орджоникидзе вдоль

кустов и непролазных зарослей над Камой, то завершит ее ставший знаменитым на всю страну арт-объект «Счастье не за горами» — светлый сон актуального искусства — затылком к Каме, напротив Речного вокзала.

Удивительно, но маргинальный мир вокруг дома Коляна скрывает и неожиданно высокую перспективу, не имеющую прямого отношения к сериалу, но важную для Перми, уводящую из городского проулка в контексты мирового кино. Речь о бывшем **клубе Госторговли** (ныне здание театра «У Моста» **на Куйбышева, 11**). В этом клубе когда-то — в 1970 — 1980-е годы работал замечательный человек — киномеханик Владимир Иванович Самойлович, который открыл пермскому зрителю полузапрещенное в советские времена творчество Ф. Феллини, А. Курасавы, М. Антониони, А. Тарковского и др. режиссеров мирового кинематографа. «Рыцарем киноискусства» назвал В. Самойловича писатель Анатолий Королев. Сейчас на стене театра «У моста» закреплен памятный знак В. Самойловичу — кинопроектор, луч которого высвечивает фигуру человека. Преображение человека, пробуждение и высвечивание в нем с помощью кино лучших качеств — достойная цель. Владимир Самойлович был гуманистом и подвижником, киноманом и библиофилом. И, наверное, он улыбнулся бы блистательной репризе пермских КВН-щиков, в которой Коля Наумов — уже «Колян» в трениках, но еще не герой «Реальных пацанов», читает стихотворение о библиотеке. С просветленным лицом, уважительно стянув с головы трикотажную шапочку, Коля торжественно произносит:

И поломалась судьба у человека
Я Пастернака не верну в библиотеку!

Пройдя от театра «У моста» через уютный сквер Уральских добровольцев и повернув перпендикулярно ул. Орджоникидзе, мы окажемся на **ул. Куйбышева**. В сериальной проекции это улица, ведущая в другой мир — мир богатства, гламура, дорогих машин и вещей. На ул. Куйбышева — бутик «Модные люди», в котором одевается главная героиня сериала — любовь Коляна Лера со своими подружками. Улицы Куйбышева, Ленина, Комсомольский проспект, ул. **Сибирская** с клубом «Ветер» и фешенебельным рестораном «Санта-Барбара» — это места не для Коляна, а для Леры. В классическом университете, который находится на Заимке, по другую руку от дома Коляна — ему тоже не место. Впрочем, Коле Наумову на социальную иерархию наплевать — «реальный пацан» всегда сумеет поддержать разговор двух студентов.

Два сектора городского пространства, маргинальный и центральный, стали средоточиями совершенно разной жизни. «Принц и нищий», «красавица и чудовище», «барышня и хулиган» — последний из названных культурных архетипов, пожалуй, наиболее близок «Реальным пацанам». Вспоминаются и одноименный фильм Владимира Маяковского, и любимейшая картина многих поколений российских зрителей — «Весна на Заречной улице» М. Хуциева. Любовь преображает — именно так происходит и в случае с Коляном. Хотя трудно сказать, что ради Леры он изменил себе. Колян — естественен и органичен, во всех нелепых, смешных и драматических обстоятельствах.

Пройдя по ул. Куйбышева мимо бутика «Модные люди» (Куйбышева ул., 10), мы окажемся у «**Колизея**» — крупного торгово-развлекательного комплекса. Это тот самый Колизей, который участвовал, будучи недостроенным, в съемках фильма Павла Печенкина «Любимчик». Тот самый Колизей, воспетый в городских легендах как inferнальная дыра, воплощение «сатанинского ада»... Теперь это вполне респектабельное место, сделавшее вид, что позабыло о своем маргинальном прошлом.

Здесь, находясь у «Колизея», мы можем почувствовать себя как в сказке: налево пойдешь — в Мотовилиху угодишь, прямо пойдешь — вслед за Коляном во Владивосток улетишь (с автовокзала, на котором героя провожала его любимая), направо пойдешь — в «культурную столицу» попадешь, через городскую эспланаду прямо к новеньким елово-бревенчатым «воротам Перми»... Мы пойдём налево.

Миновав ЦУМ, пересекаем **Комсомольский проспект**. Кстати, это самая кинотеатральная улица города. Если мы поднимемся вверх по протяженной липовой аллее, она приведет нас к кинотеатру «Октябрь». Тезка шедевра советского киноавангарда был открыт к 40-летию революционных событий — здание в духе сталинского ампира, с величественной колоннадой, по вечерам освещенное теплым светом. Расположившийся рядом **Парк культуры и отдыха им. Горького** — тоже важное место в истории пермской киножизни. Когда-то здесь, в бывшем Саду общественного собрания, располагался летний электротheater, затем, в уже советские времена, кинотеатр «Отдых». В 1937 году здесь выступала с концертом Любовь Орлова, приехавшая на съемки фильма «Волга-Волга». Возле решетки горьковского сада снимали один из эпизодов фильма про Ивана Семенова (очень хотел Иван быстрее стать взрослым и полезным обществу, вот и пристроился рядом с рекламой денежно-вещевой лотереи торговать семечками — в мечтах, конечно).

Здесь же, на «Компросе», располагается главный пермский кинотеатр — «**Кристалл**». Когда под Новый 1960-й год открыли этот величественный панорамный кинотеатр на 915 мест, Пермь стала одним из самых передовых городов Советского Союза — ведь подобный кинотеатр был еще только в Киеве. Панорамное кинотехнологическое оборудование для него привезли с Брюссельской всемирной выставки. Окупившись всего за год, «Кристалл» стал лидером пермского кинопроката. Говорили даже, что доходы от него покрывали все расходы на местное образование. Славился «Кристалл» и своими творческими встречами — здесь выступали актеры, режиссеры, киноведы, критики, иногда и участники изображенных в фильме событий. В начале 1990-х «Кристалл» разделил судьбу многих кинотеатров — в нем разместился мебельный магазин. Новое тысячелетие тоже оказалось неблагосклонно к популярному когда-то центру киножизни — в 2006 году здание было закрыто на долгую реконструкцию. В итоге оно было все же снесено, и на его месте построено новое... Хорошо хоть прежним осталось название. Технология IMAX, которую сегодня использует кинотеатр, как когда-то технология панорамного показа, выделяет его среди других, и не только пермских: подобная технология применяется лишь в трех городах страны — Москве, Санкт-Петербурге и Уфе.

Теперь на площадке перед «Кристаллом» установлена бронзовая скульптурная группа — «Трус, Балбес и Бывалый» (скульптор А. Залазаев). Какое отношение, спросите, герои комедий Гайдая имеют к Перми? Прямое символическое! Отличная компания для лодыря-второгодника Ивана и хулиганистого Коляна.

Чуть в стороне от Комсомольского проспекта, в зелени деревьев, отгороженный от шумных улиц, прячется **киносалон «Премьер» (Пионерская, 17)**. Независимый, камерный, спокойный и уютный киноцентр балует искушенного зрителя шедеврами мирового кинематографа. Вот она, воплощенная мечта «рыцаря киноискусства» Самойловича! В «Премьере» проходят все главные кинособытия города — фестивали национальных кинематографий разных стран, творческие встречи, форумы, дискуссии. Сегодня киноцентр «Премьер», благодаря поселившимся в нем Пермской Синематеке и фестивалю «Флаэртиана», стал одним из главных средоточий медиаобразования в стране. Уже почти шесть лет Синематека упорствует в своем стремлении воспитать «умного зрителя». И знаете, стайки ребятишек, бегущих вместе со своим классом в «Премьер» на «Мальчиша-Кибальчиша» и «Гору самоцветов», внушают надежду.

Полюбовавшись перспективой Комсомольского проспекта, продолжайте путь по улице Ленина. Вот и «**Триумф» (Ленина, 44)** — старейший пермский кинотеатр. До недавнего времени он был им,

а теперь уже и вывеска снята. А когда-то пермские газеты 1910-х годов сообщали с восторгом: «Элегантный театр «Триумф» устроен по образцу лучших заграничных театров! Роскошная обстановка! На этих днях пойдёт картина «Белые рабыни»! Картины сопровождаются концертным квартетом!» В советские времена кинотеатр был перестроен, долгое время носил имя «Художественный», затем обрел первоначальный облик и название. Еще три года назад в нем шли кинофестивальные показы, городская общественность выступала за превращение «Триумфа» в центр городской культуры, но тщетно.

Но память о кинотеатре пока еще зафиксирована в его символической проекции на корпус **Института искусств и культуры**, который находится ровно напротив (**ул. Газеты «Звезда», 18**). В институте культуры на актерском факультете учится Зоя Бербер — Лера из «Реальных пацанов». Как сказала режиссер сериала Жанна Кадникова, на главную женскую роль ей нужна была «девушка со светом внутри». В этом институте много людей с внутренним светом. Для некоторых — это свет софитов: в свое время институт культуры окончили Евгений Панфилов, Сергей Федотов, Аркадий Райник, многие актеры пермской сцены. А для некоторых — это кинопроекторный свет: теперь тут учатся и режиссеры-документалисты, их готовят в мастерской Павла Печенкина и Рашида Давлетшина.

Если мы пройдем до ул. Сибирской, то прямо перед нами, по адресу **Сибирская, 6**, окажется один из самых знаменитых пермских домов. В советские годы в нем располагался легендарный ЦГ (Центральный гастроном). Прежде в этом **здании, принадлежавшем купцу Ковальскому**, на втором этаже находился первый пермский книжный магазин Юзефа Пиотровского. А где-то по соседству, в этом же здании и тоже на втором этаже, в октябре 1896 года впервые в Перми было показано кино. «Кинематограф Эдисона» привез в город демонстратор С.О. Маржецкий. Поглазеть на диковинку можно было ежедневно с 4 до 11 часов вечера. Кстати, в репертуар киносеансов Маржецкого входили и хроникальные сюжеты, снятые в России, например «Торжественное шествие на Священное Коронование Их Императорских Величеств Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Федоровны».

Если мы заглянем вглубь улицы Сибирской, то увидим бывший доходный **дом Синакевича (Сибирская, 23)**. Сейчас в нем размещается школа № 21, а в дореволюционные времена здесь была женская гимназия Барбатенко. И в этом же здании в 1907 году от-

крылся театр Парижского Биоскопа французского инженера Д'Аго по образцу европейских кинотеатров. Каждые три дня в театре шла новая программа. Ну как тут не заметить, что кино в Перми изначально тянулось к книге и просвещению!

Идем дальше. Напротив здания Почтамта — прелестный **сквер театра оперы и балета**, неоднократно попадавший в кадры документального кино о Перми. И не только по причине своей ботанической красоты, но главным образом благодаря близости Театра оперы и балета, и — за углом, — Пермского хореографического колледжа. «Пермскому балетному» посвящены десятки фильмов, — цветущий сиренью и яблонями, поливаемый светлым и звонким дождем «оперный сквер» не раз становился кинометафорой возвышенного творческого настроения...

Миновав пересечение с улицей Горького, мы попадаем в городское урочище — **Разгуляй**. Сразу бросается в глаза здание нового торгового центра «Разгуляй» (ул. Кирова, 7). Современное, с высокими стеклянными окнами и панелями, своим чуть футуристическим обликом оно удачно контрастирует с тихим сквериком. Торговый центр появился здесь недавно и привнес в полусельское, свободное (невзирая на близость тюрьмы) и тайное место часть шумного центра. Вместе с новой жизнью Разгуляя, новую жизнь начинает герой «Реальных пацанов» Коля Наумов. Здесь, в салоне сотовой связи, он работает вместе со своим напарником Эдиком. Работа знаменательная — Колян содействует коммуникации, продает сотовые телефоны, и сам учится по-новому общаться с людьми. Покружив по разгуляйскому скверу, в центре которого установлен памятник основателю города В.Н. Татищеву, можно поразмышлять о переменах в себе и вокруг.

А далее у нас — долгая дорога через Северную дамбу к **цирку (ул. Уральская, 112)**. Как тут не вспомнить изречение вождя мирового пролетариата: «Пока народ безграмотен, из всех искусств для нас важнейшими являются кино и цирк». А что это за буквы, утопающие в зелени, возвышаются вдалеке, с расстояния похожие на Hollywood? Приближимся... «Мотовилихинский район»! Теперь мы официально вступили не территорию Ивана Семенова. Пройдемся по обрамленной грушевыми деревьями **ул. Крупской**, пересечем **площадь Дружбы** — овеванное ностальгией место побоищ и братания мотовилихинских «реальных пацанов» — «добролюбовских», «тургеневских» и «дружбинских» группировок.

Недалеко от ТЦ «Лайнер», который возвышается из-за деревьев в перспективе Бульвара Гагарина, можно найти офис компании «Гиперконнект» — в фильме она принадлежит Иванычу, Лериному

папе. Высоким словом «Дягилев» окрестила Иваныча в сериале «проректор» университета — за то, что он провел в вуз бесплатный интернет. Ну, что ж — какие времена, такие меценаты. Да и вправду, какое искусство и учеба сейчас обходятся без Интернета? Как сказал бы Колян: ну так-то да! Риторический вопрос.

Мотовилиха — пожалуй, самый «реальный» район Перми. И в кино, и «в натуре». Здесь — на ул. **Технической, 7** — под крышей областного телецентра размещалась **студия «Пермьтелефильм»**, выпустившая в 1966 году на телеэкраны страны историю страданий пермского второгодника и двоечника Ивана Семенова. Здесь же неподалеку — в здании **116-й школы (ул. Техническая, 10)** размещался «штаб» съемочной группы фильма про Семенова — в школьном спортзале были построены интерьеры квартиры, в которой жил Иван, кухня, комнаты. По аллее на **ул. Макаренко** (удачная переключка с темой перевоспитания!) в воображении Ивана дружным строем маршировали дисциплинированные бабушки, готовые за внуков и в огонь, и в воду, и в советскую армию. В этом же районе — на Городских горках — пытался стать курьером Коля Наумов, чтобы заработать денег на поход с Лерой в дорогой ресторан. Чего не сделаешь ради любви! А неподалеку — в окрестностях дома быта «Агат», в пятиэтажке по адресу **ул. Тургенева, 10** — страдала брошенная Коляном Машка. Страдала, но недолго, — ровно столько, чтобы не опоздать с подругой Валею и тряпкой-Эдиком окунуться в лучи жаркого уральской солнца на крыше десятиэтажного дома по адресу **ул. Добролюбова, 1**.

Забравшись вслед за героями на эту снаружи красивую синюю крышу, здесь мы и остановимся, чтобы с высоты оглядеть круговую перспективу. Мотовилиха, скрытые деревьями дворы, три телебашни, высотки центра вдалеке, Кама, лес, прекрасные пермские овраги, затянутые ивами и иван-чаем... Добро всегда побеждает зло. Тем более в Перми, осмысленной Борисом Пастернаком по модели Кампанеллы — как «город солнца».

Удивительно, как схожи наши герои — Иван и Колян, — и их истории перевоспитания. Только вот Иван влюбиться не успел. Но не беда: по версии одного из пермских журналистов Коля Наумов вполне мог бы (по возрасту, талантам и складу характера) оказаться сыном Ивана Семенова. На сегодняшний день они — главные пермские киногерои. И счастье — не за горами!

ПО ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ СТАРОЙ МОТОВИЛИХИ (ул. Большая — Советская — 1905 года)

Мотовилиха с XVIII века была самостоятельным поселением, существовала независимо от Перми. На плане, составленном в 1892 г. и дополненном в 1911 г. видно, что Мотовилиха делилась на исторически сложившиеся составные части, сохранившиеся и по сей день: Луга, Висим, Заива, Вышка, Костарёва.

Наибольшее количество старых улиц сохранилось в микрорайоне Мотовилиха, до революции эта часть района была известна, как Луга. Самая старинная и необычная среди улиц этого микрорайона — улица 1905 года (бывшая Большая, затем Советская). Начинается она от места, где когда-то располагался Мотовилихинский медеплавильный завод, давший начало сегодняшним «Мотовилихинским заводам». Сейчас здесь — Райский сад. Заканчивается улица у проходных завода сегодняшнего. Чудом сохранившиеся здесь живописные уголки старины, местные предания и легенды, связанные с ними помогут представить образ Мотовилихи ушедших столетий.

Впервые улица Большая упоминается в 1784 году¹. Первые номера её домов находились недалеко от плотины Мотовилихинского медеплавильного завода, потом у Театрального сада, возникшего после 1865 года, когда медеплавильный завод был закрыт, почти все его постройки снесены, а территория превращена в парк.

К 1874 году относятся первые упоминания о спектаклях кружка любителей сценического искусства, объединившего мотовилихинскую интеллигенцию (инженеров, служащих, врачей). Спектакли устраивались в саду, в каменном здании, оставшемся от медеплавильного завода². Игались пьесы Островского, Гнедича, Салова, Рутковского, князя Сумбатова, исполнялись водевили Григорьева и Чехова, устраивались музыкально-литературные вечера. Средства, собранные от спектаклей и концертов, шли в пользу детского приюта дамского попечительства о бедных Пермских пушечных заводов. Постепенно количество лиц, посещавших заводской театр, увеличивалось. Публика становилась более разнообразной по социальному составу³. Так парк на месте старого завода превратился в Театральный сад.

Со временем сад всё более благоустраивался и его стали называть Райским. В 1930-е годы он получил имя Я.М. Свердлова. В 2010 г. скверу возвращено прежнее название. Сейчас он стал одним из любимейших мест отдыха горожан — здесь появились роскошные клумбы, изящные ажурные светильники и мостики у водопада, беседка —

«Ротонда». Сад, находящийся теперь в конце улицы, хранит множество преданий и легенд: былички о появлении заводской плотины и пруда, истории памятников «Каменный ангел», «Скорбящий ньюфаундленд», о старом ворчуне Водяном из водопада и др.

Изначально на ул. Большой располагалось множество мелких промышленных заведений. А когда Мотовилиха стала посёлком городского типа, в 1911 г. в ней числилась 141 лавка. Лавками была застроена вся Большая улица: это мануфактурные лавки купца Сунцева (около одноимённого моста через р. Иву. Мост сохранился, только речку пришлось «забрать» в трубу); Воронцова (ныне — универсальный магазин с множеством различных контор при нём); продуктовые Галимова⁴. Но больше всего на улице Большой было винных лавок. Сохранилось даже старинное предание, объясняющее, почему мотовилихинцы не спились.

«Жила в Мотовилихе семья: муж, Иван Петрович, торговал лесом, жена, Марья Васильевна, вела домашнее хозяйство. Иван Петрович трезвый был мастер на все руки, но пьяный совсем зверем делался. Не выдержала Марья Васильевна, поехала в деревню к старушке-знахарке, купила у неё разных трав, и отваром из них начала поить мужа. Он вроде пить совсем бросил. Но однажды не выдержал и кутил целый месяц. А потом, когда пришёл в себя, бухнулся жене в ноги и перед иконой поклялся, что больше пить не станет. Марья Васильевна от радости заплакала. Зажили они по-другому. Иван Петрович опять начал успешно лесом торговать. Достаток в семье стал ещё больше. Но, через год, к зиме, Иван Петрович затосковал, с лица спал, всё ни по нём. Решила Марья Васильевна съездить к родителям. Старики приезде единственной дочери с зятем очень обрадовались: стол ломился от еды и домашних наливок. Тесть ну умолять зятя, хоть рюмочку выпить. Тот отказывается — зарок дал. Наконец, Иван Петрович не выдержал, выпили они по одной, а дальше Ивана Петровича невозможно стало от графина оттащить. Когда графин отобрали, он разозлился. И, крикнув: «Жалко вам, ну и черт с вами, без вас найду, что надо», — выскочил из-за стола, набросил шубу на плечи и выбежал на улицу. Шел, шел. Пробыло полночь. Он остановился. Смотрит место незнакомое, дома мрачные, как могила, и кругом — тишина, хоть бы одна собака залаяла. «Эк меня черт занес», — напугался он. Вдруг видит — кто-то шибко спешит к нему, только снег под ногами хрустывает. «Здорово, — кричит, — Иван Петрович! Али не узнал?». «Ты что ли, Тимофеич? — спрашивает Иван Петрович, — какими судьбами здесь?»

А это был лесной подрядчик, он из Чердыни весной лес сплавлял по Каме, Иван Петрович его хорошо знал. Тут Тимофеич ему говорит: «Дело у меня к тебе есть. Зайдем ко мне, тут рядом, я на квартире остановился. О деле поговорим и выпьем». А Ивану Петровичу только того и надо. Тимофеич открыл дверь, провел его в избу и говорит: «Ты посиди маленько, а я за вином сбегаю». Сидит Иван Петрович на скамье и удивляется: горница большая. Холодная, на стенах — ни икон, ни зеркал — вообще ничего нет. «Ну и трущоба», — подумалось ему. И вдруг, как обухом по голове

ударилась мысль, и весь хмель разом вышел. Волосы на голове дыбом стали: «Да ведь Тимофеич еще в прошлую весну утонул, после того как плоты у него в непогоду разбились». Задумался Иван Петрович: «Как же я с ним разговаривал, да и в гости к нему пришел? Господи, спаси и помилуй!» — насилу перекрестился и тут совсем очнулся.

Смотрит, сидит он не на лавке в горнице, а среди чистого поля на перилах моста, что по дороге на кладбище — внизу чуть видна черная речка — сквозь снег пробивается, кругом ветер снежную пыль крутит, а под мостом кто-то мерзко хохочет, аж мороз по коже дерет от того смеха. Стал думать, как это он в Разгуляе очутился и как ему домой попасть. Собрался с силами, выбрался на дорогу и ну бежать обратно в Мотовилиху. Добежал до улицы, насилу дом свой нашел, хотел ворота открыть, дернул за дверное крыльцо, да и свалился без чувств. Выбежала Марья Васильевна из дома, видит, валяется муж в снегу, значит пьян. Насилу затащила его в комнату. Лежит он чуть живой и как осиновый лист трясется. Уложила его в постель, он месяц на ней вылежал. И с той поры хмельного в рот не берет, а кому расскажет сей случай, и те пить бросают»⁵.

Во второй половине XIX в. большой популярностью у жителей Мотовилихи пользовался находившийся на ул. Большой магазин «Булочного короля» Василия Алексеевича Берестнева. Его «Булочная» располагалась в деревянном двухэтажном доме с каменным цоколем. При «Булочной» была пекарня, где выпекали сдобные булочки, крендели, хлеб белый и черный, а на Пасху — нарядные глазированные куличи, украшенные цветами из карамели. Торты стоили дорого, и их изготовлял один из сыновей хозяина — Константин.

Известно, что Константин Владимирович, старший сын купца В.А. Берестнева, жил в Перми и в советское время, стал любителем, а потом и профессиональным фотографом, собрал коллекции фотоаппаратов, мечтая создать свой музей «История фотографии». Умер в 1992 г. В фондах Пермского краевого музея имеются его фотоаппараты, фотографии, документы⁶.

После революции на месте «Булочной» Берестнева был возведен клуб им. Я.М. Свердлова. В 1950 — 1960-х гг. в здании находилась школа рабочей молодежи № 15, в 1965 г. — Детский Дом культуры завода им. В.И. Ленина, ныне известный как Центр дополнительного образования детей «Мотовилиха» (ул. 1905 года, 2). В нем занимается около 1500 учащихся, организовано 40 творческих коллективов. Купцу Берестневу принадлежало и здание электротeatра «Заря» — угловое, двухэтажное (находится рядом с ЦДТ «Мотовилиха»). После революции Берестнев добровольно передал его народу, и в нем стал работать кинотеатр «Горн». В 2003 г. кинотеатр был выставлен на торги. Телекомпания «Рифей-Пермь» арендовавшая это здание с 1995 года, приобрела его.

На четной стороне улицы, на противоположном углу, если перейти улицу Восстания (раньше здесь был Рыночный переулок), стоит здание бывшего магазина купца Тимкина (ул. 1905 года, 4). Дом построен во второй половине XIX века. Ф.-А. Тимкин торговал тканями, платьями, одеялами и прочим. Фаттах Абдулла Тимкин — младший представитель большой торговой династии. Фирма «Тимкин с сыновьями» известна в Перми с 1865 г. Она вела торговлю суконными, шелковыми, шерстяными, бумажными товарами; бархатом, плюшем, шерстью, ватой, пряжей, и проч. Все члены семьи принимали участие в общественной жизни города, не раз избирались гласными Городской думы, были членами мусульманского благотворительного и просветительного общества. Большинство членов семьи жили на Торговой улице (ныне — Советская), в домах № 85 и 86. После революции в здании Ф.-А. Тимкина разместилась аптека. После войны верхний этаж дома передали под музыкальные классы. В 1960-е — 1970-е гг. здесь был магазин культтоваров, в 1990-е — фирменный торговый центр «Малахит». Сейчас — отделение «Сбербанка».

Памятником архитектуры является и здание № 8-10, построенное в 1883 году как Торговый дом. С 1901 г. здесь был филиал библиотеки, созданной чуть раньше библиотечным обществом им. Д.Д. Смышляева на Слудке. А еще раньше, в конце 1895 года, Комитет по борьбе с пьянством открыл в Мотовилихе, на Базарной площади бесплатную библиотеку-читальню, ставшую подлинным культурно-просветительным центром. Здесь можно было не только выпить чаю, почитать газеты и журналы, но и поиграть в шахматы, шашки, кегли, ломбер (для этого было закуплено необходимое оборудование, вплоть до ломберного стола). В первый же год в библиотеке-читальне было устроено 10 бесплатных народных чтений с туманными картинками «Волшебного фонаря», привлечшими около 3000 посетителей. Также в течение этого года здесь состоялось 13 концертов оркестра и хора местных любителей, членов общества И.М. Столярова и П.Е. Морозова⁷. Сейчас в доме № 8 находится детская библиотека им. А.П. Гайдара, сюда она переехала в 1953 году.

В здании рядом — в 1930-е гг. находилось газетное бюро и телеграф, затем, в 1950-е гг. — книжный магазин. В 1990-х гг. здесь открылось отделение связи № 14.

В 1880-е гг. было построено здание по улице 1905-го года, 18, где находилось представительство компании «Зингер», прославившееся своими швейными машинками, и размещались квартиры служащих фирмы. До революции несколько помещений в этом доме занимали аптека и парикмахерская. В 1950-е 1960-е гг. здесь был открыт магазин № 2 «Гастроном», сейчас — разместился торговый центр «Ангор».

В доме № 20, где ранее находился Мотовилихинский райком партии и штаб Красной гвардии, в 1988 г. открылся Музей истории Машиностроительного завода им. В.И. Ленина (ныне — Музей ОАО «Мотовилихинские заводы»). Экспозиция вооружения под открытым небом была создана к 45-й годовщине Великой победы. Напротив музея находятся проходные ОАО «Мотовилихинские заводы» (ул. 1905 года, 35).

История Мотовилихинских заводов началась после того, как в 1836 году из-за истощения рудников был закрыт Мотовилихинский казённый медеплавильный завод. В 1871 г. появилось новое предприятие — Пермские пушечные заводы. С их постройкой и до революции 1917 года нумерация домов по ул. Большой начиналась от завода. Здесь жили служащие завода и каждый, кто работал на заводе, считал улицу своей.

С появлением Пушечных заводов улица Большая становится главной в заводском посёлке. В 1886 г. она была замощена булыжником, а с 1897 г. освещалась газовыми фонарями. Улица вела к проходным. Здесь жило заводское начальство, позже размещались райком партии и милиция, а еще был торговый центр. После Гражданской войны улица стала Советской, а в 1950-е гг. получила имя первой русской революции, поскольку в декабре 1905 года здесь проходили баррикадные бои. Большинство домов, построенных во второй половине и в конце XIX века, дошли до нас в почти первоначальном виде.

Нечётная сторона улицы 1905 года начинается у бывшего трамвайного кольца на Красной площади. 7 ноября 1929 г. здесь прошел торжественный митинг, и было открыто движение трамвайных вагонов по маршруту «Клуб им. Я.М. Свердлова — ул. Осинская». Тогдашние трамваи очень отличались от современных: в них были деревянные скамейки с двух сторон и двери при движении не закрывались. Первых вагоновожатых пригласили из Москвы. В 2003 г. трамвайное кольцо перенесли на одну остановку ближе к центру. Сделано это было по указу главы Перми, к которому поступило ходатайство служащих Свято-Троице-Стефанова монастыря. Новую остановку по просьбе совета микрорайона Висим назвали «Висим».

Красная площадь, на которой ранее находилось трамвайное кольцо, в старину была официальным центром Мотовилихи. Здесь оглашались указы, проводились сборы рекрутов. Все здания, окружающие площадь, выходят на нее фасадом. Венчает Красную площадь Свято-Троицкий храм. Сначала на его месте была деревянная церковь, построенная в 1790 г. Позднее (в 1828-м и 1860-е гг.) храм был перестроен в камне. В 1936 г. он был закрыт, в 1939 г. — превращен

в хлебозавод. В 1994 г. началось его восстановление. Сейчас храм известен, как Свято-Троице-Стефанов мужской монастырь. Здесь, как и в прежние годы, сильны просветительские традиции: при храме действуют Воскресная школа, Православная библиотека во имя св. Кирилла и Мефодия, Школа ремесел им. Императрицы Александры Федоровны и Иконописная мастерская⁸.

Неотъемлемой частью улицы Большой в XIX в. были крестные ходы. Специфика заводского поселка сказалась и в своеобразии местных крестных ходов: они совершались на завод с целью освящения заводских сооружений и продукции. Так, 4 декабря 1894 г. был совершен на завод крестный ход с целью освящения новой заводской электростанции⁹. Также ежегодно, два раза, 6 декабря и 9 мая, на завод совершались из Свято-Троицкой церкви крестные ходы: служились молебны святителю Николаю с водоосвящением, поскольку Николай Чудотворец считался покровителем заводских рабочих.

Здание по ул. 1905 года, 1, построено во второй половине XIX в. Сначала здесь располагалось Волостное правление. В 1898 г. небольшую часть здания заняла богадельня, открытая в память Царствования императора Александра III для призрения престарелых и калек из жителей Мотовилихинской волости, лишенных средств и возможностей находить себе пропитание собственным трудом. Содержалась богадельня, в основном, за счет пожертвований. В советское время до 1987 года в здании находился райком ВЛКСМ Мотовилихинского района.

Здания, в которых в 1930-е гг. находились сберкасса, городское потребительское общество, ателье общества «Коопремонт» и магазины, — не сохранились до наших дней. Эти каменные и полукаменные дома снесли в 1960-е гг.

В 2004 г. была завершена частичная реконструкция ул. 1905 года, начавшаяся в 2003 г. в связи с провалом Сунцевского моста через речку Ива, установленного еще в начале 1900-х годов. Движение трамваев тогда остановили, а автотранспорт пустили в объезд. Потом вывели в сторону от проезжей части трамвайные пути.

Далее на нечетной стороне ул. 1905 года — оживленный перекресток. Здесь она пересекает ул. Лифановскую (бывшую Старокостаревскую или Камскую). За перекрестком ул. Лифановской стоит угловой дом по ул. 1905 года, 31. Это — бывший Торговый дом, построенный в конце XIX в. — тоже памятник архитектуры. Раньше в нем были булочная и бакалея Воронцова. Второй этаж дома занимали жилые помещения. В конце 1980-х гг. завод им. В.И. Ленина открыл здесь свой фирменный магазин «Мотовилиха». Сейчас здесь находится мебельный магазин.

Есть на ул. 1905 года, 37, дом, характерный для городской застройки конца XIX века. Здесь с 1888 по 1893 гг. жил ученый с мировым именем, горный начальник «Пермских пушечных заводов» (1891—1897 гг.), изобретатель дуговой сварки плавящимся металлическим электродом Николай Гаврилович Славянов. Сохранились воспоминания старожилов о гостеприимном Славяновском доме: о таинственных спиритических сеансах на Святках, веселых журфиксах с розыгрышами, шарадами, «Живыми картинами», о комнате с загадочным Зимним садом, необычной электротехнической, где по ночам «Гаврилыч изобретал плавильник».

Дом-музей Н.Г. Славянова был открыт осенью 1988 года, к столетию изобретения электросварки. Он стал первым мемориальным музеем технического профиля в нашем городе. Среди его экспонатов — уникальный «славяновский стакан» — образец сварки из восьми цветных и черных металлов, в 1893 г. отмеченный дипломом и медалью на всемирной выставке в Чикаго, США.

На сегодняшний день, ул. 1905 года является составной частью «историко-культурной заповедной зоны 3-4», где большинство домов имеют статус культурного наследия регионального значения, а дом № 37 — Мемориальный дом-музей Н.Г. Славянова — федерального значения.

История одной из главных улиц старой Мотовилихи продолжается. И какой она станет в дальнейшем, зависит от современных и последующих поколений жителей Мотовилихи.

¹ Кириллов Б.П. Рассказы о Мотовилихе. — Пермь. 1998.

² ПГВ. — 1874. — № 5. — С. 2.

³ Пермский край. — 1902. — № 533. — С. 2; № 542. — С. 2.

⁴ Мелкие промышленные заведения Пермской губернии. — Пермь, 1908.

⁵ ПГВ. — 1894. — № 124. — С. 2-3.

⁶ ГУК ПКМ. Д. 1975.

⁷ ПГВ. — 1900. — 18 янв. (№ 13). — С. 3.

⁸ Летопись православных храмов Мотовилихи. — Пермь, 2008. — С. 320.

⁹ ПГВ. — 1895. — 16 янв. (№ 1-2).

БИБЛИОГРАФИЯ

Т.И. Быстрых, А.В. Шилов

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ЗАСТРОЙКИ И ДОМОВЛАДЕНИЯ В ПЕРМИ (XIX — XX ВВ.)

Список источников и литературы составлен на основе сведений, извлеченных из каталогов и картотек Пермской государственной краевой универсальной библиотеки им. А.М. Горького, Государственного архива Пермского края (ГАПК), и Пермского краевого музея. Однако сразу отметим, что он не является исчерпывающим, и поэтому в дальнейшем может и должен быть расширен и дополнен. Цель публикации списка заключается в том, чтобы, с одной стороны, дать представление об основном круге источников и исследовательских трудов по истории формирования Перми, ее районов и улиц, а в более конкретном плане — по истории домов города; и с другой стороны, — открыть возможности для более широкого привлечения и использования этих материалов как учеными и краеведами, так и всеми, заинтересованными в них.

Библиографический список состоит из трех разделов. Поскольку перечислить весь обширный комплекс архивных документов по данной теме, хранящихся в Госархиве Пермского края, не представляется возможным, то в первом разделе приведен перечень архивных фондов, в некоторых случаях — дел, содержащих сведения по истории застройки и домовладения в Перми. Архивные источники дают наиболее ценную информацию о формировании инфраструктуры города, домостроительстве, купле-продаже владений, трансформации городского жилища и т.д. Фонды представлены по формальному признаку: в порядке архивной нумерации, без учета информационной емкости и крайних дат.

Второй раздел включает опубликованные источники. Они расположены по хронологическому принципу: это дает возможность, сравнивая приведенные в них сведения, проследить динамику застройки Перми; состояние и рост домовладений; изменения, касающиеся оценочной стоимости жилых и производственных строений, и проч.

Опубликованные источники можно классифицировать по таким группам, как экономико-статистические описания Пермской губернии, включающие данные о Перми, городские летописи, путеводи-

тели, различного рода справочные издания. Среди последних наибольший интерес представляют списки владельцев недвижимых имуществ, адресные книги и справочники, которые в комплексе с другими источниками позволяют реконструировать историческую топографию Перми, восстановить многие факты и сюжеты, связанные с домостроением и домовладением.

Наконец, третий раздел библиографического списка включает основную исследовательскую литературу, характеризующую застройку Перми и состояние домовладения в городе. При его составлении сочтено целесообразным расположить литературу также в хронологическом порядке. В списке представлены только книги; статьи из периодических изданий включены в единичных случаях.

Архивные фонды и материалы (ГАПК)

Ф. 22 (Пермский городской магистрат). 284 ед. хр. за 1783—1866 гг. Оп. 1-2.

Ф. 35 (Пермская городская управа). 519 ед. хр. за 1785—1919 гг. Оп. 1. Предисловие. Д. 410 (за 1789 г.); д. 397 (1816 г.); д. 416-417 (1820 г.).

Обывательские книги Перми. Раскладочная ведомость налога с недвижимых имуществ г. Перми.

Ф. 40 (Пермская уездная земская управа). 224 ед. хр. за 1870—1919 гг. Оп. 1. Предисловие.

Ф. 48 (Пермская дворянская опека). 71 ед. хр. за 1809—1919 гг. Оп. 1.

Ф. 57 (Нотариусы Пермского окружного суда). 247 ед. хр. за 1896—1914 гг. Оп. 1.

Ф. 65. Оп. 4. Д. 53 (Дело о постройке казенных строений). 1804 г. 317 л.

Ф. 72 (Пермский нотариальный архив Пермского окружного суда). 1047 ед. хр. за 1874—1919 гг. Оп. 1-2. Именной указатель.

Ф. 111 (Пермская казенная палата). 8204 ед. хр. за 1781—1920 гг. Оп. 1-3. Предисловие, именной указатель. Д. 1657 (1811 г.) Обывательские книги Перми.

Ф. 142 (Прокурор Пермского окружного суда). 971 ед. хр. за 1856—1920 гг. Оп. 1-5. Именной указатель. В т.ч. гражданские дела.

Ф. 279. (Коллекция планов, карт и чертежей Пермской губернской чертежной). 11495 ед. хр. за 1675—1919 гг. Оп. 1-7. Предисловие.

Ф. 512 (Пермская городская дума). 470 ед. хр. за 1786—1918 гг. Оп. 1. Предисловие. Д. 345 (обывательская книга за 1848 г.).

Ф. 716 (Коллекция картографических документов). 8008 ед. хр. за 1741—1919 гг. Оп. 1-5. Предисловие.

* * *

Ф. р-77 (Пермское губернское статистическое бюро). Оп. 1. Д. 32. Город Пермь. (Материалы Всероссийской переписи населения в Пермской губернии летом 1920 г.). 697 л.

Ф. р-214 (Управление Пермского городского строительного треста «Пермгорстрой»). 76 ед. хр. за 1936—1939 гг. Оп. 1.

Ф. р-1043 (Отдел по делам строительства и архитектуры исполнительного комитета Пермского городского Совета депутатов трудящихся). 3369 ед. хр. за 1925—1971 гг. Оп. 1-2. Историческая справка.

Ф. р-1785 (Личный фонд А.С. Терёхина (1928—1993)). 131 ед. хр. за 1917—1993 гг. Оп. 1.

Картотека по истории архитектуры Прикамья, материалы по истории застройки и планировки Перми.

Опубликованные источники

Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. — Ч. 2. — Пермь, **1804**. — Из содерж.: Губернский город Пермь. — С. 234-255.

И.Р. Города Пермской губернии // Материалы для статистики Российской империи. — СПб., **1839**. — Ч. 1.

В т.ч. описание города Перми.

Мухачев Е. Заметки о губернском городе Перми // Журнал Министерства внутренних дел. — **1860**. — № 11. — С. 85-134; То же // ПГВ. — 1861. — № 28-31.

Городские поселения в Российской Империи. — Т. 3. — СПб., **1863**. — Из содерж.: Город Пермь. — С. 617-634.

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. — Ч. 2. — СПб., **1864**. — Из содерж.: Пермь. — С. 689-696.

Данные о стоимости недвижимых имуществ купечества г. Перми // ПГВ. — **1876**. — № 130. — С. 173.

Летопись губернского города Перми *Ф.А. Прядильщикова*, с примечаниями Д.Д. Смышляева // Календарь Пермской губернии на 1884 год (високосный) / изд. Пермского губ. статист. комитета. Год второй. — Пермь: Тип. губ. правления, **1883**. — Приложения: «Историческая записка к столетию Перми». — С. 3-34.

Минеев Г.И. Полный адрес домовладельцев губернского города Перми, с приложением подробного городского плана. — Пермь: Тип. губ. земской управы, **1886**. — 73 с.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Старая Пермь // Вестник Европы. — **1889**. — № 7. — С. 44-105; То же // *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собрание сочинений в 12-ти томах / под ред. Е.А. Боллолюбова. — Т. 12: Автобиографические произведения. Публицистика. — Свердловск, 1951. — С. 291-338.

Дмитриев А.А. Летопись губернского города Перми с 1845 по 1890 год. — Пермь, 1890. — 115 с.

Записки *Ф.Ф. Вигеля*. — Ч. 2. — Издание «Русского архива» (с подлинной рукописи). — М.: Университетская тип., Страстной бульвар, **1892**. — 240 с.

Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми (составлен по сведениям городской управы на 1 апреля 1898 г.). С приложением сборника обязательных постановлений Пермской Городской Думы для жителей г. Перми и плана г. Перми. — Пермь, **1898**. — 108+43 с.

Раскладка налогов с недвижимых имуществ жителей города Перми (2-й части) на **1899** год. — Пермь, Б.г. — 77+24 с.

Путеводитель по Уралу / под ред. В.А. Весновского. — Екатеринбург, **1899**. — 239+84+64 с.

Сведения о недвижимых имуществах жителей города Перми, оцененных в 1900 году. — Пермь: [1900]. — 23 с.

Сведения о недвижимых имуществах жителей города Перми, оцененных в 1901 году. — Пермь, [1901]. — 11 с.

Сведения о недвижимых имуществах жителей города Перми, оцененных в 1901 году. — Пермь, [1902].

Список лиц и учреждений, удовлетворяющих условиям 24 ст. Высочайше утвержденного 11 июня 1892 г. Городового положения для участия в избирательном собрании на предмет выбора гласных в Пермскую городскую думу на 4-х летний срок с 1901 года. — Пермь, б.г. — 64 с.

Весь город Пермь: адрес-календарь на 1904 год. — Пермь: Изд. Н.С. Какорина, 1903. — 872 с.

Имеется список домовладельцев.

Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал: (очерки и впечатления). — СПб., 1904. — Из содерж.: [О Перми и Мотовилихе]. — С. 112-122.

Сведения о недвижимых имуществах жителей г. Перми, оцененных в 1907 году. — Пермь, 1907. — 7 с.

Сведения о недвижимых имуществах жителей г. Перми, оцененных в 1908 году. — Пермь, 1908. — 16 с.

Сведения о недвижимых имуществах жителей г. Перми, оцененных в 1909 году. — Пермь, 1909. — 12 с.

Список лиц и учреждений, удовлетворяющих условиям 24 ст. Высочайше утвержденного 11 июня 1892 г. Городового положения для участия в избирательном собрании на предмет выбора гласных в Пермскую городскую думу на 4-х летний срок с 1909 года. — Пермь, б.г.

Мельников-Печерский П.И. Дорожные записки: (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // *Мельников-Печерский П.И.* Полное собрание сочинений. — 2-е изд. — СПб., 1909. — Т. 7. — С. 533-573.

Вся Пермь: справочная книга на 1910 год. — Пермь, 1910. — 140 с.+прилож.

Вся Пермь на 1911 г. — Пермь: Изд. И.И. Мацкевича, 1911. — 137 с.

Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и по рекам Вишере с Колвой / под ред. П.В. Сюзева. — Пермь, 1911. — 124+52+8 с.

Ведомость о городских недвижимых имуществах гор. Перми, подлежащих обложению в 1911 г. налогам и сборам по генеральной оценке, произведенной особой оценочной комиссией, избранной Думой. — Пермь, 1911.

Сведения о недвижимых имуществах г. Перми на 1911 год. — Пермь, 1912.

Список лиц и учреждений, удовлетворяющих условиям 24 ст. Высочайше утвержденного 11 июня 1892 г. Городового положения для участия в избирательном собрании на предмет выбора гласных в Пермскую городскую думу на 4-х летний срок с 1913 года. — Пермь, б.г.

Верхоланцев В.С. Летопись города Перми с 1890 по 1912 г. с приложением, вместо введения, хронологического перечня событий г. Перми с основания города по 1889 год. — Пермь: Электро-типография «Труд», 1913. — 99 с.

В помощь экскурсантам. — Пермь, 1914. — 26 с.

Список абонентов Пермской правительственной телефонной сети. — Саратов, 1914. — 116 с.

Пермский летописец священника Гавриила Сапожникова // Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества. — Пермь, 1915. — Вып. 1. — С. 41-53.

Список абонентов Пермской телефонной сети. 1916—1917 гг. — Пермь, 1916.

Список лиц и учреждений, имеющих на основании ст. 24 Городового положения право участия в городском избирательном собрании для выборов гласных городской думы на четырехлетний срок с 1917 года. — Пермь, 1916. — 69 с.

Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный: справочная книга. — Пг., 1917. — Из содерж.: Пермь. — С. 299-319.

Список абонентов Пермской центральной телефонной станции. — Пермь, 1919. — 16 с.

Книжка абонентов Пермской телефонной сети на 1923 год. — Пермь, **1923**.

Жилищный справочник / сост. А. Нейштадт. — Пермь, **1923**. — 123 с.

Жилищный вопрос. — Пермь: Изд. Пермского Коммунального хозяйства, **1923**. — 66 с. — (Из цикла кн. ПКХ по комму. жизни. № 1). — Из содерж.: Список муниципализированных домов гор. Перми, утвержденный Президиумом Пермского губисполкома и Главным Управлением Коммунального хозяйства НКВД; и пр.

О жилищных товариществах. — Пермь: Изд. Пермского Коммунального хозяйства, **1923**. — 24 с. — (Из цикла кн. ПКХ по Комму. Жизни. № 2). — Из содерж.: *Нейштадт А.* Жилищные товарищества и их польза для населения. — С. 3-6; Положение о жилищных товариществах, утвержденное Президиумом Губ. и Горисполкомом от 11/IX 22 года. — С. 8-10; Нормальный устав Жилищных Товариществ. — С. 10-16.

Пермская губерния: Администрирование. Экономика. Культурная работа: отчет Губисполкома за 1922—23 хозяйственный год / издание Губисполкома. — Пермь: «Пермполиграф». 2-я типография Г.С.Н.Х., **1923**. — 175 с. — Из содерж.: Коммунальное хозяйство г. Перми. — С. 131-143.

Вся Пермь. 1925 год: справочное издание: указатель правительственных, государственных учреждений, синдикатов, трестов, кооперативов и фабрично-заводских предприятий. — Пермь: Изд. быт. ком. при Пермском окр. ОГПУ, **1925**. — 152 с.

Список абонентов Пермской окружной телефонной сети на 1925 год. — Пермь, **1925**.

Адресный указатель-справочник по Перми на 1926 год: сост. по сведениям, доставленным учреждениями и организациями до 15 августа 1926 г. — Пермь, **1926**. — 35 с.

Чижов В.Е. Пермь в экскурсиях: (опыт изучения города экскурсионным методом): справочник для руководителей приезжих экскурсий, экскурсантов и туристов / Пермская окружная экскурсионная станция. — Пермь, **1926**. — 56 с.

По Уралу: маршруты экскурсий. — Свердловск, **1927**. — 120 с.

По Советскому Уралу: путеводитель. — Свердловск, **1928**. — 270 с.: план.

Жилой и нежилой фонд городов и поселений городского типа Уральской области по данным разработки Всесоюзной переписи населения 17-го дек. 1926 г. — Т. 4: Жилой и нежилой фонд и новое строительство в период 1923—1926 гг. — Свердловск: Изд. Уралстатуправления, **1928**. — 202 с. — (Уральское обл. Статистическое Управление. Серия 6-я, т. 4).

В каждом разделе этого статистического справочника, наряду с другими городами и населенными пунктами Уральской области, представлены сведения по городу Перми.

Список абонентов Пермской городской телефонной сети. — Екатеринбург, **1928**.

Справочник города Перми. — Пермь: Изд. Пермского межрайонного сектора РК милиции, **1933**. — 62 с.

Список абонентов Пермской автоматической телефонной станции г. Перми и Молотово на **1935** год. — Пермь, 1935.

Список абонентов Молотовской автоматической телефонной станции на 1941 год. — Пермь, **1941**. — 103 с.

Пермь: краткий справочник улиц, учреждений, предприятий и транспорта. — Пермь, **1959**. — 316 с.

Пермь: путеводитель-справочник / Пермский обл. краеведческий музей; сост. М.Н. Степанов. — Пермь: Кн. изд-во, **1964**. — 262 с.

Пермь: путеводитель-справочник / ред.-сост. Д.И. Глушков. — Пермь: Кн. изд-во, **1967**. — 200 с.: ил.; То же. — 2-е изд. — Пермь, 1970. — 223 с.

Список абонентов Пермской городской телефонной сети. — Пермь, **1972**. — 375 с.

Справочник-путеводитель по памятным местам Свердловского района. — Пермь, **1973**. — 79 с.

Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Пермская область / сост. Л.С. Рафиенко. — М., **1978**. — 278 с. — (М-во культуры РСФСР. НИИ культуры. Труды. Вып. 72).

Улицы Перми: справочник. — Пермь, **1985**. — 142 с.

Торопов С.А. Пермь: путеводитель. — Пермь: Кн. изд-во, **1986**. — 160 с.

Николаев С.Ф. Годы свершений. 1938—1988. — Пермь: Кн. изд-во, **1988**. — 176 с.

Летопись издана к 50-летию Пермской области, отмечавшемуся в 1988 г. Включены события за период с 3 октября 1938 г. по июнь 1988 г.

Краснопёров Д.А. Я увез из Перми воспоминанье...: письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанных с Пермским краем. — Пермь: Кн. изд-во, **1989**. — 287 с.

Улицы Перми: справочник по состоянию на 1 июля 1992 г. / сост.: М.Л. Фукс, З.П. Горбунова. — Изд. 4-е, доп. — Пермь: Пермская книга, **1992**. — 382 с.

Памятники истории и культуры Пермской области. — Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. — Пермь: Арабеск, **1993**. — 236 с.

Вся Пермь. 1993: справочник / сост. В.П. Ардашев и др. — Пермь: РИА «Вся Пермь», **1993**. — 558 с.

Трапезников В.Н. Летопись города Перми [1463—1936]. — Пермь, **1998**. — 271 с.: 26 фот. — (К 275-летию основания г. Перми).

Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области: изд. офиц. — Пушкина, **2001**. — 351 с.

Улицы Перми: список улиц: (подробная информация; городской транспорт; карта Перми). — Пермь: Ладонь, **2004**. — 208 с.

Субботин Е.П., Серов М.И. Пермь: жители и гости: 1723—1924: словник. — Кн. 1-2. — Пермь, **2006**.

Улицы Перми: список улиц, схема Перми, благоустройство, культурное наследие Перми: [справочник]. — Пермь: Ладонь, **2007**. — 176 с.

Пермь и окрестности: путеводитель: 285-летию Перми посвящается / под ред. О.Б. Андрияшкина. — Пермь, **2008**. — 335 с.

Субботин Е.П., Семянников В.В., Серов М.И. Мемориальные доски Перми: справочник. — Пермь, **2008**. — 212 с.

По Каме и Уралу: путевые записки XIX — начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых. — Пермь, **2011**. — 297 с.

Литература

Вологдин П. Губернский город Пермь: краткая статист.-ист. справка. — Пермь, **1887**. — 22 с.

Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года: первый опыт краткого изложения истории Перми / издано при содействии Пермского губ. статист. комитета. — Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, **1889**. — 363 с.

Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии. — Пермь, **1891**. — Из содерж.: Материалы для истории города Перми. — С. 16-108.

Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: краткий историко-статистический очерк. — Пермь: Электро-типография губ. земства, **1913**. — 203 с. То же: Пермь, 1994; то же: Пермь, 2002.

Белдыцкий Н.П. Старая Пермь: (по произведениям Ф.М. Решетникова). — Архангельск, **1913**. — 22 с.

Цельмер Д. О жилых строениях и жилищном фонде г. Перми // Экономика. — **1925**. — № 5/6. — С. 81-84.

Город Пермь: сб. очерков по истории, культуре и экономике города. — Пермь, **1926**. — 395 с.: ил., план г. Перми. — Из содерж.: Городское коммунальное хозяйство. — С. 152-180.

Степанов М.Н. Молотов. — М.: Географгиз, **1954**. — 72 с.: ил.

Степанов М.Н., Рябухин В.И. Город Молотов: краеведческий очерк. — Молотов: Кн. изд-во, **1955**. — 86 с.

Пермь / ред.-сост. М.Г. Гуревич. — Пермь: Кн. изд-во, **1957**. — 502 с.

Научная сессия по проблемам развития городских поселений Уральского экономического района, 1-я. — Пермь, **1967**. — (Труды Географического О-ва СССР, Пермское отд-ние, вып. 1. 1967). — На обложке: Проблемы развития городских поселений Урала. — Из содерж.: *Терёхин А.С., Ларькин Г.С.* К истории формирования г. Перми. — С. 136-148; *Бойченко Н.И.* Ландшафты города Перми и мероприятия по его улучшению в генеральном плане. — С. 166-173.

Сметанин С.И. Маклерские и обывательские книги городов как источник по социально-экономической истории России (по материалам городов Урала 1800—1861 гг.) // Археографический ежегодник за 1967 год. — М., **1969**. — С. 149-177.

Михайлюк В.М. Город мой Пермь. — Пермь: Кн. изд-во, **1973**. — 171 с.

Пермь социалистическая: пособие для учителей истории и обществоведения, лекторов, пропагандистов и агитаторов / под общ. ред. И.С. Капцуговича. — Пермь, **1973**. — 109 с.

Игошин Г.М., Степанов М.Н., Терехин А.С. Пермь — прошлое, настоящее и будущее города // Ученые записки Пермского ун-та. — **1976**. — № 319. — С. 137-151.

Терехин А.С. Пермь: очерк архитектуры / под науч. редакцией д-ра архитектуры, проф. В.И. Пилявского. — Пермь: Кн. изд-во, **1980**. — 119 с.

Архитектурное наследство. — Т. 33: Город и его застройка. — М., **1985**. — 285 с.

Архитектура и градостроительство Урала: межвузов. сб. — Свердловск, **1988**. — 188 с.

Закамск: 1941—1991. — Пермь: Кн. изд-во, **1991**. — 124 с.

Пермский край: Старая Пермь (1723—1917): краевед. сб. / сост. Т.И. Быстрых. — Пермь: Пермская книга, **1992**. — 227 с.

Страницы прошлого: избранные материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми / Пермская гос. обл. универс. б-ка им. А.М. Горького; сост.: Т.И. Быстрых, А.Ф. Старовойтов. — Вып. 1-5. — Пермь, **1995—2005**.

Белавин А.М., Нечаев М.Г. Губернская Пермь. — Пермь: Пермский гос. пед. ин-т, **1996**. — 99 с.

Баяндина Н.П. Пермь купеческая. — Пермь: Пушка, **1997**. — 159 с.; То же. — 2-е изд. — Пермь: Пушка, 2002. — 158 с.

По памятным местам Мотовилихи. — Пермь: ПГПИ, **1998**. — 28 с.

Кириллов Б.П. Рассказы о Мотовилихе. — Пермь: Пушка, **1998**. — 128 с.

Спешилова Е.А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди: 1723—1917. — Пермь: Курсив, **1999**. — 580 с.; То же. 2-е изд. — Пермь, 2003.

Пермь от основания до наших дней: ист. очерки / под ред. М.Г. Нечаева. — Пермь: Книжный мир, **2000**. — 392 с.

Силина Т.И. Свердловский район: Время. События. Люди. — Пермь: Пушка, **2001**. — 207 с.

Пермь торговая: Рынок — это целый мир / отв. ред. Л.А. Фадеева. — Пермь: Пушка, **2002**. — 172 с.

Семенов В.Л. А.Б. Турчевич — актер и архитектор. — Пермь: Изд. Богатырев П.Г., **2001**. — 209 с.; То же. — 2-е изд., доп. — Пермь: Изд. Богатырев П.Г., 2009. — 243 с.

Индустриальный район: история продолжается. — Пермь: Звезда, **2002**. — 224 с.

Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья: краткий энцикл. словарь / сост.: Н.В. Казаринова, Г.Д. Канторович. — Пермь: Книжный мир, **2003**. — 159 с.

Овсянников А.И., Поляков Ю.М. Губернский город Пермь на иллюстрированной почтовой открытке: 1899-1917. — Екатеринбург: Уральский рабочий, **2005**. — 477 с.: ил.

Корчагин П.А. Губернская столица Пермь. — Пермь: Книжный мир, **2006**. — 317 с.

Смышляевские чтения: материалы 10-й науч.-практ. конф. 31 мая 2007 г. / Пермская гос. краевая универс. б-ка им. А.М. Горького; сост. Т.И. Быстрых. — Пермь, **2007**. — 260 с.

Семянников В.В. Микрорайоны города Перми. — Пермь: Пушка, **2008**. — 411 с.

Смышляевские чтения: материалы 11-й науч.-практ. конф. 14 мая 2009 г. / Пермская гос. краевая б-ка им. А.М. Горького; сост. В.Н. Шумилова. — Пермь, **2009**. — 303 с.

Пермский дом в истории и культуре края: материалы [первой] научно-практ. конф. 19 декабря 2008 г. / МУК ОМБ Центр. город. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева); сост. и ред. Т.И. Быстрых. — Пермь, **2009**. — 243 с.

Пермский дом в истории и культуре края: материалы второй научно-практ. конф. [16 декабря 2009 г.] / МУК ОМБ Центр. город. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева); сост. и ред. Т.И. Быстрых. — Пермь, **2009**. — 287 с.

Пермский дом в истории и культуре края: материалы третьей научно-практ. конф. 22 декабря 2010 г. / МУК ОМБ Центр. город. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева); сост. и ред. Т.И. Быстрых. — Пермь, **2010**. — 378 с.

Библиография

Народное хозяйство Пермской области: библиогр. указатель литературы. — Пермь: ПГПБ им. А.М. Горького, **1969**. — Из содерж.: Градостроительство и районная планировка. — С. 205-206; Гражданское строительство. — С. 209-210; Жилищное строительство. — С. 211-212.

Пермь. 1723—1973: библиогр. указатель / сост.: Т.И. Кермасова и Н.К. Патокин. — Пермь: Кн. изд-во, **1973**. — 168 с.

Этнический мир Прикамья: библиогр. указатель / Пермская обл. б-ка им. А.М. Горького; сост. Т.И. Быстрых. — Пермь: Реал, **2003**. — Из содерж.: Этнический состав населения. — С. 143-153.

В раздел «Этнический состав населения» включены списки населенных мест, различные статистические справочники, отчеты и своды статистических данных, публикации результатов переписей населения, в том числе — по городу Перми.

Орловская — Покровская — Ленина: улицы Ленинского района г. Перми: библиогр. указатель / Пермская обл. б-ка им. А.М. Горького; сост.: О.И. Чекмасова, Н.В. Токарева. — Пермь, **2006**. — 123 с.

Д.Д. Смышляев (1828—1893): библиогр. указатель / сост. Т.И. Быстрых // Смышляевский сборник / МУК ОМБ Центр. гор. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). — Пермь, **2009**. — Вып. 1. — С. 5-195.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АН — Академия Наук
АО — акционерное общество.
Б.г. — без года (в библиографическом описании).
Б.м. — без места (в библиографическом описании).
ВАИ — Всероссийская ассоциация инженеров.
ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.
ВЦИК — Всесоюзный центральный исполнительный комитет.
ГАПК — Государственный архив Пермского края.
ГАПО — Государственный архив Пермской области.
ГАСО — Государственный архив Свердловской области.
ГКБУ — государственное краевое бюджетное учреждение.
ГОПАПО — Государственный общественно-политический архив Пермской области.
ГТРК — Государственная телерадиокомпания.
ГубКомгоссоор — Губернский комитет государственных сооружений.
ГубЧК — Губернская чрезвычайная комиссия.
ГубЭКОСО при Губисполкоме — Пермское экономическое совещание Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
ГУК — государственное учреждение культуры.
ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей.
Д. — дело (в ссылке на архивный документ).
ИРЛИ — Институт русской литературы
КГБ — Комитет государственной безопасности.
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза.
Л. — лист (в ссылке на архивный документ).
Л. — Ленинград (в библиографическом описании).
М. — Москва (в библиографическом описании).
МВД — Министерство внутренних дел.
МГУ — Московский государственный университет.
МУК — Муниципальное учреждение культуры.
Н-ки — наследники (в названии фирмы).
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел.
НЭП — Новая экономическая политика.
ОАО — Общество с ограниченной ответственностью.
Об. — оборот (в ссылке на архивный документ).
ОблОНО — Областной отдел народного образования.
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление.
ОМБ — Объединение муниципальных библиотек.
Оп. — опись (в ссылке на архивный документ).
Пг. — Петроград (в библиографическом описании).
ПГВ — Пермские губернские ведомости.

ПГИИК — Пермский государственный институт искусств и культуры.
ПГСХА — Пермская государственная сельскохозяйственная академия.
ПГПУ — Пермский государственный педагогический университет.
ПГТУ — Пермский государственный технический университет.
ПГУ — Пермский государственный университет.
ПГХГ — Пермская государственная художественная галерея.
ПЕВ — Пермские епархиальные ведомости.
ПермГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории.
ПКМ — Пермский краевой музей.
ПКЦОП — Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия).
ПОИПКРО — Пермский областной институт повышения квалификации работников образования.
ПОКМ — Пермский областной краеведческий музей.
ПСЗ — Полное собрание законов.
ПСХИ — Пермский сельскохозяйственный институт.
ПУАК — Пермская ученая архивная комиссия.
РАН — Российская Академия наук.
РГАДА — Российский Государственный архив древних актов.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы
РГБ — Российская Государственная библиотека.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РНБ — Российская Национальная библиотека.
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия.
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
РФ — Российская Федерация.
СМИ — средства массовой информации.
СНК — Совет Народных Комиссаров, Совнарком.
СПб. — Санкт-Петербург (в библиографическом описании).
СССР — Союз Советских Социалистических Республик.
СТД — Союз театральных деятелей.
УрО РАН — Уральское отделение Российской Академии наук.
Ф. — фонд (архивный, в ссылке на архивный документ).
ЦГБ — центральная городская библиотека.
ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы.
ЦК — Центральный Комитет.
Ч. — часть (в библиографическом описании).
ЧК — Чрезвычайная комиссия.
ШРМ — школа рабочей молодежи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аленчикова Наталья Дмитриевна, историк, архивист.

Боброва Елена Евгеньевна, заместитель директора по музейно-мемориальной части пермской гимназии № 11 им. С.П. Дягилева.

Бубнов Василий Михайлович, журналист.

Бушмаков Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры культурологии Пермского государственного института искусств и культуры.

Быстрых Татьяна Ивановна, специалист в области библиотечного краеведения, заслуженный работник культуры РФ.

Вершинина Ольга Антоновна, ученица 11А класса МОУ «Гимназия № 4 имени братьев Каменских».

Вяткина Вера Валентиновна, библиотекарь, краевед.

Гайсин Олег Дуфарович, историк, ООО «Пермстроймет+».

Гладышев Владимир Федорович, член Союза писателей России, председатель общества «Пермский краевед».

Горбунова Наталья Сергеевна, выпускница специальности «Журналистика» Пермского государственного национального исследовательского университета 2011 года.

Жаворонкова Галина Ивановна, главный библиотекарь библиотеки КИЦ ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА.

Захарова Нэля Федоровна, заведующая информационно-библиографическим отделом Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина г. Перми.

Кайгородова Вера Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой новейшей русской литературы Пермского государственного педагогического университета.

Калинина Тамара Алексеевна, кандидат исторических наук.

Кальпиди Варвара Владиславовна, журналист, автор и продюсер фильмов и программ по истории Пермского края.

Карлюк Татьяна Николаевна, ведущий научный сотрудник ГУК «Пермский краевой музей».

Киселев Александр Борисович, заместитель директора ГКБУК «Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия)».

Колбас Владимир Сергеевич, историк, журналист.

Константинов Аркадий Александрович, кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, член Союза журналистов РФ, военкор газеты «Звезда».

Краснопёрова Наталья Васильевна, индивидуальный предприниматель, краевед.

Куликова Надежда Николаевна, архивист.

Лобанов Дмитрий Алексеевич, историк, сотрудник Пермского краевого музея.

Мальцева Мария Александровна, ведущий специалист ГКБУК «Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия)».

Мельничук Андрей Федорович, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета.

Мурсалимов Ганс Салимович, кандидат исторических наук.

Плотникова Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета.

Плотников Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского института ФСИН России.

Политова Марина Игоревна, ученица 11А класса МОУ «Гимназия № 4 имени братьев Каменских».

Рязанов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, главный специалист ГКБУ «Государственный архив Пермского края».

Семянников Виктор Владимирович, краевед, г. Пермь.

Сидякина Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Пермского государственного национального исследовательского университета, программный директор Пермской Синематеки.

Силина Татьяна Игоревна, заведующая Музеем истории Пермского моторостроения.

Ситников Михаил Григорьевич, краевед, г. Пермь.

Соколова Наталья Евгеньевна, археолог, кандидат исторических наук, хранитель фондов отдела археологии Пермского краевого музея.

Субботин Евгений Павлович, Президент Пермского общества «Арабеск».

Устюгова Вера Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета.

Шилов Анатолий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

Ярома Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социологии Пермской государственной сельскохозяйственной академии (ПГСХА) им. академика Д.Н. Прянишникова.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

Киселёв А.Б. Принципы разработки проекта зон охраны объектов культурного наследия г. Перми в современный период ... 5

Гладышев В.Ф. Пермская Атлантида. Какое здание вам бы хотелось восстановить в Перми? 12

Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е. Археологическое изучение усадебных построек второй половины XVIII — первой половины XIX в. по ул. Торговой губернской Перми 18

Ярома О.В. Частное строительство в Перми (по материалам деятельности Пермской городской думы в 1905—1913 гг.) 25

Лобанов Д.А. Гарнизоны Пермской губернии накануне Крымской войны 29

Рязанов С.М. Пермская полиция в конце XIX — начале XX века: адреса и руководители 36

Боброва Е.Е. «Скитания» Дягилевых. 1891—1893 годы 43

Устюгова В.В. Первые электро-театры в Перми: топография, публика, кино 47

Захарова Н.Ф. Иван Иванович Бенда. Новые сведения о судьбе пермского архитектора 63

Ситников М.Г. «Пермская катастрофа» на улицах города 68

Субботин Е.П., Ситников М.Г. Начальник Северного Морского пути Д.Ф. Котельников в Перми 86

Семянников В.В. Кировский район в канун Великой Отечественной войны: землянки, бараки, дачи, рубленые дома 97

Субботин Е.П. Балет «Золушка» Сергея Прокофьева. Пермские адреса. (По воспоминаниям современников) 101

Жворонкова Г.И. Вокруг Пермской областной сельскохозяйственной станции 110

О национализации жилья в Перми в начале 1920-х годов.
Приглашение к теме 114

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

Историческое и топографическое описание мест и зданий
Пермскому Приказу Общественного призрения
принадлежащих. Публикация **Т.А. Калининой** 124

Аленчикова Н.Д. Строительство Ночлежного дома в Перми —
основа будущего Университета (корпус № 2
Университетского городка) 128

Ситников М.Г. Лазарет имени Пепеляевых в Перми (1919 г.) 136

Гайсин О.Д. Дом А.В. Синакевича с женской гимназией Л.В. Бар-
батенко (21-я средняя школа) (ул. Сибирская, 23.) 144

Гайсин О.Д. Здание Суслинского училища (ул. Луначарского, 74) ... 161

Гайсин О.Д. Иконописная мастерская Мамаева
(ул. Орджоникидзе, 90) 170

Гайсин О.Д., Киселев А.Б., Мальцева М. Пермское речное
училище (ул. А. Матросова, 13) 176

Гайсин О.Д. Дом А.С. Любимовой — Торговая школа —
Школа № 17 (ул. Ленина, 31) 187

Вяткина В.В. История здания на улице Советской, 96.
Поиск краеведа 209

Колбас В.С. Дом купца Д.С. Жирнова (ул. Пермская-Кирова, 57)
(по материалам исторической записки Л.С. Кашихина) 213

Константинов А.А. Созвездие «Стрельца»
(Бульвар Гагарина, 74) 216

Мурсалимов Г.С. Региональный учебный центр Пермского
краевого совета профсоюзов (ул. 9 Мая, 21) 220

Семянников В.В. Э.Е. Магарам в Перми
(ул. Закамская, 21 / Ласьвинская, 9) 230

Силина Т.И. Фабрика-кухня пермских моторостроителей
(Комсомольский проспект, 98) 233

Бушмаков А.В. Из истории пермского универмага 242

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСКУССТВЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Бубнов В.М. Дом и судьба 249

Чернова Т.П. Коммунальная квартира — коммунальная страна
(Дом специалистов, ул. Уральская, 87)7 269

Куликова Н.Н. Наброски по памяти 274

Кайгородова В.Е. Угловые дома на рубеже столетий.
По материалам пермской периодики 1990-х — 2011 гг. 279

Кальпиди В.В. Грибушины. Ля финита. (Пермь — Москва —
Ницца — Монте-Карло — Буссолей — Пермь) 284

Политова М.И. Учитель в роли живописца 287

Вершинина О.А. Церковь Казанской Иконы Божьей Матери
(Усыпальница Каменских) в творчестве пермских художников.
Из истории школьной коллекции 291

Краснопёрова Н.В. Пермские адреса писателя
Ф.М. Решетникова 294

Решетников Ф.М. Святки в Перми 302

Плотникова Г.Н., Плотников С.Н. Пермь второй четверти
XIX века в воспоминаниях А.И. Герцена 312

Герцен А.И. Вторая встреча (посвящено барону Упсальскому) 314

ЭКСКУРСИИ И ПУТЕВОДИТЕЛИ

Сидякина А.А., Горбунова Н.С. Прогулка по кинематографической Перми 321

Карлюк Т.Н. По главной улице старой Мотовилихи (ул. Большая — Советская — 1905 года) 329

БИБЛИОГРАФИЯ

Быстрых Т.И., Шилов А.В. Источники и литература по истории застройки и домовладения в Перми (XIX — XX вв.) 336

Условные сокращения 350

Сведения об авторах 352

Краеведческое издание

**Пермский дом
в истории и культуре края**

Материалы четвертой научно-практической конференции

Составитель и редактор ***Т. И. Быстрых***
Ответственный за выпуск: директор МУК ОМБ ***Е. Н. Клешнина***

ISBN 978-5-9903003-2-3

Формат 60X84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 22,5.
Бумага ВХИ 80 г/м²

Тираж 300 экз.

Книга отпечатана на оборудовании
ООО "Абрис"
т. 8 (342) 293-32-37, 294-59-19